

16+

Город потерянных

° Соня Грин °

Соня Грин

Город потерянных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673415

SelfPub; 2019

Аннотация

Самолет под рейсом номер восемьсот восемьдесят восемь, с виду не предвещающий беды, переносит трех подростков – Азу, Кира и Соньку – на несуществующий остров, где и оставляет наедине с разрушенным во время Второй мировой войны городом. А еще – туманом, терроризирующим это гиблое местечко каждую ночь в поисках чего-нибудь съестного – например, ничего не подозревающих ребят, попавших сюда вместо гостиничного номера. Их общая цель – выжить и попасть обратно в Каролину. Но смогут ли они?

Часть 1

1

Механический голос, который компостировал мозги всем сидящим в зале ожидания пассажирам уже несколько часов, наконец-то соизволил объявить не менее механическим голосом о том, что нас ожидает самолет. Сонька, которая сидела рядом со мной, радостно запрыгала и захлопала в ладоши, а Кир блаженно выдохнул.

– О бозе, – тетя Кира еще сильнее замахала веером, очевидно, пытаясь привлечь внимание сей публики к себе (хотя все знали, что этот ее расфуфыренный веер стоит два бакса на алиэкспрессе, не больше), – я-то думала, *сьто* нам тут *нотевать пидется!* Стыд и сам, *позолная* авиакомпания!

– Да тетя Мэвис, не беспокойтесь, – Кир небрежно махнул рукой, – самое главное, что самолет уже ожидает нас. Не так ли?

Наши мамы набросились друг на друга и стали яростно что-то рассказывать, поддерживая парня и расхваливая его манеры. Очевидно, не каждая из них знала, что в прошлый понедельник Кир ухитрился украсть из старбакса пару сэндвичей.

Сонька не стала тратить время зря. Вместо того, чтобы подключиться к непринужденной беседе про паршивых *Как-Их-Там-Кто-Задерживает-Рейсы*, она крепко сжала мою

руку и потащила в сторону электронного табло, поэтому шансы вырваться у меня резко свелись к нулю.

– Что ты думаешь? – спросила она, пока мы пробирались сквозь серую массу людей.

– Насчет мам? – я фыркнула, – они всегда так: ты им только повод дай. Двадцать четыре на семь в сутки тему могут обсуждать!

– Да нет же! – мы ловко увернулись от шкафоподобного дяденьки, который несся прямо на нас. – Я про то, как было классно, если бы с нами случилось какое-нибудь приключение!

– Какое, например? Похищение крокодилами-мутантами? Обнаружение таинственного логовища в заброшенном городе где-то на окраине?

Мы как-то неловко переглянулись между собой, пытаюсь понять, кто же додумался до такого. Долго выяснять не пришлось: уже через секунду из-за моей спины выглянули смешные квадратные очки в черной оправе, по которым игриво скакнул и пропал лучик света.

– Господи, Кир, ты опять пересмотрел свои сериалы-боевики? – Сонька закатила глаза. Уже, кажется, в триста пятьдесят пятый раз.

Парень надулся, явно расстроенный ее заявлением:

– Ты хотела интересного – я озвучил, что не так? Разве ты не хотела быть похищенной гигантскими крокодилами-мутантами? Представь, как они касаются твоего тела, представь

это каждой своей клеточкой... А потом представь, что они...

– Ладно-ладно! – я попыталась улыбнуться и встала между ними двоими, хотя прекрасно понимала, что у Кира не все дома. – А сейчас предлагаю разойтись на сей-ля прекрасной ноте и продолжить наш путь. *Да, Сонька?*

Сонька смиренно кивнула, подхватила меня за руку. Кир изобразил момент прелюдии. Я показала ему средний палец. Вот же идиот.

Мы снова возобновили свое движение к табло, у которого на этот раз народу было гораздо меньше. Разноцветные циферки сновали туда-сюда, сменяли друг друга, насакивали, исчезали и снова появлялись. Наш рейс под номером *восемьсот восемьдесят восемь* появился только тогда, когда экран остановился на секунду и задержал изображение, прежде чем заглухнуть насовсем.

– Число «восемь» – бесконечность.

Я обернулась к Соньке:

– Что?

– Восьмерка обозначает бесконечность, – и, немного подумав, добавила: – романтично?

Интересно, ей можно напомнить о том, что буквально каких-то пару секунд назад Кир хотел отдать ее в рабство к крокодилам-мутантам?

– *Наверное.*

Наверное.

Что обозначает «наверное»? Кажется, то, что могло про-

изойти, но Сонькиной мечте не следовало сбыться. Почему? Потому что, во-первых, я не была ярым сторонником всяких приключений, в отличие от Соньки, и долететь до Аргентины для меня уже представлялось немислимым подвигом. А во-вторых, как это уже повелось, раскрытых случайностей не бывает, а если и бывают, то они становятся чертовски скучными и неинтересными.

Мигающие огоньки по сторонам помещения уже пропали, и мы, тесно сгрудившись в одну кучу, не спеша потопали к самолету через специальный выход. Вперед вырвалась донельзя напуганная стюардесса, которая принялась что-то судорожно лепетать охраннику. Очередь остановилась. Сонька, которая стояла позади Кира, не упустила возможность устроить ему хорошую взбучку за крокодилов-мутантов, а потом повернулась ко мне и с гордым видом хмыкнула.

– Я не верю в это! – охранник рассмеялся, открывая дверь на выход. Толпа тронулась снова.

– Но, – стюардесса выглядела сбитой с толку, будто ей только что в водку подлили пунш и набросали туда соленых огурцов, – вдруг что-то пойдет не так?

Я краем глаза заметила, как моя мама и тетя Мэвис переглянулись и одновременно побледнели, что явно не служило хорошим знаком. А потом еще вдобавок подозрительно уставились на стюардессу.

– Я имела ввиду... – женщина вымученно улыбнулась и поправила странную синюю брошь на униформе, – непола-

док нету, а значит, лететь можно спокойно. Да?

Охранник еще раз рассмеялся, и его хохот отразился от слепяще-белых стен зала, попадая во все углы комнаты и превращаясь в странноватое эхо.

Мы с Сонькой и Киром юркнули в этот узенький проход почти последними, но первых двадцати секунд, которых мы там находились, вполне хватило для того, чтобы понять, что ничего романтического ожидать не стоит. Ни шампанского со столиками на колесиках, которых показывают в слезливых фильмах, ни удобных кресел и чего-то еще из ряда привычного выходящего, видно не было.

«Привычного» – по три места в каждом ряду с ободранной обивкой, брошюрами «уютного полета» и остывшей курицей с пастой недельной давности.

Кир что-то пробурчал и снова попытался наехать на Соньку, но та проскользнула в самолет быстрее, протащив вперед меня и не забыв показать парню язык. Нет, это вообще нормально, в шестнадцать лет показывать язык? Кажется, нормально, если взять в учет тот факт, что каких-то тридцать минут назад Кир на весь зал ожидания изображал прелюдию, чтобы хорошенько позлить Соньку, которой до этого было абсолютно фиолетово.

Мы боком протащили свои задницы между рядами до наших мест. Надо же, мамы специально взяли три сиденья отдельно от себя – хотя бы не придется выслушивать их рассказы о том, кто решил подкатить к тетеньке из соседнего мага-

зина с цветами. Сонька уселась к окну, я села рядом и продемонстрировала место для Кира, который уже забыл про свое желание отдать подругу в рабство.

– Смотрите, тут есть экраны! – воскликнула девушка. – Нет, Аза, ты видишь?! А моя мама была права насчет того, что в этой фирме есть мини-телевизоры в самолетах!

Я и Кир моментально вдолбили свой взгляд в небольшие черные квадратные экранчики, которые висели на передних сиденьях. Я не удержалась и тихо присвистнула – надо же, двадцать первый век липкой засасывающей рутинной добрался и до этого побитого жизнью самолетика.

Надо отдать должное и сказать, что Аза Джонсон, самая нудная на всем континенте Америки, как-то нашла в себе другую, более светлую сторону, и теперь мчит на самолете в другой конец света не потому, что ей так хочется, а потому, что затащила и ввязала в эту авантюру ее подруга, которой эта самая Аза Джонсон просто не могла отказать – хотя бы потому, что она списывала у подруги весь семестр. И теперь я сидела на сиденье и вглядывалась в иллюминатор, слушая чьи-то крики *«помогите, я не хочу лететь в Аргентину»*, и с ужасом осознавала, что эти крики принадлежат *мне*.

Когда на уроке физики Майкл задал учителю вопрос: «А хорошо ли жить на облаках», он ответил: «Может быть, только облака – это ничто иное, как пар, который вышел из океанов, который находится на высоте десяти тысяч метров. Ты не успеешь и оглянуться, как все твое тело замерзнет и умрет

от нехватки кислорода».

Так сейчас умирает моя четвертая сторона, которая буквально хочет выпрыгнуть из первого попавшегося запасного выхода и с ужасом убежать прочь. Может быть, даже и Сонькина. И Кирина. Хотя, нет, он всегда отличался своим безразличием ко всему происходящему.

Но сейчас он сидит на боковом кресле, крепко вцепившись в поручни, и смотрит на меня таким жалостливым и молящим взглядом, будто я могу что-то сделать. *Ты можешь*. Определенно, нет. «Нет» – ты можешь. «Нет» – я не могу. *Псссс*. Я же сказала, что я не могу. *Псссссссссс*. Пожалуйста. Хватит. *Псссссссссссс*. Прошу тебя. Хватит. *ПСССССССС*. Ты там...

– *ПСССССССССС*.

Я будто вынырнула из своих мыслей, покрутила головой, и только спустя пару секунд поняла, что отчаянные попытки вырвать меня из своей вселенной делала настырная Сонька.

– Аза! – девушка скосила глаза. – Ты слышишь, что я тебе говорю? *Айневажно*, в общем, самолет скоро взлетит, как сказали стюардессы.

О НЕТ.

Все, о чем я сейчас молилась – чтобы самолет *не* взлетел по каким-нибудь причинам.

– Еще плохая новость, – перехватил Кир, – то есть, конечно, не очень плохая. Наверное. Экранчики не работают...

Не успел он окончить свою фразу, как черный телевизор

мигнул и высветил что-то наподобие электронной брошюрки, которая стала часто-часто мигать.

Мы рады новым пассажирам – гласила здоровенная белая надпись посередине «листа». Я потянулась и смахнула ее вниз, экран сменился новой, еще более красочной картинкой с меню.

– Ого! – Кир одобрительно хмыкнул, быстро перелистывая страницы на своем экране. – Эй, поглядите, тут даже есть научные фильмы! Вдруг тут показывают про крокодилов-мутантов?

Сонька тяжело вздохнула и возвела глаза к потолку, гадая, как она пролетит все эти десять часов и не умрет от вечной болтовни парня.

На следующей странице был написан весьма странный текст, который гласил, что этот рейс – первый рейс, который заработал почти спустя восемь лет. Это здорово меня напрягло. Обычные рейсы здесь, в Шарлотт, летали с примерной периодичностью в два-три дня. Но тут прошло целых восемь лет. Пока я успокаивала себя, что самолет находился на ремонте все это время (а других самолетов не существует, что ли?), Сонька и Кир стали издеваться друг над другом опять.

– Если ты еще хоть раз заикнешься про крокодилов-мутантов, я сама же, своими руками запихну тебя им в клетку, – прошипела я, – оставь Соньку в покое, идиот.

Кир громко расхохотался:

– Конечно, как я могу надоедать моей жене.
Я и Сонька содрогнулись от рвотного позыва.

Мы летели в самолете ни меньше, ни больше часа три, но уже жутко устали и захотели блаженно раскинуться на огромной кровати в гостиничном номере.

Пресловутые стюардессы как-то подозрительно часто бегали между рядами и переговаривались друг с другом, а доверчивым пассажирам предлагали чай или кофе раз десять в полчаса, чтобы никто ничего не заметил.

Сон погружал меня в себя тоже довольно часто. Только он был липким, тревожным, мимолетным и совсем не таким, в который хотелось бы вернуться. Сонькины духи чуть-чуть скрашивали эту серую паутину, но не больше; становилось как-то спокойнее и мягче... Кир успел облокотиться своей головой мне на плечо, и теперь сладко посапывал на пару с девушкой, а вот я сидела и смотрела в грязно-желтый потолок, пытаясь заснуть.

За окном борта уже давно стемнело, и мигающие лампочки вверху так и грозили погаснуть в скором времени. Кстати, сколько сейчас времени? Ну, определенно, часов десять уже есть, значит, скоро должны будут разносить ужин. Вот незадача. Только я *почти уснула*, как стюардессы снова будут вынуждены потревожить наш покой. Замечательно.

Первый рейс за восемь лет.

После каждого благоразумного напоминания Второй Я

меня прошибал холодный пот. *Что-то определенно случилось.* Но что? Что могло бы помешать самолету летать этим рейсом чуточку почаще? Единственное разумное объяснение этому кошмару, которое у меня было на тот момент – так это то, что этот самолет находился на техническом обслуживании все эти восемь лет. Но после каждой попытки успокоиться я снова задавала себе этот вопрос: *что* случилось с этим рейсом, и снова получала ответ настырной Второй Я о том, что *что-то случилось*, и это *что-то* – явно не простой ремонт.

Так я провела в размышлениях довольно длительное время, а потом включила «Драконов», и положив свою голову на плечо Кира, стала смотреть на другую сторону борта.

Снаружи смеркалось.

Полупрозрачные облака, окрашенные в мягкий лиловый цвет из-за заходящего солнца, лениво пролетали мимо самолета, оставляя еле видимые полосы в воздухе. Из кондиционеров веяло прохладой. Я лежала, положив Киру голову на плечо, и размышляла о том, как это: жить на облаках. Похоже, это была нездоровая тема для шестнадцатилетнего подростка, но я все равно дала волю своему мозгу подумать об этом – хотя бы для того, чтобы Вторая Я наконец-то забыла про этот странный рейс и оставила опасения. Эй, мы же летим и все хорошо – что может случиться?!

И сон, который не хотел достигать меня целых четыре часа, наконец-то взял вверх над моим телом и сознанием.

Неожиданный удар, который обязал подпрыгнуть всех на своих сиденьях в буквальном смысле, пробудил наши с Сонькой и Киром умы, заставив распрощаться со спасительным сном.

– Что, черт возьми, это такое?! – Кир накрепко вцепился в подлокотник. – Аза, что это было?!

– Если ты считаешь, что я не спала все эти шесть часов, шестнадцать минут и двадцать три секунды, прислушиваясь к каждому звуку, то ты глубоко ошибаешься, – пробормотала я.

В моей голове до сих пор играли слова песни:

Вот и мы, ты нам совсем не рад?

Мы – войны, что строили этот град

Из пыли.

Понять, что на борту случилось что-то серьезное, нам дали четыре стюардессы, шустрое пробежавшие перед нами в сторону «головы» самолета. Все остальные пассажиры остались довольно спокойными даже при их виде, и только мы всей тройкой отчаянно заерзали на сиденьях.

– Уважаемые пассажиры, – голос сверху закашлялся, – мы просим сохранять вас предельное спокойствие и четко следовать инструкциям, которые мы сейчас вам огласим.

Шум в динамиках. Чей-то кашель и неразборчивый фран-

цузский. Экранчики, которые до этого оставались выключенными, вдруг разом включились, высветив инструкцию для этой печальной ситуации.

– Наш самолет должен совершить вынужденную посадку, – теперь в динамиках заговорила женщина средних лет с приятным певучим голосом, и наравне с ее голосом откуда-то сверху на нас вывалились дыхательные маски. – просим вас сохранять бдительность. Ущерб в скором времени будет компенсирован.

Ага, компенсирован. Живыми бы хоть долететь, что ли, а ущерб – дело времени.

Я краем глаза заметила, как все засуетились и стали делать попытки одеть на себя маски. Кто-то в другом корпусе истошно закричал. Я почувствовала, как вторая личность Азы Джонсон буквально сделалась зеленой от страха.

– Просим вас крепко держаться за подлокотники и быть начеку. Всего хорошего, – и динамики выключились.

– Отлично! – Сонька часто задышала. – Аза, ты слышала?! Она желает нам всего хорошего, когда мы, по сути, скоро разобьемся! «Хорошо вам разбиться», да?!

– Спокойно, пожалуйста, – теперь я смогла разобраться с маской и говорила, как герой «звездных войн», – может быть, ничего плохого не случится. Но...

Договорить я не успела лишь потому, что при виде земли в иллюминаторе, в общем-то, я забыла весь английский напрочь в считанные секунды. А потом за этим последовал

оглушающий удар, который выбил из трех бледных тел весь дух, который там еще оставался.

Я проворонила момент и больно ударилась головой о переднее сиденье, оставив там нехилый отпечаток размером с футбольный мяч. Сонька истошно закричала; Кир, вцепившись всеми конечностями в сиденье, до посинения сжал челюсти.

После первого удара послышался звук выдвигающихся шасси и еще один толчок, но уже послабее предыдущего. Теперь я успела среагировать и выдвинула вперед руки, чтобы снова не вписаться в экран. Борт трясло в разные стороны, пассажиры кричали и прижимали своих детей к себе. Где-то снаружи зажглись аварийные ядовито-красные мигалки. Все это превратилось в сплошное месиво, в котором не то что сосредоточиться – нормально думать нельзя было.

А потом настала тишина.

Давящая, затягивающая и одновременно оглушающая. После всего того, что нам удалось пережить, она показалась спасением, но ненадолго.

Мы умерли? Я оглядела салон самолета. Половина лампочек погасло, отчего здесь сделалось еще темнее. После длинной паузы послышались всхлипы, крики, плач. Я оглянулась на Соньку и крепко сжала ее руку, а она уткнулась мне в плечо и застыла в этой позе.

Мы сидели так минут десять, пока Кир не шевельнулся и шумно вдохнул, разрушив наше оцепенение.

– Девчонки, вы целы? – он слегка толкнул меня в бок. Я часто закивала. Сонька всхлипнула. – Черт, мы живы?

– Да какая разница, живы мы или нет, мы даже не знаем, куда нас занесло! – девушка, которая в это время еле сдерживала себя, горько зарыдала.

– Все будет хорошо, слышишь? – я обняла ее.

Но только мы подумали, что все будет нормально и мы выберемся отсюда, как оставшиеся лампочки мигнули и разом погасли, а голоса стихли, и в салоне настала крошечная темнота.

– *Чееееееееерт*, – я закатила глаза вверх. А потом высвободила свою руку из объятий Соньки и стала безуспешно шарить вверху в поисках источников света.

Что-то покрутила. Наверное, это и есть лампочки. До сих пор теплые. Пошарила еще, нашла длинную «ленту» – это, похоже, шнур от дыхательной маски. Тоже не то, что надо.

– Да ладно, брось, – Кир в темноте перехватил мою руку и крепко ее сжал. – Давайте лучше найдем старших и посмотрим, какую лапшу они будут нам вешать.

– А наши мамы? – впервые Сонька заговорила уверенным голосом и перестала дрожать. – *Маааааааааам?*

Наша троица затихла, прислушиваясь к каждому звуку.

Мне на момент показалось, что у мира выключили его звук. В салоне сделалось так тихо, что теперь мы слышали звук собственного дыхания. Мое сердце бешено скакало от волнения, и я никак не могла его присмирить.

Сонька еще раз позвала наших мам, но в ответ получила только угнетающую тишину и странное эхо.

– Вот черт, – цокнул Кир, – это еще что?

Тут уже нервы у нее сдали, и она заорала как сумасшедшая «мам, ты где?».

– Погодите-ка! – в моем мозгу зажглась новая лампочка, – кажется, они вышли через запасной выход!

Вот и отлично. Теперь, в крайнем случае, нам не придется волноваться за них, хотя мне было ужасно обидно, что они выбежали и даже не вспомнили про нас. Я протолкнулась через парня между рядами, выйдя в довольно узкий проход. Под ногами что-то хрустнуло. Попкорн или еще какая-нибудь забытая штука, наверное.

Первое, что пришло мне в голову, было потрогать соседнее сиденье. А вдруг там кто-то сидит, и я ненароком потрогаю «его» за голову? Или за живот? Ой, какой позор-то будет! Я уже было хотела отступить, но, почувствовав даже в темноте пристальный взгляд двух пар глаз, все же нерешительно протянула руку и дотронулась до...

И в ужасе отдернулась.

Нет, там определенно что-то было. Но это что-то явно не походило на живую форму жизни. Оно не было теплым, оно не шевелилось, оно не дышало. Грубая скользкая поверхность не колыхалась от ударов сердца, что еще раз подтверждало теорию о том, что оно не живое.

За эти полторы миллисекунды, за которые моя рука задер-

жалась на этом нечто, я успела сделать два важных вывода: во-первых, если бы это и была какая-то сумка, то ее поверхность не напоминала кожу только что родившегося младенца, а во-вторых, если это не сумка, то *что* это тогда лежало на сиденье и даже не удосужилось издать хоть какой звук, чтобы я могла приблизительно опознать это нечто?

– Боже мой! – я попятилась назад, наткнулась на кого-то из ребят и чуть не загремела в проход, – там... Я не знаю, что там, но, кажется, нам нужно валить отсюда как можно быстрее! ЖИВО!

Кир и Сонька, похоже, немного опешили от сего заявления, а потом, натыкаясь друг на друга и матерясь отборными словами, на ощупь помчались к выходу.

Этот случай выбил *остатки остатков* моего духа, которые еще оставались после того, как наш самолет совершил аварийную посадку, и сейчас мой мозг наконец-то послушал бешено бьющееся сердце и заорал что есть мочи всему организму только одно.

ВАЛИТЬ. ОТСЮДА. КАК МОЖНО. БЫСТРЕЕ!!!

Мы добежали до двери секунды за три и судорожно стали шарить в темноте в поисках ручки. Какие-то кнопки... рычажки... выемки и «впуклости»... Ремни... ленты...

– Быстрее, девчонки, пожалуйста! – Кир выругался сквозь зубы.

А дальше произошло то, что заставило все мои волосы разом подняться и сплясать тумбу прямо на теле. То, что еще

минуту назад лежало неподвижно и не подавало признаков жизни, завозилось на сиденье и стало *светиться* мягким голубым светом.

Я видела его светящиеся жилы по всему бесформенному телу, похожему на обрубок, его подобие когтистых лап. В верхней части головы пульсировала странная темно-синяя жидкость. В целом, это странное нечто напоминало насекомое, на которое кто-то наступил тапком, а потом чья-то сердобольная душа нашла его и склеила, подбросив нам, как новогодний подарок.

Я успела зажать рот рукой прежде, чем из меня бы вырвался полный ужаса вопль. Сзади истерически пискнула Сонька, шепотом умоляя Кира искать выход быстрее раза в четыре.

Тем временем светящееся нечто сделало попытку скатиться с сиденья и, будто гусеница, пустила импульс по всему телу. Оно содрогнулось. Нечто сделало вторую попытку, подползло к краю кресла и снова пустило импульс, смачно шмякаясь на пол.

– *СКОРЕЕ, ЧЕРТ ТЕБЯ ДЕРИ!!!* – заорали мы с Сонькой в один голос, уже не выдерживая этого ужаса. А потом, крича на весь салон, кинулись к двери и стали как полоумные бить по ней кулаками.

– Сделай что-нибудь, – я развернула Кира к себе и потрясла его за плечи.

– Я пытаюсь, черт возьми! – он скинул мои руки. – Я пы-

таюсь, черт, я пытаюсь! Я пытаюсь вскрыть эту долбаную дверь, которая замурована насмерть!

БАМ.

Нога парня отпечатала в железной двери след подошвы. И ничего более.

Я снова поборола себя и оглянулась назад. Теперь эта гусеницеподобная штука была гораздо ближе, буквально за минуту она проползла около четырех рядов.

– Аза, черт тебя дери, зачем ты потрогала эту хрень вообще?! – пропищала Сонька, отчаянно дергая по очереди свисающие вниз ремни.

– Вы сами попросили меня убедиться, есть ли кто кроме нас в салоне. Я убедилась! Вместе с нами есть странный желеобразный монстр, который ползет прямо к *нам*, – саркастично ответила я.

Бам. Бам. БАМ.

– Если мы выживем, я клянусь, я куплю тебе три книги о мифических созданиях, – захлебываясь в слезах, гаркнула девушка.

Сонька хотела сказать что-то еще, но возглас Кира, который свидетельствовал о том, что в этой темноте появился просвет надежды, заставил нас разом забыть о споре и кинуться на помощь.

– Насчет три, – он схватил наши руки и положил на ручку-рычаг, – один, – мы крепко ухватили ее со всех сторон, – два, – потянули, – три! – мы вложили остатки своих сил и

услышали блаженный звук щелчка.

Кир еще раз пнул дверь, и она со скрипом стала открываться.

В салон ворвался затхлый воздух, заполнив собой все пространство. Мы, не разбирая дороги, посыпались вниз, выставив вперед ноги и пытаясь не кувыркаться в полете.

БАБАХ.

Я потеряла равновесие, больно шлепнулась боком о пыльную землю, что разом выбило весь дух и подняло вокруг столб пыли не меньше трех ярдов в высоту. Скатилась по небольшому пригорку, и немного очухавшись, услышала, как вслед за мной шмякаются Сонька и Кир, изрыгая проклятия на все лады.

Я отклеила взгляд от земли и отметила, что лежу ни больше, ни меньше в вонючей жиже, которая воняет дохлой стаей котят. По краям ее росла серо-желтая трава, которая в рост сравнилась бы с некрупным ребенком. Ага, значит, занесли нас все-таки на землю... Только вот где все остальные пассажиры? Неужели они успели улететь на другом самолете, пока мы всей троицей занимались сеансом самовнушения всего хорошего?

– Эй, ты как там? – я услышала, как Кирины ботинки шлепают прямо по жиже ко мне. – Жива?

– Вроде бы, – *вроде бы?* – куда нас занесло?

Кир подошел сзади, схватил меня за воротник куртки и помог подняться. Вслед за ним на цыпочках подскочила

Сонька, ругая весь белый свет за то, что одела белые кроссовки.

Я привела свои мысли в порядок и огляделась.

Это место не походило на живописные ландшафты в Аргентине. Оно не походило ни на пустыню, ни на джунгли или поля. Оно было сплошным выжженным и высохшим мертвым серым пустырем, окружающим нас со всех сторон, словно мазутное пятно.

Та трава, которую я встретила у болота, была единичным экземпляром на этой земле, потому что растений в поле зрения больше не наблюдалось – лишь только парочка иссохшихся деревьев вдалеке, да какая-то торчащая из земли коряжка.

Вдали над землей плелся густой зеленоватый туман, не дававший разглядеть, что же следует за ним. На небе светало. Я оглянулась на ребят, чтобы спросить у ходячей энциклопедии Соньки, куда же нас занес черт, и по ее взгляду поняла, что она растеряна не меньше, чем я.

– Плохую новость хочешь? – и, не дав ответить, Кир произнес: – следов других попугачиков не видно *вообще*. Такое ощущение, что они просто *испарились*.

– Вдруг их съела та синяя штука? – Сонька перекинула голову ему через плечо, – с виду она, конечно, несколько безобидная, но...

– Ты хочешь сказать, что всех сто пятьдесят пассажиров съела «та синяя штука»? – скептически усмехнулся парень. –

Не верю. Знаешь, что? Лучше придумайте, куда нам пойти. Не хочу оставаться на этом пустыре в окружении обломков самолета.

Даже в темноте я почувствовала, как Сонька возвела глаза к небесам, но возражать не стала. Мы, не сговариваясь, направились от самолета неспешащими, размеренными шагами, не разговаривая и не оглядываясь назад, ведь каждому из нас уже стало понятно, что приключения, которые я так старалась избежать, только начинаются.

2

Мы шли часа полтора, все уставшие и замерзшие, пока Сонька не закричала «город!» и бросилась вперед к горизонту.

Конечно же, ничего там видно не было, но после нескольких пройденных ярдов я все же смогла разглядеть странные небольшие домишки... Нет, на вид они были вполне себе обычными, ничем не отличающимися друг от друга домиками, но, когда мы подошли ближе, причина сразу бросилась нам прямо в лицо и застыла там гримасой ужаса.

Дома были разрушенными.

Просто груды серо-желтых кирпичей и металла, кое-где – уцелевшие стены с выбитыми окнами и ставнями. Под ногами то и дело мелькали доски, пыльные предметы быта, куклы с оторванными головами.

Мы остановились в нерешительности перед огромными

воротами и табличкой с надписью «Welkme ta Sleepstown», гадая, сошли мы с ума или уже умерли.

– И что будем делать? – Сонька захлопала глазами, подобрала с земли пыльную куклу с одним полустертым нарисованным глазом и отбросила от себя подальше.

– Да уж, похоже, мы застряли тут надолго... – Пробормотала я. – Такое ощущение, что нас отбросило лет на сорок назад. Ну, знаете, как в фильмах о войне.

– Эй ты, ходячая энциклопедия, – Кир легонько толкнул Соньку, – колись, в каком справочнике написано о том, что война идет где-то?!

– Я ничего не знаю! – оцетинилась та, – а если тебе надо поумничать – пожалуйста, иди и умничай вон той стене!

– Да уж больно надо, это ты петушиться любишь передо мной. Влюбилась, что ли?

Сонька истерически рассмеялась, подхватила меня за руку и бросилась к развалинам с такой прытью, будто увидела дверь с надписью «выход здесь». А возможно, она просто решила оставить Кира в своих раздумьях о том, любит ли она его или нет.

Мы вскарабкались на небольшой пригорок из груды поломанных кирпичей, на ходу ранив свои и без того истерзанные колени. Сонька остановилась чуть поодаль, всматриваясь в закат. Даже он тут был каким-то странным – бледно-зеленая дымка, и посередине нее – такое же по цвету восходящее солнце.

Я шумно вздохнула, наблюдая за его ленивыми лучами, крадущимся по развалинам странного города под названием «Слипстоун». Спящий... город? Какой идиот додумался назвать «Слипстоун»... э-э, «Слипстоуном»?

– Я не хочу тут оставаться, – я рассеяно оглянулась по сторонам. – Тут как-то... жутко, что ли... Давайте вернемся в самолет?

Мы синхронно обернулись назад, но кроме выжженного поля не увидели ровным счетом ничего.

– Не ты одна не хочешь тут оставаться, – девушка вздохнула. – Если бы я хоть знала, что это за город такой... Его же ни на одной карте нету!

Мы услышали, как кирпичи сзади нас осыпаются, срываясь вниз. Кир в одно мгновение запрыгнул на пригорок, отряхивая свои флисовые штаны, которые покрылись зелено-серой пылью.

– У нас есть только один выход, – заумно начал тот. Мы с Сонькой оглянулись на него в недоумении.

– И какой же? – спросила девушка.

– Идти вперед, – ответил парень.

Честно признаться, эта идея была явно не из лучших.

Чем больше мы заходили вглубь Слипстоуна, пытаюсь найти хоть грамм цивилизации, тем больше убеждались в том, что этой цивилизации мы никогда здесь не найдем. Хотя, очевидно, нам становилось ясно только одно: не было ее

тут лишь из-за того, что этот город просто до нее не дожил.

Улицы на наше удивление «внутри» сохранились гораздо лучше, чем вначале. Было такое ощущение, что город бомбили только по кольцу (а бомбили ли вообще), но середину не тронули. Во время нашего обхода одного из домов (опять же – Кир настоял на том, чтобы мы проверили каждый угол и *окончательно* убедились в том, что двадцать первого века здесь не было) я нашла в груди металла старую телефонную будку с потрескавшимися стеклами и трещинами по всему периметру, но почти целую. Такая находка нас немного обрадовала, но мы до сих пор не нашли выход из города, что радости совсем не прибавляло.

Мы заблудились в этом не имеющем конца городе.

Он словно был бесконечным – уходил далеко за горизонт, пожирая в себя все новые и новые участки мертвого пустыря.

Кто знает, может быть, когда-то он не был таким же серым и безжизненным?

– Вот. – Кир отошел подальше от нас на пару шагов и приподнял руки вверх, приглашая войти в неожиданно хорошо сохранившийся магазинчик. – Думаю, здесь можно заночевать.

Сонька издала какой-то нечленораздельный звук, но все же шаркающей походкой проскочила в проход, заделанный почти наполовину трухлявыми досками.

Мягкий зеленоватый свет с витрины освещал лишь

небольшой кусочек узкой улицы, но странный туман был виден за милю, и только слепой не смог бы его разглядеть. Он был каким-то... пугающим, что ли. Зеленым, *светящимся*, и он двигался прямо на нас.

– Как-то мне здесь неуютно, – я подала руку Киру, и он помог мне запрыгнуть на высокую ступень. – Тебе не кажется, или туман тут крайне странный?

– Аза, не говори, – парень покачал головой, – тут все странное, но туман... Да, он какой-то слишком отклоняющийся от нормы, так сказать. Он реально странный. Давай, не тормози лучше, теперь каждая секунда на счету.

Я пригнулась и вслед за Киром юркнула в магазин. Он, удостоверившись, что все мы зашли внутрь, плотно закрыл трухлявую дверь и подпер не менее трухлявой шваброй.

– Ребята, разбираем ножики! – Сонька жестом указала на полку с кухонными ножами. Мы, как сумасшедшие, подлетели к витрине и схватили первые попавшиеся.

Когда всеобщее волнение немного утихло, а трясущаяся от ужаса вторая личность Азы Джонсон наконец-то поняла, что опасности здесь (в магазинчике – но никак не в странном городе) нету никакой, я решила отклеить свою задницу с пола и осмотреться.

Трухлявые доски подо мной закрипели, когда я поднялась с колен и на трясущихся ногах подобралась к противоположной витрине с консервами. Оглянулась. *Давай, Аза, там ничего нету, твои друзья сидят в фуге от тебя.* Они-

то сидят, а вдруг кто-нибудь прыгнет на нас сзади? *Не неси чепуху. Все хорошо.* Конечно, хорошо, нас занесло черт знает куда, и ты называешь это «хорошо»? *Аза, успокойся. Все. Будет. Отлично.*

Краем глаза я заметила, как Сонька и Кир одновременно подняли большие пальцы вверх, то ли подбадривая меня, то ли выражая нежелание красться следом. Как бы там ни было, они явно не спешили за мной. Друзья, называется.

Я протянула руку, чтобы взять одну из консерв, и уже было дотронулась до шероховатой поверхности банки, как что-то сзади громко выстрелило.

– На пол! – шепотом прокричал Кир, увлекая за собой Соньку.

Я резко легла вниз, закрывая руками голову. Невидимый противник выстрелил еще пару раз. Консервы, в которые попала пуля, со звоном посыпались на пол.

– Черт! – я попыталась отползти от витрины на случай, если она упадет. – Что делать будем?

– Бежать? – предположила девушка. Кир крепко сжал челюсти:

– Нападать?

БАХ. БАХ. БАХ-БАХ.

– Самый разумный вариант – бежать! – пропищала Сонька, закрывая руками затылок. – Но и он, наверное, нам уже не поможет!

БА-А-А-А-А-А-АХ.

– Решай быстрее, – взмолилась я, – иначе нас тут как котят перестреляют!

Кир тяжело вздохнул и поднял руку с ножом. Я недоуменно на него покосилась – он, что, собирается нападать?

Но прежде чем ко мне пришло понимание того, насколько это опасно, Кир с криком и вытянутым вперед ножом для масла выскочил из-за витрины, на ходу изрыгая проклятия. Сонька пискнула и зажала уши руками, а вот в моем мозгу пронеслась четкая картина убийства парня каким-то невиданным зверем... Ну, той гусеницеподобной штукой, может быть... Или еще каким-нибудь странным существом, обитающим тут...

– ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ! – раздался рев Кира, который быстро сменился на удивленный возглас. Второй голос, чуть охрипший, низкий и совсем не принадлежащий галактическому монстру, что-то быстро проговорил.

– Что там происходит? – Сонька оглянулась на меня с глазами-блюдцами. – Там, что, кто-то есть?

Я в ответ пожала плечами.

– Эй вы там, вылезайте, – послышалось за витриной. – Не бойтесь, я не кусаюсь. Быстрее, иначе здесь жить останетесь.

Мы, все еще на согнутых коленях, подползли к краю и взглянули на неизвестного гостя...

Это был высокий худощавый темноволосый мальчишка лет восемнадцати с очками на пол-лица и в настолько мятых бежевых штанах, будто они никогда не видели утюга. Май-

ка на нем отсутствовала; левая нога, начиная от щиколотки, была перевязана старой тряпкой, к которой была приделана железяка, служащая чем-то сродни протеза; то же самое постигло и левую руку – та тоже была перевязана клочком тряпки. Сквозь бледную кожу проступали резкие очертания ребер, которые при каждом его вдохе поднимались и тяжело и плавно опускались. Прическа была несколько чудна, будто ее обрезали впопыхах.

– Что смотрите? – он опустил дуло пистолета, и Кир инстинктивно дернулся.

– Зачем надо было в нас стрелять? – хмыкнула Сонька.

– Вместо вас вполне себе могли оказаться аликвиды.

– Али... кто? – переспросила я. – Ты хоть сам-то понимаешь, что несешь?

Мальчишка оперся о стену:

– Такие синие существа. Не опасные, но, тем не менее, жалят больно. И часто оставляют меня без еды. Да вы не бойтесь, говорю – я не кусаюсь.

Все. Либо у нас снесло крышу, либо у нас *реально* снесло крышу.

Самолет потерпел крушение и принес нас неизвестно куда, неизвестно на какой остров. Мы потерялись, мы изголодали, мы забрели в город и нас чуть не расстрелял какой-то странный тип, у которого есть пистолет. Интересно, это сгодится для нового бестселлера?

То есть, конечно, он мог бы сгодиться, если бы мы выжили

и отправили эту задумку у себя дома в Каролине, а не сидя в руинах и отрешенно оглядываясь по сторонам.

– Значит так, – мальчишка вынул из кармана вещь, по подобию напоминающую что-то сродни компаса и карманных часов вместе взятых. – *Они* доберутся до этого магазина ровно через... три минуты и шестнадцать секунд, поэтому, если хотите выжить, предлагаю проследовать за мной. Если нет – сидите сколько влезет, пока вы не станете *ими*.

– Кем – ими? – я прищурилась.

Но он даже не подумал отвечать, только выжидающе уставился на нас и потряс в воздухе странной вещицей, как бы говоря: «время идет, дорогие».

Так. А вот теперь пришло время рассуждать логически.

У нас – ножи для масла, у него – пистолет с заряженным магазином. Мы находимся в этом Слипстоуне меньше суток, он – не меньше нескольких месяцев, если судить по его внешнему виду. Мы не знаем здесь абсолютно ничего, он, следовательно, – знает эти окрестности как свои пять пальцев. И даже если мы не хотим это признавать, нужно подчиниться этому странноватому типу, если мы хотим хоть как-то продержаться на некоторое время здесь. Очевидно, нельзя доверять ему на все сто процентов, но он будет хоть какой-то защитой, в отличие от тех ножей, которые подходят только для кухонных целей, но никак не для выживания.

Я бросила мимолетный взгляд в сторону ребят и уловила их решительные взгляды. Ну вот отлично. Теперь отступить

– все равно как подписать себе смертный приговор.

– Что ж, у нас остается минута и три секунды, за это время нам нужно унести ноги отсюда как можно дальше, потому что *они* всегда окружают город кольцом. А теперь руги в ноги – и за мной.

При упоминании этих *их* и о том, что *они* окружают город кольцом, в моем мозгу всплыли живописные картинки руин. Я поежилась.

Мальчишка сорвался с места и юркнул в открытую дверь, остановился недалеко от магазина, дожидаясь, пока мы все высыпем следом за ним в облачную ночь. А потом, раздав нам странные побрякушки, пояснил:

– Если кто-то из вас зазевается, дуйте. Я, конечно, надеюсь, что мне не придется спасать ваши задницы, особенно если учесть тот факт, что мы знакомы от силы пять минут и мне ну совсем не хочется рисковать своей жизнью, но что бы ни случилось – дуйте. Это отпугнет *их* и отсчитает вам пару секунд для побега.

Сонька, которой уже надоели эти «они», крепко вцепилась в руку парню и вполголоса спросила:

– Может ты расскажешь, о ком идет речь?

– Позже, – отмахнулся тот, – времени мало.

Мы бросились за парнем раза в три быстрее своей обычной нормы, обгоняя друг друга, спотыкаясь и натыкаясь на всякий мусор и осколки. В воздухе пахло ядовитыми испарениями, глаза слезились и слезы размывали видимость.

Мы стали бежать быстрее после того, как Сонька оглянулась назад и увидела зелено-серый туман в нескольких ярдах от нас, который буквально пожирал в себя все и вся. Магазин, от которого мы пробежали всего с сотню ярдов, уже скрылся в нем без вести. Он медленно, но верно полз по сырой земле к нам, не оставляя шансов на спасение.

Кажется, я поняла, что имел ввиду мальчишка, когда упоминал *их*.

– Теперь вы видите, что бывает, если начать тормозить! – крикнул «спаситель». – По счету три трубим в ракушки! Хотя, нет, к черту счет, трубим сейчас!! **ЖИВО!!!**

Я прокричала что-то наподобие «хорошо» и, приставляя к губам небольшую штучку, что есть мочи дунула в нее. Мои руки тряслись, и я чуть было не выронила побрякушку из рук. То же самое сделали Сонька, Кир и парень, и скоро все пространство заполнил собой мелодичный звук, вырывающийся из раковин.

Легкие потихоньку начали гореть огнем, а ребра стал кто-то разрывать с таким энтузиазмом, словно не знал, что за нами гонится настоящая смерть. Как же не вовремя. Я вдохнула сильнее и, вдувая очередную порцию воздуха в раковину, оглянулась назад.

Туман немного отстал и держался на почтительном расстоянии, но все так же продолжал следовать за нами одним сплошным серо-зеленым пятном. И как бы это не хотелось принимать, но мы все вчетвером вынуждены были признать-

ся самим себе, что, если мы будем дуть постоянно, – живыми до укрытия не добежим. Поэтому мы обреченно сложили ракушки в карманы и приготовились слушать наставления парня.

И они последовали. Сначала неохотные, но потом все более уверенные и оптимистичные. Он снова придумал, как нам можно спастись.

– Короче, не все так плохо, – мальчишка поравнялся с нами, и теперь мы бежали одной «линейкой», – видите тот поворот? – мы синхронно закивали как китайские болванчики, мысленно прощаясь с жизнью, – перед тем, как повернуть, немного замедлите ход и сделайте выпад влево, это собьет их с толку. А потом валите оттуда прочь, словно за вами гонится сам демон... Хотя, тут, конечно, так и есть... В общем, всем все ясно?

Мы снова закивали с утроенной силой, и парень, удостоверившись, что мы все еще можем бежать, снова ускорил бег и скрылся за поворотом.

Первым в нашей троице выступил Кир, который пустился бежать быстрее нас двоих. Следом нажала Сонька. А у меня в момент ногу так защипало, что все пытки мира показались обычным щипком.

Я крепко зажмурила глаза и, через раз прыгая на другой здоровой ноге, потянулась к ракушке. И тут же отдернулась... Да ничего там серьезного, что, по мелочи трубить нужно? Подумают еще Сонька и Кир, что я всех и вся боюсь

и каждую секунду ору как полоумная. Да и... он... подумает, наверное, что я совсем не ценю время.

До поворота оставались считанные миллисекунды. Ногу снова прожгло острой болью и скрутило в разных позах... Черт. *Соберись, тряпка.* Не могу, мне же, как-никак, больно! *Я сказала соберись, иначе тебя сожрет и утянет в себя это нечто.* Я знаю, но... *Ты хочешь жить, тряпка?!* Да действительно, почему бы мне не пойти и не убиться об какую-нибудь арматуру? *Я сказала – соберись. Другого шанса не будет.* Не могу... *Не смей. Слышишь, не смей.*

Черт.

Удар об сырой асфальт. Адская боль. И, может быть, даже слезы от безысходности. Так рано сдалась. Нету сил даже на то, чтобы вынуть ракушку и позвать на помощь. Чертова нога.

Лопатками чувствую – туман снова всего лишь в нескольких ярдах от меня, но уже неизменно подкрадывается. Кир! Сонька! Ну кто-нибудь...

Глаза начинают щипать и слезиться. Тело – адски болеть.

Я еще раз оборачиваюсь и вижу, как меня накрывает серо-зеленое смрадное облако...

– Да жива еще, вон, храпит как паровоз. Даже громче. Я приоткрыла глаза и тут же зажмурила их от яркого луча

света. Тело враз заболело как по команде. Ох, черт...

– С ней точно все в порядке, кудесник? – спросил чей-то мужской голос, обращаясь к другому.

– Точно, как дважды два. – Хмыкнул охрипший голос. – Полежит сейчас денек-другой, будет как новенькая. Проходили уже такое.

– Как-то не особо верится, – вторил девичий настырный писклявый голос. – Смотри мне – если твои манипуляции не помогут – можешь сюда не соваться больше!

Открыть глаза и сфокусировать взгляд оказалось гораздо большей трудностью, чем сдвинуть с места три самолета.

Я находилась в небольшой комнате с маленьким окошком, через которое пробивались яркие лучи света. Обстановка была скудной: комод в углу, пыльное зеркало с трещиной по всей глади, пару таких же по состоянию книг. У двери, тщательно забитой досками, был склад странных непривычных вещей – в их числе были и те часы-компасы.

Так.

Стоп.

Я умерла?

Нет, наверное, не умерла, раз очнулась, но это заслуживает внимания как само себе разумеющееся в учете некоторых событий. Хотя, конечно, в этом городе можно не только умереть, но и очнуться – уже мертвым.

– Очнулась! – Сонька подлетела ко мне и только хотела накинуться с объятиями, как чья-то худая рука с длинными

пальцами схватила ее за плечо:

– Оставь эту. Слабая еще очень.

Я хотела сказать, что, в общем-то, я уже вполне себе могу бегать, но рот предательски остановился на полуслове и так и завис, обнажая наружу свисающий язык. Я попыталась закрыть его снова, но в итоге только что-то неразборчиво промычала.

– Эй, тощий, – грубый голос (несомненно, голос Кира) не обещал ничего хорошего после моей выходки, – ты что намудрил?!

– Я помог, – снова ответил ему спокойный хриплый низкий голос. – Это действие транквилизатора, но, если вам не нравится, что я вас приютил, накормил и отогрел – дверь вон там, идите на все четыре стороны. Только, это... Свою красавицу спящую заберите.

Кир что-то неразборчиво проговорил и сплюнул.

А потом до моих ушей донесся глухой удар и крик Соньки.

Давай. Встань. Не могу. Подними руку. Тяжело. Закрой пасть и убери язык. Это уже легче. Отлично, встань. Не могу. Можешь, тряпка. Подними руку. Ну и что мне это даст? Контроль над небольшим участком твоего тела. Не могу. Прекрати. Поверни голову. Черт возьми, я не могу! Прекрати думать «не могу». Эй, ведь ты – и есть я. Ну и что? Прекрати давать мне наставления. Встань и я заткнусь. Заткнись лучше сейчас. Встань. И я. Заткнусь.

Я издала какой-то булькающий звук (очевидно, пытаюсь вздохнуть), и сделала резкий выпад вперед. Ничего. Абсолютно.

Сзади послышался еще удар и возня.

Если ты будешь тянуть время, твоего друга убьет тот странноватый тип.

Выпад. Выпад. Выпад.

На последней попытке я сумела приподняться над лежанкой и наконец-то пришла в сидячее положение. Чувствительность, которая прежде не подавала и намеков, стала возвращаться ко мне с поразительной скоростью.

Краем глаза я увидела, как мальчишка, держащий за воротник футболки Кира, дернулся и выпустил его с ухмылкой на лице, сняв всеобщее напряжение. Мои мышцы лица, которые прежде изображали рот покойника, натянули лживую улыбку.

– Слава богу, ты проснулась, – Сонька снова подлетела ко мне и крепко меня обняла, – мы уже думали, что *этот* сделал что-то не то.

– Не то слово, – ухмыльнулся худощавый. – Эту манипуляцию я делаю на протяжении восьми лет, как я могу сделать что-то не то? В общем, как я там говорил: забирайте свою спящую красавицу и мотайте на все четыре стороны. Я вам помог, а вы меня чуть здесь живьем не закопали. И это по-вашему современному «спасибо», да? Давайте-давайте, шагом марш!

– И уйдем! – надулась Сонька, помогая мне встать на пол, – больно ты нам нужен.

Ответ худощавого стал короткий не то смешок, не то какой-то другой звук, всем за него говорящий, что Сонька его не удивила.

Я чувствовала пол под ногами примерно так, как чувствует не умеющий плавать человек воду. Тем не менее, я гордо оперлась о плечи Соньки и Кира, которые встали по бокам, и начала медленно делать небольшие шаги по направлению к двери. А потом встала посередине как вкопанная, поняв одну важную деталь.

Нога, которая подвела меня в тот роковой день, почти не отличалась от другой. Лишь небольшой шрам тянулся от колена и уходил в ботинок.

Сколько я здесь пролежала? Час? День? Неделю?

А может быть, и то, и другое вместе взятые?

Я, сама незаметно для себя, подняла голову и уставилась вопросительным взглядом на мальчишку, который держал в руке похожее на желе синее шипастое нечто. *То самое, которое пыталось убить нас в самолете.* Он в свою очередь скосил глаза в противоположный угол, как бы говоря этим, что меня здесь просто нету.

– Что случилось? – я высвободилась из объятий Соньки и Кира и на покачивающихся ногах подошла к нему.

– Дэвид.

– Что?

– Мое имя – Дэвид, – высокомерно заметил тот, – а что с тобой случилось, я, пожалуй, рассказывать не буду.

Он почесал затылок замотанной в черную тряпку рукой, и я заметила, что из нее пробивается темная жидкость.

– Я выжила, и я имею право знать.

Дэвид, который прежде обрел имя, пригнулся, чтобы поравняться со мной ростом, и совершенно наигранным серьезным тоном произнес:

– Тебя украли барабаки. А я тебя спас, – и снова принялся рассматривать синее нечто с острыми шипами.

Сзади меня вздохнула Сонька, а потом кто-то схватил меня за руку и потащил к раскрытой настежь двери.

– Давайте, вперед и с песней. Надеюсь, в скором времени вы не станете *их* обедом, – услышала я перед тем, как тяжелая дубовая дверь закрылась прямо перед нашими носами.

Жара. Невыносимый голод и сушняк. Постоянные вздохи. И бесконечное число вопросов, которые генерировал мой мозг с утроенной силой после того, как мы покинули обиталище Дэвида.

Кто он? Как давно тут живет? Чем занимается? Как выживает? Где находит пропитание и воду? Как сюда попал? Неужели, тоже «через» самолет? А его эти все штучки и махинации? Неужели, умеет готовить какие-то зелья, с помощью которых он меня спас?

Сонька плелась следом за нами поодаль, но я лопатками

чувствовала, что ее мозг взбудоражен не меньше, чем мой.

Мы брели уже с час, но местность поменялась не намного. Дома стали чуть ниже и чуть целостнее, чем на улице, где находился дом Дэвида, если это вообще можно было назвать домом. Кое-где стали мелькать заброшенные высохшие сады, огороженные трухлявым забором. В воздухе повеяло гарью, сухими листьями и осенью.

Кир, который до этого буквально вытащил меня от единственного спасения, не дав вставить и слова, тяжело вздохнул и уселся прямо на пыльную плитку, запрокинув вверх голову. Его челка свалялась в один сплошной колтун и прилипла ко лбу, создавая впечатление, что его уже успели и инопланетяне похитить, и даже расплавить в кислоте, потом собрав по кусочкам.

– Я больше не могу, – он высунул язык и часто задышал, – убейте меня, но я не помню такой жары в Каролине за последние шестнадцать лет.

– Это, наверное, потому, что ты вообще ничего ни фигу не помнишь, – заметила Сонька.

Я привалилась рядом с ним, облокотившись о камень.

– Может быть, стоит вернуться, пока не наступила ночь?

– Уж лучше быть *съеденным/высосанным* туманом, чем пойти к этому типу еще раз, – хмыкнула девушка.

– А одним нам не справиться. Эй, посуди сама! Мы попали в город со странным названием Слипстоун, в котором орудуют не маньяки и серийные убийцы, а какой-то чертов

туман! Тебе это странным, случаем, не кажется?

Кир хотел возразить что-то еще, очевидно, не в мою пользу, но замолк на полуслове, чем несказанно обрадовал меня. И хотя он был вполне приличным человеком, иногда мне казалось, что он и Вторая Я могли бы быть отличной парой.

Я стала рассматривать заклепки на своих шортах в попытке себя хоть чем-то занять. *Нужно вернуться. Я не могу бросить друзей. Отлично, тогда умри вместе с ними. Не хочу. Эй, Аза, ты случаем не заметила, что словосочетание «не хочу» встречается в твоём репертуаре все больше и больше? Не хочу. Бери друзей и тащи их к дому Дэвида. Я устала, я хочу домой. Если ты будешь тут сидеть, домой ты точно не вернешься. И что делать? Брать под руки Соньку и Кира и возвращаться обратно, желательно до того, как этот туман нагрянет снова.* Дело говоришь, Вторая Я. Только ты постоянно забываешь, что тело-то у нас одно на двоих. *Какая разница, я хочу жить. Так что поднимай свою задницу и вперед и с песней.*

– Ребята, есть две новости, – я поборола свою усталость и на покачивающихся ногах встала с земли, – хорошая и две плохих.

– Ты же сказала, что новости всего две, – удивилась Сонька.

– Какая разница, самое главное, что у нас наконец-то появились новости, – ошетинился Кир на девушку.

– Так, народ. – Я прокашлялась, – все это конечно чертов-

ски странно, это явно не Аргентина, и нас, стоит признать-
ся, занесло по полной. Начинаю с хорошей. Мы *можем* спа-
стись. Теперь плохая: мы все идиоты.

– Можешь не продолжать, – парень закатил глаза.

– Нет, я продолжу. Последняя плохая новость: если мы
хотим выжить, нам нужно срочно бежать к мальчишке.

Между нами настала гробовая пауза.

– А без этого никак нельзя? – наконец нерешительно про-
изнесла Сонька. – Мы же его совсем... ну, не знаем. Может
быть он нас на органы разберет и с кетчупом пожарит.

– Если бы он хотел это сделать, он сделал бы это двадцать
три часа назад, не задумываясь, – тихо пробормотал Кир.
Оглянулся и проводил взглядом большую упитанную крысу,
юркнувшую в щель разрушенного дома. – Поэтому давайте
положимся на этого странного типа. Хуже, думаю, быть уже
не может.

Я была права: убедить ребят пойти обратно было равно-
сильно тому, как заставить поверить маленького младенца в
то, что феи существуют. Уже спустя пару минут мы шли об-
ратно, насвистывая веселую мелодию и соображая, сколько
времени все это займет и успеем ли мы до заката. Ну и заод-
но – наши действия, если мы вдруг *не* успеем до заката.

Сейчас самое главное – добраться обратно и убедить пар-
ня оставить нас у себя, а дальше уже будет видно, конечно,
если у нас вообще будет это дальше.

Когда стало ясно, что ноги наши больше не станут нести чересчур тяжелые тела, а Сонька не захочет наконец заткнуться, мы кое-как выдохнули и решили сделать привал.

Зеленовато-золотое солнце прошло линию вертикально-горизонта, и теперь неуклонно двигалось к земле, грозясь нам Выживанием В Прямом Смысле (ВВПС сокращенно, но Кир упрекнул меня в том, что это название не очень-то и вяжется, и вообще, сказал он, хватит фигню на палочке валять). Я наблюдала, как тонкие голые ветки деревьев вдали чуть покачиваются от ветра, окрашиваясь в яркий свет от лучей. Сонька, которая наконец соизволила заткнуться, блаженно разлеглась прямо на земле и уставилась на небо.

– Не больше десяти минут, – предупредила я, – у нас и так мало времени.

Я улеглась рядом с Киrom, положив голову ему на плечо. И если пару дней назад он не упустил бы возможность подтрунить надо мной, то сейчас он просто тихо вдохнул и шумно выдохнул, даже не повернув голову.

Интересно, мы вообще выберемся отсюда живыми? И выберемся ли вообще? Насколько я не хотела признавать очевидность факта о том, что теперь вот это «вообще» будет тянуться за нами по пятам, пока мы находимся в Слипстоуне, настолько я краем сознания понимала, что этого просто может не быть. Нас либо съест этот странный туман, либо мы завязнем в болоте и по своей тупости уйдем еще глубже.

Эй, я ведь даже элементарных правил выживания не зна-

ла! Я оглянулась на Кира, и он коротко кивнул, говоря этим, что наш привал закончен.

А потом меня осенила ужасная мысль.

Идя уже два с небольшим часа, мы так и не повстречали места, через которые проходили, когда уходили от Дэвида. А это означало только одно, самое худшее, что могло с нами случиться.

– Ох черт! – Кир резко вскочил, и я ударилась головой об плитку, когда он убрал плечо. – Черт, черт, черт!

– Что случилось? – Сонька прищурилась.

– *Мы заблудились.*

Этих двух слов оказалось достаточно, чтобы мы как подстреленные вскочили со своих мест и встали в строй, не обращая внимания на ноющую боль в коленях.

– И что теперь?! – пискнула девушка.

– Ты меня спрашиваешь? – оцетинился тот, – если ты не в курсе, мне самому интересно, что теперь.

Я машинально бросила взгляд на горизонт, и к своему великому страху отметила, что солнце спустилось еще ниже, став темно-зеленого цвета. Закат, которым прежде и не пахло, снова обрушивал на нас всю мощь.

– Мальчишка говорил, что «они» окружают город кольцом, – припомнила я. – значит, у нас по любому должно быть немного времени, чтобы спрятаться.

– Но куда? – спросила Сонька. – Повсюду одни руины. Оглянись!

Ой.

– Давайте попробуем спрятаться вон в том доме? – Кир пальцем показал на полуразрушенный домик, в высоту достигающий примерно десять-двадцать ярдов.

Мне хотелось заметить, что этот *домик* – одно сплошное скопление дыр, и что никакие прятки не принесут нам пользы, если сюда снова нагрянет туман. Но я ничего не стала отвечать и быстрым шагом пошла к месту назначения. Мы с Сонькой одновременно в мгновение ока юркнули внутрь, преодолев нависающие над нами доски, и, насколько это можно было сделать быстро, схватили с пола дощечатую перегородку и заткнули ею проем. Мы отошли на приличное расстояние и стали осматриваться, а Кир снял свою ветровку и плотно заделал ею остальные дыры.

Дом изнутри выглядел еще страшнее и угнетающе, чем снаружи.

В некоторых углах покачивалась паутина. Деревянные шкафы, комоды и прочие предметы быта были раскромсаны по клочкам и теперь лежали на полу под толстым слоем пыли. Вдали валялось треснувшее зеркало. Там, где была лестница, красовались пару сломанных ступеней и облупившиеся перила.

На стенах висели странные картины с надписями на непонятном нам языке. К нашему удивлению, это были единственные предметы, сохранившие свою целостность здесь. Я провела по грубой шероховатой поверхности пальцем и

ощутила плотный комок пыли на подушечках. Почерк был неразборчивым и, помимо английских букв, состоял из каких-то странноватого вида иероглифов. *Здеишний язык*, – промелькнула в голове мысль.

В воздухе пахло сыростью и непонятной тревогой. Мы все втроем переглянулись, и Сонька указала наверх.

Кир запрыгнул в узкий проем быстрее, и дождавшись, пока мы вдвоем залезем на самую высокую сохранившуюся ступень, поочередно подал нам руки и помог забраться наверх.

Я схватилась за край проема, второй рукой помогая себе подтянуться. А потом перекинула ногу и уселась в пыль, шумно дыша.

– Ну вот и приплыли, – я обозрела «второй этаж», по виду не отличающегося от «первого». – Какие наши дальнейшие планы?

– Выжить, – съязвил Кир.

– Ну или понять, что мы сошли с ума и сейчас находимся в какой-нибудь коме, а это все – иллюзия мозга, – добавила Сонька.

Я в ответ что-то неразборчиво пробурчала про то, что, может быть, мы вообще умерли, и это место – Ад. Или Рай? В любом случае, наши представления о Рае могли быть довольно обманчивыми, ведь рассказывали о нем живые, те, которые в нем еще не были.

Спустя полчаса мы все сошлись на едином мнении, что,

если повезет, – эта ночь для нас станет не последней, если вообще станет. Я предложила следить за «жизнью» Слипстоуна через окно, Сонька побоялась спускаться вниз одна, так что теперь она стояла у провисшего балкона и смотрела в щели заколоченных досок в проем, краем глаза поглядывая, как Кир не спеша спускается вниз.

Когда все были готовы и заняли свои места, а на город стала плавно ложиться ночь, я отошла от окна и попыталась разглядеть в этой тьме время на своем треснувшем экране циферблата. Странно, часы показывали то последнее время, когда мы попали сюда – три часа и тридцать одна минута утра. Обычно мои часы никогда не ломались и тем более не останавливались, но теперь почему-то в голову ко мне закрались пару доводов о том, что часы, все-таки, «умирают» вместе с хозяином. Я даже проверила исправность: индикатор заряда горит зеленым, что явно говорит о том, что они не разрядились.

Я села рядом с треснувшим деревянным подоконником и потеряла виски. М-да. Спящий город... Который даже не спит.

Соньки в темноте было не видно, но было слышно, как она возится, пытаясь хоть что-то рассмотреть в темноте. Наивная. Она ничего не видит, а за ней, там, внизу, могут наблюдать с тысячу бесцветных глаз.

Наконец девушка шумно выдохнула, и по скрипу половиц я догадалась, что она села на пол.

– Мне страшно, – прошептала она из другого угла, и ее тихий сбивающийся шепот показался мне криком в немой тишине. – Даже боюсь представить, что будет, если нас найдет этот треклятый туман.

– Нужно просто сидеть тихо, – прошептала в ответ я. – Может быть, нам повезет.

Сонька вроде успокоилась и перестала шмыгать носом.

А потом произошло сразу два события, заставившие подскочить мой пульс почти до критических отметок и заставить мозг в панике метаться в поисках решения.

С окна, через который тянулась внушительная трещина от угла к углу, стал просачиваться мягкий синеватый свет...

А потом за ним последовал оглушительный удар, и я услышала тихую ругань Кира.

Мысли разом спутались, в животе все сжалось в тугую узел. Я с трудом поднялась на дрожащих коленях и, слегка отодвигая рваную темно-синюю шторку, заглянула в окно...

Слипстоун изменился буквально до неузнаваемости. И, к сожалению, в худшую сторону.

Откуда-то на улицах появились какие-то полупрозрачные фонарные столбы, которые и давали мягкий синеватый свет. Дыры в домах заделали полупрозрачные облака, превратив их в нормальные жилые приспособления с такими же полупрозрачными газонами и деревьями. Вместо потрескавшейся плитки на улицах «выросла» синяя трасса, а по ней...

Я потеряла глаза, не веря в происходящее.

Нет, такого не может быть!

По ней ходили самые настоящие чудовища.

Такие же полупрозрачные, как и всё, что их окружало, с длинными передними конечностями и пастью с огромными свисающими языками, тянущимися за ними, как длинный шлейф. Некоторые из них были одеты в офисную одежду со строгим красным галстуком или бабочкой, некоторые носили бесцветные платья, некоторые – кепки с «вертушками», а у одного некрупного чудовища я смогла разглядеть школьную форму эдак годов сороковых.

Я уже хотела было закричать, как кто-то с такой чудовищной силой вцепился в меня всеми конечностями, что я и забыла, как дышать.

– Отлепись от Азы! – Кир, который в мгновение ока взлетел на второй этаж, попытался успокоить брыкающуюся Соньку и прижал ее к своей груди. – Все хорошо, слышишь?! Это кончится. Обещаю, все будет хорошо.

– Сделай так, чтобы она не начала реветь, – шепотом взмолилась я, прикрывая окно шторой, – а то ты успокаиваешь ее так, словно хочешь сделать с точностью до наоборот. Иначе нам всем придет полная крышка!

Лицо Соньки, подсвеченное синеватым цветом, покраснело от смущения. То есть, видимо, став ярко-фиолетовым.

Я повернулась к окну обратно, всматриваясь в каждого чудовища, а потом какая-то неведомая сила заставила меня обернуться назад. Сквозь просвечивающие голубые лучи,

освещающие ребят, я увидела, как Кир нежно гладит ее по спине и что-то совсем тихо шепчет, а Сонька только быстро кивает в ответ. Надо же. Не больше пары дней назад она подтрунивала над ним насчет влюбленности, а теперь...

Как бы там ни было, «миссия» стояла куда серьезнее. Я снова подлезла за край шторы и стала наблюдать.

Теперь мимо чудовищ проходили почти прозрачные люди. Рабочие, художники с кистями, мамы с колясками, «офисные крысы» и даже механики. Они шли с настолько каменными выражениями лиц, будто бы не замечали ни идущих чудищ, ни, по крайней мере, трех странноватого вида подростков, прячущихся в руинах заброшенного дома.

БАМ.

Все, что окружало нас, разом подскочило от внушительного удара, который последовал откуда-то снизу.

Я быстро отскочила от окна, чуть не зацепившись о косяк. Сонька сжалась. Кир снова выругался.

– Что это было?! – я трясущимися руками попыталась шарить в своем рюкзаке телефон. Он нашелся на самом дне под многочисленными предметами, и я выставила его вперед, как меч, освещая небольшой клочок пространства.

Ну все, Аза. Мы все умрем!!! Ты-то откуда знаешь? За все шестнадцать лет твоего существования ты так и не научилась признавать очевидное. Да что ты. Это все настолько очевидно, как очевидно то, что у тебя на голове растут коротко остриженные рыжие волосы. Вторая Я, мы вро-

де это обсуждали. *Как у мальчишки, только чуть длиннее.* ВТОРАЯ Я. *И одноклассницы дразнили тебя парнем из-за того, что ты не любишь краситься.* ХВАТИТ. *Это же очевидно. Так же очевидно, как то, что мы все умрем.*

Я в ужасе закрутила головой, как олень, увидевший летящую на него машину. Раздался еще один мощный удар, а потом – то, что окончательно заставило протрезветь наши мозги и начать думать залезть на крышу. Подобие двери на первом этаже пару раз скрипнуло, нарушив гробовую тишину, а потом разлетелось в щепки, разбросавшись на много футов вперед.

– Господи! – Сонька закрыла руками глаза, – мы точно все умрем!

– погоди! – Кир отстранил ее от себя, легонько побил по щекам и потряс за плечи; обернулся на меня, как бы оценивая, не впала ли и я в панику, а потом отрывистым тоном произнес: – никто тут не умрет и умирать не собирается. По крайней мере я и Аза. Да, АЗА?

– Конечно, – пробормотала я, чувствуя, как все мое тело отплясывает тумбу от страха.

– У нас был план «А»...

– И мы его проворонили.

– АЗА. – Кир потер переносицу, – ну ладно, может быть, мы его проворонили. Но у нас есть план «Б».

Сонька с надеждой посмотрела сначала на Кира, потом на меня.

– И какой же?

БАМ.

Подобие шкафа, который стоял у «дыры» в полу, с шумом грохнулся, и мы слышали звук разбивающего стекла и чьи-то неторопливые быстрые шаги...

– *БЕЖАТЬ!!!* – заорал Кир, и, размахиваясь, выбил рукой стекло.

Сонька на адреналине выпорхнула в окно первая, я пролезла следом.

Я развернулась и боком, держась за выступы в стене, стала продвигаться по скользкой черепице. Ноги постоянно соскакивали и петляли, пару накладок не выдержали гнета моих кроссовок и съехали на пару миллиметров вниз. Я оглянулась на девушку, которая маленькими спешащими шагами двигалась ко мне.

– Где Кир?! – я остановилась.

Сонька покрутила головой.

Внутри меня все рухнуло.

3

– Я не видела, чтобы он выходил, – я попыталась развернуться, но нога предательски соскользнула с крыши, и я почувствовала, как начинаю падать.

Ноги оказались где-то посередине от линии черепицы, когда рука наконец-то среагировала и ухватилась за свободный край. Я вьелась всеми пятью пальцами в рыхлое покрытие,

и, насколько это было возможно, попыталась сдержать крик.

– Аза! – Сонька одним прыжком подскочила ко мне и схватила за свободную руку. – Черт возьми, как ты умудрилась?!

Мое тело настолько парализовалось от страха и осознания того, что я вот-вот грохнусь прямо на голову какого-нибудь чудовища, что забыло, как говорить на родном английском.

– Аза, твою мать! – Сонька уперлась ногами в край черепицы и потянула меня на себя, – если ты будешь болтаться как дохлая сосиска, я брошу тебя! Честно!

Я кивнула и попыталась перекинуть ногу на край. Не особо хорошо сработало, но, тем не менее, теперь я могла свободно балансировать благодаря Соньке. Я собрала в кулак остаток своих сил и с грохотом повалилась на крышу.

Теперь я смогла оценить ситуацию более трезвым видом, нежели чем тогда, когда стояла у окна и вглядывалась в морды чудовищ. Воздух изменился, в нем отчетливо ощущались запахи каких-то едких испарений. Глаза щипали и слезились. Все, что еще днем выглядело как груда кирпичей, обволоклось полупрозрачными облаками и превратилось в нормальный город в синих тонах. Кажется, теперь я стала понимать, почему этот город называли спящим.

– Теперь бежим за Киrom, – Сонька развернулась, и мы на трясущихся ногах стали возвращаться обратно к окну. И хотя в такой ситуации мне пришлось бы много драматизировать, я услышала, как голос девушки дернулся.

Я понимала, что Кира, возможно, уже нет в живых. Я также понимала, что и мы в ближайшие пару часов можем стать обедом для полупрозрачных монстров, снующих по городу.

Зеленоватого цвета луна только недавно встала «посередине» неба, и любому дураку было понятно, что до рассвета еще не скоро. Но прежде чем я попробовала прикинуть, сколько же времени нам нужно на то, чтобы продержаться до спасительного рассвета, я услышала Сонькин сдавленный крик.

– Сюда! – девушка махнула рукой и стала пролезать в дыру. Следом за ней потрусил и я, преодолевая многочисленные преграды в виде обломков досок и острых кирпичей.

Когда мы оказались в доме, я и не сразу поняла, что же шевелилось на полуразвалившемся бревенчатом полу. Именно так: шевелилось, еле-еле, потому что «оно» не могло сделать ни одного резкого движения. Мозг отказывался признавать очевидное. Сонька, которая быстрее меня подлетела к бедному Киру, окончательно развеяла сомнения.

– Кир! – я тоже подбежала и плюхнулась рядом.

Он лежал, опираясь локтем о низкую полку. Одна из ног была неестественно завернута в другую сторону, словно он нелепо упал с высоты, майка порвана в двух местах. Из одной из них сочилась вязкая кровь, вокруг дырки все потемнело от жидкости. Парень тяжело дышал.

– Мы не сможем идти дальше, – Сонька пожала плечами и

порылась у себя в рюкзаке. Спустя секунду в ее руках блеснуло острое лезвие ножа. – И, хотя я не знаю, чем защищаться, думаю, *это* нас может спасти.

Ну конечно может. От тварей с огромными пастьями очень хорошо отбиваться ножом для масла.

– Что ты так смотришь?! – девушка хмыкнула, – если ты так недовольна – предлагаю найти другой вариант.

– Да я бы с радостью, – заметила я, – но, если ты не забыла, мы находимся в неизвестном городе черт знает где, не имея представления даже о том, где есть хоть какая аптека.

Сонька что-то прохрипела в ответ и сделала круглые глаза. А потом странно скосила взгляд в сторону парня, и теперь я догадалась, что это он пытался что-то сказать.

– Больно, – Кир тяжело вздохнул, – не очень глубокая рана. Нам нельзя задерживаться. Идем. *Сейчас*. Только погодите. Я встану.

Он снова глубоко вздохнул и попытался подняться по стенке, но сдался на середине пути, морщась от боли.

Я вздохнула и пробормотала как идиотка:

– Похоже, ты не сможешь идти. Остается переждать тут, – как будто мы с Сонькой не догадывались, что он не может идти.

– Я с Киrom, – воскликнула Сонька, и, смутившись, добавила: – а ты иди. Если что – зови.

Прогнившие половицы закрипели у меня под ногами, когда я стала медленно удаляться от ребят. Но даже в темно-

те я чувствовала ту нить, которая постепенно натягивалась между Сонькой и Киrom, не давая им провалиться в бездну отчаяния.

Существа не кончались, наоборот, их стало в разы больше, чем было после заката. Они заполнили собой все улицы, все перекрестки и все дворики, которые только были в моем поле зрения.

Теперь на дорогах стали мелькать проезжающие машины, грузовики и «газели». Все они были такими же полупрозрачными и синими, словно художник, нарисовавший Слипстун, изначально задумал создать его только в сине-голубых тонах. Он также, несомненно, «скопировал» лицо одного из чудовищ и «прилепил» их на других, так что теперь эти монстры различались между собой самыми малыми деталями.

Казалось, я уже стала привыкать к этой странноватого вида процессии, как вдруг со всех углов бесконечного города стал слышаться протяжный не то вой, не то крик, от которого моментально леденела вся кровь в жилах. Кто-то невидимый словно предупреждал нас об опасности, которая должна была вскоре нагрянуть.

Существа все разом встрепенулись; дети-чудовища стали тянуть своих «мам» за руку по направлению к домам, машины остановились. Я поняла, что сейчас, скорее всего, наступит кошмар.

Еще больший кошмар, ты хотела подумать. Ну, по срав-

нению с этим воем, существа – никто. Аза, ты находишься в окружении страшных монстров, один из которых чуть живьем Кира не проглотил. И после всего этого ты называешь их «никем»? Вторая Я, все не так уж и плохо. Нет, все просто ужасно плохо. Аза, знаешь, что я в тебе ненавижу? Нет и знать не хочу. То, что ты постоянно из слона делаешь муху, уж прости за перестрой выражения. Это самое тупое, на что способен шестнадцатилетний подросток.

Не дав договорить себе самой, я тихо подкралась к ребятам и толкнула, по своему мнению, спящую Соньку, которая покоилась в объятиях Кира.

– Эй, влюбленная, – я дождалась, пока она окончательно проснется и покраснеет до кончиков волос, нелепо отодвигаясь от парня и пытаясь не разбудить его.

Но прежде чем я успела вставить хоть что-то, протяжный вой повторился снова, только теперь еще громче.

– Ох черт, – Сонька скинула с себя остатки своего сна и спустя секунду стояла на ногах. – А что, если это...

– НЕ ДУМАЙ. – Я попыталась изобразить улыбку. – ПРОСТО. НЕ. ДУМАЙ. ОБ ЭТОМ.

Очевидно, Сонька и так поняла, кто, а вернее что, может стоять за этим странным оглушающим воем, и даже попыталась озвучить свою мысль, но я не дала ей это сделать. Ну вот опять добрая половина Азы Джонсон пытается направить эту ситуацию в более мирное русло.

– Нужно разбудить Кира и уносить отсюда ноги, пока еще

не поздно, – пробормотала я.

Сонька подняла одну бровь вверх:

– У него рана дюйма с три в глубину, думаешь, мы утащим парня, который весит больше, чем я?

– Но *должен же быть* какой-нибудь выход...

– Выхода нет, – девушка беспомощно осела на пол и стала гладить Кира по его спутанным светлым кудрям, – единственное, что мы сейчас можем – это ждать чуда, которое, вероятнее всего, не случится. Тут вообще, если ты заметила, мало чудес случается. Мальчишка, который нас спас – всего лишь чистая случайность, а иначе бы мы уже варились в котелке в Аду.

Мальчишка, от которого ушли ВЫ, никак иначе, оставив НАШИ задницы на произвол судьбы, – чуть не ляпнула я в порыве ярости.

Что сказать на это? Мы все втроем прекрасно знали, что спастись нам удастся с самым минимальным процентом, если вообще удастся спастись, но что делать дальше? Так же слоняться по бескрайнему Слипстоуну? Или кричать и звать на помощь? Оба варианта казались мне ужасно глупыми, но я все-таки переборола свою нерешительность и потянулась рукой к Киру.

– Что ты делаешь? – прошипела девушка, отталкивая меня. – Он сейчас настолько слабый, что в любой момент может умереть.

Я усмехнулась:

– А ты разве не видишь? Я хочу разбудить его, чтобы мы могли унести свои кости живыми.

– Я никуда не пойду.

Я хотела ответить ей что-нибудь по-настоящему ядовитое, но гнев, неожиданно охвативший меня от пальцев ног до кончиков волос, не дал вставить и слова. Это из-за них мы сидим в этих дурацких руинах в окружении кучи чудовищ! Это из-за них мы теперь не знаем, как спастись! Это *из-за* них, черт возьми, мы прикидываем свои шансы на выживание!! Мне так хотелось указать ей на все это, но добрая Аза Джонсон победила снова, и вместо этого я лишь смогла уставиться на Соньку самым испепеляющим взглядом, который только был у меня в арсенале лжемасок.

– Тебя тут никто не держит, дверь – вон там. Иди на все четыре стороны, раз уж так чешется, *подруга!*

– *Отлично!* – я всплеснула руками, – пока.

И с этими словами стала потихоньку удаляться от места, где свою смерть встречал бедный-бедный Кир.

Я спрыгнула с ветхих подобий ступенек, которые еще остались в этом некогда жилом доме, и на цыпочках направилась к «выходу». Сверху послышалось недовольное бурчание.

Идиотка, ты что делаешь? Не видно, что ли? Ухожу от «подруги», которая решила остаться сдыхать. *У тебя совсем крышу снесло.* Не забывай, что ты – это тоже я. Следовательно, и у тебя *тоже* снесло крышку. **ВЕРНИСЬ ПОКА**

НЕ ПОЗДНО. СЛЫШИШЬ, ВЕРНИСЬ. Я СКАЗАЛА, БЫСТРО. ВЕРНИСЬ!!! ТЕБЯ РАСЧЛЕНЯТ, ЗАПИХНУТ В МОРОЗИЛЬНУЮ КАМЕРУ И СЪЕДЯТ!!!

Я выглянула в узкую щель между заменяющих дверь досок, и с удивлением отметила, что Слипстоун вернулся в свое прежнее положение. Исчезли полупрозрачные беседки, дома снова превратились в полуразвалившееся нечто, чудовища, которые окружали нас со всех сторон, пропали. За концом горизонта небо светлело, что означало, что мы успешно пережили эту ночь.

Я вышла в прохладное лето, вдыхая зловонные пары, и оглянулась. Надо же, мы смогли выжить в этой развалюхе – просто чудо, которое случилось, хотя и не должно было случаться. Разрушенная плитка чуть поскрипывала, пока я обходила весь «дом» по его периметру. Повсюду валялись разные куклы, записки с непонятными и размазанными буквами, остатки быта, словно тот, кто здесь жил, перед тем, как покинуть Слипстоун, разбросал все вокруг для пущей картины.

А потом меня осенила одна мысль.

Что, если Слипстоун раньше имел свою историю? Что, если раньше он не носил это жуткое название?

Что, если все те, кто бродил всю эту ночь – его духи?

Конечно, нетрудно было догадаться, что здесь однажды случилась огромных масштабов катастрофа, и жители просто-напросто погибли или ушли прочь. Я нагнулась и подня-

ла плюшевого мишку без одной лапы и глаза. Но кто мог это все спровоцировать? И почему его нету на карте?

Солнце уже окончательно показалось над землей, когда я собрала остатки своей решимости в кулак, и, пулей взлетая к Соньке, встала в позу а-ля королева и изобразила уверенность на лице, хоть меня и выдавали подрагивающие от страха веки.

– Собирайся, – объявила я, осматриваясь в поисках доски, куда можно было положить Кира. Таковой не нашлось, зато за три секунды, которые Сонька потратила на то, чтобы осмотреть меня со стороны умственно отсталого человека, я присмотрела одну из сторон ветхого шкафа и веревку, валявшуюся рядом.

Лучи, которые закрались в комнату и осветили пыль, явили мне еще большую картину ужаса.

У Кира была огромная рана, и неизвестно, как он прожил с ней эти долгие часы. Было ощущение, что ее нанесли каким-то острым предметом, ножом или клинком. Майка, где кожа была разделена надвое, пропиталась кровью и стала темно-коричневого цвета.

– Ему сейчас реально гадко, – наконец прошептала Сонька без намека на сарказм. – Не знаю, сколько он продержится... Конечно, прости, что наорала на тебя, но нам действительно нельзя здесь оставаться.

Я кивнула, и девушка, бережно положив голову Кира на подстеленную худи, подошла к шкафу. Мы стали поочередно

долбить ботинками места, где одна из досок была скреплена с остальным каркасом. Скоро она, покачнувшись, с грохотом упала на пол.

Сонька приподняла голову и торс Кира, и я пододвинула под него доску. То же самое мы проделали с ногами, и в скором времени уже волокли сею ношу по полу за веревки, держа за противоположные концы этой дряхлой конструкции.

За время, пока мы корячились и пытались вынести из дома нашего полуживого друга, воздух достаточно нагрелся для того, чтобы понять, что утро уже наступило.

Выживание продолжается.

Для людей, которые последний свой глоток воды сделали несколько дней назад, мы держались на удивление бодро и храбро. То есть, «бодро» – это еще хорошо сказано. Все то время, пока мы шли и волокли доску с Киrom, мы просто изнывали от жажды. Но потом я нашла в своем рюкзаке завалявшуюся бутылку воды, и мы разом ее осушили, оставив немножко про запас.

Солнце вошло еще на четверть, осветив всю пыль, витающую в воздухе. И если пару дней назад, когда мы сюда попали, от нее и духу не было, то теперь создавалось такое ощущение, будто весь город встряхнули, как покрывало, и выпустили все залежи пыли наружу.

Кир лучше себя особо не чувствовал. Только изредка открывал глаза, смотрел невидящим взглядом на нас поверх очков, и снова, привалившись поудобнее, погружался в полудрему. Иногда он стонал. Сонька в такие моменты сжималась и нахохливалась, как беззащитный воробушек, и я видела, как у нее тряслись руки.

Один раз Кир, во время нашего привала, чуть слышно попросил воды, и Сонька тотчас кинулась к прозрачной пластиковой бутылке. Но когда она поднесла горлышко к потрескавшимся губам парня, тот уже впал в протрацию и чуть слышно посапывал.

Спустя пару таких выпадов, она не выдержала и расплакалась.

– Ну ты что, – я ободряюще положила руку ей на плечо, – как говорится: «сон – лучшее лекарство». Да?

Я ощущала себя отсталым идиотом во время того, когда говорила эту фразу. Одному дураку будет не понятно, что Кир может умереть в любую секунду из-за такого ранения.

– Наверное, – она вытерла лицо тыльной стороной ладони, размазав остатки черной туши. – Но, черт возьми, что, если он...

– Нужно надеяться, забыла?

Сонька часто закивала и ударилась в плач, а я снова ощутила укол вины.

– Ну, Сонька, – я села рядом с ней, – я уверена, все будет хорошо. Мы вернемся домой в Каролину, как только найдем

выход отсюда. Сюда же как-то попали.

Ответом мне стал невидящий взгляд девушки в пустоту.

Я отложила занятие, и на всякий случай отодвинулась от Соньки, которая снова принялась рыдать над Киром. Протянула руку, чтобы взять рюкзак, и она... уперлась в плитку?!

Я резко оглянулась, и глаза подтвердили догадку: рюкзак действительно отсутствовал. Зато в пыли отчетливо угадывались чьи-то следы, уходящие за поворот...

– Я сейчас приду, – я быстро встала с земли и зашагала по следам. Сонька даже не отреагировала.

Шаг, второй, третий... Воспаленный мозг почему-то стал вырисовывать чудовищные образы, которые мне даже в страшных снах не снились, а вторая Аза Джонсон снова упорно попыталась меня остановить.

Я отошла на довольно большое расстояние от ребят, и, на ходу вынимая ножик, который я взяла из магазина, вылетела в поворот и выставила его вперед. Тут же будто со всех сторон послышался ропот, ящик, стоящий у одного из домов, «завозился». Я успела среагировать и прижать его сверху, прежде чем оттуда вырвалось бы какое-нибудь нечто.

Руки сильно затряслись, когда оттуда послышался характерный звук царапания и клацанья зубами. А потом чей-то крик, раздавшийся с конца улицы, заставил заработать мои шестеренки в мозгу не в том направлении...

– Оставь его!

Я резко обернулась и открыла рот от удивления.

Он не изменился. Такие же черные, как смоль, растрепанные волосы, те же очки с трещиной в одном из оправ. На торсе завязана повязка, свисая чуть выше колен, говоря, что с единственной цивилизацией в этом городе – штанами, – связь утеряна. К левой щиколотке, а точнее культе, привязана толстая проволока-крюк, служащая, по-видимому, «второй» ногой.

Синее существо с шипами, сидящее у Дэвида на левом плече, встрепенулось и издало утробный звук.

– Какие люди! – наигранно воскликнул он, приближаясь ко мне. – И вы еще живы?

– Представь себе. – Я скрестила руки на груди.

И в этот момент крышка ящика отлетела в сторону, и оттуда выскочило второе, темно-серое существо сродни крысы и опоссума вместе взятых, с моим рюкзаком в острых зубах. Оно в мгновение ока запрыгнуло к мальчишке на плечо и уселось на второе свободное место, недоверчиво поглядывая на меня своими черными большими глазами.

– Ох, познакомься, это Бу. – Он рукой указал на синее нечто, и, вырывая мой рюкзак у второго из пасти, попутно заговорил: – А это Друг.

Из меня вырвался смешок, когда этот самый Друг попытался тяпнуть его за мочку уха.

– Кажется, он не такой уж и «друг».

– Не бери в голову, – сконфуженно оповестил Дэвид.

Дальше мы просто уставились друг на друга, смотря пря-

мо в глаза, и не зная, чем продолжить разговор. Наконец мальчишка встрепенулся; глянул сначала на рюкзак, потом – на меня, и вручил мне его в руки.

– Прости нас, – я выдохнула, – теперь я действительно понимаю, что без тебя нам не выжить. Эта ночь была ужасной.

Дэвид отмахнулся:

– Да ладно, не нужно извинений. А вот сегодня ночью было Новолуние в Слипстоуне, это событие случается достаточно редко – раз в один-два года. Но вам повезло, и, причем, в хорошем смысле. Это были всего лишь духи оставшихся тут неуспокоенных. Хуже было бы, если бы *они* снова стали терроризировать город.

Я рассказала ему про все, что случилось. Не умолчала и про Кира, и про Соньку, которая с ума сойдет, если никто не поможет парню. Дэвид слушал внимательно, изредка моргал и откидывал лезущие в глаза волосы назад, а потом, после моего последнего слова, однозначно произнес:

– Ты хочешь, чтобы я вам помог?

– Прошу тебя, – я стала теревить лямку рюкзака, – без тебя нам реально не справиться. Seriously. У нас же есть родители в Каролине, родственники всякие, – я умолчала про то, что родственников-то, возможно, уже и нет, – да и мы хотим жить. Прошу тебя.

Он ничего не ответил. Только кивком указал тот путь, который нам предстоит преодолеть.

– Итак, с этого момента вы – моя правая рука. Конечно, пока что еще левая, даже похуже культи, но, чтобы *выжить*, придется стать этой самой правой. Ясно?

Мы сидели за на редкость сохранившимся для этой местности столом и во все глаза глядели с Сонькой, как Дэвид мешает странную жидкость в деревянных мисках. Посередине стола стояла свечка, освещающая минимальную часть пространства. С левого угла раздавались чуть слышные пощипывания Кира, который теперь чувствовал себя, наверное, гораздо лучше.

– Итак, – Дэвид улыбнулся и потряс миску с сине-зеленой вязкой жидкостью, – приступим. Самое банальное – заживляющая мазь – делается не очень-то и легко. Используется плоть аликвида, – он указал на Бу, мирно греющегося у свечи, – но их, зараз, не так-то легко и поймать – прячутся больно ловко. Бу ручной, и он используется в качестве приманки. Я сажаю его в клетку, и он подает сигналы о «беде», с помощью которых на место назначения ползут другие аликвиды. Ну а дальше, понимаете ли, остается взять их готовенькими и горяченькими.

Он усмехнулся своей же шутке, и мне, кажется, показалось, но он чуть видно улыбнулся и снова скосил взгляд на странную жидкость.

– Дальше: листья одного из растений, которых я выращиваю у себя в саду на окраине города. И самое сложное.

– Что же? – любопытствовала Сонька, первый раз подавшая признаки нормальной жизни после ранения Кира.

– Часть тумана. Звучит жутко, да и из-за этого я лишился конечности, но, чтобы выжить, как я сказал, нужно чем-то рисковать.

Мы с Сонькой переглянулись, и только сейчас я поняла, что могло бы остаться от моей ноги после того, как я упала прямо перед носом тумана.

А потом вторая Аза Джонсон, которая каким-то образом все это время не подавала признаков присутствия, наконец-то оживилась и в самом саркастичном тоне спросила меня, что было бы, если бы он не стал меня спасать. Но я отвечать *ей* не стала. Ведь это уже прошло, а значит, не так важно.

– Теперь второй предмет, который вам также необходим – пару луков и стрелы. А еще, конечно же – ручной выдуватель, – парень указал рукой на деревянный шкаф, на полке которого хранилась штука, похожая на барометр, компас и часы вместе взятые. – Такие сложно сделать, очень сложно даже для меня. Поэтому у нас теперь один выдуватель на четверых. Вот из-за этого нам нужно держаться группой.

Потом Дэвид сказал, что играть здесь мы должны только по правилам Слипстоуна, что этот город не потерпит зевак и чересчур строптивых и много о себе возомнивших. Он продолжал рассказывать даже тогда, когда наносил на рану в животе Кира заживляющую мазь по второму слою и записывал

какие-то формулы одновременно с этим.

Его дом не был похож на привычные всем коттеджи. Он состоял из множества хитросплетенных между собой коридоров, где почти в каждом на окнах стояли всевозможные решетки и забитые наглухо доски. Этажа было всего два, но много комнат пустовало. В остальных нескольких комнат в основном было навалено куча всякого барахла и пару предметов привычного американскому школьнику быта.

Сонька ушла спать раньше меня к Киру в комнату на втором этаже, которая представляла из себя одну большую залатанную вдоль и поперек кровать и шкаф с книгами, а мы с Дэвидом остались в гостиной.

Тусклая свеча еле-еле освещала четверть комнаты и часть торса парня, который копался в ящике с какими-то принадлежностями. Мне хотелось его спросить, как он здесь оказался. Как он научился выживать и жить бок о бок с самым опасным, что я когда-либо видела. Были ли у него родственники, родители? Или он был сирота?

Я раскрыла рот, чтобы спросить часть вопросов, которые меня мучали достаточно давно, как вдруг он, вздохнув, тихо произнес:

– А знаешь, ты похожа на мою сестру.

Я вздрогнула. Дэвид обернулся.

– Резко, конечно, – он виновато улыбнулся, – но ты так похожа на Эмили. Такие же короткие рыжие волосы, такие же большие карие глаза и густые ресницы. Даже форма лица

и одежда похожи. – Он снова принялся копаться в ящике и выставлять по периметру комнаты хитрые сооружения. – Наверное, это единственное, почему я вас решил взять...

– Мне жаль, что ее нет рядом с тобой, – я уставилась на дощатый пол, – что случилось?

И вот тут-то по тому, как парень весь сжался и притих, я поняла, что сморозила что-то поистине идиотское. Я думала, что он сейчас разгорячится и заставит нас убраться отсюда во второй раз, пока он не протянул руку к одной из полок и, бережно беря оттуда рамку, подошел ко мне. Волосами он завесил лицо, но я догадалась, что он не смог сдержать эмоций.

– Ей было восемнадцать, а мне – чуть больше десяти, когда мы попали сюда. – Он замолчал. Откинул волосы назад и пожевал нижнюю губу, уставившись на догорающую свечу. – Это было... восемь лет назад... Я тогда обрадовался, что мне не придется лететь к тете в Аргентину, обрадовался, что наконец-то меня настигли приключения. Конечно, не долго радовался... Мы учились выживать, она изобрела заживляющую мазь, транквилизаторы и еще много немало-важных штук. Пока однажды не зашла слишком далеко...

Я почувствовала, как мое сердце начинает биться чаще раз в сорок. Ладони вспотели. *Восемь лет назад...* Пресловутые экранчики на борту вещали, что именно *спустя восемь лет* этот рейс повторился снова.

Он замолчал и с силой сжал челюсти так, что они у него

побелели. На глазах снова выступили прозрачные слезинки, но Дэвид быстро снял очки и вытер лицо тыльной стороной единственной ладони.

– Я попытался ее спасти... Попытался... Я помню, как держал ее за руку, и она кричала от чудовищной боли, ее тело было наполовину в тумане, который буквально пожирал ее. Половина тумана прокралась сзади и стала растворять мою ногу под действием кислоты и прочих элементов, а я все держал ее, кричал от боли и бессилия. Держал, пока она полностью не скрылась в тумане...

Парень снова осекся, только на этот раз он уже не стал скрывать боль, и просто тихо уткнулся лицом в свои ладони. Я не знала, что сказать ему. Утешить бы смелости не хватило. Впрочем, я даже не знала, как можно утешить того, кто знает тебя от силы пару часов и говорит, что ты похожа на его мертвую сестру.

– Мне удалось вырваться, – наконец Дэвид отстранился от ладоней и снова приобрел невозмутимый вид. Потом быстрыми движениями развязал повязку на ноге.

Мне представилось ужасное зрелище, которое я только могла увидеть за все свои шестнадцать лет. Нога, начиная от колена и заканчивая щиколоткой, была вся изрубцована и изуродована так, что казалась гораздо тоньше правой. У щиколотки это подобие жизни заканчивалось, где след был намотан железный «круг», выполняющий функции ступни.

Увидев, как я дернулась, Дэвид поспешил замотать ее об-

ратно.

– Но у меня до сих пор хранится ее фотография.

Он протянул мне фотографию в красиво выгравированной рамке, и я увидела на ней смешно улыбающуюся девушку, сидящую на камне в белом летнем платье в горошек. Её рыжие волосы растрепались и больше походили на ершик для унитаза, но она так задорно и беззаботно улыбалась, глядя в объектив, что мне стало ее жаль по-настоящему.

Дэвид бережно взял из моих рук рамку:

– Это было восемь лет назад. Долгих, мучительных восемь лет назад. Я вижу ее каждую ночь в Новолуние, и от этого мне становится еще больнее, что она стала никем и не может найти свое пристанище. Она иногда зовет меня протяжным воем...

– Ты не можешь подойти к ней? – спросила я, и мне захотелось откусить себе язык.

– Увы, – он грустно улыбнулся, – среди призраков есть и те, кого не мешало бы взащей прогнать. Пырнут вполне реальным ножом – и все, поминай как звали. Эмили всегда была жизнерадостной, но, кажется, и в ней тоже живет какая-то темная сущность.

Дальше мы просто уставились на свечку, не в силах продолжить разговор. Почему-то я почувствовала себя чересчур гадко и мерзко. Я подумала, что он, наверное, каждый вечер плачет над этой фотографией, вспоминая все моменты с этой Эмили. Она же была ему сестрой, сестрой, которую он

по-настоящему любил и почитал, и вот ее нету с ним уже восемь лет. Рана начала затягиваться, а тут объявилась я, точь-в-точь похожая на покойную сестру, и у него снова что-то перемкнуло в душе.

Я вдруг испытала почти непреодолимое желание потянуться к нему и обнять, посмотреть в его бездонные карие глаза и утешить, сказать, что все будет хорошо. Какая-то неведомая сила будто тянула меня к нему.

Но я не сделала это, просто тихо сказала, что очень устала, и пошла по лестнице на второй этаж под его всхлипы, которые еще долго не прекращались.

Следующий день не обещал ничего хорошего. Хмурые пепельные тучи сгрудились над Слипстоуном, говоря этим, что солнечная беззаботная погода отменяется. Резко похолодало. Дэвид, который вчера был не очень-то и рад нашему вторжению, сегодня выглядел еще более мрачнее.

На столе в тарелках нас ожидало какое-то зелено-синее желе, и, к сожалению, на запах и на вкус оно было таким же, как и на вид. Смотря, как парень ест это за обе щеки, нас с Сонькой поочередно выворачивало наизнанку. В конце концов он сдался, и бодрым будничным тоном объявил, что после завтрака мы отправимся собирать ягоды.

Мы шли извилистой плиточной дорогой, которая вскоре

стала редеть и в конечном итоге у конца города превратилась в еще влажную от ночного дождя почву. Дома остались позади. Мы шли втроем (Кир был довольно слабым, чтобы улепетывать в случае опасности, да и вообще, он пожелал остаться в этом странном особняке, прогнав нас из комнаты отборной руганью), и у меня в мозгу Аза Джонсон кричала во все горло: *какого хрена здесь может делать хоть какая-нибудь растительность?!*

Мы свернули с проселочной дороги в редкий «лес» ссохшихся тонких деревьев, который походил больше на лесополосу; обогнули небольшое болотце с вязким зеленым содержимым и наконец увидели то, что представляло из себя сад.

Это было небольшое, огороженное частоколом пространство с разнообразной растительностью. Мы вошли в низенькую калитку вслед за Дэвидом, и почти сразу же чуть не врезались в табличку, на которой было что-то написано непонятными знаками.

– Dager ppe1, – Дэвид обернулся сначала к нам, потом нагнулся и нашарил под табличкой ручку.

– Что? – скептически спросила Сонька.

– Dager ppe1. – Рывок. Земля стала осыпаться, и вскоре перед нами открылся люк, уводящий вниз. Парень удовлетворенно обтряхнул друг об друга руки и, спускаясь по каменным ступеням внутрь, продолжил речь: – *по-ихнему dager ppe1* – осторожно.

Мы с Сонькой не стали спрашивать больше ничего, про-

сто молча стали спускаться вслед за Дэвидом по крутым ступенькам.

Свет здесь, за исключением керосинового ночника, отсутствовал, и поэтому в подвале царила кромешная тьма. Мы старались ощупью двигаться вслед за парнем, изредка наступая на какую-нибудь склизкую гадость. Когда мы дошли до середины, Бу, который все время сидел на плече у своего двуного друга, издал какой-то нечленораздельный звук и засветился мягким синеватым светом.

– Погоди-ка, – воскликнула Сонька, – точно такой же зверь чуть не съел нас в самолете!

Я хотела заткнуть Соньку, но было поздно. Дэвид рассмеялся и, погладив Бу, дружелюбно произнес:

– Они совсем не опасны. Разве только жалят больновато, но это мелочи.

Я в темноте увидела, как девушка покраснела до кончиков волос. Вот как бывает: хотела показаться храброй, а в итоге опустила ниже плинтуса.

– Но что стало с другими пассажирами? Куда они делись? – наконец спросила она, желая переменить тему.

Мы смотрели, как парень выкапывает из грядок, огороженных досками по обе стороны нас, какое-то странноватого вида растение. «Наверху» оно выглядело чем-то сродни ссохшихся корней, но чем глубже он копал и вытаскивал сие нечто, тем сильнее оно становилось похоже на куст, который запихнули в землю вверх ногами.

– А вот этого я не знаю.

– Но должны же были они *куда-то* деться! – запротестовала Сонька. – Не могли же они вот просто так испариться в воздухе!

Дэвид посмотрел на нее поверх очков:

– В этом городе все возможно. Вот поэтому вам придется меня слушаться.

Оставив Соньку наедине со своими мыслями, он быстрым шагом стал удаляться к выходу.

Я потрусил следом, преследуемая мыслями.

А действительно – *как* они могли исчезнуть на ровном месте? *Как* это возможно? Почему, скажем, исчезли все остальные пассажиры, а наша тройка осталась? Потому, что мы всю дорогу смеялись, как умалишенные?

Я вскарабкалась по крутым холодным ступеням за Дэвидом, который стоял с ножом и, припевая какой-то неизвестный мотив, разрезал вдоль «корешки» растения. Сонька вылезла чуть позже, вся в пыли и паутине, и я невольно захохотала, глядя на нее.

– Вот так ты больше соответствуешь своему виду! – подал голос парень, вытаскивающий из стебля странные красные горошинки, переливающиеся на солнце.

– Хочешь превратить нас в себеподобных? – тотчас съязвила девушка, отряхиваясь.

– Да вы еще лучше меня, особенно тогда, когда Аза выбежала ко мне с круглыми от блюдца глазами, – он хихикнул.

– Мы чуть не умерли!

Дэвид расхохотался сильнее, очевидно, вспоминая ту картину во всех красках. Интересно, что тут может быть смешного? Или у него уже реально поехала крыша?

Держись подальше от этого придурка. С виду он хороший парень! Он смеется над тем, что в цивилизованном мире бы вынесли на круг почета. Знаешь ли, поживешь тут восемь лет – не так заговоришь. А вдруг он маньяк, или еще что похуже?! Вторая Я, успокойся. Вдруг он зайдет к тебе в комнату ночью и пустит на органы?! ХВАТИТ. А что, если он в сговоре с туманом?!

Я потрясла головой, попытавшись отогнать тревожные мысли, которые, несомненно, в мою голову запускала вторая Аза Джонсон. Тем временем Сонька под свое недовольное бурчание по велению Дэвида спустилась в подвал и тоже стала выкапывать странные растения. Только я хотела сказать, что пойду к ней, как Дэвид подозвал меня к себе.

– Вы бы хотели остаться? – задумчиво спросил он. Вторая Я еще раз в матерном варианте напомнила мне, что его башня давно поехала в противоположную сторону.

– Ну как тебе сказать... – Я уселась на сине-зеленую траву-газончик. – А ты бы хотел вернуться туда, откуда приехал?

– В Каролину?

Мне показалось, что меня окатили ледяной водой.

Так он... жил... в Каролине?! Я часто заморгала, не веря

своим глазам. И Дэвид, видно, понял, откуда мы, поэтому широко и грустно улыбнулся:

– Так вы тоже из Каролины? Вот это совпадение. И как там она, жизнь?

– Обычная. – Я скосила глаза на траву. Взгляд его больших грустных глаз показался мне непосильным грузом. – Учеба, друзья, домашние обязанности.

Мы снова неловко замолчали. Он смотрел на меня, я – на него, и мне казалось, что теперь я – единственная связующая нить с современным миром для Дэвида.

В парнях я спецом не была. Я вообще была как парень. Пока девушки отращивали шикарные волосы до пояса, я стриглась как бомж, у которого впопыхах состригли половину его шевелюры, и у него осталось то, что только самая сердобольная душа в мире назовет прической. Расческу я тоже в глаза не хотела видеть, и родители буквально силком заставляли меня причесывать мои космы. И косметикой, ясное дело, не пользовалась: только один раз сходила в салон на покраску бровей (опять же, заставили родители перед вылетом, но мне было как-то пофиг), да прыщи любила давить до крови так, что на следующий день лицо было все красным и в пупырычку.

Но Дэвид, этот худощавый и странный парень, оценил меня с другой, третьей стороны, с которой не оценивали даже мои родители. Он нашел во мне ту потерянную часть звена, из-за которой смог рассказать мне о гибели своей сестры

Эмили, что не каждому было бы по силам.

Возможно, мне только так казалось. Но, возможно, так же казалось и ему.

С помощью такого нехитрого способа мы сумели насобирать пару корзин этих диковинных ягод, которые Дэвид вскоре превратил в кашеобразную массу, по вкусу напоминающую тыкву и яблоко вместе взятые. Сонька поела быстрее меня и вскоре унеслась к Киру. Спустя секунду из комнаты донеслись восторженные крики.

Я и парень в мгновение ока очутились на пороге и застали целующуюся Соньку в обнимку с Киrom, которая мгновенно покраснела и отпрянула, словно ничего и не было.

Когда мы спустились на первый этаж, Дэвид недоверчиво произнес:

– Они, что, встречаются?

– Понятия не имею, – я пожалала плечами. – Пару дней назад они ссорились, как дети малые. Но сейчас...

Он усмехнулся:

– Похоже, это очевидно.

Мы уселись на старый прогнувшийся диван, и я почему-то вспомнила свою первую «любовную» историю. Я училась в четвертом классе, когда ко мне стал подкатывать жирный невымытый мальчик по имени Ник с другой параллели. Вот я ему, еще с красивыми рыжими нестриженными волосами, понравилась. А потом я их остригла, и что-то все как-то пе-

рестали меня замечать.

– Слушай, ты как к волосам относишься?

Я вздрогнула, ведь совсем не ожидала услышать это от самой себя. Но Дэвид не растерялся ни капельки:

– Мне больше нравятся короткие волосы.

Ой.

Вот видишь, Аза, он хочет тебя... Брось, я не сексуальная. Не перебивай меня. Он хочет тебя СЪЕСТЬ. Ой, да брось. Причем тут волосы? Да притом. Он ищет подобных своей сестре, если у него вообще такая имелась, чтобы потом расчленил его, запихнуть в банки, замариновать и СОЖРАТЬ! БЕГИ ПОКА НЕ ПОЗДНО!!!

Я обернулась в сторону парня и уловила его пристальный взгляд.

– Что? – я нервно усмехнулась.

– А что? – он усмехнулся тоже. – Ты красивая. Не хочу себе отказывать в этом признании.

Всего два слова, но таких волшебных, что мой мозг мгновенно перестал работать.

– Спасибо... – Я откинула назад вечно лезущие в глаза волосы. – В Каролине мои одноклассницы называли меня парнем. Серьезно.

– Кажется, они не умеют ценить настоящую красоту.

– Прекрати мне льстить! – я несильно толкнула его, и предательская улыбка сразу заразила нас обоих.

Он расхохотался, подняв вверх руки:

– Я и не льстил! Согласись, мне не каждый день выпадает называть девушек красивыми.

– Да, но и мне не каждый день выпадает шанс познакомиться с местным дикарем!

Мы снова громко расхохотались, и даже не сразу услышали неторопливые шаги с лестницы. Сонька, которая аккуратно вела под руку еще слабого Кира, рассказывала ему, как мы спаслись.

– Так это ты нас подобрал? – Кир бросил оценивающий взгляд в сторону парня.

– Я, – подтвердил Дэвид.

Ну вот, сейчас они опять сцепятся, как было тогда. Я приготовилась их разнимать и стала перебирать всевозможные острые фразы в случае словесной перепалки, как вдруг Кир, не спеша подойдя к Дэvidу, протянул ему руку с широкой улыбкой:

– Спасибо.

– Не за что, – Дэвид улыбнулся.

5

Началась череда дней, полностью похожих друг на друга.

Время текло привычным руслом. Каждое утро мы все четвером отправлялись либо собирать ягоды, либо на охоту, откуда приносили в дом парочку аликвид, потом Дэвид учил нас их готовить. Обычно этот процесс не занимал много времени, зато он занимал много нервов. Нужно было сна-

чала отфильтровать воду, потом – каким-то хреном ее подогреть, еще потом – расчленить плоть и вынуть все содержимое так, чтобы осталось одно «мясо».

Мы путешествовали по заброшенному городу, искали и находили десятки разных вещей, свидетельствовавшие о том, что у Слипстоуна раньше было не такое уж и криминальное прошлое. Это делалось веселее особенно тогда, когда Дэвид рассказывал нам, какие чудеса происходят тут.

Туман, как само собой разумеющееся, – мутировавшие испарения, которые обрели свойство поглощать все, что движется и дышит. Он неуязвим, но тем не менее, можно спастись от него громкими звуками (например, раковинами) или струей воздуха, выдаваемого выдувателем, и это выигрывает какое-то время на побег.

Аликвиды – вполне безвредные существа, если не считать того, что они уничтожили почти четверть ягодной плантации Дэвида. Легко приручаются, спокойные, жалят парализующим ядом, тем самым обездвигивая мелкую добычу. И прячутся хорошо, гады.

Дэвид предположил теорию о том, что они как раз-таки и появились от тумана, который проник в некогда существующую здесь лабораторию (*что за бред?! – заявила Сонька*) и тем самым как-то «создал» семя, откуда и зародилась эта жизнь.

Но самыми проворными, несомненно, были безымянные существа вроде Друга – крыс, мутировавшие после долгого

контакта с ядовитыми испарениями.

После всей этой тирады мы с Сонькой и Киром пришли к мнению, что туман имеет не только плохую сторону, ведь он смог зародить живых существ в городе, где, почитай, умерло все живое. Но вдруг туман стал и той самой причиной, по которой этот некогда процветающий город превратился в мертвый Слипстоун?

Мы рыскали в городе, как ищейки, которые пытаются найти что-то поистине важное. Важного не находилось, зато мы находили много другого разного быта, который Дэвид сразу же прикарманивал себе в дом.

Вечером, когда выдуватель показывал время до прибытия тумана, мы всей шайкой трусили в дом, пересказывая свои варианты идей, которые можно было бы использовать к той или иной штуке, найденной в «заброшке». Все они, обычно, оказывались глупыми и бесполезными, зато мы развлекались и ждали нового дня с таким упоением, с каким не ждали, пока жили обычной жизнью обычных американских подростков – ну, до того, как потерпели авиакатастрофу и очутились на несуществующем острове бок о бок с суровой природой. Все-таки, вот, что творят с человеком простые вещи. Пока у нас были удобства, модные гаджеты и возможность страдать ленью – мы не замечали вообще ничего, что могло бы поднять нам настроение. А потом, лишившись всей наворочанной атрибутики и современных благ, мы стали ценить не то что каждый дождь – каждую минуту, проведенную здесь.

– Какие планы на завтра? – я измельчала сухие ягоды и складывала их в небольшие ящички, смотря, как Дэвид, стоящий рядом, заливает их кипятком.

– Как обычно, – он пожал плечами. – Тут особо не развернешься. Можно ягод пойти пособирать, можно на охоту махнуть – а то мяса у нас уже впритык. А то Бу и Друг траву до сих пор найти не могут.

Он усмехнулся своей же шутке и продолжил заготавливать запасы. Зима здесь, судя по его рассказам, выдавалась похлеще, чем у нас в Северной Каролине, поэтому заготавливал он всегда много и с запасом.

Туман должен был прийти через двадцать минут, и я, воспользовавшись этим временем, взяла уже готовые ящички и потащила их к подвалу.

– Не забудь открыть щеколду, хозяйюшка! – крикнул мне вдогонку Дэвид, передразнивая мотивы старенькой бабушки.

Ну и дурачок.

Я поддела грузную металлическую застежку и, насколько это было возможно быстро, вытащила на улицу. В воздух подул прохладный ветер вперемешку с лучами заходящего солнца, и я как-то незаметно для себя подумала, что, наверное, жизнь здесь не такая уж и плохая.

Я обошла дом и вышла на задний двор. Не такой уж и навороченный и современный, но уютный и ухоженный, без ку-

чи ярких пошлых цветов, с минимальной растительностью, но такой *свой*. Вот чего мне не хватало у себя дома.

Я подошла к небольшому погребу, плавно уходящему в землю, пару раз дернула за ручку, и он открылся, выбрасывая всю скопившуюся паутину и пыль в воздух. Внизу пробежали какие-то мелкие животные. Вот кого не помешает вытравить отсюда – так это этих чудаковатых вредителей.

Первая ступень, вторая, четвертая, пятая, десятая... Я дошагала до конца в цветущий мрак, поставила ящики в самый дальний угол, кое-как отделанный влажной и крошащейся от сырости штукатуркой. Сверху свалилось пару камней. Я подняла голову, так, на всякий случай, и...

Нет.

Не может быть.

Там, вверху, что-то *шевелилось*.

Сознание отчаянно попыталось списать это на мой воспаленный мозг, но неожиданно нечто, *сидящее* там, шумно *вдохнуло* и *выдохнуло*. Этот поистине громкий звук отразился от стен и застыл в немой тишине, словно ничего и не было.

Нет, там определенно что-то есть. И это что-то будет побольше, чем аликвид.

Я попятилась со всей своей осторожностью, которую только имела. Нечто на потолке еще раз шумно *вдохнуло* и *выдохнуло*.

И тут я догадалась.

Оно спало, и спало очень крепко, что существенно облег-

чало мою задачу сбежать отсюда как можно быстрее. Ноги – назло, что ли – приросли к полу, в горле застрял ком. Мое дыхание показалось мне ревом поезда, и я перестала дышать. Легкие, недовольные этим поворотом, потребовали новую порцию кислорода.

Я быстро нащупала ножик у себя в кармане и попятилась к выходу. Я уже миновала половину пути, как вдруг половица, чьей было залатано добрая часть ступеней, жалобно скрипнула и прогнулась.

А дальше произошло два события, заставившие мой мозг работать на пределе и очень, *очень* быстро.

Существо, что прежде мирно храпело, завозилось, и в темноте показались его два ослепительно ярких синих глаза без зрачков. А потом – еще один, и еще один, и еще пару, и вскоре на его морде образовалось бессчетное количество маленьких голубеньких огоньков, которые, несомненно, усталились на нарушителя своего спокойствия.

А потом голос Азы Джонсон в моей голове, который появился буквально из ниоткуда, четко, но ясно произнес:

Беги.

Я бросилась наутек, спотыкаясь и падая на холодные каменные ступени, сдирая в кровь и мясо кожу на коленях и ступнях. Сердце неистово забилося в груди, и мне показалось, что еще немного – и оно прорежет нежную кожу и вырвется наружу.

Рык и вой, донесшийся с подвала, а потом – быстрое кла-

цанье чьих-то когтей, послышались позже, но я уже успела вырваться наружу и теперь на всех парах бежала к входу в дом.

– ДЭВИД!!! – я перепрыгнула через оградку и оглянулась.

Это существо походило на нашу земную пантеру, только вот оно было раза в два крупнее и с мордой, которую будто окунули в кислоту. Шерсти не было, была только уродливая, в уродливо затянувшихся шрамах, черная, как смоль, кожа. Рот, по-видимому, отсутствовал. Длинный хвост был вскинут вверх, как у скорпиона, и на его конце блестело острое жало.

Я снова заорала, как ненормальная, проклиная всех богов и туманов за то, что Дэвид взял привычку наглухо затыкать окна рваными тряпками. А что?! Если бы он это делал перед самым прибытием тумана, то он бы мог спасти не только меня!

Я вылетела на дорогу, поднялась к подъезду и рванула ручку двери на себя. Я успела забежать в дом, прежде чем черное нечто врезалось бы в меня и утащило куда-нибудь к себе в берлогу.

– Что случилось? – Дэвид, стоящий у стола, от удивления выронил поднос с растолченными ягодами. Те посыпались на пол и растеклись там кровавым соком.

Когда дверь прогнулась под тяжестью нападавшего, он вздрогнул.

– Не знаю. Там... *Что-то*, – еле выдавила из себя я. –

Очень огромное.

Дэвид задумался. Его брови сошлись на переносице, между ними образовалась глубокая складка. Глаза прищурились. Он позвал Соньку и Кира, и, куда-то быстро убегая, сказал ждать здесь.

Ребята прибежали чуть позже, сильно напуганные и сбившие с толку.

– Что случилось?! – Сонька огляделась по сторонам. Хищник, будто бы дожидаясь ее реплики, снова ударился об дверь и стал скрести ее когтями.

– Ох черт, – Кир потер переносицу.

– Я шла относить запасы, – продолжила я, – зашла в подвал, где было *оно*. Неизвестно, как оно пробудилось не от плюханья ящиков на пол, что за километр слышно, а благодаря тихому скрипу.

– Где Дэвид? – снова пропищала Сонька.

– Он сказал ждать здесь, – поправил ее Кир. – Но как мы можем ждать здесь, если он сейчас, может быть, надежно спрятался, оставив нас одних, как приманку?

БАМ.

Щепки от двери полетели прямо на нас и на все, что находилось в коридоре. Существо отряхнулось, сбilo лапой остатки, которые еще были у основания двери, и громко завывало.

– ЧЕРТ! – заорал Кир, хватая нас за руки и убегая в противоположную сторону дома. – БЫСТРЕЕ!!!

Мы понеслись с такой скоростью, перепрыгивая через мебель и остатки быта, словно за нами гнался сам черт. Хотя, так, скорее всего, и было, просто никто из нас троих не смог признаться, что Дэвид, как самый подлый трус, где-то сейчас спрятался и оставил нас одних.

Мы слышали чудовищный рев пришельца, его кляцанье длинных и острых, как лезвие, когтей. Мебель, которую мы успели обежать, превращалась в щепки после того, как она попадалась ему.

– Сюда! – я резко повернула в дверной проем. Кир и Сонька успели забежать внутрь и понеслись по бесконечным коридорам прочь, пока я держала дверь.

Первый мощный удар выбил мой дух, второй – его остатки. Силы как-то подозрительно быстро иссякли. Я поняла, что еще немного – и дверь не выдержит.

Эта комната не походила на те, которые мы привыкли здесь видеть. На стенах не слезила штукатурка, деревянный пол не грозился провалиться под чьим-то весом. На стенах были навешаны различные картины, в том числе и миниатюрная версия знаменитой «капеллы». Но что было самое поразительное – так это то, что повсюду стояли *манекены*. И они были ужасным образом *изуродованы*.

У одного из них были выцарапаны глаза каким-то острым предметом, другой еле-еле стоял на одной ноге со вспоротым животом, прислонившись к стенке. Еще у пары отсутствовали головы. Один манекен, самый дальний, представлял из

себя сплошное расплавившееся нечто с еле угадываемыми чертами.

Третий удар пришелся слабее, и я его сдержала. Пришелец негодовал. Господи, Дэвид, где тебя носит...

НУ ВСЁ. ЭТО КОНЕЦ. Конечт чего? *КОНЕЦ ТВОЕГО ЖАЛКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.* Может быть, не такого уж и жалкого... Но, пожалуй, я кое в чем с тобой соглашусь... *Только не говори, что ситуация изменится в лучшую сторону.* Она как раз-таки и не изменится.

Мне было стыдно признавать, что все мои усилия выжить в этом странном и загадочном мире, который, возможно, не существует в реальности вообще, оказались напрасными. Черт бы побрал эту чертову авиакомпанию, черт бы побрал всех, кто там работает!

Мне вспомнилось, как перед самым вылетом, стюардесса спросила что-то у толстого немытого охранника. *Я не верю в это*, – ответил он ей, и она хотела было что-то возразить, но заразилась скептицизмом и примолкла.

«Число 888 – бесконечность» – говорила мне Сонька, и я должна была обо всем догадаться и пересесть на другой рейс, будь то 889 или даже 890.

Бесконечность.

Так не хотелось это признавать, но мы застряли тут на *бесконечно*.

Последний удар отбросил меня в другой конец комнаты вместе с дверью. Я неловко перекувыркнулась, врезавшись в

стену, и приняв удар спиной от единственной защиты, разделяющей меня от смерти буквально на пять дюймов, окончательно удостоверилась в том, что спасения ждать не придется. Дверь накрыла меня сверху, что немного продлило жизнь. Если бы дверь впечаталась мне в грудь и в лицо, то монстру, считай, все было бы подано горяченьким.

Я немного очухалась от удара и выглянула в щель.

Оно ходило и жадно вдыхало воздух. Его ноздри раздувались подобно жерлам вулкана, хвост нетерпеливо метался взад – вперед. Ребра ритмично постукивали друг об друга, создавая на темной коже складки. Отростки из спины, которые я не заметила раньше, на конце были снабжены еще большим количеством ядовитых шипов, нежели чем на хвосте.

Оно прошло по периметру комнаты, и только собралось уходить, как моя рука соскользнула с пола, и паркет издал молящий о пощаде звук. Монстр повернулся. И бросился на меня.

Я зажмурилась.

Не хочу видеть, как он поедает мои внутренности.

Все.

Аза Джонсон умерла в чьей-то зловонной пасти в неизвестном городе, а не в уютной кровати с любимым мужем в Каролине, как мечтала.

Жизнь не успела начаться, а уже конец.

Кажется, я стала понимать, что означает выражение «уме-

реть недостойно».

Я сжалась и приготовилась к худшему.

Выстрел.

Грохот.

И визг того, кто пару миллисекунд назад прыгнул на меня для того, чтобы убить.

Я решила, что уже умерла, и этот выстрел – что-то наподобие пропуска в рай, до того момента, пока не открыла глаза и не увидела уже знакомую фигуру, а рядом – самого дьявола.

Оно лежало на боку и истекало черной, как смоль, кровью. Дэвид заметил, что «кто-то» шевелится под дверью, и нацелил дуло двустволки, но я вовремя успела крикнуть.

– Аза! – он в одно мгновение подлетел ко мне и помог высвободиться от натиска двери. – Ох черт, да ты вся в крови!

Только сейчас я заметила, что изрезала в кровь руки об щепки и испачкала ею всю одежду. Как пришелец не догадался найти меня по запаху крови – оставалось загадкой.

– О боже, – я схватилась за голову. – О боже! О боже... О боже. Нет. Не может быть. Я жива? Я жива! О боже. О боже!

Он как-то странно уставился на меня, легонько побил по щекам и потряс за плечи.

– Еще бы немного – и я труп. – Я шумно выдохнула. Я до сих пор не пришла в себя, и мертвое животное казалось мне какой-то иллюзией.

Дэвид улыбнулся своей скромной улыбкой, и мурашки на моем теле стали отплясывать тумбу.

– Прости, что так поздно. Я даже и подумать не мог, что это треклятое ружье найдется не так быстро, как хотелось бы. Прости.

– Все хорошо.

Мы снова улыбнулись друг другу. И, как это было тогда, на старом диване после рассказа об Эмили, мне жутко захотелось его обнять.

– В общем, нужно найти Соньку и Кира, – я кивком указала направление, куда они пошли.

Пока я вставала и отряхивалась от пыли, пытаюсь привыкнуть к боли в спине, Дэвид успел подобрать двустволку и уже выставил ее вперед, дожидаясь меня. Мы пошли разыскивать друзей, покинув комнату.

– А знаешь, я таких здесь никогда не видел, – задумавшись и почесав подбородок, заметил он. – Вот поэтому и не стал тратить время на обычный «макаров» – кто знает, вдруг он не пробил бы его кожу? Он даже не сразу аликвида пробивает, пули со второй, не меньше, не то чтобы этого...

– Но спасибо. – Я покраснела, – если бы не ты, я бы уже давно варилась в адском котелке.

– Не за что, – пробормотал Дэвид, краснея.

Я позвала ребят. Сначала в доме стояла угнетающая тишина, но потом в соседней комнате кто-то завозился. Я узнала Соньку по ее растрепанным волосам шоколадного оттен-

ка, Кира – по рваной брючине, которую он успел раскроить от колена до щиколотки.

Они подошли к нам шаркающей походкой, затравленно оглядываясь, словно в любую секунду на них мог кто-нибудь выскочить из угла. Потом остановились рядом, воткнув взгляды в пол.

Спустя пару минут Сонька лаконично и пристыженно произнесла:

– Спасибо.

– Извини, что поступили по-идиотски, – дополнил Кир. – Адреналин всю голову совсем забил.

Дэвид со снисходительной ухмылкой наблюдал, как они поочередно подходят ко мне и обнимают и просят прощение непонятно за что, ведь я их, будь даже жадной и злопамятной стервой, все равно бы простила.

Сложно было представить, что он мог сделать с нами. Даже если бы я не выжила, то Кир и Сонька спаслись бы.

Пока мы приводили себя в порядок и пересчитывали количество царапин, Дэвид что-то усердно искал в старом хламе, а потом, глянув на выдуватель, сплюнул:

– Черт! Туман уже окружает Слипстоун.

Мы как замороженные бросились к окну. Там, за полностью выжженным горизонтом, на много миль распростиралось зеленое облако, которое неуклонно двигалось к нам. Сонька что-то быстро забормотала, Кир выругался сквозь зубы.

– Хорошо, – продолжил Дэвид, – хорошо, что не очень хорошо. А точнее – вообще нехорошо. Эта тварь неизвестной этиологии неплохие такие брешины оставила в двери, и туман, будь он не дурак – а он, как известно, не дурак – медлить не станет. Так что сегодня повременим с уютной кроваткой и расположимся в лабораторной.

Он снова бросил взгляд на туман, который на этот раз приблизился еще больше, и указав «наше» направление, поплелся в противоположную сторону.

Интересно, как выглядит его лаборатория? Мне представилась полностью железная комната без окон, с различными шкафчиками и пробирками с неизвестными растворами в них. Конечно, задним числом я понимала, что, собственно, ни о какой цивилизации в виде компьютеров или даже обыкновенных счетов тут даже не может идти речи, но мой мозг настолько отчетливо вырисовал эту картину, что, когда мы зашли в комнату с изуродованными манекенами, мое сердце ухнуло куда-то в пятки и растеклось там липкой лужей.

Не может быть...

Так... Это все... Сделал он?!

Я попятилась к проему, тарашась то на Дэвида, то на манекена без «внутренностей». Сонька уловила мой немой ответ на ее немой вопрос и, схватившись за Кира, тоже попятилась в сторону двери.

– Что за... – Только и смогла выдать я. Вторая Аза Джонсон стала потакать мне, что Дэвид – маньяк и вообще-

неизвестноктоатыужеемуглазкистроишь.

– А, это? – Дэвид оглядел свои плоды упорного труда. – Да так, не обращайтесь внимание, всего лишь эксперименты.

– Как на них *не обращать внимание*, если ими вся комната забита?! – разгорячилась Сонька. – И какие такие эксперименты могут быть тогда, когда у манекена отрублены его гениталии и вставлены в голову?!!

– Либо ты псих, либо мы все уже мертвы, – пробормотал Кир.

– Это действительно странно, – дополнила я.

Дэвид прислонился к стенке, скрестив руки, опустил взгляд на мертвое животное и вздохнул. Так и не сказав ничего путного, он опустился на корточки перед уже остывшим телом и, разрезав плоть ножиком, вывалил кишки прямо на пол, прямо перед нашими ногами.

– Да ты издеваешься! – воскликнула Сонька.

– Я не виноват, что ты такая *неженка*, – запротестовал парень, – я просто ищу то, что может послужить защитой от таких подобных. Яд, либо ядовитый хитин, либо даже ядовитая ткань – все на пользу. Так что заткнитесь, иначе благодаря тебе нас обнаружит туман и упечет к чертовой матери!

Мы все заметно присмирели, не ожидая такого поворота от Дэвида. Возможно, конечно, он и не на такое способен, доказав нам, что в гневе (а в гневе ли?) он страшен и может воткнуть в голову чужие гениталии. Но разозлиться на Соньку из-за пустого предложения...

Мы еще с час наблюдали, как он плотно затыкал все щели остатками манекенов, подсовывая между половицами чьи-то руки или головы, а потом возился с трупом. Кишки, которые ранее были плотно уложены в животе чудовища, сейчас были разбросаны на несколько ярдов по комнате, напоминая какой-то живой чудовищный пазл.

Мы договорились дежурить по очереди. Пока Кир наблюдал за всей этой процессией, мы с Сонькой отползли в самый дальний угол «лаборатории» и забылись беспокойным сном.

6

«Берегись!».

Темнота. Ни единого белого пятнышка.

«Они найдут тебя!».

Впереди – туман, зеленый, и разит от него тысячей дохлых трупов неизвестных животных. Остальные же выжившие десятки играют с оставшимися трупами, которых еще не обглодали.

«Беги от них!».

Я стою на какой-то странной перекладине, качающейся вниз-вверх, танцую зловещий танец. Тело само танцует его за меня.

«Глупая девчонка, беги пока не поздно!».

О боже, одно неверное движение – и впереди только пропасть.

«Они убьют тебя!».

Хочется кричать и смеяться. И плакать. А я все наблюдаю, как худые истощенные животные поедают трупы своих собратьев. И мне это нравится.

«Они будут смаковать каждый сантиметр твоей кожи!»

Но я понимаю, что скоро эта сказка закончится.

Но перед этим будет *очень* больно.

«Ты почувствуешь, как сгоришь заживо».

Пора проснуться.

Я вскочила в сидячее положение так, будто кто-то пнул меня в спину ногой, заставив согнуться в неестественном телу положении. Ноги свело жуткой судорогой. Я все еще находилась в лабораторной.

Соньки, Кира и Дэвида не было, зато я обнаружила, что мои ноги заботливо укутаны тканью, которая больше походила на половую тряпку, чем на одеяло. Рюкзак лежал рядом. Сквозь заколоченные доски пробивались лучи утреннего солнца.

Я тщательно обошла весь дом в поисках ребят, но кроме манекенов, растасканных по углам в еще более ужасающих позах, не нашла ровным счетом ничего. Вещи, которые хоть немного напоминали о существовании некой цивилизации в этом доме, так же исчезли.

В шкафах нашлись колбочки с темно-синим содержимым с наклеенной на них надписью «*dager ppe*l». Еще я заметила лук и пару стрел, припрятанных в углу за самым дальним и более «пострадавшим» манекеном.

Черт, да куда они все подевались?

Я тщетно приказала второй Азе Джонсон вспомнить, чем он мог напоить меня, что я ничего не помню. Последнее, что было перед тем, как я провалилась в сон, было слово «берегись», взявшееся буквально из ниоткуда в моей голове. И хотя я знала, что личностей в моей голове несколько, каждая из них поклялась самой же себе, что ничего не знает – впрочем, как обычно.

А этот странный сон... Я остановилась посередине комнаты и потеряла виски. Что он может обозначать? Эти трупы животных, эти странные предостережения... О господи, неужели я сошла с ума и только сейчас об этом догадалась?

В голову прокрались ненавязчивые доводы о том, что меня тут просто-напросто оставили одну.

Ну нет!

Сонька и Кир не бросили бы меня!

Если только Дэвид не утащил их отсюда силой...

Внутри меня все завязалось в тугой узел и скрутилось в разных позах. Надо же, с виду он показался мне милым парнем, и я даже подумать не могла, что он мог свалить вместе с моими друзьями в неизвестном направлении, прихватив все важные вещи. А что, если он их... При этой мысли в горле у

меня застрял комок, горло сжалось в рвотном порыве.

Ох нет, только не это.

Не может быть.

Я прихватила лук и стрелы, продела через плечи рюкзак и отправилась на поиски.

Я прошла с сотню ярдов, блуждая по тем окрестностям, которые до этого нам показывал Дэвид. Все это время у меня в глубине души зарождалась небольшая надежда, что Сонька и Кир живы, но Вторая Аза всячески ее перебивала.

Я же тебе говорила, что нужно валить отсюда куда по-дальше. Я же не знала! Теперь, когда Сонька и Кир уже, наверное, варятся в адском котелке, ты знаешь. Молодец! Слушай, мне плохо, если не можешь успокоить меня – закройся. *Я пытаюсь донести до тебя, что Я в опасности! Из-за ТЕБЯ!* Ты постоянно забываешь, что тело-то у нас одно на двоих. *Вот это меня и бесит.*

Вскоре я поняла, что он бы не стал прятать их в уже знакомых мне районах, если так можно было назвать эти развалюхи, и ушел либо в глубину города, либо – загород.

Ты хочешь рисковать собой? – спрашивала я себя, пока обследовала новый район, который окрестила Адским проспектом за его особенно ужасающий вид.

Он даже как-то отличался от остальных. По стенам полуразрушенных домов ползли цепкие колючие ветви, игрушки, которые были разбросаны почти в каждом закоулке города,

выглядели тут еще более ужаснее. Я остановилась около массивного высохшего дуба, подобрала одну куклу, и мозг, разом среагировавший на это происшествие, приказал мне уносить ноги.

Эта кукла выглядела точь-в-точь, как выглядели те манекены в лаборатории Дэвида. Один глаз ее отсутствовал, рука была нелепо перевернута в другую сторону, живот – «вспорот». И надпись полустершимся черным маркером на ее изуродованной спине гласила: *dager ppe!*

Они найдут тебя.

Я в ужасе отбросила ее от себя, и она пролетела еще ярд, прежде чем приземлилась на землю и откатилась прочь.

Так значит, Дэвид был тут?!

Внутри меня все похолодело и руки сами полезли в карман за ножиком. Я уже и забыла, что жизнь бывает другой, и самое ужасное было то, что она никогда больше не могла стать нормальной. Если я как-то и выберусь из этого проклятого места, то свои последние дни в Каролине встречу в психиатрической лечебнице на пару с бредящими наркоманами и паралитиками, вдруг интересным образом обнаружившими, что в их крови плавает сотню золотых рыбок.

Я попыталась отдышаться и привести свои мысли в порядок. Взгляд постоянно скользил по изуродованной кукле, лежащей под толстым слоем пыли.

Ну хорошо.

Поиграть захотел, значит.

Я повернула за дом, и картина, которая представилась мне, окончательно убедила мой мозг в том, что я уже давно умерла.

Передо мной распростиралась самая большая дыра, которую я когда-либо видела. Ее концы уходили далеко за горизонт, распадаясь там подобно частицам, в глубине чернела только гигантская черная пропасть. Дома Слипстоуна обступили эту громадину плотным кольцом, тесно сгрудившись друг с другом.

И тут я догадалась. Это был карьер, довольно заброшенный и сильно выделяющийся по меркам этого скромного городка.

Я подошла к краю и прищурилась. Склон был крутым, – чуть оступишься – и поминай как звали. Пару камней сорвались вниз от пинка моего кроссовка, и вскоре скрылись в непроглядной черноте.

Я прислушалась, но нужного результата не получила, только, наоборот, еще раз задала себе вопрос, а не умерла ли я.

Тупица, ты спятила, а не умерла. Заткнись, сейчас не время для твоей тирады. Затыкаешь саму себя, просто умница. Заткнись и перестань соваться не в свое дело. Ути-пути, как мы заговорили! Заткнись. Вторая. Я. Просто. Заткнись.

Я кинула еще пару камней, и снова убедилась, что эта во-

ронка просто не имеет конца.

Прыгни в нее. Хм, так кто там говорил, что я спятила? *По крайней мере, ты перестанешь мучиться и искать выход, которого ты, ясен пень, не найдешь.*

Я снова послала Вторую Азу покататься в Диснейленде на американских горках (кстати, именно тогда она меня ненавидела больше всего. Хе-хе), и она примолкла, очевидно, поняв, что спорить со мной бесполезно.

Идти в обход? Это предложение представлялось мне невысказанным, потому что спасти друзей надо было немедленно, а не трата полжизни на то, чтобы пересечь этот карьер. Но и оставаться на месте тоже представлялось невысказанным, потому что друзей надо было *спасти*.

Мысли судорожно роились у меня в мозгу, вырисовывая самые ужасные развития сценариев, которые только могли быть.

Мне представилось, что, когда я снова углублюсь в город, то найду под грудой сгнивших яблок уже вздувшиеся от жары тела Кира и Соньки и какую-нибудь записку с угрозами. Или обнаружу, что из моего рюкзака, который сейчас стоит в дюйме от моей левой ноги, торчит какой-то странный вонючий предмет, и когда вытащу его, увижу порядком обглоданную руку с темно-синим маникюром. От этих мыслей я поежилась и развернулась, чтобы возвращаться обратно, как вдруг откуда-то сзади раздался мелодичный вой.

Волки!

Идиотка, какие тут волки?! Ой, ну да... А что тогда? Не знаю. Может быть, туман?

Я развернулась снова, попытавшись разглядеть нечто. Горизонт оставался чистым, до заката еще были добрых три-четыре часа, в учете того, что темнеет здесь поразительно быстро. Вой повторился снова.

И тут я вспомнила... Такой же вой в Новолуние... Тогда он показался мне зловещим, но сейчас он был пропитан такой горечью, что мое сердце сжалось в один тугой узелок.

Она иногда зовет меня к себе, – говорил мне Дэвид. И тогда я не восприняла эти слова как должное под пониманием того, что мы пережили в ту роковую ночь, но сейчас я обо всем догадалась.

Она... это... Эмили?!

– Э-э... Эмили?! – крикнула в пустоту я. – Эмили?!

Тупица. Заткнись. Тупица-а-а-а-а. Заткнись.

Я ожидала все что угодно – от того монстра до тумана, выжигающего кислотой буквально все, но, когда вой раздался уже более отчетливее, я снова замахала руками как умалишенная и заорала имя девушки. «Сюда!» – как будто бы говорил вой, подвывая на каждую мою попытку кричать громче.

В конце концов я не выдержала и сорвалась с места, подхватывая на бегу рюкзак и даже не понимая, что вместо безобидного духа в белом платъице я могу встретить что-то поистине ужасное.

Я пронеслась мимо искореженных ограждений небольших частных домиков, мимо заброшенных печальных сади-ков и потрескавшихся садовых статуэток гномов. Я резко по-вернула за один из домов и продолжила следовать за воем, который только усилился.

– Я бегу! – я перемахнулась через оградку и очутилась в середине пустынного двора, окруженным разрушенными домами.

Тишина заполнила улицы. Я тяжело дышала после такой нехилой пробежки, легкие мои горели синим пламенем, тре-буя восстановить подачу воздуха. Каждая молекула воздуха словно была наэлектризована напряжением, повисшим надо мной и моим невидимым собеседником, словно палач над жертвой.

Я согнулась в приступе мучительного кашля.

– Эмили?

Вой повторился. Только теперь он был тише и с непонят-ными нотками злобы...

– Эмили? – я прищурилась. – Не бойся, я...

Но договорить я не успела, потому что тяжелый и мощ-ный удар, который огрел меня прямо по затылку, заставил меня провалиться в пелену мрачных воспоминаний и поте-рять сознание, наверное, уже навсегда.

– Аза! – отец улыбается своей белозубой улыбкой, закрывая мне руками глаза. – Угадай, что мы тебе подарили?

Я готовлюсь выдать целый перечень своих желаний. Кукла Барби с краской, входящей в содержимое, чтобы красить ей волосы? Да любая моя одноклассница позеленеет от ярости! Или расческа с камешками? Тогда я смогу похвастаться ею перед Лило и Мэдди. Или, может быть, настоящие красивые крылья?

– Не угадает! – мама посмеивается. – Тэд, покажи ей.

Отец отстраняет руки от моего лица, и я вижу перед собой огромную праздничную блестящую розовую коробку. Я потираю руки в предвкушении. Какой будет огромный подарок!

Мои родители смеются... Но смеются странно и нервно. Я с вопросом в глазах поворачиваюсь к маме, которая подталкивает меня к коробке.

– Иди, – она зловеще улыбается. – Посмотри на свой подарок.

– Ей *ужасно* понравится, милая, – поддакивает папа.

Я оборачиваюсь...

Нет.

Не может быть...

Тела Кира и Соньки... Уже порядком разложившиеся, гниющие, с гнойными незаживающими ранами по всему телу, в которых роятся тысячи червей. Глаза их выцарапаны чем-то острым. Рты открыты; изо рта свешиваются синюш-

ные языки.

Я начинаю кричать. И родители, а вернее – те, кто скрываются под маской, – начинают хохотать еще безудержнее, чем до этого.

И он толкают меня к ним.

– Веселого времяпровождения, – говорит мама, и огромные створки коробки закрываются, образуя моему взору непроглядную темноту.

Я дернулась вперед и раскрыла глаза.

Темнота.

Я что, умерла?

Нет, так не может быть. Я ощупала все свое тело, потрогала конечности и удостоверилась, что все они на месте. Не считая того, что все мое тело саднило и болело, я вполне могла бы сказать, что я *все еще* жива.

Когда глаза стали потихоньку привыкать к темноте, а сердце перестало так судорожно биться о ребра, я хорошенько рассмотрела пространство и пришла в еще более *ужасный ужас*, чем до этого.

Это было небольшое выдолбленное углубление в пещере примерно пять ярдов в длину. С трех сторон меня окружали песочно-каменные стены, в четвертой же была вдолблена нечастая решетка. Конец ее уходил куда-то вверх – оттуда даже не проникали лучи солнечного света.

Где это я?

Я на покачивающихся ногах присела на корточки и, опираясь об стену, медленно встала. Голова раскальвалась. Во тьме что-то глухо стукнуло. Я посмотрела вниз и увидела, что вокруг моей ноги обвязана толстая лиана, уходящая вглубь стены.

Ну отлично.

Только я хотела было понять, какого фига я нахожусь *в заточении*, нечто в углу, не подававшее признаков жизни все это время, вдруг завожилось и схватилось за голову.

– Дэвид?! – Я сначала отшатнулась, не веря глазам, а потом, вспомнив, что он сотворил с Сонькой и Киrom, рванула на него с кулаками.

Лиана натянулась, а потом и вовсе заставила меня грохнуться на сырую землю всего лишь в футах от парня.

– Аза?! – он выглядел сбитым с толку. Сон еще не покинул его, и поэтому он уселся, опираясь о стены.

– Что ты сделал с Сонькой и Киrom?! – я, все еще лежа, попыталась дотянуться до него и схватить за волосы. – ОТВЕЧАЙ! Что, черт возьми, ты сделал С СОНЬКОЙ И КИРОМ?!

– Я ничего не делал с ними! – он развел руки в стороны, – я *клянусь* тебе! – Дэвид снова покрутил головой по сторонам. – Где мы?!

– Хватит притворяться! Ты прекрасно знаешь, где мы!!!

Я замолкла, и мои слова разбились о выступающие глыбы, зависнув там.

Достучаться (и дотянуться) до Дэвида было равносильно тому, как попытаться заставить камень летать. Я в бессилии отодвинулась в самый дальний угол пещеры и закрыла руками лицо.

Колоться не хочет.

Стоп.

И тут в моем мозгу пронеслась подозрительная мысль.

Если это был бы он, *как* тогда Дэвид затащил бы меня сюда? Здесь же сплошная решетка от стены до стены! Значит, это сделал кто-то другой, более сильный и опытный в выживании.

Я услышала, как парень что-то говорит Бу на неизвестном языке, а потом мне на колени стал попадать мягкий синева-тый свет, осветив мое лицо, которое на тот момент было все в слезах.

Все бы хорошо, но вопрос напрашивается лишь один: *кто*, если не Дэвид, затащил нас сюда?

Может быть, тот, кто крупнее нас, сильнее и *опаснее*?

– Аза...

Я зарылась поглубже в колени, пытаясь игнорировать боль от лианы в ноге.

– Аза... – и, поняв, что до меня не достучаться, аккуратно начал: – кажется, я знаю, куда нас занесло.

Он шумно выдохнул, и я увидела, как Бу заметно потускнел.

– Есть такое место на юго-востоке Слипстоуна, где обита-

ет одно выжившее после Второй Мировой племя.

– *Что* ты сказал? – я прищурилась.

Он пододвинулся ко мне:

– Аза, тут обитают *дикари*. И они, увы, не добрые и не щедрые, как хотелось бы верить. Племя У’лу. Я знаю эту компанию лишь потому, что сам не раз попадался в их цепкие объятия, но мне всегда везло и я улепетывал отсюда при первом же удобном случае. Вот за это они меня ненавидят и пытаются поймать уже восемь лет. Это отчасти и объясняется тому, откуда я знаю этот странный слипстоунский язык.

Я с минуту сидела молча, оглушенная настолько, будто мне только что дали мешком с песком по голове. До сих пор я считала, что в этом гиблом местечке обитаем только мы, а тут, оказывается, живет целая колония дикарей. Я стала шарить в поисках своего ножика, но, не обнаружив ни его, ни рюкзака, громко выругалась.

– Можешь не искать, – заметив мои старания, отозвался Дэвид. – Лианы настолько прочные, что их даже пилой не распилишь.

– И какой же дикари эти должны обладать силой, чтобы так легко ее завязать? – скептически спросила я.

– О, – в его глазах блеснула искра ужаса. – Они просто *огромные*.

Мы сидели взаперти еще часа два, и все это время ощущали себя тараканами, которые готовятся настигнуть свою

участь от гигантского, пропахшего стухшей рыбой, хозяйского тапка. Дэвид молчал. То ли понимая всю серьезность ситуации, то ли просто так – не найдя слов.

Конечно, перед этим он три раза назвал себя идиотом, который подумал, что его зовет Эмили, и потащился вместе с Сонькой и Киrom искать ее. А это оказалась обычная западня. Дикари племя У'лу как-то догадались, что у Дэвида до сих пор кровоточит его рана об его ныне покойной сестре, которая в Новолуние воеет, как волк, и взяли эту весть себе на заметку. А я три раза назвала его идиотом, оповестив его, что теперь эти дикари точно полакомятся свежей человечинной.

Я пыталась собрать все свои мысли в единое целое, приказать им перестать думать о том, что Кир и Сонька сейчас уже, может быть, варятся в котелке как закуска к основному блюду (несомненно, в роли него выступаем *мы*). Я бы хотела верить, что все получится, но, когда Дэвид сделал акцент на том, что ему удавалось ускользать только из их рук, а не из их убежища, мои надежды рухнули в пропасть.

БАБАХ.

Я вскочила с места, как ошпаренная, предварительно давшись головой об треугольный выступ из стены. Лиана натянулась. Дэвид, который в это время ни разу не сомкнул глаз, попятился от решетки прочь.

Я решила, что пришельцы бывают только в книгах. Но

увиденное, несомненно, подвергло меня в шок.

Это был настоящий разрисованный желтокожий гигант, сложившийся в три погибели под потолком из-за своего роста. Лицо его содержало негритянско-азиатские черты: сплюснутый нос, глаза-щелочки и остро выраженные скулы, которые буквально выпирали над кожей. Вместо волос были шупальцеподобные отростки, стянутые грубой резиной. Белки глаз были оранжевого цвета; в них едва ли угадывалось наличие радужки. За исключением набедренной повязки из толстой кожи, на нем не было и намека на одежду.

Он шумно втянул в ноздри воздух, перенес свой вес с одной ноги на другую, схватил четырехпальными руками толстые прутья и медленно раздвинул их в разные стороны, шагнув к нам.

– О боже мой, Дэвид! – пискнула я, одним прыжком преодолев разделяющее нас с парнем расстояние. Он схватил мою руку:

– Не делай резких движений. Они ненавидят все, что может таить в себе хоть малейшую угрозу.

Мне следовало вырвать свою руку и отползти еще дальше, но я еще сильнее сплела мои пальцы с его тонкими холодными пальцами.

Тем временем дикарь подошел к основанию лианы, и, делая рубящее движение, выдернул ее «с корнем». Его движения были неуклюжими, он постоянно что-то бормотал на своем языке. Он перекинул лиану через плечо и шагнул в

проем, таща меня за собой.

– ДЭВИД!!! – я ухватила его за руку. – ГОСПОДИ, ДЭВИД, ПОМОГИ МНЕ!!!

– Я держу, – он судорожно стал оглядываться. – Держу, Аза!

Напряжение лианы усиливалось, мне стало казаться, что еще немного – и она вырвет мою ногу с корнем. На глазах стали проступать слезы. То ли от боли, то ли от *того самого чувства*, благодаря которому я стала видеть в Дэвиде совсем другую личность. Я видела, что дикарь не испытывает ровно никакого усилия и так же продолжает неуклюже ковылять наверх, держа перекинутую через его сутулое плечо лиану. Мои руки стали потихоньку съезжать, а ногти – оставлять кровавые полосы на руке Дэвида. Он вздохнул, из последних сил сдерживая меня, а потом наклонился и быстро поцеловал в щеку.

– Я спасу нас всех, обещаю, – и оттолкнул меня от себя.

Я волочилась по сухому песку, застывшему, как одна сплошная глыба льда, смотрела Дэвиду в его большие грустные карие глаза и размышляла над двумя вещами: почему он поцеловал меня, и спасет ли он нас всех, даже не имея представления, как можно выбраться отсюда.

«Мы» преодолели склон, и впервые в глаза мне бросился одинокий луч света откуда-то сверху. Послышались голоса; дикарь тащил лиану, которая тащила меня, и не испытывал при этом никаких усилий, словно я была пушинкой. Пройдя

по многочисленному песочному коридору, ведущему вверх, мы наконец-то очутились там, где и находились все жители этого странного города Слипстоун.

Это была огромная пустынная пещера с вертикальными вылепленными из глины столбами, поддерживающими его «потолок». Как и остальные помещения, через которые мы успели пройти, она была выдолблена из мягкой скальной породы вперемешку с глиной и твердым оранжеватым песком. Всевозможные лазы и дыры в стенах, порой настолько высоких, что туда приходилось бы только лезть по стене, создавали сходство с термитником, а факелы, освещающие пространство, отбрасывали ужасные тени.

Впереди меня находилось что-то наподобие трона из дерева и глины, куда меня тащил абориген. Сначала я ничего не увидела. Но потом, прищурившись, смогла различить чьи-то длинные руки, желто-оранжевую кожу и надменное выражение лица...

Дикарь поклонился и что-то пролепетал. Вожак махнул рукой. Дикарь снова поклонился и привязал лиану к уступу, торчащему из пола, а потом встал в странноватую позу и издал вой.

То есть, *вой* – смесь смеха человека и мольбы кастрируемого кабана.

Тут же со всех сторон вышли пару таких же дикарей, ведя за собой...

Я потеряла глаза, не веря этому чуду.

– АЗА!!! – Кир и Сонька попытались вырваться из объятий аборигенов, но, не получив должного результата, немного поумерили свой пыл.

– О господи, Сонька! – когда их привязали так же, как и меня, я накинулась на них с объятиями. – Кир!!

Мы обнимались и радовались, как дети, даже не замечая, что за нашими действиями наблюдают с десятков оранжевых глаз. Но вскоре абориген, который привел меня в эту обитель, замахнулся палкой, чтобы ударить меня ею. Мы успели отскочить друг от друга, и она угодила в глиняный пол, где тотчас появилась неглубокая трещина.

Я сжалась, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце. Дэвид остался там! Что с ним сделают?! Дикарям же хватит одного удара, чтобы прибить юношу насмерть!

И его поцелуй... Он означал «мы прорвемся»? Или «ты больше, чем незнакомец»? Или, может быть, «ты больше, чем друг»? Мне пришлось одернуть себя – у нас тут идет выживание на полную катушку, вообще-то, а я о поцелуях думаю!

Дикари сгрудились в полукруг рядом с вожаком, сев на колени и все равно продолжая оставаться неустрашимыми и огромными великанами. На лице вожака не дрогнул ни один мускул. И хотя мы не понимали их языка, мы все втроем догадались, что милости ждать от них не следует.

А потом произошло сразу два события, заставившие сменить ход наших мыслей.

Раздалась ругань, а следом из подземной пещеры показались пару дикарей, удерживающих волочащегося по земле Дэвида за ногу. Вены на его шее вздулись, на лбу появилась испарина. Он что-то прокричал на языке дикарей, и это, судя по всему, их позабавило, потому что он стали издавать смехоподобные звуки, больше походящие на резню в свинарнике.

Дикари бросили его чуть подальше от нас, почти что в ноги вожака.

– Я понятия не имею, почему вам тут спокойно не живется, – пробормотал он. А потом, с презрением, видным только нам, поклонившись вожаку племени, что-то быстро проговорил.

Второе событие ознаменовалось тем, что со всех сторон из выдолбленных дыр в стене показались с тысячи любопытных лиц, которые незамедлительно уставились на нас четверых...

– Whyo sagfo m? – полюбопытствовал вожак у Дэвида.

–Në, – ответил ему тот, опуская глаза в пол.

Он хотел было добавить еще что-то, но внезапно появившиеся два аборигена заставили его замолкнуть.

Это были две женщины, причем одна из них была обычного человеческого роста с вполне нормальными глазами и кожей. Вторая же была гораздо выше, но ее тон кожи оставался таким же, как и у ее напарницы.

И тут по их характерному одеянию я догадалась: они, наверное, дочь и жена вождя.

– День добрый, Суоли, – Дэвид вымученно улыбнулся.

Женщина, совершенно не походящая на аборигенов, уселась рядом с вожаком, даже не взглянув в сторону парня.

– Сколько раз ты уже попадался нам, – с явным акцентом заметила она. Я удивилась, что она заговорила на английском, хоть пусть и на ломаном, словно его пытается произнести никогда не выдавший американские слова иностранец. – И все равно не усвоил урок.

– Суоли... – Начал Дэвид, но она оборвала его движением руки:

– И привел с собой...

Я почувствовала, как ее прожигающий взгляд скользит по нам троим.

– Троих недоразумений... И вы смеете ходить по нашей земле!

Дэвид выпрямился и на повышенный тонах что-то произнес.

–НЁ!!! – Она вскочила с сидения. Стражники-аборигены сделали шаг в нашу сторону, выставляя вперед копья. – Это наша земля! Мы имеем права обладать ею!

– Имеете, конечно! – Дэвид тоже вскочил с места. – Только не забывайте, что, если бы не вы, тут бы все давно уже благоухало и зеленело!

Пару стражников подбежали к нему и с силой ударили палкой. Он упал на пол, стоная от боли. Я вскрикнула. Вторая девушка издала смешок.

Я решила подбежать к парню, но взгляд низкой девуш-

ки-дикарки заставил поумерить мой пыл. Поэтому я только дернулась, как человек, которого шарахнуло током, и так же осталась сидеть на месте, прикидывая все те чувства, которые сейчас испытывает Дэвид.

Когда парень немного пришел в чувства, девушка-дикарь, стоящая рядом с вожаком, обратилась к парню с тирадой. Он надменно глянул на нее, но виду своей неприязни не подал.

– Она говорит, что мы будем либо сожжены заживо, либо нас отдадут на корм. – Обратился к нам Дэвид. – Выхода особо нету.

– Да уж, хороша перспективка. – Пробормотала Сонька, – наша жизнь скоро оборвется самой нелепой смертью.

Тем временем девушка-абориген медленно сошла с возвышения и, подходя к сидящему на коленях Дэвиду, цепко схватила его за подбородок. Что-то сказала.

– Talanna... – он сжался, стал быстро что-то говорить. Все это время аборигенка не сводила с него пристального взгляда. – Talanna, – и, увидев, что его приторные речи не трогают броневое сердце дикарки, решился на самое ужасное, что только могут вообразить себе восемнадцатилетние парни.

Он встал на одно колено, и вызвав в себе лживые слезы, стал потихоньку всхлипывать.

На наше удивление дикарка отреагировала сразу же: примерно так, как реагируют люди, когда видят милого щенка. Это были ее первые эмоции, не считая постоянно горящего в ее глазах желания убить нас. Но долго это не длилось – ко-

гда она снова взошла на «трон», пару дикарей-охранников снова пригрозили юноше заткнуться палками, если он этого не сделает.

Мы вчетвером наблюдали, как члены этого подземного жилища совещаются между собой, очевидно, решая, убить нас или оставить в живых. Я почувствовала, как спина моя взмокла от пота, и майка мгновенно прилипла к коже, создавая впечатление, словно меня только что облили водой.

– Так что они говорят? – шепотом спросила Сонька у Дэвида.

– У них акцент как у русских вперемешку с бельгийскими французами, – попробовал отшутиться он, – из всего этого их диалога я понял, что жить нам осталось недолго.

– Спасибо, обрадовал, – Кир закатил глаза.

– Но, – он возвел указательный палец вверх и так же шепотом сообщил нам: – план для побега все же имеется.

7

Нас заперли в тесной пещероподобной комнате, полностью состоящей из солевых отложений, с минимальными источниками света, в полной изоляции от других аборигенов.

Пока Сонька пыталась выдолбить выход с помощью своей невидимки для волос, мы расположились полукругом и приготовились слушать план Дэвида.

– Итак, – он сел по-турецки, уперевшись локтями в колени, – план достаточно прост. Аборигены эти жутко тупые и

неуклюжие, так что сбежать отсюда, я надеюсь, не составит труда. Помните ту маленькую женщину, походящую на нормального человека, а не на человека, больного желтухой? Так вот, она – еврейка. Во Второй Мировой их почти всех расстреляли, как котят, но племя, жившее здесь, как-то спасло Анну, и сделало женой своего... кхм, вождя. С тех пор она люто ненавидит немцев и американцев, и постоянно пытается мне накостылять. В каком-то плане мы уже стали заклетыми друзьями...

Он усмехнулся своей же шутке, но потом, уловив всю важность ситуации, продолжил:

– Вторая девушка, высокая, как скала, но более-менее походящая на нормального человека – Таланна, вторая дочь этой самой Анны и вождя. Нацисты разгромил тут все к чертовой матери, и она потеряла своего первого родного ребенка, чему была несказанно не рада, между прочим, ребенка, которого она родила не от этих дикарей. После она окончательно предала себя племени, даже сменив свое имя на Суоли, что, кстати, с их языка обозначает «выжившая». Вот и вся история. Поэтому, если мы не хотим испытать на себе все муки, которые проделывали нацисты с ними, нужно срочно делать ноги.

– Хочешь сказать, она – не коренная дикарка? – скептически спросила Сонька с дальнего угла.

– Вот именно, – Дэвид кивнул, – И я знаю, что она достаточно болезненно относится к своему прошлому. Если мы

сможем убедить ее, что сегодняшнее поколение не рвется в бой с евреями, она, надеюсь, отпустит нас.

– О нет, только не говори, что это твой план, – взвыл Кир. – Я ненавижу уговаривать.

Дэвид не ответил ему, зато сделал рубящее движение себе по шее. Кир шумно сглотнул. Я произнесла:

– Но, может быть, есть какой другой выход?

– Выдолбить тоннель! – отозвалась с дальнего угла Сонька.

Мы притихли, упирая свои взгляды в пол.

Интересно, каким же боком стоят немцы и американцы? Может быть, раньше они как-то и стояли, но теперь они живут совершенно мирно, женятся, устраивают свадьбы и рожают детей. Да и никого, вроде бы, не трогают.

У меня почему-то возникло непреодолимое желание начать бегать по пещере с воплями и криками, что, если нас отсюда не выпустят, мы невидимками для волос разнесем тут все к чертовой матери.

Сонька будто прочитала мои мысли и высоко вверх подняла руку с заколкой между пальцами.

– Нет, так не годится, – Дэвид потер переносицу большим и указательным пальцами. – Наш единственный выход – уговорить ее отпустить нас. Тут с сотню вооруженных стражников, которые наcostыляют нам при первом же случае. А я, прошу заметить, не невидимый!

– Алло, – на повышенных тонах сообщила Сонька, – как

мы можем быть уверены, что твой план сработает, чудик?!

– Как-то. – Он пожал плечами. – Именно эта уверенность спасает меня уже восемь лет.

– Ладно, – Кир подался вперед, – расскажи теперь, что ты еще знаешь об этом племени?

Парень вздохнул:

– Особо немного, но предполагаю, что они мутировали вместе с остальными формами жизни, когда появился этот треклятый туман. Утроился их рост, кожа приобрела такой странный оттенок – ведь они пещерные жители и солнце дай бог раз в месяц видят. Во время их очередной охоты на меня, я видел, что они используют монстров, который набросился тогда на Азу, в качестве гончей собаки, и...

Вдруг он резко замолчал. Вытаращил глаза сначала на меня, потом – на Кира, потом – снова на меня, потом – снова на Кира. Он вскочил с места и хотел было сказать что-то еще, но мы с Киром уже обо всем догадались.

– Черт! – я вскочила вместе с ним. – Они же как-то отслежили наше местоположение! Надо было валить отсюда, а ты вместе с Киром и Сонькой поперся к воображаемой Эмили.

Парень пожевал нижнюю губу:

– М-да. Дела плохи. Мне надо было сразу догадаться, что за нами в буквальном смысле этого слова шпионят.

Мы снова затихли. Нервная Сонька стала постукивать невидимкой по стене пещеры. Ну вот, только ее нервов здесь не хватает.

Молодец, Аза, блин. Что тебе опять не так?! Все замечательно! Мы сидим в вонючей пещере у вонючих дикарей и ожидаем свою вонючую участь! Я старалась! Если бы не ты, которая придумала, что тебя типа Эмили зовут, то ты бы осталась жива. Ты бесспорная эгоистка. Я жить хочу, а не чувствовать, как меня кто-то поедает!

Я приказала Второй Азе заткнуться в самой матерной форме, которая у меня имелась в запасе. Мой взгляд упал на Сонькины руки. Так. Стоп.

Постукивание все еще раздавалось, а невидимка лежала рядом с девушкой, подтверждая этим, что она здесь непричастна.

Я толкнула Дэвида и взглядом указала сначала на Соньку, а потом шепотом сообщила ему, что невидимка не может просто так стучать сама по себе. Он прищурился; поправил повязку на руке и, привстав, прислушался. То же самое сделала наша тройка, и теперь мы все превратились в гончих собак, которые наткнулись на след жертвы.

Соленая вода по каплям собиралась на концах соляных выступов и со звоном падала оттуда, шумя, кажется, больше, чем сотни тракторов. Каждое наше движение заставляло подскакивать наши сердца куда-то в глотку, грозясь вывалиться оттуда вместе со рвотными массами. Наконец, Кир не выдержал и на полусогнутых ногах подкрался к решетке...

БАМ.

Мы разом отскочили на два гигантских ярда в один при-

сест, натыкаясь друг на друга и матерясь всеми словами, которые только знали такие же, как мы, подростки. Я споткнулась о выступ и с грохотом упала на соляной пол, растянувшись, как мокрая половая тряпка. Кир с Сонькой вжались в угол; Дэвид подскочил ко мне, чтобы помочь подняться, но внезапно вырисовавшийся в проеме силуэт заставил замереть его в нелепой позе.

Дикарь прищурился мерцающими в темноте глазами, и его пасть оскалилась в зловещей улыбке.

– Нам крышка! – пропищала Сонька, чем еще сильнее раззадорила бугая. Кир крепко прижал ее к себе. А я перепугалась настолько, что забыла весь английский репертуар.

– Постарайтесь меньше двигаться, – прошептал Дэвид. – Мы ему как шимпанзе в зоопарке. Не спеша лягте на пол и притворитесь, что вы издохли.

Мы послушно подчинились парню и со всей своей осторожностью улеглись на ледяной пол. Дикарь повернул голову на один бок и присел, поочередно нас рассматривая.

Все, что мне хотелось спросить у него – так это: *а правильно ли мы делаем, что подчиняемся мальчишке, которого знаем меньше, чем неделю*, но я ничего такого не спросила, потому что, во-первых, это было бы некрасиво, а во-вторых, я настолько перепугалась, что не могла издать ни звука.

– Ты уверен, что это сыграет нам на пользу? – наконец прошептала я Дэвиду. Мы лежали рядом, расстояние между нашими лицами не превышало и пяти дюймов. Мурашки на

моем теле почему-то стали отплясывать тумбу, а при каждом вдохе парня сердце судорожно сжималось и билось так, словно его пытаются достать из грудной клетки.

– Доверься мне, – он вымученно улыбнулся. – Они тупые как пробка. Ленивые и неповоротливые. Додумать что-то своим маленьким мозгом им просто не под силу.

Внезапно по помещению разнесся зловонный смрад, каким в жизни только веет от разлагающейся на жаре плоти. Он смешивался с воздухом и не спеша затекал нам в рот и нос, грозясь ежесекундно вызвать позыв рвоты.

Что-то сзади меня издало звякающий звук и упало в дюйме от моей левой ноги. Я дернулась.

– Не смей. – Дэвид схватил меня за руку. – *Только. Не. Оборачивайся.*

Мои внутренности связались в один тугой узел, крича изо всех сил, что звякающий звук могла издать лишь одна составляющая всего организма.

Кости.

Рядом со мной находился некогда их бывший пленник.

– О господи, Дэвид, – я сжалась, – только не говори, что в дюйме от меня лежит самая настоящая плоть.

– В таком случае я тебе ничего не скажу, – ответил он, и я почувствовала, как мое горло начинает содрогаться в приступе тошноты.

Спустя пару минут до моих ушей донеслись грузные отдаляющиеся шаги аборигена. И хотя я была ужасно рада, что

он наконец-то соизволил оставить нас в покое, задним числом я понимала, что это – не последний заход, на котором у меня чуть не сдали нервы. Признаться себе, что мы здесь не выживем – это все равно что подписать себе смертный приговор на каплю веры.

Поэтому, когда Кир, Сонька и Дэвид стали потихонечку подниматься и приводить себя в порядок, я так и осталась лежать на соляном полу, чувствуя, как собственная кровь стучит в висках и не дает повода двигаться дальше.

Опять обрывки снов.

Родители, которые дарят мне подарок в виде заводной лошадки на мое десятилетие.

«Друзья», которые в буквальном смысле окунают меня лицом в грязь в мои четырнадцать.

Смеющаяся Сонька. Кир, разглагольствующий на тему крокодилов-мутантов. Вечно встревоженная Кирина тетя Мэвис. Мама, которая улыбается во все свои тридцать два зуба и одна в двадцать первом веке выглядит словно сошедшая с обложки журнала девяностых годов. Электронное табло... *бесконечность*...

Три восьмерки. Три бесконечности. Самая первая – больше двух других. Это как десятки и сотни с единицами: сначала в записи ставятся сотни, потом – десятки, потом – единицы, потом – десятые, сотые, тысячные, и так далее. Мы попали в мир, где все три бесконечности объединились в одно

целое и создали свой мир без времени. Мир, который, может быть, никогда не присутствовал на карте. Мир, который давно поглотил в себя все хорошее и оставил на коже лишь безобразные рубцы и уродливо затянувшиеся шрамы, как память о том беспечном прошлом, которое здесь когда-либо было.

Но черт возьми, он *определенно* таит в себе какую-то загадку, которую мы должны разгадать, чтобы унести отсюда ноги!

Дэвид, восемь лет назад потерпевший авиакатастрофу и застрявший тут один на один с дикарями, уже опустил руки и окончательно принял во внимание, что выбраться отсюда нельзя, и что он – заложник этого ужасающего города.

Но я так просто не сдамся.

Меня разбудили ритмичные толчки в правое плечо, не больные, но достаточно ощутимые для того, чтобы открыть глаза и недовольно покоситься на нарушителя спокойствия.

– Аза? Все хорошо? – Дэвид пристально смотрел на меня сквозь смешные овально-квадратные очки.

– Что? Да... Да... Который час? – я приподнялась на локтях с земли. В пещере сделалось совсем темно, и лишь лучик от примитивного факела проникал в одну из щелей, освещая лицо парня.

Он огляделся:

– Кажется, уже поздняя ночь. Извини, не хотел тебя бу-

дить. Мне показалось, что ты... плачешь.

Я уловила какое-то движение на своей щеке, и только сейчас до меня дошло, что я *действительно* ревела как маленькая.

– Все хорошо, серьезно, – я придвинулась к стенке, и, дождавшись, пока это же сделает Дэвид, пробормотала: – опять этот дурацкий сон.

Парень прищурился:

– Поподробнее?

– Когда мы сюда попали, – начала я, – мне стал часто сниться лишь один сон, где родители предают меня и кидают в подарочную коробку с полуразложившимися трупами Соньки и Кира. Обычно за этим сном следуют обрывки воспоминаний, не казавшимися мне особо важными, когда я была в Каролине, но уже потихоньку обретающими смысл. Один из таких – мы двигаемся к самолету, чтобы занять посадочные места, и стюардесса что-то спрашивает у охранника, на что он ей отвечает: *я не верю в это*. Я согласна, звучит как бред, но что, если она что-то *знала*?

Дэвид от неожиданности приоткрыл рот и часто-часто заморгал.

– Ты серьезно так думаешь? – спустя минуту молчания скептически спросил он.

– Иначе быть не может.

Мы уставились друг на друга так, будто у каждого из нас выросло еще по три дополнительные головы на плечах.

– Я уверена, что она что-то *знала*, – прошептала я. – И я просто уверена, что она когда-то была здесь.

– Ты же понимаешь, что это бредовая догадка, – он резко встал и стал нарезать круги по пещере, – я не знаю ни одного человека, который смог бы выбраться отсюда. Тем более, я не знал ни одного человека, который смог *выжить* в современном мире, если он даже и покинул эту обитель.

– Но послушай меня! – я тоже встала, – нужно хвататься за каждый шанс. Что, если она, допустим, оставила улики для таких же, как мы? Карту там какую-нибудь, навигатор?

Мы спорили еще очень долго, пока не услышали приближающиеся к нам шаги. Сомнений не оставалось: теперь, наверное, нас решили сжечь, а не начать сюсюкаться.

Мы легли на пол и притворились мертвыми, что не дало никакого эффекта, потому что мой мозг, почуявший неладное, решил, что нужно активизировать все до единой клетки в организме, и приказал им двигаться в самом быстром режиме, который только у них имелся. Я попыталась зажать уши, но стремительно приближающиеся шаги не дали мне этого сделать. Я плотнее зажмурилась и сжалась, готовясь к самой страшной участи.

Послышались голоса. Тихие и странные, несомненно, размышляющие, откинули ли мы копыта или просто-напросто притворяемся.

– Не делайте из нас дураков, – услышала я до боли знакомый голос. – Уже ужасно затертый трюк.

Дэвид тяжело вздохнул, и, когда я открыла глаза, увидела, что он сидит, показывая этим, что, собственно, никто не умирает. С дальних углов стали слышаться недовольные бормотания Кира и Соньки.

– Ну хорошо, ужасно затертый, – он поднял руки вверх. – Но Суоли, ты так прекрасно выглядишь! Прямо глаз не оторвать!

Последнее предложение он произнес так, будто употребил его в прямом смысле.

– И это ужасно затертый трюк, – заметила дикарка-еврейка. – У вас есть шанс выбрать два исхода: либо мы сожжем вас на священном костре, либо бросим на корм животным.

Я повернулась и удивленно заметила, что она стоит не в компании стражников, а одна.

На ней была восточного стиля одежда со всякими вплетенными в ткань побрякушками, через плечо было перекинута копьё. Она не боялась нас и стояла вплотную к решетке, даже не задумываясь, что Кир одним броском может повалить эту хрупкую дикарку. Взгляд Суоли оставался решительным. Я поежилась.

– А третьего варианта случайно... нету? – рискнул предположить Кир.

– Есть, – оскалилась она, – мы можем сделать вашу смерть более мучительной и отравить химикатами, которые использовались нацистами во Второй Мировой.

Мы примолкли, оставляя каждого наедине со своими

мыслями. Уж если и выбирать, то сожжение на костре. Как-то не хочется осознавать, что остатки твоего тела в еще ясном разуме поедают хищники. Хотя, конечно, все три варианта казались мне слишком мазохистскими для одной хрупкой и бледной женщины.

И тут совсем неожиданно голос, вырвавшийся из уст Дэвида, заставил нас всех тихо охнуть.

– Анна?

Суоли встрепенулась.

– Не называй меня так.

– Анна. – Уже настойчивее повторил Дэвид, – Анна. Дочь бедного помещика-вдовца, имеющего помимо прекрасной дочери красавца-сына. На его двенадцатилетие во время Великого Голода его разорвали волки. Тебе на тот момент было четырнадцать, ты сильно горевала.

Он замолкнул, наслаждаясь каждой ее блестящей в свете факелов слезинкой. Ее глаза изменились... Они перестали излучать жестокость, какую прежде таили в себе...

– Вы выживали как могли, – как можно трагичнее продолжил он, поклонившись, – и в конце концов тебе пришлось убить собственного отца, чтобы выжить.

– ХВАТИТ! – Суоли замахала тонкими ручонками. – Хватит! Зачем ты все это говоришь?!

– Чтобы ты вспомнила, что у тебя была *семья*, – вклинилась я. И даже в этой напряженной ситуации слышала Сонькино «суется куда не попадя». – У нас, например, тоже была

семья.

Я на момент задумалась: *откуда Дэвид знает столько много о ней?*, но потом предположила, что, наверное, в свободное от выживания время он увлекается изучением их истории втайне от них же самих.

– Мы тоже многих потеряли, – добавил Кир. – У меня нет матери, она скончалась от рака легких, когда мне было лишь пять. И что? Что, черт возьми? Эта чума двадцать первого века бывает в каждой третьей семье, но, черт возьми, никто не устраивает войны из-за того, что они теряют родственников! Никто не виноват в этом! Мы *не* виноваты в том, что ты пережила во время Второй Мировой! Пойми это, Анна!

Мне было интересно и грустно наблюдать со стороны, как Кир и Дэвид ломают эту хрупкую предводительницу песочного племени. *Мы должны это сделать* – твердил мне мозг. *Это наш единственный шанс на спасение.*

– Просто отпусти их, – пробормотал Дэвид. – Если хочешь – оставьте меня, насадите на кол и отдайте на растерзание своим подопечным, но, Анна, отпусти их.

Я дернулась. Перевела взгляд на Дэвида, у которого не дрогнула ни одна мышца, когда он произнес эту фразу.

У него-то не дрогнула. А вот ты уже вся залилась слезами, как маленькая наивная школьница. И что? А вот и ничего. Полюбила дикаря, как же смешно.

– Анна, – воззвал парень. – Анна. Анна. Их ждут. Отпусти их.

Я не вытерпела, и, подползая к Дэвиду, цепко схватила его за руку и просипела:

– А как же ты?!

– Что? – он грустно усмехнулся, – не сам спасусь, так вас отсюда вытащу.

– НЕТ! – Я еще сильнее въелась своими ногтями в его кожу. – Не бросай нас. Пожалуйста.

Но он не ответил, только грустно улыбнулся уголками губ, как это может делать только он. А потом, покосившись на Анну, услышал её надменный голос:

– Ну хорошо. Умеете же вы меня уговаривать. Ты остаешься тут, а взамен получаешь карту для своих друзей. Мы решили.

Мне показалось, что меня облили холодной водой.

Нет. НЕТ. НЕТ.

– НЕТ! – я широко раскрыла глаза, – Дэвид, скажи, что ты пошутил. Скажи. Умирать ради нас глупо. Лучше я останусь с тобой. Прошу... Нет, НЕ СМЕЙ!

– Успокойся, Аза, – он легонько побил меня по щекам. – Ай, и отцепись от меня уже наконец! Послушай... Послушай. – Убедившись, что никто не подслушивает, он прошептал: – У вас есть шанс, я тебе говорю точно. Анна покажет вам карту, она находится около трёхсот ярдов отсюда, совсем недалеко, в песочных иглу. Я сам видел, но не мог подойти на это расстояние к ним. И вы по ней сможете найти путь обратно на большую землю. Все будет хорошо.

Я хотела что-то ответить ему, сказать, что это неправильно, либо мы уходим вчетвером, либо погибаем все вместе, но слезы заполонили мое лицо и не дали вставить буквально ни слова.

Дэвид подушечками пальцев аккуратно вытер мои слезы.
– Все будет хорошо. – Он обнял меня. – Я обещаю.

Я должна была радоваться, когда нас вывели из подземелья и выдворили из крепости наружу под строгим присмотром, но мое сердце обливалось кровью за жизнь Дэвида. Ноги подкашивались. В горле застрял ком, который нарастал с каждой секундой, проведенной без него, и так и грозился перекрыть доступ к кислороду.

Лучше бы я осталась. Лучше бы я выкрикнула, что никуда ни черта не пойду без него. У меня *был* шанс, и я его успешно проворонила, оставив умирать *друга*.

А друга ли...

Мы шли по песчаным дюнам вслед за Анной, чувствуя, как даже сквозь кроссовки наши ноги превращаются в раскаленное железо. Звездное небо было чистым, в лицо дул прохладный ветер. Я смотрела на счастливых Соньку и Кира с надеждой, что они хоть немного разделят мое горе, но потом поняла, что, в общем-то, так, как сейчас, есть гораздо лучше.

Они будут счастливы, поженившись, если нам когда-нибудь удастся отсюда сделать ноги. Хотя, они и сейчас счастливы. Нечего этому завидовать.

Анна двигалась уверенно, словно наступая босыми ногами на видимые только ей следы. Ее движения были легки и быстры в пятикратном размере, чем наши неуклюжие скачки по зыбучему песку.

Сонька выпорхнула из объятий Кира и, подбегая к дикарке, рывком тронула ее за плечо.

– Что хочет чужеземка? – Анна резко развернулась, и клубы песка и пыли взлетели вверх плотным столбом у ее ног.

– Э-э, – Сонька сглотнула, – долго нам идти?

В ответ Анна как-то странно прищурилась и оскалилась, но уже в скором времени возобновила свой путь по зыбучим дюнам, сопровождая все это угрюмым молчанием.

– Эй, красавица! – выкрикнул Кир, еле поспевая за женщиной, – разве так сложно ответить на наш вопрос?

Поняв, что ответа он так и не дождетя, парень решил на рискованный шаг.

Он освободил руку из Сонькиной руки, прыгнул на приличное расстояние вперед, и, спотыкаясь на ходу об какую-то коряжку, схватил за локоть Анну, и они вместе повалились на песок. Сонька рассмеялась. У меня на душе сделалось еще поганее.

– Нё! – она откатилась от него, попутно треснув по макушке Кира луком.

Кир выплюнул песок, чем еще сильнее рассмешил Соньку:

– Да ты не подумай. Я же всего-навсего хотел обратить твое внимание на себя. Проклятые кроссовки.

Он потихоньку приподнялся и уселся на колени, отряхивая от мелких желто-белых крупинок волосы. Глядя, как подошедшая Сонька стала по-детски распекать его и помогать вытрясти из капюшона песок, слезы снова решили, что именно сейчас подходящий момент для того, чтобы вспомнить о Дэвиде.

Забудь его, теперь его не-ту в живых, НЕ-ТУ. У нас же еще есть шанс его спасти! Забудь о «нас». Киру и Соньке он нафиг не нужен, это тебе он разбил сердце на много маленьких частиц почти что перед самой своей смертью. Но если все же попытаться... Забудь о нем. Он такой же дикарь, как и все, кто тебя окружают. Может быть теперь дикарь, который уже варится на медленном огне без глаз в глазницах.

Я задрала голову, тщетно пытаюсь приказать слезам затечь обратно в свои слезные каналы. Звезды размылись и превратились в сплошное белесо-серое пятно, что сразу испортило картину романтического побега.

Да какой побег без Дэвида, – вдруг закралась мысль, и это было очевидной правдой. – Это выживание, а не побег.

– Пошли! – Сонька махнула рукой вперед. Мы с Киrom подошли к ней, но, обернувшись, заметили, что Анна стоит на месте и всматривается в бескрайние дюны.

– Анна? – окликнула женщину я. Она не шелохнулась. Мы с ребятами переглянулись, и у всех нас троих в голове появилась навязчивая мысль, что что-то тут нечисто.

– Анна? – Сонька прищурилась.

А в следующую секунду произошло то, что окончательно заставило поверить нас в неправдивость ее слов.

Если вы когда-нибудь были в центре эпик-фейла, то, наверное, уже знаете то чувство, когда вам хотелось бы провалиться сквозь землю с глаз того человека, который испепеляет вас своим взглядом. Или кулаками. Ну, неважно. В общем, огни в чьих-то несуразных руках, которые по несчастливому стечению обстоятельств появились у края горизонта, заставили сжаться мои внутренности в тугой узел и захотеть провалиться в песок с головой, лишь бы снова не попасть в их чудовищные огромные лапы.

– ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?! – Кир подлетел к Анне и хотел было вмазать ей кулаком по лицу, но промахнулся. Она выскочила из его поля досягаемости и, размахиваясь, со всей своей силой шибанула его луком по груди.

– КИР! – завизжали мы с Сонькой. Сонька дернулась, чтобы подбежать к парню, но острый конец лука, возникший в дюйме от ее правого глаза, поумерил пыл девушки.

– Ты... Ты... – Сонька задохнулась от гнева. Ее руки сжались в кулаки, на лбу выступил пот. – Что за...

– А что? Довольно распространенный прием нацистов, – припомнила Анна, – хотя, нет, они сразу начинали мучать,

не заманивая в свое укромное местечко.

Мне показалось, что меня облили ледяной водой и выставили на тридцатиградусный мороз. Мозг все еще отказывался верить, что нас подставили.

– Да мы *НЕ* ВИНОВАТЫ! – закричала я. – Мы *НЕ* НАЦИСТЫ! На дворе двадцать первый век, Анна, очнись!

– Бесполезно, – подал голос Кир. Я обратила на него взгляд и увидела, что из его рта течет алая кровь. Ну отлично. – Черт возьми, нам надо было сразу догадаться...

Сонькино тело само понесло её на Анну.

Она вцепилась ей в ее дреды всеми десятью, правой ногой одновременно пытаясь выбить у нее из рук лук. Они грохнулись на песок и подобно визжащим разъяренным фуриям стали колотить друг друга всем чем попало.

Дикарка пару раз успела заехать Соньке в скулу, отчего она стала цвета свежей сливы и вспухла, как помидор. Сонька ударила ее кулаком в ключицу и левый глаз. Она завизжала. Я почувствовала, что силы дикарки постепенно иссякают, и девушка, прочитав мои мысли, резко толкнула Анну и села на нее сверху, сжимая ее горло.

Что-то просвистело прямо над самым моим ухом. А потом уже обрывистое «а» донеслось не от Анны, а от Соньки.

Я увидела ее руки, постепенно ослабевающие хватку, ее лицо, исказившееся в гримасе боли и ужаса. Сонькины глаза уставились в пустоту, но потом медленно скозились вправо...

– СОНЬКА! – Кир попытался подняться, но снова задохнулся в приступе кашля.

– Сонька! – я рванула вперед, но кто-то заломил мои руки, плотно перевязав их прочной веревкой. Я обернулась назад и увидела ухмыляющегося мутанта-дикаря, держащего в одной из лап лиану, к которой были привязаны мои руки, а в другой – лук, который по размерам достигал полторы меня.

Я пыталась вырваться, вереща и проклиная всех богов, каких только вспомнила. Слезы заполнили лицо. Я кричала и всхлипывала, захлебываясь слезами, как бездомная собака, которая пытается вырваться из рук браконьеров. Сонька, Сонька, Сонька, черт возьми!

Тем временем Анна скинула с себя девушку, и она повалилась в нелепой позе на землю, смотря, как песок рядом с раной в боку, где было воткнуто заточенное деревянное копье, окрашивается в насыщенный красный. Сонька умоляющим взглядом посмотрела на меня. А я поняла, что ничего не могу сделать, чтобы хоть как-то ей помочь, и от этого становилось еще гаже и больнее раз в сорок, нежели чем было до этого.

Еще пару дикарей, размахивая факелами, подбежали к Киру и скрутили его руки, обмотав лианой от кистей до плеч. Он поморщился, но стон сдержал, повиснув в их руках, как тряпичная кукла.

– Это было запланировано заранее! – выкрикнула я. – Вы хуже нацистов!

Анна резко повернулась ко мне:

– Предательство – хуже всего.

И с этими словами подала знак дикарям, чтобы они несли нас обратно к убежищу.

Меня затошнило и замутило, когда в глаза бросились знакомые соляные отложения прямо над головой, а под ногами зашуршала галька вперемешку с песком.

Мы притворились абсолютно тупыми баранами, но как только решетка захлопнулась и последний дикарь, сопровождающий нас на всем пути, отошел ярдов на сто, мы вдвоем с Киrom бросились к истекающей кровью Соньке.

– Боже! – я отдернулась от нее. – Да у нее рана дюймов в десять!

– Ох черт, – Кир поморщился. – Да к тому же еще и копьё внутри.

Мы уселись рядом, Кир положил ее голову себе на колени. Я видела, что он пытается сдерживать слезы. И я также видела, что у него это ни черта не получается.

– Может быть, попробовать его вынуть? – я взяла копьё и аккуратно потянула на себя. Кожа натянулась, кровь хлынула еще больше, чем до этого. Сонька застонала.

Кир снова поморщился.

– Не выйдет. Даже если мы и вынем как-то эту хрень, то Сонька умрет от кровотечения. Остается только замотать чем-нибудь.

Парень огляделся в поисках материи, но, не найдя такой, схватил за край майки и резко дернул. От основной части отслоилась синяя полоска с надписью *it's okay*, и он, сложив ее вдвое, аккуратно обмотал вокруг раны.

– Потерпи, Сонька, – он стал поглаживать ее по волосам. – Скоро мы выберемся. Скоро...

Я тяжело вздохнула, слушая, как проточная вода по каплям собирается на концах соляных глыб и падает оттуда тяжелыми камнями.

Сонька может не выжить. Мы можем не выбраться. Я могу больше никогда не увидеть Дэвида. Ох, если бы только у нас была заживляющая мазь...

Я ущипнула себя за переносицу, пытаюсь унять пульсирующую боль где-то в глубине головы. Слезы сами потекли из глаз. Ну вот опять, будто им разрешал кто-то.

– У нее поверхностное дыхание, – заметил Кир, – Пульс меньше нормального. Кажется, эта фигня прошла сильно глубоко для того, чтобы причинять невероятную боль, но достаточно неглубоко для того, чтобы задеть какой-нибудь орган.

Когда он пошевелился, Сонька застонала вновь.

– Я не знаю, но вдруг... – Он запнулся. Отвернулся от меня, сделал вид, что закашлялся. – Если... Если... Но если нет, то, в лучшем случае, рана затянется не меньше, чем через месяц, в худшем – пойдет заражение, и тогда уже...

Все. Похоже, это было последней каплей для Кира, и он в

бессилии положил свое лицо в ладони, всхлипывая.

Ну все, это конец. Абсолютно согласна. Что? И ты не будешь меня переубеждать? Ага. Серьезно? Да. Че, прямо серьезно-серьезно? Зачем переубеждать тебя, если и так уже все очевидно? Не знаю... Прости.

Я уткнулась в колени и разревелась. В груди что-то пыталось разорвать меня пополам, так уже, чтобы для справки. *Если бы у нас была бы хоть заживляющая мазь – твердила себе я.*

Но заживляющей мази не было, и поэтому нам пришлось только смириться и наблюдать, как Сонька в бессилии тихо постанывает, мучаясь от чудовищной боли.

Она выжила этой ночью буквально чудом.

Когда Кир аккуратно тронул Соньку за плечо, она не пошевелилась. У нас внутри все оборвалось в считанные секунды, но потом парень, все еще надеясь на лучшее, толкнул ее сильнее. Она не пошевелилась, но вымученно улыбнулась. И это была теплая горестная улыбка, такая, которая обозначает, что Сонька найдет в себе силы держаться, что бы ни случилось.

А потом пришли дикари, и наше настроение разом упало и распласталось на полу зеленой жижей. Очевидно, у Кира оно было «лучше» всех, особенно, если прибавить тот факт, что в последние пару дней они с Сонькой были единым целым. Дикари снова устроили нам совместное связывание, и

пока они прodelьывали эту манипуляцию с Киром, я обратилась к Анне.

– Ты подлое существо, не знающее сострадания, – сообщила ей я. Она рассмеялась:

– Серьезно?

– Нормальная еврейка не стала бы так поступать с народом.

Она подлетела ко мне, и между нашими лицами осталось всего пару дюймов. Схватив мой подбородок пальцами и притянув к себе, Анна прошипела:

– Я – коренная еврейка, и я *мицу* за мое прошлое. Ты не знаешь, как нам было плохо во Второй мировой. Кстати, Та-авету я уже отомстила.

Мне потребовалось пару секунд, чтобы осмыслить эти пять английских слов.

– НЕТ! – Я попыталась дотянуться до нее, но дикари меня опередили, плотно связав руки за спиной. – НЕТ!

– Аза, прошу! – Кир попытался лягнуть держащего его аборигена. – Она специально провоцирует тебя! Так ты не поддавайся на ее провокации!

– Я НЕ МОГУ! – я почувствовала, как по моим щекам начинают литься слезы. – НЕТ! ТЫ НЕ МОГЛА!!!

Анна с наслаждением смаковала каждую мою слезу.

– Еще как могла, – усмехнулась она. – Конечно, смерть – подарок для вас, поэтому я сделаю все, чтобы вы умерли как можно более мучительнее.

Нас выпихнули из пещеры, подгоняя палками. Соньку, которая не могла идти, насильно волокли за руки по полу. Мы шли и чувствовали себя рабами, совсем беспомощными рабами, которых идут продавать на рынок, словно ненужную игрушку. И от мысли, что мы совершенно беспомощны перед целой колонией, становилось еще гаже и ужаснее.

Мы прошли целый ряд замысловатых песчаных коридоров, прежде чем очутились в главном зале, который мы почти что не узнали.

Теперь он выглядел как комната жертвоприношения, что, собственно, так и было. Всевозможные дикари столпились у большого костра, горящего в выдолбленной в полу дыре, крича и отплясывая на разные мотивы. Когда мы показались в проеме, все еще сильнее обрадовались «нам», крича, по-видимому, оскорбительные слова и показывая перерезающие глотку движения руками.

– Все плохо, – Кир отпрыгнул. Нам приходилось петлять, пока мы шли на верную смерть, чтобы дикари, жаждущие расчленить нас на много маленьких Аз, Киров и Сонек, не дотянулись до лакомой добычи. – Я тут так рассчитал, циферки прикинул.

– И что? – я почувствовала, как что-то острое больно кольнуло меня в бок. Дикарь справа нечеловечески рассмеялся.

– Тебя огорчить? Шансов нету, – вздохнул парень.

Нас толкнули вперед, к каменному пьедесталу, окружаю-

щему всю воронку. В лицо пыхнуло жаром.

Двое из дикарей стали перетягивать из конструкции, висящей прямо над нами, лианы, на которые, судя по всему, нас и должны были привязать, как на виселицу. Она была похожа на телефонную будку без стекол, с одной большой шестеренкой внутри, которая помогала двигаться лиане в разных направлениях. Одна из концов была закреплена высоко в дальней стене в окне. У меня возникла идея для побега, но я тотчас ее отогнала, ведь, во-первых, мы не сможем за такое короткое время пролезть по этой лиане, а во-вторых, у нас на руках еще и немощная Сонька, которая от боли не может даже пошевелиться.

Я еще раз зрительно попыталась воззвать в Анне совесть и сострадание, если они у нее, конечно, еще остались, на что получила кровожадный взгляд. Неудивительно. Кажется, она уже прикинула вкус человечинки и теперь раздумывает над тем, с какой части начать нас поедать.

Вождь и дочь Анны стояли неподалеку – я увидела их позже остальных, зато первой увидела, как в их золотых глазах пляшет огонь. Дочь Анны улыбалась, обнажая наружу клыки. Вождь, увидев, что мы «заждались» процессии, подал знак.

Наши руки связали спереди и подвесили на концы лиан. Один из аборигенов-работяг обошел огонь и потянул за подобие рычага, прикрепленного к основанию конструкции. Я почувствовала, как мои ноги потихоньку отрываются от зем-

ли, а в плечах начинает неистово жечь и стрелять. Сонька повисла пластом, подвешенная за лиану, словно какое-нибудь одеяло после стирки. Нам было больно смотреть на нее, поэтому мы с Киrom просто отвернулись в разные стороны и крепко зажмурили глаза.

Наступила темнота.

Сначала непроглядная, постоянно перебиваемая галдежом аборигенов, а потом что-то мимолетно в ней сверкнуло, словно вспышка, и исчезло вновь. И снова вспыхнуло, растворившись в черном цвете.

А потом возникло лицо.

Сонька.

Улыбающаяся, с задорными косичками и вздернутым носиком, с розовыми брекетами и пушистыми игрушечными наушниками. И рядом Кир – статный, высокий, довольный и радостный, обнимающий девушку. И я. Я стою и снимаю их на камеру телефона, мы о чем-то весело хохочем.

А потом перед моими глазами пронеслась совершенно противоречащая предыдущему видению картина.

Те же Сонька и Кир, только немощные, все в грязи, исхудавшие донельзя и пугающиеся любого звука. Сонька протягивает ко мне свои бледные руки и просит спасти их. И я говорю им, что мы ничего не можем сделать, ведь мы – все мы – в ловушке, и это конец. И Кир смотрит на меня такими умоляющими глазами, которых нету ни у одного семнадцатилетнего парня. Детскими наивными глазами. Полными

слез.

Но Сонька же обещала нам, что будет держаться до последнего. И я так подвела ее, вися, подвешенная за лиану, и в душе у меня какие-то мелкие червячки стали с удесятеренной скоростью поедать мою плоть, принося при этом ужасную боль.

Я не помнила, как раскачалась на «виселище» и кроссовком вмазала прямо по лицу вожака. Я не помнила, что кричала Киру, но помнила, что он схватил Соньку и стал ногами карабкаться с ней по лиане, а я отбивалась от лезущих на нас аборигенов. Мозг был в тумане. Сосуды болезненно пульсировали, разливая кровь по венам. И в голове билось лишь одно слово.

– Еще немного! – Кир уцепился зубами за лиану, и, перекинувшись через конструкцию, держащую нас над огнем, бережно положил Соньку вверх. – Тут есть что-то наподобие диска, можно распилить лианы и освободить руки. Лезь давай, я прикрою!

Я охотно подчинилась Киру и, цепляясь ногами за лиану, быстро покарабкалась вверх. Кир уже успел освободить себе руки, и теперь летел с расставленными ногами на аборигенов, ака тарзан на добычу. Послышались глухие удары. Пару дикарей выругались на своем слипстоунском языке, а он расхохотался и пошел по второму кругу.

– Что за черт?! – Анна бегала вокруг всего этого, пытаюсь понять, что за фигня тут происходит. – ЧТО ЗА?!

– Это провал, детка! – прокричала я.

Я быстро вскарабкалась наверх будки, и когда ноги нащупали под собой опору, грохнулась вниз на прочный железный каркас. Руки освободила тоже достаточно быстро, и они, уже полупосиневшие, приятно стали покалывать, предчувствуя свободу.

– КИР?! – пытаюсь перекричать галдеж аборигенов, крикнула я. Почти сразу же до меня донеслись одобрительные возгласы. – УНОСИМ НОГИ! БЫСТРО!

Я огляделась в поисках защиты. Таковой в свободном варианте не нашлось, зато между огромными шестеренками и «насосом» проходило некое подобие железного крюка, цепляющегося за свободной конец будки. Я подскочила к нему, и, насколько это можно было быстро, со всей силы рванула на себя.

Послышался треск, и железный крюк нехотя вышел из за-трещины, оставшись у меня в руках. Тяжелый, зараза. Я подползла к краю конструкции, шатаясь, как пьяный медведь с крюком, и вглядываясь вниз.

– Я уже! – Кир разогнал лиану и покарабкался наверх. Пару дикарей, желая схватить его, встали на самый край воронки.

Я смотрела, как они со всей силы размахиваются, пытаюсь схватить его за ногу, а потом, потеряв равновесие, падают прямо в горящий костер, неистово вереща, как белуги.

Киру оставалось проползти еще около двух ярдов, и я ви-

дела в его глазах огонь азарта и победу. Но вдруг...

Его лицо сменилось на затравленное выражение, челюсти сжались с такой силой, словно он пытается раскусить грецкий орех. Он крепко уцепился руками за лиану, и... стал *съезжать*.

– Кир?! – я вытянула руку вперед. – Что за?!

– Черт возьми, Аза, *меня схватили!* – Он стал судорожно перебирать руками. – Черт возьми!

Ах, точно.

Крюк.

Все-таки, не зря я его взяла.

Я высунулась наполовину. Ага. Дикарь держал его за одну ногу, в то самое время, как остальные аборигены держали его ногу, не давая упасть в костер на случай удачной операции. Там, где уже побывали их когти, в флисовых штанах остались рваные дырки и кровоподтеки.

– Потерпи немного! – я замахнулась, прикидывая, в какую часть головы дикаря должен попасть крюк, чтобы оглушить его.

– Только, пожалуйста, не попади мне в голову! – Кир пригнулся.

А в следующую секунду произошло сразу два события, изменившие ход моих мыслей и заставившие вторую Азу Джонсон запаниковать сильнее, чем когда-либо. Будка, на которой я полусидела, вдруг резко подпрыгнула и так же резко опустилась. И крюк, который я не выпускала все время,

пока находилась тут, мелькнул между оранжевыми языками пламени и скрылся из виду.

– Черт тебя бери, АЗА! – Кир стал судорожно оглядываться. – **ОБЕРНИСЬ!!!**

Уж лучше бы я этого не делала.

К нам бежала целая толпа из десяти-двенадцати аборигенов, каким-то фигом умудрившихся залезть наверх. Чтобы надавать тумачков, скрутить и теперь уже без церемоний бросить нас в огонь, у них оставалось меньше двух минут.

– О господи, – я вскочила на ноги. Больше хоть какой-то защиты под рукой не было.

– АЗА –А –А –А –А –А –А –А!!!

Я вздрогнула. Грохнулась на металлический каркас, высматривая Кира на лиане.

Где-то в глубине души я надеялась, что он еще висит на ней. Но мозг понимал, что руки уже в ярде от спасительной лозы, а он сам со стремительной скоростью летит вниз, прямо в костер.

Опять это дурацкое видение. Кир и Сонька, заканчивающие девятый класс. Счастливые. Еще не знающие, что кто-то из них может умереть. Еще не знающие, что им придется рисковать собственной жизнью, чтобы пытаться выжить и спастись.

Я поняла, что шансов у нас нету. Если я прыгну вслед за Киrom, то либо погрязну в руках дикарей, либо вместе с ним свалюсь в костер, где и встречу свою смерть. И если я оста-

нужь тут, то меня по любому схватят дикари и сделают то, что, как им кажется, мне положено.

Я зажмурилась, стараясь игнорировать ужасный галдеж.

Кир горит в костре. КАК ТЫ МОЖЕШЬ ПЫТАТЬСЯ ЭТО ИГНОРИРОВАТЬ?! Как ты можешь игнорировать тот факт, что вскоре меня схватят? Как ТЫ можешь игнорировать тот факт, что твоя подруга вся истекает кровью? Два – один. О да, мне тут еще словесной перепалки с тобой не хватало, за мгновение до своей смерти. *Даже на том свете я продолжу портить тебе жизнь.* И опять же, ты постоянно забываешь, что ты – и есть я.

Не так я себе представляла конец своей жизни, ох не так.

Уловив грузные топанья дикарей, я зажмурилась сильнее и наконец-то стала принимать свою участь.

8

Рывок.

Чьи-то ледяные руки, чье-то теплое дыхание и металлический каркас, разом ушедший из-под ног.

Крики. Визги. Само собой, второе принадлежало Анне, разом начавшей беситься из-за того, что что-то опять пошло неправильно.

Нет.

Стойте.

Секунду.

Что пошло неправильно?

Я открыла глаза. И первое, что мне бросилось – нечастая сеть из каких-то сплетенный между собой лиан и лоз, в которой я, собственно, и лежала. А рядом...

Нет, не может такого быть! Я потеряла глаза, наивно полагая, что мой воспаленный мозг настолько испугался, что вырисовал перед собой моего ныне покойного друга.

– ГОСПОДИ! – я, путаясь в лозах и проваливаясь ногами в дырки, подскочила к Киру и крепко его обняла. – ГОСПОДИ, КИР!!!

В свою очередь он сдавил меня так сильно, что мне показалось, что мои внутренности под его давлением выпрыгнут наружу.

Мы обнимались и дружески хлопали друг другу плечи так, что иногда возникало ощущение, что кто-нибудь из нас все-таки ненароком выбьет кому-нибудь сустав. Когда всеобщее волнение немного утихло, я поделилась своим вопросом, который мучал меня целых несколько мгновений.

– Я боюсь, что ты обрадуешься до смерти, – съязвил Кир. – В общем, я почти упал в костер, как появился Дэвид а-ля тарзан и всех нас спас.

– Что? – я прищурилась. – Это шутка?! Не смешно.

Он пожал плечами, как бы говоря: *узри сама, раз не веришь.*

– Но... Я же определенно точно помню, как ты... – я запнулась. Перевела взгляд и обалдела.

Впервые за пару дней я наконец-то увидела солнце. Мы

находились на небольшом глиняном выступе на высоте около ста пятидесяти ярдов, приделанном к полукруглому песочному «иглу». И хотя это сооружение походило больше на занесенную песком обсерваторию, в мой мозг снова врезался щекочущий сознание вопрос.

– Мы на свободе? ДЭВИД ЖИВ?!

– Об этом рано говорить, – Кир скосил глаза. – но мы уже на полпути побега. Ну, да, Дэвид жив.

Мне показалось, что меня облили ледяной водой. Я схватила Кира за руку и попыталась расспросить у него все подробности.

– В последний момент, – парень страдальчески вздохнул, – когда я уже приготовился к смерти, меня кто-то схватил и вынес на этот уступ, – он обвел все это рукой, – а следом и тебя. Теперь этот кто-то побежал спасать Соньку, и...

Договорить он не успел, потому что уступ вдруг дрогнул, и из дырки в стене буквально верхом на лиане вылетел странный домовенок. То есть, не в плане милой мордашки и маленького роста.

Он обладал высоким ростом и был весь в пыли до такой степени, что голое тело почти слилось с бежевыми штанами, подвязанными старым армейским ремнем. Волосы были примерно идентичного цвета, не считая тех немногих черных прядей, пробивающихся сквозь толщу грязи и песка. На руках у парня лежала Сонька. Он аккуратно передал ее Кире, и, когда он склонился, я наконец-то смогла узнать своего

спасителя.

– ДЭВИД!! – я накинулась на него с утроенной силой, чем на Кира. Мы закружились в умопомрачительном объятии, даже не задумываясь о том, что под нами находится самая настоящая пропасть.

Я трогала его ледяные руки, его плечи и лицо, до сих пор не веря, что вот он – стоит передо мной, так мило грустно улыбается и прижимает к себе. Я что-то лепетала на своем придуманном языке, от волнения забыв весь английский, и он, кажется, понимал меня с полуслова.

От него пахло пылью, кровью и какими-то химическими окислителями. Когда первая волна эйфории наконец-то прошла, я отстранилась от него, чихая от пыли и вытирая слезы радости.

– Но как ты... – Я запнулась. Он улыбнулся: – Алгебраическое уравнение. Шутка. На самом деле просто руководствовался смекалкой и тем, что еще осталось в голове.

– Ты нас бросил! – я толкнула его в грудь. Он шутливо замахал руками:

– У меня был план, Аза. Я изначально знал, что Анна просто так вас не отпустит, поэтому ничего не стал вам говорить, чтобы вы не прокаркали что.

– И тебе удалось бежать? – удивился Кир.

– Да. Я не раз говорил, что это дикари настолько тупые, что поместят пленника в комнатку с просторным окном и даже в затылке не почешут.

На этот раз я ударила его в грудь снова. И снова крепко обняла. И он меня обнял... Только как-то по-особенному, не так, как обнимал меня Кир или Сонька. Как... Как...

– В любом случае, мы выиграли немного времени, – он потряс в воздухе штукой, напоминающую гранату, – эта пыль должна усыпить их на какой-то срок, так что мы должны смотаться отсюда как можно быстрее. Берите Соньку и за мной.

– Она ранена, – Кир развел в воздухе руками. – Причем, очень серьезно. Она потеряла много крови и выглядит не самым лучшим образом.

Лицо Дэвида сделалось пасмурным, и он, цепляя на ремень «гранату», нагнулся к полуживой девушке с видом врача, оглашающим смертный приговор пятилетней девочке. Его густые брови съехались на переносице, когда он приподнял край майки, заслоняющей рану. Там по-прежнему еще торчал кусок копья.

– Боже правый, – он снова поднялся. – Боже правый. Да как она еще держится?

Потом он снова нагнулся, притянул к себе ее бледную, как бумага, руку, желая нащупать пульс. На мгновение его лицо сделалось тревожным, но после просветлело, и Дэвид облегченно выдохнул.

– Пульс низкий, но есть. Если не продезинфицировать и не обезболить, последствия могут быть плачевными. – И, увидев, как Кир умоляюще смотрит на него, изрек: – Для вас есть хорошие новости.

Я смотрела, как он копается в сумке с видом бывалого врача, и выуживая баночку с зеленым содержимым, аккуратно намазывает этим вокруг Сонькину рану. Кир выдохнул и выставил вперед руки. Сонька, которая все время казалась напряженной, тотчас расслабилась и стала глубоко дышать.

Мы погрузили ее в сеть, и насколько это было возможно быстро, стали потихоньку опираться о выступы в стене и спускаться вниз, поддерживая с каждой стороны. Сонька больше не стонала. Похоже, заживляющая мазь воздействовала на нее не только как обезболивающее, но и как снотворное.

До спасительной земли оставалось около двадцати ярдов, как вдруг Кир остановился и отрешенными глазами уставился на Дэвида.

– Что? – он поудобнее перехватил кусок сети.

– Да я тут подумал... – Кир закусил губу, – если вдруг начнется заражение... У нее давно же это копьё воткнуто.

– Если мы поторопимся и прибудем ко мне домой, то я сделаю все, чтобы Сонька была жива, – Дэвид кивнул. – Я обещаю.

В глазах Кира заплясала надежда. Не спрашивая больше ничего, он спрыгнул на землю и выставил вверх руки, чтобы подхватить Соньку. Мы, насколько смогли плавно, аккуратно передали тяжелую ношу ему, и тоже спрыгнули со стены.

Я принялась отряхивать себя от пыли (что Дэвид делать не стал. Видимо, ему даже нравился такой «камуфляж» из

пыли и грязи на волосах и одежде), смотря, как Кир бережно стряхивает с Соньки крупинки песка и щебня, убирает волосы с ее лица и плавными движениями зачесывает их назад. Вот любовь, зараза! Любой позавидует! – только, очевидно, не тогда, когда эта самая любовь происходит в несуществующем городе на грани жизни и смерти.

– Итак, – Дэвид огляделся. Как бы невзначай тронул мою руку своей рукой. – До заката еще пять часов и тридцать три минуты. За эти пять с половиной часов нам нужно не напороться на дикарей снова, достать карту и уйти отсюда хотя бы на тысячу ярдов. Возражения имеются?

Я пожала плечами:

– Вряд ли Кир сможет тягать Соньку столько времени.

Мы двинулись вслед за Дэвидом, слушая тяжелые вздохи парня, тащащего на себе девушку.

– Увы, терять времени нельзя, – Дэвид развел руками, преодолевая песочные барханы. – Снотворный порошок действует не так долго, как хотелось бы. И еще...

Он схватился руками за голову, вдевшись в белесые волосы пальцами. Там, где кожа касалась волос, остались черные промежутки.

– Я больше чем уверен, что тот монстр, чуть не убивший нас тогда в доме, был заодно с дикарями. Ну, знаете, что-то наподобие гончей собаки. Поэтому мы забираем все самое ценное и... уходим. Я провожу вас по карте на Большую землю, а сам...

– Что? – я схватила его за руку. – Только не говори, что ты останешься.

Ответом на мой вопрос стало угрюмое молчание, что на любом языке мира означало – *определенно, останусь*.

Мы двинулись дальше. Он ни за что тут не останется! Однажды он бросил меня, и я чуть не поседела от одной только мысли, что могли бы сотворить с ним дикари. Но тогда у меня было точное алиби в виде недоверия к Анне и всей ее колонии, что существенно выигрывало шанс на удачу. Но если он останется, то я уже не узнаю, съели ли его или поймали и выпотрошили все внутренности, сварив глаза как подливку к мозгу. От этого на сердце начинали шкрябать разъяренные кошки, и, когда я упала и Дэвид подал мне руку, чтобы помочь встать, эти самые кошки превратились в разъяренных тигров.

Когда парень посмотрел на меня и улыбнулся своей милой улыбкой, а я сделала все, чтобы он перестал видеть мое лицо.

Боже, что ты творишь, Аза – раздалось у меня в голове, но я, как будто ничего и не было, продолжила идти дальше, стараясь игнорировать его до боли изматывающий взгляд.

Мы шли и только изредка переглядывались, как бы говоря этим, что пока что еще окончательно не тронулись умом. Солнце лежало четко посередине неба, грозясь испечь нам волосы и мозги. По нашим лицам тек пот, язык уже давно пересекал линию плеча и мотался где-то сзади, волосы слип-

лись в один большой ежик. Кир постоянно спотыкался со своей ношей, пытаясь ее ежесекундно выронить.

Зато Дэвид держался на удивление бодро для человека, который, наверное, ни разу не сомкнул глаз за эти три ночи: перепрыгивал с дюна на дюны, как горная лань, да при этом еще и шутить умудрялся. За это вторая Аза стала потакать мне насчет того, что он *действительно* поехал умом, а я отвечала ей, что это *она* действительно поехала умом. На что Аза всегда заканчивала спор такими словами: *не забывай, что если ум снесло у меня, то снесло и у тебя*, и у меня не оставалось никак аргументов, ведь, по сути, я шла, тихо материлась и мысленно разговаривала сама с собой.

Мы уже хотели было повалиться на песок и отказаться куда-либо идти, как вдруг Дэвид крикнул «вот оно!», и бросился к небольшим песочным иглу, тесно стоящими рядом друг с другом и образующими плотный круг. Мы с Киром переглянулись. Он махнул рукой по направлению к иглу, и я засеменила вслед за Дэвидом, смотря, как Кир бережно кладет Соньку на песок и гладит по голове.

– Подожди! – внезапно я спотыкнулась о собственные ноги и подобно мешку с цементом прочертила ровную яму в песке. Пыль, лежащая сверху, белым слоем взлетела вверх, закрывая всю видимость.

– Ты такая растяпа, – усмехнулся парень. Я поняла, что сейчас он снова поможет мне подняться, и поспешила встать сама, выплевывая песок и пытаясь игнорировать ноющую

боль в коленях.

Мы возобновили путь и вскоре дошагали до иглу. На расстоянии вытянутой ладони они уже не казались нам такими миниатюрными, как виднелись, когда были в десяти ярдах от нас. Их стены были сделаны из щебневых и глиняных кирпичей, перевязанных между собой лианами, вокруг были выложены что-то наподобие плиточных дорожек, сходящихся в центре.

– И ты уверен, что карта где-то тут? – шепнула я. Он кивнул.

Мы пролезли между двумя иглу, очутившись в центре. Дэвид дал мне нож, и я выставила его вперед, показавшись самой себе еще более жалкой, чем до этого. Я пошла вслед за парнем, не спеша крадясь и прислушиваясь к каждому звуку. Когда мы дошли до одного из «домиков», мы остановились.

Дэвид вошел во тьму первым, не переставая держать пистолет на вытянутой руке. С секунду стояла тишина, а потом раздались пару мощных выстрелов, заставивших задрожать стены здания. Я пригнулась. Мои внутренности разом завязались в тугий узел, предчувствуя, что сейчас на нас нападет какой-нибудь дикарь, и точно прибьет своим здоровенным копьём.

Настала зловещая тишина. Я стояла, прислонившись к стене, изо всех сил сжимая челюсти и вырисовывая во всех красках убийство единственного парня, который хоть как-то стал проявлять ко мне знаки внимания.

А потом раздался еще ряд выстрелов, и вдруг из-за угла выпрыгнуло какое-то странное черное существо, разом зашпешившее к противоположному иглу. А следом раздался разочарованный вздох, свидетельствующий о том, что карты тут нету.

– Прости, что напугал, – Дэвид вышел из арки и мы вместе пошли к следующему зданию. – Я и сам-то присел, когда в темноте завозилась эта крыса.

Я выдавила улыбку, лишь из-за того, что смеяться здесь было бы неуместно.

– Карты нету?

– Не-а, там совершенно пусто. – Он пожал плечами, – посмотрим здесь.

Мы зашли еще в одно иглу, держа наготове пистолет, но, к своему счастью, не обнаружили там гигантского паука или поджидающего дикаря с распростертыми объятиями. Зато мы обнаружили огромную кучу всякого барахла, наваленного буквально до самого потолка.

Тут были и различные книги в кожаных обертках, и перья неизвестных птиц, искусно вплетенных в набедренные повязки, и даже пару копий. В воздухе витал запах жженой бумаги, на одной из стен вырисовывалось небольшое окно, освещавшее всю витающую здесь пыль. Дэвид по-хозяйски покачал головой и принялся копошиться в одном из завалов. Я уселась рядом, помогая перебирать всякий хлам.

– А знаешь, – на момент он отстранил руки от массивной

книги, но вскоре вернулся к делу. – Никогда не знал, что люди могут быть такими волшебными.

Стоит ли напомнить ему, что буквально каких-то двадцать минут назад он сказал, что не хочет возвращаться в Шарлотт?

Я рискнула.

– Брось, Дэвид... – Я отвернулась, – я же знаю, что я прототип Эмили. Не более.

– Возможно, но ты все равно какая-то другая. Да, действительно, я люблю тебя как друга...

Он обхватил мои плечи холодными пальцами и, резко разворачивая, уперся своим прожигающим взглядом мне в глаза.

– Забудь.

– О чем? – я нахмурилась.

– Ну, о том... Тогда, когда дикарь схватил тебя и стал уносить.

При упоминании о поцелуе мурашки на моем теле начали отплясывать тумбу.

– Знаешь, само как-то вышло. Не ожидал от себя такого. Хорошо?

– Хорошо. – Я отвернулась снова, еле сдерживая слезы.

Вот я же тебе говорила, что этот чудак может только расстреливать всех и вся. У него уже давно отбито чувство влюбленности. Не сыпь мне соль на сахар, без тебя и так поняла. Нет, ты не поняла. Поняла. И поэтому ты плачешь,

как маленькая фанатка-школьница, которой разбил сердце ее сорокалетний женатый кумир? Это две разные вещи. Ох, Аза, не доведет тебя до добра твое доверие.

Чтобы отвлечься от мыслей о том, что мне раньше казалось началом великих чувств, я с еще большей яростью стала перебирать всякие бумажки.

Но черт возьми, это же неправильно! Обнимать, заигрывать, целовать... И потом делать такое заявление... Абсолютно ровным хладнокровным тоном, говорящим о том, что чувств между нами просто не было и не может быть. Я – лишь прототип его любимой Эмили, не больше. И именно поэтому он не вышвырнул нас троих из своего убежища за шкирку, как немощных слепых котят.

Я чувствовала его дыхание, его движения, я жила им. А он просто вырвал мое сердце, бросил в лужу и растоптал своими ногами, перед этим хорошенько наплевав прямо на ошметки самой главной мышцы организма.

Я попыталась дышать глубоко и ровно, но сама мысль, что я пытаюсь успокоиться и не показать свои слезы тому, кто пять минут назад почти прямым текстом послал меня куда подальше от взаимной любви, вызывал слезы.

Кто-то нежно ткнул меня пальцем в спину. Я обернулась. Дэвид сидел на коленях и сжимал в одной из рук небольшую синенькую брошку. По краям она была обрамлена в золотую каемку, расходящуюся друг от друга в различные завитушки.

– Получилось! – он восторженно всплеснул руками. – Я нашел ее!

– Ее – это... *карту*? – скептически поинтересовалась я.

Дэвид подтвердил мои слова своей милой улыбкой. Ну от-лично. Если он не пытается найти грань между нашей друж-бой, мне придется рассказать все самой.

– Знаешь ли, – я попробовала подступиться с начала, – насчет... ну, как бы... Того. Самого. Я не испытываю к тебе ровно ничего.

Эти слова одновременно испугали и удивили Дэвида, и он непонимающе покосился на меня, чуть не выронив ценную реликвию.

– Что?

– Ну, ты понимаешь, я, ты, все дела... – я яро стала тере-бить завязку худи. – Мы же... Ну, все равно рано или позд-но расстанемся. Ты хочешь остаться здесь, я хочу обратно в Каролину. У нас разные пути. Интересы, характеры.

И хотя я говорила сбивчиво и путаясь в словах, Дэвид, похоже, понял меня правильно.

Я замолчала, с силой прикусив губу. Врать ему про то, что я отношусь абсолютно хладнокровно к нему, станови-лось все легче и убедительнее.

– Поэтому... Чтобы это не зашло слишком далеко и не расплющило нам сердца в лепешку, нужно прекратить это. Я – это я, Эмили – это Эмили. Я лишь похожа на нее по внешности, но я совсем другая, уж поверь мне.

– Ничего подобного, – он снова обхватил мое плечо руками, и я дернулась, скидывая их. – Ты совершенно не как Эмили, ты...

– Прототип, – со вздохом напомнила я.

Он замолчал, не в силах продолжить разговор. Оперся о стену, делая вид, что рассматривает странную вещицу. Я не знала, что он испытывает, но догадывалась, что он размышляет на тему помочь нам или с криками и воплями убежать куда глаза глядят.

– Что ж, – он замолчал. – А я и... ничего, вроде. Ничего не было. Да... э –э, ничего не было. – Пауза. – Пойдем?

И, не дожидаясь моего ответа, вышел из иглу и заспешил к Киру и Соньке.

Мы развели костер в небольшой высохшей лесополосе, находящейся где-то в трех сотнях ярдов от иглу. Кир помог натаскать сухих поленьев и разжечь костер, хотя, в общем-то, Дэвид сделал за него больше половины.

Мы улеглись плотным кольцом, и вышло так, что я и Дэвид лежали прямо напротив друг друга.

Прохладный ветер качал языки пламени, которые вздымались высоко к черному небу, разбрасывая вокруг нас яркие искры. Он смотрел на меня. Неотрывно, как-то иначе, чем как смотрят влюбленные парни.

У тех взгляд глупый, словно им в пунш подмешали водку и набросали туда соленых огурцов, заставив всю эту меша-

нину выпить.

Но у Дэвида в глазах плясал огонь, и он отражал небольшие слезинки, а сам парень как-то неестественно сжался, прищурившись и лежа настолько неподвижно, будто впал в летаргический сон. Почему-то я тоже смотрела на него. Не из-за чего-то такого, а просто – чтобы поддержать наши гляделки.

В конце концов я не выдержала и развернулась на другой бок, прильнув к Соньке.

А что, если он и правда любил меня?

А что, если это я все порушила?

Но он же сам сказал, что я ему безразлична. Он признался, что я очень похожа на Эмили, и больше он не испытывает ко мне ровно ни-че-го.

Так я и уснула: в нелепой позе, пытаюсь найти удобное положение и одновременно не угодить ногой в костер, и все еще чувствуя пристальный взгляд того, кому я, возможно, перечеркнула пол жизни.

Чьи-то ритмичные постукивания. Голоса. Смех. Возгласы.

Я нехотя приоткрыла сначала один глаз, а потом – второй. Земля. Засохшие стручки, еле пробивающиеся сквозь землю. Пепел от вчерашнего костра. И что-то белесое – соль от

моих слез.

Я поднялась и уселась на колени, отряхивая волосы от земли и посильнее натягивая на себя худи. Воздух еще не прогрелся, и я буквально всей клеточкой тело ощутила те заморозки, которые гуляли всю ночь.

– С добрым утром, спящая, – подтрунил Кир. Он сидел на каком-то пне и все так же продолжал придерживать полусонную Соньку.

– Как она? – я прищурилась.

Он кивнул, говоря этим, что заживляющая мазь подействовала на нее очень даже хорошо. Но что-то в Соньке было не так...

Я присмотрелась внимательнее, пытаюсь понять, что именно в ней не так.

И тут я догадалась.

Копья больше не было.

Вместо этого ее живот был замотан обрывком Кириной футболки, местами всей в крови, но уже засохшей и не кровоточащей. Там, где была рана, сквозь полупрозрачную материю просачивались засохшие кровяные корки.

Я поспешила отвернуться, но одновременно с этим я была ужасно рада, что Соньке стало гораздо лучше.

– Ей ночью стало плохо, – разрушил мои радостные мысли парень, – мы думали, будить тебя или нет, но потом Сонька сама попросила этого не делать. И уснула. Больше такого не повторялось.

Я вскочила на ноги и стала ходить кругами вокруг уже потухшего костра. Дэвида не было, но сумка, с которой он пришел вчера, стояла под четким надзором Кира в пару дюймов от него.

– А этот ушел.

– Отлично, – буркнула я.

– Чего «отлично»? – передразнил Кир. – За дровами пошел он. И воду искать.

Я ничего не ответила и продолжила отдаляться от Кира и Соньки в угрюмом молчании, гадая, радоваться мне, что Дэвид ушел, или грустить о том, что он скоро вернется.

В конечном итоге я так и не решила для себя, что было бы лучше.

Сухие ветки трескались под моими ногами, выжженная мертвая трава рассыпалась в прах, когда я делала нерешительные шаги. Лесополоса постепенно редела, говоря этим, что скоро меня встретят новые пески.

Но когда мертвые деревья закончились окончательно, и перед моими глазами выросло черное выжженное поле, я поняла, что мы покинули землю аборигенов. Я минуты три стояла в полном шоке и всматривалась вдаль, как вдруг кто-то за моей спиной навязчиво закашлялся.

– Кир? – я повернулась к парню, держащему на руках Соньку. Несомненно, она находилась в неясном сознании, но была еще слишком слаба, чтобы встать или хотя бы сказать что-нибудь. – Это выглядит ужасно. Ощущение, словно тут

прошел пожар.

– Может быть, так оно и было, – задумчиво пробормотал Кир. – Не зря же этот город назвали Слипстоуном. Как там оно? «Спящий город» – хорошее название, прямо впору к его ландшафтам.

Мы двинулись вперед, переступая через торчащие из земли корешки и проклиная тех, кто это все устроил. Но едва мы успели дойти до середины поля, как увидели тонкую струйку дыма, идущую из-за холма.

Мы бегом бросились к источнику дыма, и вскоре перед нами предстало такое ужасное зрелище, которое только самая сердобольная душа в мире назовет катастрофой.

Каркас у «боинга» был искорежен настолько, словно перед тем, как приземлиться и умереть, он пролетел по самому еловому лесу, перед этим искупавшись в лаве. Одно из закрылок отсутствовало, левое крыло было наполовину оторвано. Турбины еле-еле мотались на небольших участках металла.

Мы с Киrom одновременно присвистнули, не спеша двигаясь к самолету.

– Кажется, я понимаю, почему выжили только мы трое, – пробормотала я.

Я подошла к входу, и ко мне в голову сразу же залезли воспоминания о том, как мы с огромными от страха глазами спасались от аликвида. Внимательно присмотревшись, на грязном и запыленном каркасе я увидела следы наших боти-

НОК.

Я полезла наверх первая, цепляясь и петляя, как акробат на сцене. Ноги постоянно разъезжались, хилая конструкция скрипела и так и грозилась сорваться и расплющить меня в лепешку. Пару раз я не удержалась и чуть не сорвалась вниз. Кир, который во все глаза следил за этой процессией, тихо взвизгнул.

Я схватилась за провод и, подтягивая все свое тело внутрь, наконец залезла в сам самолет. Под ногами зашуршал дешевый красный ковер вперемешку с вылетевшими из папок документами.

В разбитые окна давно просачивался свет, и все, что я смогла увидеть – пустые сидения и пачки из-под «читоса», валявшиеся в проходе. Людей не было. Только сумки и прочие предметы быта лежали на креслах.

Я продолжила осматривать салон. Проходя между рядов, мой взгляд невольно упал на небольшой увесистый пакетик с упаковками воздушного риса и сока в пачках.

Ура.

Хватай. Отцепись, без тебя знаю. Ешь-ешь, только не по-давься. Ох черф фофьми, как фкуфно! Только приглянись: еда здесь повсюду!

Я, не разбирая, съела всю еду, которую только нашла, разом выпила три пачки сока и уселась на сидение, держась за живот, который первый раз за все время, проведенное здесь, почувствовал вкус настоящей еды.

Я хотела крикнуть Киру, что мы снова схватили удачу за хвост, как вдруг уловила вдалеке какой-то мимолетный блеск, и мои глаза разом впились в этот угол. Язык разговаривать отказался. Может, так было даже лучше. В крайнем случае, если Кир начнет засыпать меня вопросами откуда-то снизу, я смогу отчитаться ему о нашедшейся еде. И почему я сразу не догадалась?

Я аккуратно вылезла из кресла и мелкими шажками засеменила к концу отдела. Мозг отреагировал моментально. *А что, если там еще один монстр? А что, если там ничего нет? А что, если там тебя поджидает дикарь?* Я шла и пыталась выбросить эти дурацкие опасения из головы, твердя своему мозгу, что ему уже давно пора заткнуться. Но ему, видно, закон был не писан, и он продолжал осыпать меня всякими предостережениями и останавливать упорно идущие вперед ноги.

Самолет покачнулся. Я резко обернулась, и, когда увидела в проеме чью-то высокую тень, хотела было испугаться, но, поняв, что к чему, сделала вид, что рассматриваю дамскую сумку из кожи.

– Что ищем? – я проигнорировала Дэвида. – Я не расслышал, Аз?

– Оставь меня, – прошептала я, когда он вплотную подошел ко мне.

Я рванула вперед и отдалилась от него на приличное расстояние, встав к нему спиной. Мы так и остались стоять: я –

спереди, он – сзади.

– Я же просто хотел спросить, – наконец выдохнул Дэвид.

– Брось, – я отдалилась еще на пару шагов. Со стороны это выглядело, наверное, так, будто меня пытается пырнуть ножом неумелый преступник. – Мы же договорились.

Между нами повисла гробовая тишина, которая говорила о том, что пришел он ко мне не за тем, чтобы спросить, что я здесь делаю.

– Прости, – он принялся копошиться в одном из пакетов в поисках съестного. – Кир сказал, где ты.

Ах, как же предсказуемо.

Я приняла новые попытки разузнать, что же там так таинственно сверкнуло, взбудоражив мой мозг, как вдруг, сама ни с того, ни с сего, поскользнулась о ковер и с грацией беременного слона грохнулась в проем, больно ударившись головой о подлокотник.

БУМ.

Левый бок прожгла ноющая боль. И Новый Дэвид, в отличие от Старого, не стал делать попытки помочь мне. Ну и пусть. Так даже лучше. Я собралась подняться, как вдруг...

Под одной из полок что-то лежало.

Я быстрым движением дотянулась и схватила вещицу.

Это оказался странноватого вида свернутый свиток, перевязанных грубой плетеной тесемкой, местами выгоревший, словно он уже успел побывать в костре. Края шелушились; кусочки бумаги оставались у меня в руках. Я лежала и рас-

смаатривала эту находку как какой-то ценный дар, вдруг снизошедший ко мне с небес. Дэвид, который все это время не подавал признаков присутствия, наконец соизволил поинтересоваться, что же я нашла.

– Я не знаю... – Я поднялась с колен и передала ему свиток. – Ему лет так сорок, не меньше.

– Ух ты, – парень присвистнул. – Что-то новенькое.

Он аккуратно стащил веревку, отбрасывая ее за спину, и открыл свиток...

Первое, что бросилось нам в глаза – небольшой металлический предмет, который Дэвид живо сжал в руке.

– Боже правый! – он снова присвистнул. – Письмо.

Текст был написан слипстоунскими знаками вперемешку с английскими закорючками; местами чернила кончались, местами – прорывали тонкую бумагу. Кое-где бумага выгорела и различить, что написано на этом подобие жизни, не представлялось возможным. Но в целом, если хорошенько приглядеться, можно было различить слова и отдельные буквы друг от друга.

– Дорогой попутчик, – принялся читать Дэвид, делая паузы и вглядываясь в написанные символы. – Если ты попал в этот город, читай.

Он замолчал и перевел полный непонимания взгляд на меня. Я коротко кивнула, говоря этим, чтобы он продолжал это читать.

– Меня зовут Уна Гаррисон, я – *Выжившая*. Мне удалось

выбраться отсюда и даже устроиться в крупнейшую авиакомпанию. Этот рейс я хотела запретить, но меня поместили в психиатрическую лечебницу на целый год, а летевших со мной людей признали пропавшими. Они считают, что во всем виновата я.

Та стюардесса.

– Дэвид, – я схватила его за руку. – Я знала, что она что-то знает!

Он слегка дернул плечом и продолжил читать странное послание.

– Это ужасно. Но я выжила. Карта находится у племени У’лу. Маленькая синяя брошь. Вернее, ее дубликат. Настоящую я забрала с собой в Каролину. Ключ от нее я завернула в свиток. Этого города не существует, но он реален, и из него есть выход.

Парень облокотился о спинку кресла, и я уловила в его глазах прозрачные слезинки.

– Выход отсюда только по морю. Карта. Лодка у Бухты. Мне жаль, что я не смогла предотвратить вашу посадку сюда. Слипстоун. Карта. Туман...

Он закрыл лицо руками, часто всхлипывая.

– Рейс восемьсот восемьдесят восемь, – еле выдавил он, сгибаясь пополам. – Боже... Черт побери, Аза... Не все потеряно...

– Но почему ты раньше не взял карту?! – попыталась узнать я.

– Я пытался, – он ударил кулаком по спинке сидения, и оно прогнулось. – Но мне было не по силу тягаться с племенем. Однажды я решил, что они специально распускают эти слухи, чтобы заманить меня к себе. Но черт возьми, Аза! Она существует!!!

Я и сама была готова разреветься в голос при мысли, что мы еще можем спастись и вернуться в Каролину. Мы... Я, Кир и Сонька. Только трое. Только без Дэвида.

– Нужно срочно показать ее Киру, – заметила я. – И взять еду и воду.

– Тогда за работу, – кивнул парень.

9

Мы выпгнули в дом Дэвида как раз тогда, когда на горизонте стало постепенно вырисовываться блевотно-зеленое пятно, неторопливо крадущееся к нам. Пакеты с едой и напитками остались в «прихожей», если это подобие жизни можно было назвать так, а вот мы всеми тремя здравомыслящими умами уселись на кожаный ковер, поочередно трогая брошь и свиток, и глядя на все это таким снисходящим взглядом, словно нас только что отправили домой.

Мы играли в гляделки минут десять, пока Дэвид, шумно не откашлявшись, аккуратно взял брошь, и, повертев ее в руках, по-видимому, наткнулся на отверстие для ключа.

– Ключ, – изрек он и, когда я дрожащей от волнения рукой подала ему металлический малюсенький предмет, он взял

его и, вставив, пару раз повернул по часовой стрелке.

Брошь щелкнула.

А потом раскрылась на две половинки и со звоном упала на пол.

Мы все покачнулись, обливаясь потом. И, когда на коричневатом полу увидели небольшую свернутую в три погибели карту, наперегонки бросились к ней.

Я развернула ее и поразилась, какая она была огромная – ярда в три в ширину и в пять в длину. Ее края обрамляли красивые вручную нарисованные завитушки, в самом углу была жирно намалевана красная точка. Наше настоящее положение, никак иначе.

В правом нижнем углу была нарисована воронка, которую я, несомненно, узнала тоже. А дальше, после «нашей точки», велась линия моря, и стрелка, указывающая направление. В левом верхнем углу была небольшая черная полоса с надписью «Большая Земля».

– Так вот ты какая, – присвистнул Кир. – Ох, боже мой... АЗА!!!

Он кинулся на меня и крепко обнял, очевидно, не отдавая отчет своим действиям. Мы стали обниматься, грозясь выдавить друг другу органы через рот, *оба* не отдавая отчет своим действиям.

– Господи, Кир! – я крепко прижималась к нему и смеялась. – Спасение есть!! Есть!!!

Дэвид вел себя спокойно, сдержанно наблюдая, как мы

чуть ли не вырываем друг другу волосы от радости. Похоже, его это все совершенно не интересовало. Может, так оно и к лучшему...

Почему же я не догадалась об этом раньше?!

Теперь все стало вставать на свои места. Это – не глюк, это вполне реальный, не существующий на карте, город. До нас тут выживали. В прямом смысле. Я схватила свиток и снова вчиталась в криво написанные строки.

Мне жаль, что я не смогла предотвратить вашу посадку сюда – писала она. Значит, она знала, что от рейса восемьсот восемьдесят восемь остается только ждать беды. *Уна Гаррисон*. Ту стюардессу звали Уной, и с виду нельзя было просто так сказать, что когда-то она жила бок о бок с дикарями.

Я обернулась в сторону, где должен был сидеть Дэвид, но, кроме раскрытой броши, не увидела толком абсолютно ничего.

– Похоже, мы ему надоели, – усмехнулся Кир.

– Это точно, – я кивнула. – Быстрее свалим – быстрее доберемся до Каролины, если вообще доберемся. Но нужно рискнуть.

– В любом случае, – заметил он, – нам *придется* побыть пару дней тут, пока Сонька не окрепнет окончательно.

Он перевел взгляд на мирно спящую девушку, свернувшуюся калачиком на груде тряпок и одеял.

– Иначе я сморщусь, как слива, пока донесу ее до окраины.

Мне пришлось согласиться с его словами. И хотя в моем мозгу зародилась робкая надежда насчет того, что она сможет встать на ноги через пару часов, я тотчас ее отогнала. Я предупредила Кира, что пошла искать Дэвида, хотя мне этого делать совсем не хотелось. В основном, потому, что я наплела ему всякой ерунды о том, что якобы не испытываю к нему ничего, и эта ложь рвала меня на куски изнутри. Мне нужно было срочно попросить у него прощение и, если это было еще возможно, выдать дилемму с точностью до наоборот предыдущей.

Я обыскала все комнаты, которые только нашлись в этой рухляди, но не обнаружила там ровно ничего, за исключением потертой от времени мебели и кучи паутины. Я встала посередине комнаты, гадая, где он может быть. А потом, сквозь шум дождя, услышала какое-то бормотание...

Я отыскала люк наверх и, поднимаясь по полуразвалившимся ступеням, очутилась на крыше под черным небом. Сквозь дождь, капающий на меня сверху, я смогла разглядеть тощую сгорбленную фигуру под «зонтом» со своим другом-аликвидом, освещающим его лицо.

– Аза? – он встрепенулся и встал. Бу стал светиться гораздо тусклее. – Иди скорее в дом, этот дождь – ничто иное, как кислота.

После его слов я почувствовала легкое жжение везде, куда попадали капли. Не обращая внимание на то, что кислотный дождь запросто может разесть одежду и кожу, я прямой на-

водкой засеменила к Дэвиду.

– Прости, – я встала в футе от него. Мурашки начали плясать тумбу, зубы перестали попадать друг на друга. В целом, я выглядела как дворняжка, прожившая не одну жуткую зиму.

– За что? – он непонимающе покосился на меня, и Бу стал еще тусклее.

– За все.

Мы неловко усталились себе под ноги. Мне хотелось его обнять, как тогда, но, во-первых, я бы начала выглядеть в его глазах еще более чокнутой, а во-вторых, это было бы как минимум странно после всего того, что я ему наговорила. Поэтому я стояла под кислотным дождем, пытаюсь игнорировать жжение, которое уже распространилось на все тело.

В конце концов он не выдержал и сдвинул свой зонт так, чтобы накрыть им меня. Я только сейчас заметила, что это было ничем иным, как полусогнутой железкой, обтянутой прочным каркасом.

– На улице ночь. Вам нужно завтра идти, и было бы неплохо, если бы ты пошла набираться сил, – заметил он.

– Мы приняли решение, что останемся еще на немного, – протянула я. – То есть, если ты разрешишь... Сонька еще очень слаба.

Он вздохнул и перевел свой взгляд в пустоту. Бу померкнул совсем, и нас накрыла крошечная темнота.

Я поняла, что он успел окончательно обидеться. Я поня-

ла, что шансов у меня нет, и я также поняла, что я разбила сердце тому, кто любит в своей жизни первый раз.

Ну не идиотка же я?

Я стояла рядом, глотая слезы вперемешку с каплями дождя и борясь с двумя противоречивыми чувствами: прижаться к нему, обнять что есть силы и просить прощение, пока кожа синей не станет, или с криками и проклятьями в адрес того, кто нас буквально спас, сбежать из дома.

Все потеряно...

– Прости, – и это было все, что я смогла сказать перед тем, как зареветь в голос.

– Аза, – он слегка прислонился своей головой о мою голову.

– Дэвид, – я всхлипнула. – Прости.

– Аза...

Убирайся вон, и захвати с собой своих друзей – дополнила добросердечная Вторая Я у меня в мозгу.

Я уткнулась к нему в плечо, перестав думать о кислотном дожде и о том, что туман сейчас рыщет в городе в поисках чего-нибудь съестного. Например, нас.

– Знаешь, я дурак, – Дэвид усмехнулся. – Я боялся, что могу потерять тебя. И совершил самый идиотский поступок, на который только был способен. Это ты прости меня. Я еду с тобой в Каролину.

– Что? – я отпрянула, пытаюсь рассмотреть в темноте его лицо.

– Я еду с тобой, – он прижал меня к себе снова. – Ты ведь согласна?

Я устремила свой взгляд в пустоту, гадая, мерещатся ли мне его слова или я слышу их взаправду.

– Я согласна. – Я улыбнулась. – О, Дэвид, я согласна.

Мы простояли на крыше всю ночь, разговаривая о Эмили и о других не менее важных темах, и только тогда, когда первые лучи солнца стали показываться из-за горизонта, спустились в дом и улеглись в постель, прижавшись друг к другу, все мокрые и довольные. Разбудили нас настойчивые голоса, говорящие о том, что «мы уже давно должны были проснуться и не выделываться так явно». Когда я приоткрыла один глаз, то увидела Кира и Соньку, склонившихся надо мной с такими лицами, словно они знали что-то поистине интересное.

– Доброе утро, – Кир по-детски хихикнул. – Если оно у вас, конечно, вообще наступило.

Только сейчас я поняла, что лежу в обнимку с Дэвидом, и поспешила отодвинуться от него. Он заворочался, перевернувшись на другой бок.

– Ничего не было, – я надулась. Кир похотливо прищурился. – Я клянусь!

– В таком случае я хочу завтракать. – Сонька зевнула и покачнулась. Собственные ноги держали ее еще слишком слабо для того, чтобы она могла хоть немного передвигаться.

Мне пришлось вылезти из-под уютного одеяла, чувствуя, как все мое тело мгновенно покрывается мурашками. Дэвид натянул на себя теперь уже свободное одеяло с головой, что-то бормоча. Эх, вот бы мне его силу воли – нас разглядывают друзья, вообразившие, что мы занимались тут совсем не по-детски интересными вещами, которые, кажется, уже опробовал каждый американский подросток, кроме нас – а ему хоть бы хны!

Мы спустились вниз. Кир нес Соньку на руках, а она что-то быстро ему лепетала насчет карты. Видимо, он уже успел рассказать ей все.

Я достала пару баклашек с водой из пакетов и три бургера. Сонька с наслаждением стала откусывать небольшие кусочки от уже порядком очерствевшей мякоти хлеба, Кир подавал ей воду, с умилением глядя на то, как она с аппетитом впервые за это время ест нормальную еду (ну, почти нормальную).

– Ну так... – Осторожно начал Кир, – что произошло?

– Тебя это не касается, – огрызнулась я. Сонька засмеялась.

Спустя пару минут с лестницы послышались шаги, и к нам вышел Дэвид с перекинутым через плечо полотенцем. Наши взгляды встретились, и он незаметно мне улыбнулся.

– В общем, – он уселся рядом. – Я так понимаю, вы решили остаться еще на чуть-чуть? – Кир мрачно кивнул, неудовлетворенный моим ответом. – Тогда помогите мне сегодня

со сборкой урожая. Если что-то случится – не дай Бог, конечно, – еды у нас впритык.

Кир попытался взять Соньку на руки, но девушка замаха-ла руками.

– О господи, – Сонька закатила глаза. – Я уже сама могу идти!

– Ну конечно, – проулюлюкал Кир, – конечно *можешь*.

– Так, давайте-давайте, раз, два, три! – Дэвид пару раз хлопнул в ладоши, – времени мало.

Мы прошли небольшую расщелину, очутившись у садика Дэвида. Сонька все время сидела у Кира на руках, исхудавшая и легкая, как пушинка, но уже с достаточно веселым настроением, будто это не она умирала день назад. Мы остано-вились у оградки, и Кир плавно опустил ее, придерживая за плечи. Сонька сделала пару нерешительных шагов. Дождав-шись, пока они войдут внутрь, мы с Дэвидом юркнули сле-дом, плотно закрывая дверь на засов.

Теперь его сад зарос настолько, что нам было трудно даже протиснуться вдоль оградки, не говоря о подземном люке, который, несомненно, находился где-то среди этих дебрей. Кир усадил Соньку на пень, а сам, размахивая перочинным ножиком, попытался расчистить путь.

– Не думаю, что это обернется успехом, – прошептала я. Кир проигнорировал мои слова. Я повторила громче: – Не думаю, что это обернется успехом, *Кир*.

Наконец он оставил это занятие и в растерянности отошел назад. Дэвид, который все это время нес с собой неизвестно где взявшееся мачете, замахнулся нехитрым приспособлением, и разрубил сразу два-три куста.

Мы стали гуськом продвигаться за ним, обливаясь потом из-за ужасного зноя, стоящего на улице. И, когда последняя заросль была спилена, нашему взору предстала совершенно немая картина.

Весь урожай кто-то поел.

Несомненно, это были либо аликвиды, либо крысы, которых развелось здесь столько, что хватило бы каждому с остатком, но Дэвид, пораженный этой мыслью, крепко выругался, втыкая мачете в землю.

– Плохо, – он вздохнул. А потом резко пригнулся и стал рассматривать на еще сырой земле какую-то вещь.

Мы с Киrom пригнулись тоже, и вскоре смогли различить пару гигантских отпечатков чьих-то ступней. И они явно *не* принадлежали крысам.

– Черт! – Дэвид сжался, – вы разве не понимаете, что это значит?

Мы с Киrom переглянулись.

– Это может значить только одно. – Дэвид сглотнул. – Они нашли нас.

Мы бежали в дом Дэвида так, будто за нами гонится сам черт. *Только бы успеть забрать карту, только бы успеть*

забрать карту – билось у меня в висках.

Мы пробежали квартал в пятнадцать секунд, постоянно спотыкаясь и натыкаясь на друг друга, как какие-то клоуны из цирка. Мы подбежали к дому и остановились в нерешительности.

– Черт побери! – Дэвид схватился руками за голову, – они тут были!

На это указывали и отпечатки здоровенных ног в почве вокруг дома, и затхлый запах, витавший в воздухе.

Мы ворвались в дом и вчетвером ахнули от изумления.

Все было перевернуто кверху дном. Было ощущение, что здесь прошел вихрь, который вынес отсюда буквально все и оставил только щепки. Книги в кожаных обертках валялись на полу. Табуретки были раскромсаны на тысячу маленьких осколков. Окна выбиты. Там, где были ступени, красовались только обрывки досок.

Дэвид упал на колени и сгрел в руки пару деревяшек.

– Черт побери! – он крепко сжал их. – Черт побери! Я должен был догадаться, что они ждали нашего отсутствия! Черт!

Кир усадил Соньку на пыльный пол, и мы наперегонки побежали к заветной полке, где лежала карта. Предсказуемо. Ни полки, ни карты в этом доме больше не было.

– Они ее забрали, – в ужасе отшатнулась я. Кир громко выругался.

– И что теперь делать? – пропищала Сонька.

– Снимать штаны и бегать, – вздохнул Дэвид. – Я жил в этом доме восемь лет. – Лицо его побагровело от горя и злости, на шее выступили вены. Руки еще сильнее сжали деревянные, и из кожи выступило немного крови. Юноша не обратил на это внимание. – Восемь. Гребанных. Лет. Меньше суток назад я обрел то, что помогло бы нам свалить отсюда. И в итоге я лишился и жилья, и карты.

– Не ты один, – заметила я.

Во мне неожиданно разыгрался такой гнев, что я подлетела к мачете, воткнутому в рассыпчатый пол, и со всей силы снесла им остатки полки. Дэвид и все присутствующие покосились на меня так, будто у меня выросли три головы. Моему телу показалось мало. Оно управляло руками, которые управляли мачете, и оно крушило все, что попадалось в поле зрения.

Черт возьми! Карта! Единственное спасение! И все улетело коту под хвост! От беспомощности мне хотелось выть так громко, чтобы этот вой услышали на Каролине и пришли бы за нами. С мачете в руках я превратилась в какого-то неукротимого монстра, который буквально пару минут назад лишился своего нормального облика.

– Аза, черт тебя дери! – Дэвид попробовал схватить меня, но когда я чуть не снесла ему голову, отскочил на безопасное расстояние. – АЗА! ПРЕКРАТИ!!!

Еще никогда я не слышала, чтобы он *так* визжал. Я остановилась в растерянности посередине комнаты.

– Что?

– ОСТАВЬ ЭТО, – прорычал парень, поправляя очки. – Нам всем ужасно дерьмово, но, боже, это же не значит, что нужно крушить то небольшое, что здесь осталось после нашествия дикарей!

Наконец ему удалось отбить у меня это нехитрое оружие, и он, замахиваясь, воткнул его в стену, облокотившись о рукоять.

– Мы должны пойти за картой, – вставил Кир. – И тогда...

– Исключено, – Дэвид в беспомощности покачал головой. – Они провоцируют нас.

– Специально? – удивилась Сонька.

– Вот именно. Они пойдут на все, чтобы прикончить нас всех до единого. Карта им не нужна сто лет, им нужны *мы*. Поверьте мне, они только провоцируют нас на то, чтобы мы пошли за их приманкой. И если мы пойдём за приманкой, как идиоты, то аборигенам останется только схватить нас горяченькими и расплавить наши глаза на огне.

Мы замолчали, пытаюсь осознать всю тяжесть ситуации.

– Неужели на придется... – начала я, и Дэвид прервал меня коротким кивком:

– И как можно побыстрее. Иначе скоро они нагрянут снова.

Мы снова примолкли, и, – не прошло и секунды – услышали чьи-то вздохи. Мы синхронно посмотрели в сторону Соньки и увидели, что она стоит, облачиваясь о стену,

свернувшись в три погибели. Ее лицо налилось гранатовым оттенком, в глазах выступили слезы. Сама она крепко держалась за место, где была рана.

– Сонька! – я и Кир одновременно подскочили к ней. – Что за...

– Все хорошо, – выдавила она, – просто побаливает немного.

И буквально свалилась в объятия Кира.

– Что и требовалось доказать, – вымученно обратился он к нам, вытирая пот с Соньки. – Она настолько слаба, что не пройдет и трех шагов.

Дэвид оперся о стену с видом бывалого следователя:

– Вот поэтому и нужно поторопиться и выйти за пределы города прежде, чем сюда нагрянет туман.

Мы собрали только все самое необходимое.

Дэвид прощался с домом и одновременно был рад, что он покидает это ужасное место. Пока он целовал каждый кирпичик, еще оставшийся целым после многочисленных набегов тумана, мы с Киrom успели оборудовать для Соньки вполне примитивные носилки из деревяшек и ткани. Само собой, договорились тащить по очереди и сменять друг друга.

Мы вышли из города тогда, когда время перевалило примерно за полдень. На улице стоял невыносимый зной, и мы были вынуждены прикрывать головы одеялами, которые за-

пасли для Соньки, чтобы солнце не расплавало нам мозги. Со стороны это, наверное, выглядело как секта монашек, несущих в жертву свою соплеменницу, но нам было абсолютно все равно, ведь мы *покидаем* Слипстоун навсегда. И эта мысль давала нам стимул идти дальше, туда, где мы найдем свое спасение.

Конечно, карты не было. Но вместо этого у нас было кое-что получше – взаимопомощь. И Сонька, которая не давала нам расслабиться. Мы были *обязаны попытаться* вернуть ее в Каролину живой, хотели мы этого или нет.

Мы отошли на довольно большое расстояние и взошли на выжженный холм. Дэвид не выдержал и оглянулся на город. Сейчас, когда мы видели его в последний раз, он казался нам таким маленьким и измученным, что не отличался ничем на этом необитаемом острове. Разве только своей историей, особенной, которой не было ни у какого другого обитаемого и необитаемого города.

Мы двинулись дальше, погруженные в свои мысли. Сонька крепко спала, свернувшись калачиком на носилках.

Лишь только под вечер, когда мы измотались так, что были не в силах сделать пару шагов, сделали привал.

Я достала из мешка керосиновый светильник и с помощью Кира, который раньше изучал «выживание в лесу», зажгла в нем огонь. Он осветил часть наших лиц, скрыв от нас небо, которое враз показалось сплошным черным месивом. Сонька заворчалась. Кир полез за одеялом, чтобы накрыть ее,

а мы с Дэвидом уселись рядом со светильником в полном молчании.

В наших глазах отражались языки пламени, руки в скором времени сплелись в одно целое. Я прижалась к парню и уткнулась ему в грудь, а он обнял меня, укрывая одеялом.

Над нами возвышались могущественные высохшие деревья, в которых когда-то теплилась жизнь. Звезды спрятались где-то между ветвей. Это могло вполне сойти за романтическую прогулку, если не считать того факта, что на нас в любой момент могли наброситься кто угодно.

– Знаешь, – на ухо прошептал мне Дэвид. – Это неподходящий момент, но я все равно скажу, что ты особенная.

Он потянулся ко мне.

О НЕТ. ОН ТЕБЯ СЕЙЧАС ПОЦЕЛУЕТ В ГУБЫ. Спокойствие, Вторая Аза. От поцелуев еще никто не умирал. *У него во рту живет триллион бактерий, ты знаешь его от силы неделю и уже лезешь целоваться?!* Нарочно, чтобы тебя позлить. *НЕ СМЕЙ.* Ха! *Я СКАЗАЛА НЕ СМЕЙ!!!*

Я уже приготовилась к предстоящему поцелую и приоткрыла губы, как вдруг он резко отстранился и уставился в темноту.

– Что случилось? – я покраснела. Дура. *ДУРА.* *Подумала, что он решил тебя поцеловать.*

– Что? – он прищурился, не отрывая взгляда от горизонта. – Ничего. Просто подумал, что нужно ложиться спать. Ты ведь не против? Завтра нужно рано вставать.

С этими словами он откинул меня назад и, тщательно укрывая одеялом, мягко поцеловал в лоб, отдаляясь от нашего пристанища.

– Куда ты? – выдавила я, прежде чем сон окончательно заглохнул меня с головой, не оставляя шансов увидеть, куда пошел Дэвид.

Мы ждем тебя.

Там, в глубине несуществующего реального моря. Мы ждем.

Как только ваша лодка ступит на воду, мы свергнем ее.

Мы ждем.

Ждем тебя. Одну лишь тебя.

Ты нужна нам, и мы дождемся тебя.

Мы ждем.

– Аза! – кто-то тряс меня за плечо. – Аза!

Очевидно, у того, кто меня звал, был просто ужасный акцент, и это очень удивило меня, потому что в нашей компании из четырех человек никто не имел такого ужасного произношения английского. Но, когда я поняла, что плечо мое трясется *само по себе*, сон, который не хотел отпускать меня все это время, заставил подскочить меня на месте и чуть не наступить на керосиновую лампу.

Что за...

Передо мной была крошечная пустота.

– Аза! – снова окликнул меня кто-то.

Я стала вертеться на одном месте, как волчок, пытаюсь понять, кто же меня зовет.

И тут, будто по команде, мой мозг выдал одно слово – «Эмили».

– Эмили! – словно в подтверждение снова произнес чей-то голос. – Она! Она! Скоро!

Я хотела спросить, кто эта «она», но мой мозг разом забыл весь английский. Немного очухавшись, я поняла, что на улице стоит глубокая ночь, а Дэвид, Сонька и Кир мирно спят, укрывшись старыми одеялами.

– Она! – снова вторил мне голос. – Скоро!

Раздалась звенящая пустота, словно голоса, который меня вытащил из сна, и не было. Я попыталась внушить сердцу и легким, что все хорошо, но руки мои предательски тряслись, а на лбу выступил ледяной пот.

Так.

Стоп.

ЭМИЛИ?!

Ну хорошо, теперь у меня есть достаточно доказательств для того теперь уже факта, что потусторонний мир существует. Я тщетно пыталась привести мысли в порядок, осмысливая каждое слово загадочного призрака. Очевидно, слов был немного, и связать их в нормальную речь не представлялось

возможным. Оставалась одна надежда.

Конечно, пока я расталкивала спящего парня, я понимала, что и Дэвид вряд ли что поймет из этой ее речи, но попытаться мне все-таки было нужно. Когда он, покачиваясь на ногах, встал во все свои семь с половиной футов, я передала ему свою дилемму.

– Не может быть, – он снял очки и протер глаза, зевая. – Тебе приснилось, Аза. Спи.

С этими словами он попытался положить меня на землю и укрыть своим одеялом, но я высвободилась из его объятий.

– Да послушай! – я потрясла его за плечи, чтобы окончательно отогнать от него сон. – Я тоже думала, что это не правду. Я уверена, что это была Эмили.

Он покачал головой:

– Тебе приснилось. Эмили давно умерла.

Он сделал вторую попытку прогрузиться в объятия Морфея, и мне ничего не оставалось сделать, как отвесить ему смачную пощечину по лицу.

– Ай! – он на удивление бодро отшатнулся от меня. – Больно же!

– Послушай меня! Она говорила про «нее», и что эта «она» – «скоро»... А что «скоро» – я так и не поняла, и...

Дэвид ущипнул себя за переносицу, перевел взгляд на небо.

– Но сейчас же уже убывающая луна! Новолуние уже было в этом месяце, и вряд ли это была Эмили. К тому же, как я

понял, ни туман, ни неупокоенные души не могут уходить от города так далеко.

– Возможно, она хотела нас о чем-нибудь предупредить...

– проямлила я. – Что, если «она» – это я?

Я хотела сказать что-то еще, но внезапный вскрик Соньки заставил присесть меня и Дэвида от страха и неожиданности. Мы, не раздумывая, наперегонки бросились к девушке, прокручивая в голове самые ужасные ходы событий. Таковые не сбылись, но Сонька выглядела так, будто ее пару минут назад со всей силы придавил фонарный столб, который буквально выдавил все ее внутренности через рот. А еще она плакала. Не в голос, настолько тихо, словно боль забирала все силы, которые можно было бы отвести на нормальный рев.

– Сонька! – я легонько побила ее по щекам. Дэвид подполз к своей сумке и, доставая оттуда заживляющую мазь, заставил ее глотнуть пару раз зеленую жидкость.

Сонькино тело согнулось в приступе рвоты, и нам стало ясно, что мазь в этот раз вряд ли ей поможет.

Дэвид принялся расталкивать Кира. Мои руки тряслись, пока я пыталась дать бедной Соньке воды. К сожалению, ей становилось только хуже; тело ее тряслось, руки посинели, глаза стали настолько остекленевшими, будто она не спала три ночи подряд, на лбу выступил пот.

– Клянусь богом! – Кир схватился за голову, – ее уже накрывал такой приступ, но не настолько сильный для того, чтобы у нее изо рта шла пена!

Наверное, каждый из нас уже понимал, что этот приступ для Соньки может стать последним, и уже морально готовился к этому. Кир схватил ее за плечи и приподнял над землей ее голову, чтобы Сонька не задохнулась в своих же рвотных массах. Нами завладел страх. Мы с Дэвидом метались рядом с сумкой, как пришибленные в агонии, даже не зная, чем помочь ослабить приступ.

– Почему ты не сказал нам об этом раньше?! – в бессилии взъярился Дэвид.

– А что бы это дало, черт возьми?! – рявкнул Кир.

Сонька совершила последнее дерганье, чуть не выскочив из сильных рук парня, и пластом осела у него на коленях, продолжая чуть видно подергиваться.

Эти пару минут были настолько длинными и решающими, что никто из нас не хотел что-либо говорить. *Если* Соньки бы не стало... *Если* бы она вдруг задохнулась от рвоты или потеряла сознание, больше в него не придя...

Я схватилась за голову и беззвучно заплакала. Дэвид шумно выдохнул и осел на колени, зарываясь пальцами в черные, как смоль, волосы. Кир плакал вместе со мной.

Мы знали, что это означает.

Просто никто не хотел произносить это вслух.

10

– В общем, вы должны понимать, что мы не успели обеззаразить рану до того, как она впустила бы в себя всю слип-

стоунскую инфекцию.

Дэвид произнес это тихо, неся на руках ослабшую Соньку, но мы с Киром прекрасно его поняли. У меня подкосились ноги. Кажется, я стала понимать, что чувствует пациент, когда ему оглашают смертельный пожизненный диагноз.

– Поэтому... – Он вздохнул. Восходящее солнце освещало оправу его очков, и в свете лучей они казались нежно-голубыми, придавая беспечности выражению его лица. – Вы также должны понимать, что она в любую секунду может стать частью Слипстоуна...

Все. С этого момента некогда спасший нам жизни Дэвид превратился в жестокого палача, который отрезал нам путь к надежде, что все будет хорошо.

– Эй, шаман, – тихо буркнул Кир. – Хочешь сказать, твои чудодейственные примочки нам больше не помогут?

Дэвид ничего не ответил.

Слезы лились у меня около получаса, и с каждой секундой их поток становился все мощнее и мощнее. Но теперь, когда я поняла, что мы не сможем сделать больше *ничего*, организм дал полную фору и решил, по-видимому, избавиться от всей жидкости, которая в нем находилась.

Кир взял меня за руку и крепко ее сжал. Мы немного отделились от Дэвида и пошли сзади, так, чтобы он не видел наши расклеившиеся физиономии.

– Как думаешь, она протянет до Каролины? – сквозь слезы спросила я очевидный вопрос.

Он пробурчал:

– Мы постараемся сделать все, чтобы так и было. Не слушай этого чудака. Мы справимся. Сонька справится.

Мы снова замолчали и уткнули свои взгляды вниз. Выжженная трава сменилась мелким гравием вперемешку с рыхлой землей, образуя вокруг нас мертвое поле с гейзерами. Последними было усыпано абсолютно все, и они бурлили и извергали теплый дым, как сотни адских котелков, дополняя и без того жаркое лето.

– Мы отошли на приличное расстояние от Слипстоуна. – Вдруг заговорил Дэвид. – За туман можно не бояться. Он ходит вокруг города, и далеко от него никогда не пасется, также, как и неуспокоенные.

Тут меня как будто бы прожгло. Я уронила все сумки на землю, и подбегая к Дэвиду, сообщила:

– Кажется, я поняла, что хотела сказать Эмили!

– Она *не могла* зайти за пределы Слипстоуна! – закатил глаза парень. – Тебе всего лишь *привиделось*.

– Но если так и было? – Кир подобрал на себя вторую порцию моих вещей, и, ковыляя, поравнялся с нами одной линией.

– Я жил в этом городе восемь лет, как я могу ошибаться?

Кир и Дэвид устроили зрительную перепалку. Кир выхватил из рук парня Соньку, качаясь с девушкой и кучей вещей, как маятник на ветру. Дэвид усмехнулся:

– В таком случае, ты будешь не против, если я возьму

часть твоих вещей?

Парень, все еще сетуя на Дэвида, передал ему все вещи, и мы распределили их поровну на двоих.

– В общем, – снова обратился он к нам. – Мы будем надеяться. Этот все, что мы сейчас можем сделать для Соньки.

Поле с гейзерами сменилось еще более некрасочным ландшафтом, вполне схожим с декорациями для фильма ужасов. В земле стали мелькать стекляшки и куски металла, что существенно затрудняло наше передвижение. Мы буквально прыгали от места к месту, пытаясь не всадить себе в ногу кусок стекла. После получаса такой нервотрепки инородные предметы в земле закончились, зато появилось кое-что поистине странное даже для Слипстоуна.

Кусок кирпича.

А это могло означать только одно – где-то здесь поблизости находилась какая-то *постройка*.

Мы бросились вперед, не разбирая дороги, по аккуратно выложенной тропинке из осколков красных пыльных кирпичей, и вскоре на горизонте показался небольшой домик. Мы остановились в растерянности. Дэвид двинулся первым, держа наготове острое мачете, мы потрусили следом.

Он аккуратно толкнул деревянную дверь, и пару соломинок с крыши осыпались ему в волосы. Мы затаили дыхание. Те десять секунд, которые Дэвид провел, всматриваясь в кромешную темноту, показались мне вечностью. Но наконец

он открыл дверь шире, приглашая нас войти внутрь, и мы, как трусливые щенки с поджавшими хвостами, впорхнули в эту ветхую конструкцию и встали на дощатый пол.

Изнутри он тоже не отличался от окружающего его ландшафта: пару полок, какие-то баночки на них, кровать, стол. Кир сразу уложил Соньку на мягкую кровать и укрыл одеялом, присев рядом.

– Аза! – Дэвид махнул рукой, и я в мгновение ока оказалась рядом с ним. – Тут какая-то записка.

Он указал на смятый клочок бумаги, лежащий на дубовом столе. Я в нерешительности сгребла его к себе в руки, вглядываясь в криво нацарапанные буквы.

Этот почерк я узнала сразу.

Уна.

Молю тумана, чтобы вы были живы к этому моменту. Здесь есть продукты на первое время, лекарства, – в скобках были загадочные названия, которых я раньше не слышала – сакма, кедровая настойка, фууроцилл, – надеюсь, они вам помогут. Если вы потеряли карту, ее копия висит на стене за одеялом. Я нацарапала таких около дюжины. Не повторяйте моих ошибок.

Уна.

Мы с Дэвидом переглянулись, чувствуя, как наши сердца начинают неистово биться по направлению к одной из стен,

завешанной толстым одеялом. Я ринулась к ней, спотыкаясь о собственные ноги, как неумелый ребенок, который только учится ходить. Кир, поняв, что что-то здесь не так, опередил меня и рывком сдернул одеяло.

На стене, под толстым слоем пыли, висел большой исписанный лист бумаги.

– О боги! – Кир закрыл руками рот. – Неужели это...

– ДА!!! – радостно выпалила я, срывая карту. – НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕТ ТЕБЕ НЕ КАЖЕТСЯ ДА Я НЕ ВЕРЮ КАРТА КАРТА КИР ДЭВИД КАРТА Я ЗНАЛА!!!

И хотя я прокричала все это на едином дыхании, парни, похоже, кое-как поняли меня и ударили друг друга кулаком в кулак в знак победы. Сонька заворочалась и что-то тихо простонала. Я вспомнила, что где-то здесь, по предписанию Уны, должна быть аптечка, и мы с Дэвидом, как ищейки, принялись выдвигать всевозможные ящички в поисках энного предмета.

Я обшарила уже две полки, как вдруг Дэвид, стоящий сзади и внимательно изучающий содержимое комода, отборно выругался, отдернув руку от ящика.

– Что случилось? – я пересекла разделяющее нас расстояние и заглянула внутрь.

Ох, лучше бы я этого не делала...

Там лежали *странные* предметы.

Законсервированные в нелепых позах в банках с каким-то раствором, с торчащими из неподвижного тельца трубка-

ми, выходящими из крышки. Выглядели они так, словно их несколько раз переехал грузовик, и потом сердобольная душа, нашедшая их ошметки, все-таки сжалилась, и собрала их по частям в одно целое.

И тут я догадалась.

Это были чьи-то *зародыши*.

И, похоже, они совсем не принадлежали человеческим зародышам, потому что у некоторых из них росло по четыре-пять рук, а у одного, самого крупного и еле помещающегося в тесной банке, из живота выходила обезображенная, словно в агонии, морда.

– За все свои восемь лет я встречаю такое впервые, – Дэвид захлопнул комод, часто дыша. – О господи. Все-таки у Уны Гаррисон была своя темная сторона.

Мне захотелось убежать от этих обезображенных телец куда подальше, но я переборола свой страх и снова приоткрыла ящичек.

– Возможно, они были нужны ей для того, чтобы готовить какие-нибудь снадобья. – Выдохнула я. К горлу подступил ком. – *Но откуда она их брала?*

Мой мозг отчетливо вырисовал картину того, как милая с виду стюардесса держит в одной из рук ножик и, режа им свою беременную добычу, изымает из ее живота полуживой плод...

Я захлопнула комод снова. Попыталась унять бешено бьющееся сердце. Легкие, которые почему-то решили, что воз-

духа в этой комнатухе стало резко недостаточно, потребовали новую порцию кислорода.

– И что мы будем делать?

Дэвид почесал затылок:

– Не трогать. Достаточно с меня этих ужасов.

Как можно было верить этой Уне, если буквально несколько минут назад она продемонстрировала весь свой характер в виде бальзамированных зародышей в банках, словно это было каким-то гербарием. Конечно, гербарием – только не из веточек и трав, а из самой настоящей обезображенной плоти. Столько времени ее писаки вели нас, а теперь...

Я не выдержала и сказала, что выйду подышать воздухом. А потом, вылетая в дверь, резко ее захлопнула и уселась на трухлявые ступеньки на крыльце.

Дэвид подошел попозже. Он постоял, вглядываясь в бесконечное поле, а потом сел рядом, приобняв меня.

– Аза Джонсон. – Он пристально посмотрел на меня. Я дернулась:

– Мне все страшнее и страшнее находиться здесь.

– Вот и мы, не отводи взгляд. Мы – воины, ты нам совсем не рад? Мы – воины, что строили этот град из пыли.

– Что? – я обернулась к нему.

– Слова из песни, – он кивнул. – Нужно надеяться, Аза. К сожалению, люди не всемогущи, но они очень хитры и изобретательны, так что смекалка и надежда – это все, на что мы способны в данный момент.

Он позволил прижаться к себе, и я положила свою голову ему на грудь. От этого стало удивительно легче. Интересно, это обозначает, что мы можем считаться парой?

– Когда мы попадем в Каролину, хоть это и звучит бредово, мы сможем прогуляться по моим родным местам? – спросил он. – Когда я был маленький, я часто гулял в парке Маршалл в Шарлотте. Это было наше любимое место с Эмили.

Я вспомнила, как гуляла там с Сонькой и Киром, когда мы тоже были мелкими засранцами. Тогда Кир спер с клумбы кучу лилий, и нам втроем пришлось отдать все свои сбережения в виде двести пятьдесят баксов в качестве штрафа.

– Конечно, – мне захотелось дотянуться до него и поцеловать. – Конечно, Дэвид.

ЧТО ТЫ ТВОРИШЬ. А что? У тебя уже совсем крышу снесло! Опомнись, разуй свои глаза!!! О господи, Вторая Я, что тебе опять не нравится в нем? Честно? ВСЕ! Так предсказуемо. Я советую не доверять ему. Это почему же? Потому что, во-первых, он целоваться не умеет – и откусит тебе язык или губу, – а во-вторых, – он **ОЧЕНЬ** странный тип даже для Слипстоуна. Закрой пасть. Когда он откусит тебе губу, не говори, что виновата я. С презрением, не твоя Аза Джонсон.

– Нам нужно еще пару дней, – прошептала я. – Посмотреть, как поведет себя Сонькин организм. Нам нужно хорошенько выспаться и внимательно изучить карту, прежде чем

идти дальше.

Дэвид кивнул:

– И понять, что хотела сказать Уна этими вот... неважно чем.

С этими словами он прижал меня к себе, и, уставившись вдаль, легкими движениями стал поглаживать мои волосы.

Мы все втроем уснули на полу, что называется, штабелями – тесно прижавшись друг к другу, укрывшись одним-единственным оставшимся одеялом, и три раза поклявшись на мизинчиках, что будем следить за Сонькой всю ночь. Для этого я еще накануне вечером-таки раскопала все лекарства, и, внимательно их изучив, поставила на стол на случай нового приступа девушки.

Правда, мы надеялись, что его не будет.

Но он случился.

Мы все втроем буквально попрыгали со своих спальных мест, когда по комнатушке разнесся дикий крик, заставивший зашевелиться все наши волосы на теле. Кир головой впечатался в полку, и она с ужасным грохотом свалила на него все свое содержимое.

– ДЕРЖИТЕ ЕЕ! – Дэвид метнулся к комоду с лекарствами. – ИНАЧЕ ОНА СВАЛИТ ЧТО-НИБУДЬ И УГРОБИТ САМУ СЕБЯ!

Мы с Киrom схватили ее за руки и ноги. Это чем-то напоминало сеанс экзорцизма. Сонька подпрыгивала на кровати, как мячик, ее глаза закатились вверх, рот открылся в немом крике. С уголка рта текла слюна. Кажется, нам следовало молиться, что все обойдется, но мы были настолько напуганы, что просто прижимали ее руки и ноги к прогнувшейся кровати и смотрели друг на друга осоловелым взглядом.

– Откройте ей рот! – убедившись, что ее рот достаточно открыт, Дэвид вылил туда странную вязкую смесь.

Сонька пару раз вздохнула. Еще раз подпрыгнула на кровати, и, закашлявшись, часто-часто заморгала. Ее рассеянный взгляд заскользил по потолку, по стенам, по полкам с книгами, и в скором времени остановился на Кире...

– Кир... – Она снова закашлялась. Я дотянулась до керосиновой лампы и зажгла ее спичкой, которую нашла еще днем, и ее мягкий свет озарил одновременно дикое, блаженное и грустное лицо Кира.

– Сонька, – он потянулся к ней и прижал к себе. – О боже, Сонька... О боже! О боже! Сонька... Сонька, не верю! Помогло!

Мы с Дэвидом переглянулись. Никто не решался сказать ему, что это лекарство не помогло, а лишь облегчило состояние девушки.

Мое сердце сжалось, когда я уловила отрешенный взгляд Соньки. Еще пару дней назад она верила, что все обойдется, верила, что скоро увидится с родней, пусть ее мать пропала.

Но теперь она понимала, что это конец. Что до дома ей попросту не добраться, как бы она не хотела этого.

– Кир, – она аккуратно приобняла его, сидя на кровати, – мне так больно. Смотри.

Она отодвинулась, и мы увидели мокрую черную лужу под ней. Сначала я подумала, что ее мочевого пузыря немного обалдел во время приступа, но потом, внимательно присмотревшись, я поняла, что эта вязкая черная жидкость течет прямо из-под забинтованной раны.

Кир аккуратно приподнял повязку и тотчас отдернул руку.

– НЕТ! – выкрикнула я.

Да.

То, чего мы так боялись, случилось. Рана сильно гноилась, из нее струйкой лилась черная жидкость, засохшая кровь корками отслаивалась по всему периметру. По краям ползали небольшие белые личинки. Не думала, что мне придется видеть свою же собственную разлагающуюся подругу... Это выглядело ужасно, если не считать того факта, что мы стали потихоньку привыкать к новым «сюрпризам».

– Похоже, это копьё было обработано в каком-то яде, – пробормотал Дэвид, отворачиваясь. – Она буквально разлагается живьем.

По лицу Кира я увидела, что он хочет залепить Дэвиду смачную пощечину, ведь он говорит такие вещи в присутствии Родригез, но не успел: его скрутило и вывернуло пря-

мо на пол остатками еды.

Сонька застонала, сжавшись. Мне пришлось взять заживляющую мазь и начать намазывать ее вокруг гноящейся раны, морщась от отвращения.

– Похоже, эта дрянь потихоньку разъедает ее буквально изнутри... – прошептал парень. – И...

Уловив испепеляющий взгляд зеленого Кира, он примолк. Махнув рукой, Дэвид показал на дверь, и мы с ним вышли на крыльцо, дожидаясь Кира.

Когда Кир пришел, Дэвид заехал ему прямо в лоб:

– Она скоро умрет.

– Я знаю, – огрызнулся парень, хотя это, похоже, стало для него роковой новостью. – Я знаю.

– Это горько, – он попытался положить свою руку ему на плечо в знак ободрения, но Кир отшатнулся:

– Не нужно меня утешать! Оставьте меня в покое! Вообще! – он резко развел руками. – **ОСТАВЬТЕ МЕНЯ!!!**

И с этими словами влетел обратно в дом, громко хлопнув дверью.

Мы с Дэвидом стояли на крыльце, глядя на мерцающие в небе звезды, и каждый думал о своем. Очевидно, Дэвида никак не волновала смерть Соньки, ведь она ему, считай, была незнакомым человеком, также, как Кир и я. Мое сердце буквально обливалось кровью, и от мысли, что я снова увижу ее мучительный приступ, по моему телу пробегала волна страха.

Когда рыдания из-за стены немного сбавили свой темп, Дэвид шепнул:

– Что делать?

– Я даже не знаю. Я даже не знаю, о, Дэвид, как это больно...

– Более всего – ей, – со вздохом заметил он. – Кажется, она не рада, что еще жива.

Спустя пару минут Кир разрыдался с утроенной силой.

– И что ты предлагаешь? – я нахмурилась.

– Аза, как бы это дико не звучало, но вскоре она сама захочет умереть. Она уже поняла, что это конец, Аза, и удерживать ее тут – полный эгоизм. Я надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

Мне показалось, что меня окатили холодной водой.

– Ты уверен? – я пристально посмотрела на него.

Он ничего не ответил.

Утром мы вывели Соньку на улицу.

Впервые мне приходилось обращаться с подругой как с ценной реликвией. Мы знали, что этот выход на свежий воздух, скорее всего, последний. Кир нес ее на руках. Я поспежала сзади и тащила ворох «лекарств», чтобы, если ее ударит новый приступ, успеть помочь, или хотя бы облегчить боль.

Очевидно, Кир уже понял, что Сонька не доживет до Каролины, и теперь он нес ее и смотрел на нее так, как смотрят на покойника в открытом гробу. Он понимал, что ее оче-

редной вздох может стать последним, понимал, что, только влюбившись, он скоро потеряет свою возлюбленную.

В любом случае, мы решили дать им насладиться друг другом в последний миг Сонькиной жизни, наполненной болью и страданиями.

Мы отошли на пару ярдов от дома, на небольшой холм, и Кир, который все это время ходил угрюмый, попросил оставить лекарства и уйти. Соньку он мягко опустил на траву. Не отходя от девушки, он принялся что-то тихо ей шептать, поглаживая по ее шоколадным волосам рукой.

Я зашла в дом и застала Дэвида, внимательно изучающего карту.

– В общем, – он отложил сей нехитрый предмет и вздохнул. – Я так понял, нам придется переплыть через впадину. Она подписана неразборчивыми каракулями, и, если считать буквально одну неправильную букву, то оно переводится как «Чудовищный омут». Интересно, Уна сама придумала это название?

– А какое второе толкование? – я присела рядом, разглядывая сморщенную карту.

– «Умершие глаза». Странно, не находишь?

– Тогда я больше склоняюсь к первому варианту.

Он занес вверх указательный палец и с видом бывалого профессора произнес:

– Но, насколько я понимаю, чудовищ не существует.

– Об акулах тебе тоже неизвестно? – скептически спроси-

ла я.

– Известно, конечно же. – Он усмехнулся.

– Ты не встречал еще каких-нибудь записок?

Он покачал головой:

– Нет.

Мы принялись изучать карту дальше, вперив туда свои взгляды.

Действительно, в нашем пути лежала задача переплыть через впадину. Но было еще кое-что – ее пересекал остров, по которому мы могли бы ее просто-напросто миновать. Он представлял из себя небольшой рваный клочок суши с минимальной растительностью, по краям которого была очерчена строгая линия, обозначающая отмель. Мой взгляд невольно упал на самый дальний угол карты с надписью «Большая земля», и мой мозг понял, что плыть нам до нее нужно будет долго.

Краем глаза я заметила, что взгляд Дэвида сменился на испуганный и затравленный одновременно.

– Что случилось? – я крепко сжала его руку.

– Да я тут так подумал... – Он передернул плечами, как будто ему мешало что-то сзади. – А что, если там правда обитают какие-нибудь монстры? Ну, знаешь, типа этих... э-э, *умерших глаз*? Будет не круто, если нас на полпути заглотит какой-нибудь огромный тип.

– Да брось, – я обняла его. – Составитель этой карты выбирал странные, как он сам, имена для каждого клочка. По-

этому ничего страшного, я надеюсь, не будет.

Я снова положила свою голову ему на плечо, и он снова обнял меня и улыбнулся своей грустной улыбкой. Так мы бы и сидели сколько влезло, но внезапный вскрик, донесшийся с улицы, заставил нас подскочить на месте и, обгоняя друг друга, броситься на звук.

Не сейчас, пожалуйста.

Прошу, не сейчас.

Сонька, умоляю тебя.

Мы успели схватить лекарства, спрыгнули с ветхих ступенек, перебирая ногами так часто, что вполне бы сгодились за призеров олимпийских игр. Вдалеке показалась сторбленная фигура Кира. У меня екнуло в груди.

Прошу, только не сегодня.

Сонька, умоляю тебя.

Только не сегодня.

– КИР! – Дэвид помахал рукой, но он никак не отреагировал на его окрик. – КИР! МЫ УЖЕ БЕЖИМ!

Мы припустили с утроенной силой. Упали на колени перед Киrom и лежащей на земле Сонькой. К моему горлу подступил ком, когда Дэвид мерил пульс у девушки и прислушивался к ее сердцебиению.

Я надеялась, что она еще жива, но, когда парень медленно отстранился от нее и так же медленно покачал головой, я закричала.

– НЕТ!!! – Кир сгреб ее в охапку, судорожно трясся. – НЕТ!

НЕТ!!! НEEEEET!!!

Я почувствовала, как мой мозг отделился от тела, как это всегда бывало при трагичных ситуациях, и стал наблюдать всю эту процессию со стороны. Вот Дэвид сидит чуть поодаль. И вот мы с Киrom – рвем на себе волосы и вопим на всю округу: *нет нетсонька немогланоккак такчтожеэтого напастьтотакая*. Кир трясет ее за плечи, слегка бьет по щекам, ежесекундно прижимается к ее груди, чтобы проверить, не задышала ли она. Потом прибегает к крайним мерам.

Искусственное дыхание.

Массаж сердца.

Не помогает.

Сердце Соньки остановилось навсегда.

Поняв, что теперь что-то сделать совершенно бесполезно, он откинулся назад и, вдавывая ногтями в лицо, истошно закричал. Его лицо налилось гранатовым оттенком, руки задрожали. Он попытался выдавить себе глаза (по крайней мере, он начал пытаться совершить это), но Дэвид, подоспевший к нему, схватил его руки и завел за спину.

– **НЕТ!!** – орал Кир. – **ОТПУСТИ МЕНЯ!! ОТПУСТИ МЕНЯ, ЧЕРТОВО ОТРОДЬЕ!!! Я НЕ МОГУ БЕЗ СОНЬКИ!!! НEEEEEEEEET!!! СОНЬКА!!! ОТПУСТИ!! ОТПУСТИ МЕНЯ!!!**

Но он не отпустил Кира, лишь сильнее сжал его руки, уставившись на бездыханное тело моей подруги, которое стало постепенно холодеть и бледнеть.

Я разрыдалась.

Мы похоронили ее.

Дэвид отыскал лопату в небольшой пристройке у дома, вырыл в сырой земле могилку, и мы вместе погрузили туда еще теплое тело Соньки. Каждый простился с ней. Дэвид – так, за компанию, чтобы не выделяться у нас в глазах и не третировать Кира, которому эта утрата далась особенно тяжело.

Я вспомнила все наши радостные и не очень моменты с Сонькой. Как она подсунула кнопку учителю французского, мистеру Дьюпону, когда он хорошенько отчитал меня за грязь в тетрадке. Как я заступалась за нее перед ее «подругами». Как мы коротали вечера за попкорном и просмотром «топ-модель по-американски», воображая себя понравившимися участницами.

Вся наша совместная жизнь пронеслась у меня перед глазами за каких-то пару секунд, пока Дэвид закапывал ее тело, загаженное рвотными массами, кровью и сырой землей. Я и подумать не могла, что она встретит свою смерть в никому не известном городе, которого нету даже на карте. Мало того, я даже не могла вообразить, что ее смерть будет такой мучительной.

И вот мы стоим у зарытой могилы и воткнутой в нее кре-

ста из двух деревяшек, криво наклепленных друг на друга. Кир сидит впереди и пропитывает землю своими слезами, мы с Дэвидом стоим поодаль.

Кажется, мой мозг еще не окончательно понял, что я больше никогда не увижу Соньку. Я уже не помнила, когда последний раз сказала ей «я тебя люблю», но то, что я не скажу ей это больше никогда, дошло до меня только минут через пятнадцать.

И понеслось...

Беспощадные морские волны бросали меня и Кира на острые камни, наслаждаясь, как их вода медленно окрашивается в темно-бордовый цвет. Соленая вода затекала в открытые раны, они щипали, доставляя нам невероятную боль. Море то забирало нас под воду, то снова, с утроенной яростью, бросало на острые глыбы, целясь прямо в сердце.

Кир рвал на себе волосы, до крови кусал костяшки пальцев и проклинал всех богов, чьи имена он только сумел вспомнить. Я стояла неподвижно. Слезы сами катились по щекам, насквозь пропитывая ткань худи и футболки.

Соньки больше нет.

И снова боль... Тупая и ноющая, где-то в глубине сердца, заставляющая подкашиваться ноги и терять над собой контроль...

Я не выдержала и, прижавшись к Дэвиду, разревелась.

На мое удивление, он не оттолкнул меня, лишь сильнее приобнял, поглаживая мои волосы.

Когда волна моего бессилия немного стихла, он вздохнул.

– Волны кидают вас об острые камни, потом снова уносят вглубь, потом снова кидают, потом снова уносят...

Я отодвинулась от него:

– Что?

– Мне знакомо это чувство, – он закрыл глаза, очевидно, предаваясь воспоминаниям об Эмили. – Я знаю, что ты сейчас испытываешь. Надеюсь, ваша Сонька найдет себе достойное пристанище здесь.

Я ничего не ответила.

А потом заморосил кислотный дождь.

Он падал на нас, обжигая открытые участки кожи и разъедая в нашей одежде дырки. Спустя пару минут все мое тело саднило и ныло, но я не обращала на это внимание как на должное, потому что горе стояло пострашнее какой-то дурацкой кислоты.

– Самый быстрый способ перестать думать о Соньке, – Дэвид замолчал. Перешел на шепот, очевидно, боясь, что Кир услышит его и озверевает еще сильнее. – Это забыть ее. Там ей легче.

– Говоришь это так, будто ты в этом уверен, – шмыгнув носом Кир, все-таки услышавший его предложение.

– Я в этом уверен. – Он вздохнул. – Там ей легче.

И мы стояли под кислотным дождем, чувствуя, как нашу кожу потихоньку обжигают ядовитые примеси в каплях воды, оплакивая потерю, не говоря больше ни слова.

Мы стояли, и каждый из думал о чем-то своем, вспоминая Соньку.

Мы надеялись, что там ей будет легче.

Мы легли спать поздно ночью, но сон никак не лез мне в сознание. Поэтому я лежала на прогнувшейся кровати, на которой буквально день назад лежала Сонька, и пыталась привести свои мысли в полный порядок. До меня наконец-то дошел смысл слов призрака, который разбудил меня той роковой ночью. «Она» – это Сонька, «скоро» – ее смерть.

Она подходит ко мне и прижимает к себе, мы обнимаемся, я слышу стук ее сердца. И она говорит мне: «я жива, зачем ты закопала меня, Аза», и я просыпаюсь с криками и в поту.

Почему же я уделяла так мало времени Соньке?

Последние пару дней мы общались не как подруги детства, а как напарницы, причем люто ненавидящие друг друга – коротко, обрывками фраз, мимолетно.

А она все прижимает меня к себе и плачет: «Аза, Аза Джонсон, зачем ты закопала меня?». Я пытаюсь ей сказать, что она умерла, но она не слышит меня. Ее слезы пропитывают мою майку, и она повторяет и повторяет одну-единственную фразу.

Я не сомкнула глаз за эту ночь ни разу. В конце концов, поняв, что эта ночь для меня обернется круглой бессонницей, я аккуратно покралась через спящих на полу парней, и,

выходя на крыльцо, села на ступени. Прохладный воздух тотчас облепил меня со всех сторон, ветер взъерошил невымытые волосы. *Королевство за теплый душ и новое белье* – мелькнула в голове мысль.

Мне не представлялось возможным описывать Богу все то, что творилось у меня в голове, и поэтому я просто стала отковыривать ногтями облупившуюся краску с перил. Если бы я попыталась, я не смогла описать даже бы и половины боли, которая была в моем сердце тогда. Раз уж Соньки не стало, завтра нам предстояло снова возобновить свой путь, чтобы как можно быстрее вернуться в Шарлотт и закончить этот долбаный сумасшедший квест.

Но я даже не представляла, как мы справимся без того, кто подал нам такую огромную надежду...

– Шесть пачек сока хватит?

Кир хмурым взглядом окинул Дэвида, и возвращаясь к собиранию продуктов и вещей в дорогу, на пальцах показал число семь.

Похоже, не одна я не спала всю ночь.

Кир не спал, но, когда я ушла, он, вероятнее всего, снова ударился в тихий плач. Это подтверждали и его затравленное выражение лица, и огромные синяки под его глазами, вполне сходными с синяками глубокого алкоголика. Мы собира-

ли вещи молча, тщательно взвешивая каждый грамм и прикидывая в мозгу, сколько мы еще сможем унести. Я не раз возвращалась к замурованным в банки зародышам, но парни всячески отодвигали меня от заветного комода и заставляли собирать вещи дальше.

В конце концов, я сдалась.

Мы вышли из дома тогда, когда время перевалило примерно за десять часов утра. С каждым шагом ветхая конструкция, буквально спасшая нас от смерти, все отдалялась и отдалялась, становилась дальше и исчезала за горизонтом.

Мы прошли мимо могилки Соньки. Кислотный дождь, который шел ночью, прилично разъел накренившийся набок крест, и теперь создавалось ощущение, что его обгрызли сотни маленьких острых зубок. Я не сдержалась и, пока ребята углублялись в лесополосу, подошла к кресту.

– Я люблю тебя, – прошептала я. Сделала паузу. – Я люблю тебя Сонька. Прости, что не говорила тебе это раньше. Прости меня, если ты... еще в силах это сделать... – Отвязала из своего худи одну из завязок и аккуратно повязала на основание креста. – Обещаю, мы доберемся до Шарлотт. Я люблю тебя, моя Сонька.

И, поднимаясь с мокрой земли, заспешила к ребятам.

Мы шли молча, только изредка бросали друг в друга короткие фразы наподобие «мне нужно отойти», «до Оврага четыреста ярдов» или «к послезавтрашнему вечеру доберем-

ся до бухты». Дэвид шел впереди, при необходимости прочищая нам путь от зарослей своим мачете, я и Кир плелись сзади.

Когда часы перевалили за полдень, мы решили сделать привал.

– Разбираем, едим немного, еды и так мало, – Дэвид по очереди раздал нам пару кусков очерствевшего хлеба. Живот заявил о себе громким урчанием. Я хотела возразить, что бургеры, как ни крути, лучше, но, когда мой взгляд проскользнул по торчащим ребрам Дэвида, с отвращением вгрызлась зубами в твердое изделие.

– Короче говоря, – Дэвид расстелил карту на земле. – Нам придется переплыть какой-то там Чудовищный омут. Название говорит само за себя, но я до сих пор надеюсь, что это просто больная выдумка Уны.

– Больная ли? – пробурчал Кир.

Я дополнила:

– Когда я рассматривала эту карту, то сделала вывод, что можно пройти эту впадину через остров, лежащий прямо на ней. Уверена, мы будем ужасно уставшие, потому что, если верить карте, до Омута от бухты целая миля, а он еще даже и половины не пересекает.

Мы переглянулись друг с другом.

– Если верить карте, – подражая моему голосу, выдавил Кир, – то мы вообще можем не попасть на остров. Это может оказаться обычной выдумкой поехавшей крышей стюардес-

сы, останки которой, возможно, валяются где-то тут.

– Мы должны хвататься за любую зацепку! – запротестовала я.

– Чтобы сдохнуть?!

Мы уставились друг на друга испепеляющими взглядами. Левой стороной мозга я понимала, что Кир ужасно зол после смерти Соньки, но я также понимала, что ему поскорее нужно запихнуть эту злость куда подальше от Дэвида, который всегда спокоен, как удав, но, тем не менее, обладает приличной силой.

– Я предлагаю тебе остаться тут и сдохнуть в окружении сухих веток, если ты постоянно поджимаешь свой хвост, как трусливая шавка, – я нарочно медленно отвернулась.

А в следующую секунду произошло то, что разом заставило пожалеть меня о своих словах.

Кир, который в момент дернулся, со всей силой заехал мне в скулу. Я вскрикнула. Послышался глухой удар, но он не принадлежал Кириному кулаку. Дэвид, отреагировавший на это, теперь сцепился с парнем и, повалив его на землю, размерными движениями бил его в грудь.

– НЕТ!!! – я вскочила с земли и стала тащить его от Кира прочь.

На мое удивление он подчинился довольно легко. Моя скула горела, и уже, наверное, налилась гранатовым оттенком, и я поспешила скрыть этот инцидент от зорких глаз парня.

– Вы... – я задыхалась от гнева. – Вы... Как вы...

– Нечего руки распускать, – хмыкнул Дэвид.

– Да какая разница! Как дети малые! – я несильно толкнула его в грудь. – У нас тут выживание полным ходом, а вы друг друга добиваете из-за обычного шлепка!

Я заметила, что он пытается посмотреть место удара. Я попыталась отползти, но Дэвид крепко схватил меня за руки и притянул пылающую от боли скулу к себе.

В это время Кир встал и на покачивающихся ногах побрел от нас прочь, бормоча себе под нос проклятия.

– Аза... – Дэвид покачал головой. – Он мог тебе серьезно навредить...

– Он мой друг.

– Но все же...

– У него часто крышу сносит, – я притянула карту к себе и уперлась в нее взглядом. – Но, да, сейчас в него... Будто что-то вселилось... Он никогда не бил меня. Я сама виновата.

Мы углубились в изучение карты. После острова, который лежал на впадине, была заштрихована приличной длины дорога. Дэвид расшифровал ее как отмель. Я даже удивилась: ничего себе, ну не может быть такой длинной отмели!

А потом Дэвид как-то странно перевел взгляд на поле, видневшееся из-за ссутулившихся деревьев, и его глаза раскрылись и стали похожи на два блюдца.

– Что случилось? – я потрясла его за плечо. Он дернулся:

– Там *что-то*...

Я прищурилась и стала внимательно рассматривать каждый ярд поля. Но, кроме возвышающихся из земли черных пней, не увидела ровным толком ничего.

И вдруг пни стали *двигаться*.

Я отчетливо видела, как они обретают по две пары грациозных копыт, длинную шею, массивную грудную клетку и вытянутый и сплюснутый чешуйчатый хвост. Грива на них отсутствовала. Окрас был настолько неярким, что мы вполне могли спутать их с окружающей выжженной травой.

– Лошади! – шепотом сообщила я.

– *Откуда* здесь лошади?! – так же шепотом поспешил опровергнуть мои слова Дэвид.

Вдруг то, что мы считали пнем все это время, находящимся в пяти ярдах от моей правой ноги, пошевелился и, подобно бутону, стал принимать свой настоящий вид...

Конь уставился на нас своими огромными черными глазами, совершенно игнорируя тот факт, что у Дэвида в рюкзаке таилось мачете.

– НЕ. ДЫШИ. – Я медленно закрыла парню рот рукой. – ТОЛЬКО. НЕ. ВСПУГНИ. ЭТО. СОЗДАНИЕ.

– Какая разница?! – прошептал в ответ он. И, спустя пару секунд, похоже, наконец-то догадался, что мы вполне могли бы оседлать его. – В моем рюкзаке есть плотная веревка. ХВАТАЙ.

Наверное, в цивилизованном мире мы бы даже и мысли такой не имели, но это был не цивилизованный мир, а несущий

ществующий (как, впрочем, все то, что находится здесь), поэтому мысль оседлать это животное нам показалась довольно интересной и безопасной.

Я медленно потянулась рукой к карману побитого жизнью рюкзака, не сводя взгляда со странного мутировавшего животного. В каком-то плане нам повезло: мало того, что оно не имело зубов, так еще оно было настолько большим и мощным, что мы вполне могли бы поместиться на его спине троим и еще оставить запас для вещей.

Я нашарила толстый канат, и мы с Дэвидом стали потихоньку подкрадываться к коню, даже не обговорив план действий. Его это совершенно не испугало: он уверенно полз к цели, готовясь в любой момент наброситься из прижать его к земле.

ТЫ СОВСЕМ ТАМ СОВЕСТЬ ПОТЕРЯЛА?!? Почему последние разы ты начинаешь свою бесполезную тираду с ора? Потому что я боюсь за себя!! Эгоистка. Ты ТОЖЕ должна бояться за себя, потому что, если он вмажет тебе в твоё прыщавое лицо копытом, то там останется ОГРОМНАЯ. ВМЯТИНА!!! Вот и отлично. Да ты не понимаешь!!! Он же дикий!!! Остановись!!! Слышишь?! АЗА!!!

Между нами осталось ничтожное расстояние в ярд. Мы продолжали смотреть друг другу в глаза, пытаясь скрыть свой страх. Я боялась, что он вонмет меня в землю одним присестом, а он боялся, что мы вырежем его внутренности и пустим на продажу или на сковородку.

Дэвид дернулся первым, и, поднимая за собой столб пыли, прыгнул на морду коня. Он громко заверещал, стал пытаться встать на дыбы и сбросить тяжелую ношу.

– АЗА!!! – Дэвид вьелся ногами в землю. – ВЕРЕВКА!!!

Я схватила веревку, и, пытаясь подступиться к упрямому животному, кинула в него петлю. Первый раз – мимо. Второй раз – мимо. На третий она налетела на шею и завязалась там плотным узлом. Я что силы дернула ее на себя. Дэвид, который раньше успел забраться сзади ему на шею, теперь ухватился рукой и культей с крюком на конце за конец морды и тянул вниз, отчего шея животного складывалась буквально пополам.

Я ощутила всю мощь этого мутировавшего создания в полной мере, когда ему-таки удалось опереться задними копытами о землю и встать на дыбы. Я повисла на веревке, мотаясь, как рыба на крючке, в то время, пока оно мотало головой в разные стороны с чудовищной быстротой, пытаясь разделаться с парнем.

– Свяжи ему ноги! – скомандовал Дэвид. – И, прошу, быстрее, иначе он меня сейчас скинет и втопчет в землю!

Я стала неуклюже раскачиваться и вскоре сделала два круга вокруг передних ног животного. Я протянула руку. Дэвид схватил меня, и я, забираясь на спину коня, со всей силы дернула на себя канат. Мы стали падать под оглушающие звуки лошади, молясь всем богам, чтобы он не подмял нас под себя.

Едва мы коснулись земли, как Дэвид спрыгнул со спины зверя, и, хватая конец веревки, ловко закрепил ее на мускулистой черной шее. Конь завизжал, дергая задними ногами и поднимая столб пыли.

Едва моя правая нога коснулась земли, как я поняла весь смысл выражения «кричать от боли». Там, где тянулся внушительный шрам от тумана, резкая боль ударила со всей силой прямо в центр, заставляя мои волосы шевелиться в разных направлениях.

– Аза? – Дэвид оттащил меня от буйного животного. Я потеряла ногу:

– Все хорошо. Честно.

Даже спиной я уловила его пристальный взгляд.

– Просто немного побаливает шрам, – я наконец встала на больную ногу, опираясь о сухой ствол дерева, – честно. Все хорошо.

Он медленно закивал головой и взял мою руку в свою:

– Если что – говори сразу, Аза. Я не выдержу, если с тобой случится тоже самое, что и с Сонькой.

Я хотела ответить что-то еще, но меня прервал дикий крик коня и кого-то постороннего. Мы синхронно обернулись по направлению к звуку. У массивного высохшего дуба стоял Кир. Его глаза были красными от слез, но теперь они выражали не печаль, а полнейший испуг и непонимание ситуации, очевидно, подавая сигналы мозгу о том, что пора делать ноги.

– Черт возьми, что тут у вас происходит?! – он широким радиусом обогнул лежащего и брыкающегося коня и подошел к нам. – Это... сделали... Вы?!

Дэвид уставился на него с победным взглядом. То, что я за него сделала почти половину, он упомянуть не захотел.

– Не верю! – он протер очки. – И что мы будем с ним делать? Он же за один присест нам может что-то откусить – раз плюнуть!

Теперь очередь уставиться на него с вопросом в глазах настала мне и Киру.

– А что? – он поморщился. – Оседлаем, погрузим вещи и спокойно дошагаем до бухты. В чем вопрос?

– Во-первых, вопрос во всем, – смущенно пробормотал Кир, оглядываясь на зверя. – Мы *не* застрахованы от того, что ему вдруг не вздумается перекусить нам сонную артерию. Во-вторых, ни я, ни Аза ни разу не управляли лошадью. Это обуславливается тем, что, однажды, на конных тренировках, одна из трех лошадей наделала приличную кучу в новые туфли Азы Джонсон, и она психанула и сказала, что больше не будет туда ходить. Ну и в-третьих...

– Ладно, достаточно, – я развела руками. – Если долго мучиться...

– То ничего не получится, – обиженно буркнул Кир, перебивая меня.

Мы нарезали около трехсот кругов вокруг этого странного животного, прежде чем Дэвид, самый смелый из нашей

немногочисленной шайки, таки осмелел и подошел ближе. Он долго прислушивался к его ритмичному дыханию, долго всматривался в абсолютно черные, лишённые белка, глаза. Но наконец он медленно протянул руку и нерешительно прикоснулся к шершавой коже...

Конь дернулся. Дэвид руку не убрал. Он все так же продолжал сверлить его упорным взглядом, очевидно, гадая, когда ему прилетит копытами в пах.

– Поднимайся! – он легонько пнул его под дых и отскочил на безопасное расстояние. – Поднимайся!

Животное не дернулось.

И Дэвид решился на крайние меры.

Он подскочил сзади, и, хватаясь за свободную петлю каната, резко дернул его вверх. Петля, опоясывающая ноги, развязалась, и конь, пошатываясь и скуля, приподнялся на колени.

– Без шуточек, – он с опаской обогнул его с другой стороны и запрыгнул на круп.

Мы с Киrom напрягли абсолютно все, что у нас было, готовясь бежать врассыпную. Но, к нашему удивлению, конь остался абсолютно спокойным, признавая лидерство худощавого парня.

– Вот и все дела, – он развел руками. – А вы тут начали – «ой скинет, ой съест!». Тащите вещи, будем погружаться.

Я усмехнулась.

Если мне когда-нибудь и предложили бы управлять лошадю, пусть не мутировавшей и в два с половиной раза меньше, чем эта, я бы сразу же отказалась. Мы только вышли из леса, наблюдая, как остальное стадо недоуменно таращится на нас, как на пришельцев, а я уже перестала чувствовать всю задницу. Кир, похоже, испытывал идентичные чувства. Зато Дэвид, сидевший почти на шее у коня, ловкой походкой вел его за канат, насвистывая какую-то мелодию.

Ритмичный стук копыт и шорохи в выжженной траве давали нам надежду на то, что Слипстоун еще сохранил в себе подобие жизни. Чем дальше мы отдалялись от города, тем сильнее изменялась природа, появлялись новые виды мутировавших организмов и растений. Мимо нас то и дело перебежали странные кроликоподобные существа с ушами больше, чем они сами. Трава, напоминающая осоку, чуть покачивалась от встречного ветра. Конь шел не торопясь, наслаждаясь, как его каждый шаг причиняет нам еле терпимую боль в заднице, даже как-то горделиво и совсем без страха, что мы запросто можем его зарезать.

Дэвид сидел «на корме» с картой в руках, и радостным будничным тоном объявлял через каждые сто ярдов, что наше расстояние сократилось *аж на сто ярдов*. После каждого такого заявления мы с Киrom дружно закатывали глаза до небес, а потом в один голос говорили: *как офигенно*.

В конце концов, когда на горизонте стало вырисовываться

заходящее солнце, Дэвид легким движением спрыгнул с лошади, и, привязывая ее к массивному высохшему стволу, одному растущему посреди бескрайнего поля, помог нам всем слезть и свалить на землю все вещи.

Кир снова развел костер, и мы уселись тесным полукругом, грея отмерзшие конечности.

– Аза Джонсон, – Дэвид приобнял меня, глядя на разгорающийся костер.

– Дэвид... – я замолчала. И тут до меня дошло, что я ни разу не спросила его фамилии. – Дэвид... – снова осеклась.

Он, видно, понял, что я пытаюсь у него выудить, и, срывая соломинку, сунул ее в рот:

– Эванс. Дэвид Эванс.

– Неплохую ты себе фамилию прибабахал, – отозвался Кир. – А то Брауны, Джонсоны, Родригезы всякие. А тут – Эванс.

– Разве это распространенные фамилии в Каролине? – он изогнул левую бровь.

– Как по мне, Джонсонов в Шарлотт – каждый второй. – Кир пожал плечами.

На это он ничего не ответил. Просто обнял меня, уткнувшись мне в волосы.

– Дэвид Эванс, – я решила попробовать на вкус это сочетание. – Дэвид Эванс.

– Аза Джонсон, – передразнил он меня. – Аза Джонсон, самая прекрасная в Шарлотт. Скоро мы вернемся домой.

Скоро...

Дэвид резко развернул меня, и, кладя на землю, укрыл одеялом. Кир проворчал что-то про то, что бабы млеют от поцелуев, а не от заигрываний. То есть, конечно, заигрывания – тоже важная составляющая части взаимной любви, но поцелуи – почти больше половины. На что Дэвид, усмехнувшись, сказал, что целоваться перед другом девушки даже дикари не удумают.

Мы с Киrom улеглись на сыроватую выгоревшую землю, пододвинувшись к костру и смотря на его взвивающиеся ввысь языки пламени. На нас плавно опускались заморозки.

Скоро мы вернемся домой.

Нужно просто потерпеть.

Опасность.

Это все, что вы должны знать.

Опасность.

Это все, что будет преследовать вас до конца.

Мы – воины, разве ты не рад?

Опасность.

Надо мной возвышались белесые звезды, сильно контрастирующие с темной, почти черной, выжженной травой и потухшим костром. Дэвид спал рядом, обняв меня и положив

свою голову мне на грудь. А мне не спалось.

Опасность.

Омут чудовищ. Возможно, это не придумки? Неужели там правда водятся чудовища? Я приподнялась с земли, ощущая, как все мое тело покрывается крупными мурашками и, перекладывая голову Дэвида на одеяло, зашагала по земле.

Куда? Куда-то.

Я шла вперед, до того момента, пока не остановилась у крутого спуска вниз. Вдалеке тянулась какая-то блестящая полоска...

Море.

Мы пришли.

– Шарлотт, жди нас! – с самодовольной ухмылкой изрек Кир.

Мы стояли у искрящегося тысячей лучей моря, смотря, как одинокая шлюпка с парусом, привязанная к какому-то стволу, покачивается от ветра на волнах. Каждый из нас предчувствовал, кажется, еще более долгое путешествие, нежели чем из города сюда. Но это того стоило.

Мы стали перегружать вещи в шлюпку, одновременно всматриваясь в чистый зеркальный горизонт. Он уходил далеко за наше поле зрения, распадаясь там на тысячу частиц и пропадая в бескрайних облаках.

Под нашими ногами шуршал серо-золотой песок, волны то и дело прибивали небольшие ракушки и раковины. Мы

стали бродить вдоль океана, не произнося ни слова.

– Я боюсь, – Дэвид сжал мою руку. Я подняла на него непонимающий взгляд (и, несомненно, удивилась. Еще никогда мне не приходилось слышать дрожь в его голосе):

– В каком плане?

Он пожал плечами:

– Боюсь двадцать первого века. Что я скажу, когда прибуду на Большую землю? Что я выживший после авиакатастрофы, которая случилась восемь лет назад? Меня же запихнут в психушку! А мои родители? Возможно, они давно умерли. Мало того, я даже не имею паспорта, не то что дома!

– Теперь мы все не имеем паспорта, – пожаловался Кир, который взошел на пригорок и теперь глядел туда, откуда мы пришли. – Если мы туда доберемся – это станет нашей общей головной болью, Дэвид.

– Если... – задумчиво повторила я. – Мы можем приютить тебя.

– Как щенка? – тот обиженно передернул плечами.

– Как человека.

– Человека-щенка, выжившего после авиакатастрофы.

– Разве человеки-щенки выживают?

– Ага.

Я расхохоталась:

– Дэвид!

– Что? – он наигранно развел руками. – Я же беспокоюсь за свое будущее! И, кстати... Я тут так подумал... Нужно

разыскать Уну. Это будет единственным шансом снять рейс номер восемьсот восемьдесят восемь.

– Главное сейчас – добраться, – кивнула я. – Остальное – неважно.

Мы хотели было продолжить свое движение по направлению к бухте, как вдруг увидели бешено несущегося на нас Кира. Он бежал к нам и спотыкался, падал и вставал снова, поднимая столбы песка и пыли за собой. Сам он сжался, а в его глазах плясал испуг.

– АЗА! ДЭВИД!!! – он почти что упал перед нами, выплевывая песок.

Дэвид поднял его и легонько побил по щекам.

Вблизи Кир выглядел еще жалостливее и испуганнее, чем тогда, когда он бежал к нам с расстояния пяти ярдов. Похоже, стряслось что-то поистине страшное.

– Аза... ДЭВИД! Там... Там! Аза... О господи! Там... Оно!!! АЗА!!! – бормотал он.

– Успокойся! – Дэвид снова потряс его за плечи и побил по щекам. – Что случилось?!

– ТАМ, – только и смог выдавить юноша.

Мы оставили его на песке, а сами припустили к пригорку. Пока мы забирались на него, ощущая, как наши ноги поднимают пятифутовые столбы пыли, я успела прокрутить всевозможные варианты.

Дикари.

Стадо хищников.

Смерч.

Цунами.

Бешено несущийся табун лошадей.

Я не выдержала и впечаталась лицом в песок, теряя равновесие. Дэвид карабкался дальше. Я решила, что лучше подождать его здесь и, приготовившись удирать на случай, стала внимательно следить за ним.

Вот он вскарабкался на пригорок, вот пригнулся, как снайпер... Его лицо исказилось в гримасе ужаса...

– В ШЛЮПКУ!!! – закричал он. Я сорвалась с места, загребая под себя песок.

О нет.

Мозг стал со всей скоростью своего предела генерировать самые сумасшедшие сценарии развития. Я бежала, и ноги мои подкашивались при одной только мысли, что нас настигнут дикари. А если они умеют плавать? То тогда нам точно не остаться в живых, по крайней мере, в последующие десять часов.

Мы с Киром наперегонки запрыгнули в парусную шлюпку и отвязали трос, до крови царапая руки. Следом примчался Дэвид.

– Что там? – я прищурилась.

– То, что оказалось бы самым худшим и изменило наш план до неузнаваемости за каких-то пару миллисекунд. – Он вздохнул. – *Туман.*

– ЧТО?! – взвыли мы в один голос. Кир высунулся из-за

края борта:

– Но как он добрался досюда?!

На это парень ничего не ответил, и, вынимая из своего рюкзака выдуватель, пошел в противоположную от нас сторону.

– Куда ты? – в ответ крикнул Кир, запихивая вещи в шлюпку. Он не отозвался.

Мы смотрели на Дэвида, который отдалялся от нас все дальше и дальше. Я поняла, что сейчас будет. Слезы стали струиться по моему лицу. Он... жертвует собой... ради нас?!

...

Неожиданно парень остановился, и, разворачиваясь, побежал к нам.

– В общем, – стал быстро бормотать Эванс, – разыщите Уну Гаррисон. Она важная часть составляющего этого города. Она по любому знает больше, чем мы все трое вместе взятые. Обещайте мне! Слышите?!

Мы синхронно закивали головами, как китайские болванчики, подписывая свое согласие на розыск Уны.

– А ты? – выдавила я. – Ты же так хотел поплыть с нами!

Дэвид пожал плечами:

– Я попытаюсь задержать туман, чтобы вы смогли выйти на безопасное расстояние от берега.

Я почувствовала, как расклеиваюсь окончательно.

– Я не брошу тебя, – прошептала я, хватая его за руку. Он

болезненно скривился, пытаюсь вырваться:

– Придется, Аза Джонсон. Либо выживете вы, либо не выживет никто. Я бы выбрал первый вариант.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Он улыбнулся своей грустной милой улыбкой.

А потом поцеловал.

Не в щеку, как это было – робко, мимолетно, словно опасаясь, что я могу его укусить. А в губы... Жарко, приятно... и страстно...

Эти несколько мгновений растянулись в целую Бесконечность, которую подарил мне Дэвид Эванс, прежде чем, рискуя собой, ловким движением оттолкнуть от берега шлюпку и развернуться к нам спиной, идя прямо на опасность.

Кир что-то кричал мне, изо всех сил гребя теми ничтожными остатками весел, которые донельзя объели какие-то жучки. Я сидела и смотрела на отдаляющуюся полоску берега, на Дэвида. И на приближающийся кислотно-зеленый туман, глотающий в себя все, что только попадет на пути.

Лазурные волны чуть покачивали шлюпку, капельки воды прилетали мне на одежду. Я слышала, как Дэвид кричал туману: *давай, жалкое ничтожное создание!*, а он все неумолимо приближался и приближался, бросая вызов Выжившему. Вокруг нас уже давно сомкнулся океан.

Давай, мой смелый мальчик.

Ты справишься.

Часть 2

1

Мы гребли изо всех сил, которые у нас еще оставались после познания ничтожной части секретов, который преподнес нам Слипстоун, пока белесая полоска песка не скрылась с горизонта, окончательно утаив свою тайну для следующего попутчика. Мы гребли и обливались потом, зарабатывали кровавые мозоли, наши руки сводило адской судорогой, адреналин, который заполнил все пространство и теперь трещал над нашими ушами, не давал нам заглохнуть и устать. Мы гребли и о чем-то думали. Кир – возможно, о том, что мы скоро вернемся в Шарлотт, а я – о Дэвиде.

Забудь о нем.

Ты больше никогда его не увидишь.

Эта мысль резала мое сердце на клочки, словно черный шредер, в который родители на моих глазах закинули все мои раскраски в наказание.

Ты больше никогда его... Ты больше... Ты...

Я выпустила весло и обхватила ладонями лицо. Слезы полились с утроенной силой.

Если бы не Дэвид, то мы просто-напросто не выжили бы в Слипстоуне. Он подарил нам возможность хоть немного продержаться на плаву, хоть немного пожить. А теперь он рискнул собой ради нас. Возможно, для него это было герой-

ским поступком. Это он так думал возвыситься у нас в глазах, хотя он, несомненно, уже столько раз спасал наши задницы и уже стал выше любого героя Марвел.

Но я не могла без Дэвида.

Я всхлипнула. Еще раз. И еще.

Вскоре я ревела в голос, въедаясь ногтями в кожу и царапая борт шлюпки.

– Аза, – Кир закатил глаза. – Мы что-нибудь придумаем. Мы вернемся за ним.

От его слов я разрыдалась еще сильнее, потому что, во-первых, к тому времени, пока мы доберемся до Серверной Каролины, Дэвида три раза успеет съесть туман, а во-вторых, не факт, что мы вообще доберемся до дома. В общем, хорошенько взвесив все «за» и «против» этого нытья, я прекратила плакать и уткнулась взглядом в горизонт, где еще час назад мы с Дэвидом поцеловались в первый и последний раз.

– Скоро будем входить в рифовый залив, – пробурчал Кир, – потом пройдем мимо скал, а потом идет полоса... Чудовищного омута? Что за дурацкое название?

– Уна постаралась на славу, – вздохнула я, утирая слезы. – Надеюсь, никаких чудовищ там не будет.

После я спрыгнула с борта, и, залезая под навес, свернулась калачиком и заснула.

Сны шли дурацкие. Опять же – обрывки воспоминаний. Мне снилось, как мы обнимались с Дэвидом, снились его ласковые прикосновения, его горящие, наполненные жиз-

нюю, большие грустные глаза, его красные губы, его скулы, выпирающие настолько, что больно смотреть. Снилось Сонька, такая живая, со вздернутым вверх носом и смешной челкой ровно до бровей. Она улыбается мне. Смеется. И я пытаюсь подойти к ним двоим, кричу, чтобы и они шли ко мне тоже. Я уже преодолеваю полпути, как вдруг их лица меняются в выражениях, и они шепчут: *о, Аза, зачем ты закопала меня, Аза, почему ты бросила меня, мы же живые, Аза, Аза, Аза...* И меня затягивает воронкой, уносит далеко-далеко от них, я кричу, вырываюсь, но, к сожалению, я бессильна против этого потока воздуха.

И я плачу.

И во сне, и наяву.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Я приоткрыла глаза, все еще в каком-то тумане полудремы. Оторвала от досок замерзшую и донельзя отлежанную руку и отодвинула навес. Ничего. Глубокая ночь. Значит, показалось.

Я легла поудобнее и закрыла глаза, пытаюсь уснуть.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Что за...

Я снова открыла глаза, уткнувшись в грязно-белый брезент. Вот только этого мне не хватало.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Черт, если это не прекратится, я не усну на протяжении всей ночи. Ругая весь белый и черный свет, я сбросила с себя одеяло, и отодвигая навес, резко развернулась. Послышался глухой удар обо что-то мягкое, а потом голос, «находящийся» сзади меня, громко выругался.

– Кир?! – я поджала под себя ноги.

– Нет, Аза, привидение! – еще больше рассердился юноша. – Я попытался поспать, а в итоге у меня лицо теперь вздутое, как шарик, так еще к тому же на нем теперь прекрасный отпечаток твоей подошвы!

– Ну прости, – я нашарила одну из сумок и вытащила спички. Нашла керосиновую лампу. Небольшое помещение, закрытое брезентом со всех сторон, скоро осветил мягкий желтоватый свет.

– Из «прости» лапши не сварить, – вздохнул Кир, потирая больное место.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

– Ты слышишь?

Он скривился:

– Что?

Я кивком указала на предполагаемый источник звука, и Кир, прислушиваясь, поднялся на колени.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

– Слышу, – наконец подтвердил он. – Посмотрим.

Он стал неуклюже карабкаться через вещи, наваленные здесь друг на друга, словно гигантская пирамида. Я поползла

следом, преодолевая живописные барханы из еды, одежды и прочего быта. Так, с помощью друг друга, мы все же смогли выкарабкаться на палубу, ругая себя за то, что не разложили все вещи более-менее по-человечески.

Я устремила свой взгляд вперед, и первое, что ударило мне в голову, было осознание, что мы ослепли. Лодка плавно покачивалась на волнах, но стояла на месте. И тут до меня дошло: мы прибились к скалам.

Мы подошли к краю борта, и Кир забрался на корму, балансируя, как акробат верхом на канате.

Скалы напоминали бобовидные отростки, возвышающиеся над нами на десяток ярдов вверх. Из каждой тянулось что-то наподобие острых черных шипов, вытянутых, как струна, сливающихся почти воедино с черным небом. Вокруг них не росло ни единой растительности, и из океана торчала только голая, потрескавшаяся земля.

– Это и есть рифовый залив? – скептически поинтересовался Кир. – Неживописное местечко.

– Да какая разница, – во мне впервые за все время проснулся оптимист. – Как мы далеко продвинулись, пока спали! Посмотри!

– И ты предлагаешь больше времени спать, а не бодрствовать?

Мы кинули друг в друга злобные взгляды, снова став кивтами. Кир вздохнул и прыгнул на мертвую землю, помогая мне выбраться из лодки.

Пока он привязывал шлюпку за трос за выступающую из земли загнутую глыбу, я отошла на пару ярдов и стала рассматривать этот ужасающий ландшафт, освещая его керосиновой лампой. Торчащие вверх колы отбрасывали на более массивные причудливые тени, и мне постепенно становилось страшно.

– Ну что ты там копаешься? – я пошла от Кира мелкими размеренными шагами. – Мы уже отошли на безопасное расстояние от...

Минуточку.

– Кир? – я развернулась и на пятках подбежала к парню. – Где мы сейчас находимся?

– До тебя наконец-то дошло, – он выдохнул, разворачивая карту. – Мы почти в сотне ярдов от омута.

Этих пару мгновений, за которые слово «омут» успело отразиться от скал и разлететься на тысячу крупиц, мне хватило, чтобы понять, что мы пришли в самое ужасающее место на карте. Я почувствовала, как мои мурашки на теле начинают отплясывать тумбу. Кир выдохнул снова.

– Может быть мы сможем... обойти его? – робко вырвалось из меня.

Юноша покрутил карту, внимательно вглядываясь в каракули.

– Рифовый залив обступает это место прочным кольцом, поэтому мы вряд ли сможем обойти его и при этом не сбиться с курса.

Рифовая стена уходила далеко за горизонт, и все, что позволяло нам пройти сквозь эту ужасающую стену прямо на Чудовищный омут, было небольшой выемкой между шипами, через которые шлюпка могла пройти с большим натягом.

Пока мы шли через всевозможные выступы, держась за руки, мое сердце выпрыгивало от одной только мысли, что в этом океане может обитать *что-то огромное*. С плавниками, склизкое, как жаба, которую мы резали в средней школе на уроке биологии, и с тремя рядами острых, как шипы, зубов. Мои ноги подкашивались, живот стал пытаться выпихнуть все то небольшое содержимое наружу, чтобы было наверняка. Мы остановились у края каменистого берега, смотря на ослепительно гладкую поверхность океана, и даже не веря, что где-то тут может обитать то, что станет для нас последним потрясением за нашу жалкую жизнь.

– Как-то не похоже на омут с чудовищами, – наконец изрек Кир. – Вода спокойная как никогда. Ни одной волны.

– Да, но что внутри? – вырвалось из меня.

– Ох, Аза, лучше не думай. В тихом омуте черти водятся, – вздохнул он.

Мы вернулись к лодке и стали медленно протаскивать ее между шипами. Наши ноги постоянно соскальзывали с выступов, и мы то и дело падали в обжигающе холодную воду, ругая весь белый свет. Может быть, так оно было и лучше. По крайней мере, мы могли оттянуть время до прибытия к омуту.

ТАМ ЧУДОВИЩА. ВАЛИМ. Куда? Если ты не заметила, вокруг нас сплошной океан. *И камни. И камни. Аза, если тебя кто-нибудь выплюнет из-за того, что ты не мылась уже с несколько недель, я буду только рада.*

Я вскочила в шлюпку и уселась на одну из свободных скамеек, беря весло в руки. Мы стали медленно грести.

Шлюпка плавно выкатилась в открытый океан, медленно двигаясь вперед. Мы глядели во все стороны. Казалось, сейчас из волн выпрыгнет какое-нибудь шестилапое чудовище и утянет нас на дно. Мы проплыли уже около десяти ярдов, смотря, как рифовое кольцо замыкается за нами. Мысль, что еще не поздно повернуть назад, мы всячески отгоняли.

Что-то стало постукивать по стенам шлюпки.

Начинался шторм.

– Как так?! – Кир выдохнул. – Пять минут назад океан был ровным, без единой волнушки!

– Похоже, – процедила я, – не только наши нервы против нас самих.

Между тем океан, который пару минут был спокойным, разбушевался до такой степени, что наша лодка стала подсакивать на волнах, пытаясь перевернуться. Небо заволочли пепельные тучи, стал накрапывать дождик. Мы переглянулись.

– Только этого не хватало, – Кир закатил глаза. – Иди внутрь и приткни куда-нибудь себе карту, чтобы она не дай Бог не утонула. Она посередине на полу. Живо!

Я сорвалась с места и, падая на колени, протиснулась внутрь шлюпки. Вещи тут же обступили меня плотным кольцом, грозясь обвалиться. Я протянула руку к свитку, и только мои пальцы коснулись пожелтевшей бумаги, шлюпка с чудовищной силой качнулась.

Все то, что пару мгновений назад было распихано по углам, разом свалилось на меня. Мою руку придавило. Я смешалась с остальной кучей, езда от одного угла к другому под воздействием качки. Я попыталась найти карту среди груды барахла, но, поняв, что у меня одной ничего не получится, решила оставить эту идею до лучших времен.

– Кир! – меня подбросило вверх, и я запуталась в простыне, накинутой сверху. – Кир!!!

Мне удалось вырваться в липкую ночь, подбежав к держащемуся за парус парню. Его кожа была белой, в глазах плясал ужас.

– Что случилось? – я прищурилась.

– Аза, – он выдохнул, – тут и вправду *чудовищные* штормы.

– Что, прости?! – перекрикивая гудящий в моих ушах ветер, воскликнула я.

Кир ничего не ответил.

Я подбежала к парусу и, хватаясь за него всей пятерней, стала внимательно вглядываться в горизонт. Волны под нами были с сотню ярдов в высоту, нашу шлюпку мотало из стороны в сторону, как игрушечный кораблик из бумаги. Во-

да заливалась на борт, оседая там с чавкающими звуками. В небе грохотала гроза, дождь из небольшого превратился в непроглядный ливень.

Я стала поочередно наматывать на каждого из нас веревку вокруг торса, шатаюсь от новых порывов. *Только бы выжить*, – мелькнуло в голове, – *только бы выжить вдвоем*.

– АЗА!! – закричал Кир, закрывая руками лицо, – БЕРЕГИСЬ!!!

Я хотела спросить, чего бояться. Волна, которая накрыла нас сверху, утянув вниз, не дала мне вставить и слова.

В глазах защипало, рот тотчас захотел открыться и наглотаться воды. Меня придавили с десятков досок, отколовшихся от шлюпки. Я стала с поразительной быстротой перебирать руками, как слепой щенок, пытаюсь выплыть.

Зеленоватая пелена облепила меня со всех сторон, создавая вакуум. Где-то снаружи шумели волны, разбиваясь о поверхность воды, как об скалы. И внизу, подо мной, – я была уверена – сидело странное огромное пятно, приближающееся при каждом моем движении.

Уна была права.

Тут действительно обитают чудовища.

Если бы не адреналин, который вытолкнул меня из воды, как пробку, я бы пошла на дно. Но вместо этого я вынырнула в липкую ночь, щурясь от боли в глазах, цепляясь за все, что попадалось под руку, но живая! Веревка вокруг талии была привязана до сих пор. Я стала искать глазами Кира, гадая,

живой он или уже нет.

Внезапно меня накрыла новая волна – не такая мощная, заставившая шлюпку развалиться на много досок и уйти под воду, но достаточная для того, чтобы пригнуть меня под себя. Я стала выплывать снова. Вынырнула. Еще волна. Снова мощный толчок.

И тут я увидела *его*.

Пена от волн разошлась по поверхности, открыв мне то, что любой нормальный человек назвал бы «страшилищем».

Но это было не так. Огромный оранжево-красный глаз с острым наконечным зрачком и тысячей хитросплетенных между собой вен, уставившийся на меня, дал в полной мере познать на себе выражение «животный страх». Мы уставились друг на друга как полные идиоты, гадая, кого из нас двоих он прикончит первым.

Очевидно, Уна знала о том, какая нечисть здесь водится.

Но откуда она знала?

И как, самое главное, она смогла пересечь Чудовищный омут?

Может быть, той милой дерганой стюардессой была ее двойняшка или племянница, а самой Уны уже не было в живых? Я зависла в воде, забыв, как дышать, глядя на этого монстра. По-моему, он с радостью заглотил бы небольшую лодочку – и, как бонус – мясо невинного странника по фамилии Гаррисон.

Мне было одновременно и страшно, и грустно, что мы

пропали, не успев доплыть до Каролины. Хотя, о чем это я? Еще никому не удавалось пересечь несуществующий океан на полуразбитой шлюпке с минимальным запасом еды и без всякой подготовки!

Не отводи взгляд, мы – воины, которые построили этот город.

Я закрыла глаза. Собственная кровь пульсировала у меня в голове и раскатывалась волнами по всему окоченевшему телу.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Внезапно кто-то ухватил меня за рукав худи, и потянув на себя, рванул вверх. Ледяная вода разбилась о мое лицо подобно глыбе. Я закашлялась, цепляясь за спасителя.

– Аза, господи боже мой! – донеслось до моих охреневших ушей, – ты долго собираешься торчать там?! Скорее, иначе нас снова снесет какой-нибудь волной!

Наконец я продрала глаза. Кир подтащил меня к плавающей наверху дощечке, смахивая прилипшую челку с глаз.

– Что ты там делала?! – любопытствовал он.

Очевидно, он еще не знал, *что* я там делала.

– Я собиралась выплыть, – сбивчиво начала я, – волна опрокинула меня. И потом я увидела глаз.

– Что, прости?!

– Глаз! Огромный глаз! Он прямо под нами, Кир! – и потом я описала все то зрелище, которое мне «посчастливилось» увидеть, насколько это вообще было возможно с тря-

сущейся челюстью.

Кир враз побелел, став цвета чистого мрамора.

– ЧТО?! – вытаращив глаза, переспросил он.

Мы ловко увернулись от накатившей на нас волны, и я повторила свои догадки.

– Ну все, мы квиты, – он развел руками, но, поняв, что стремительно отдаляется от дощечки, был вынужден снова впиваться в нее всеми десятью. – Над нами – трехэтажные волны, под нами – глаз. Нам не выжить.

– Тогда почему он не нападает на нас? – удивилась я.

– Возможно, потому, что мы сейчас в роли мышки для кошки, – буркнул Кир. – А еще у нас даже лодки нету! Но, есть хорошая новость: я выловил карту, хотя, конечно, она вряд ли уже нам когда-нибудь пригодится.

Я попыталась забраться на доску, но в итоге меня снова снесло волной. Мы переглянулись.

– Шансов нету, Аза, – Кир ущипнул себя за переносицу, – мы застряли на мертвом месте. Это чудище не сейчас заглохнет – так через пять минут, выхода нету.

Даже если вас съели, у вас есть два выхода – вспомнилась знаменитая фраза. Кто же мог подумать, что когда-нибудь она будет уместна в прямом смысле?

Меня снесло новой мощной волной. Я закувыркалась, как бумажный солдатик, чувствуя, как вода заливается мне в рот и нос. Я снова стала медленно идти на дно.

Теперь глаз был не один. Их было с тысячу. Огромных, по-

меньше, маленьких и совсем крошечных – буквально с мяч для футбола, которые сновали вокруг меня, точно я была аттракционом. В этом был в каком-то смысле хороший плюс: я смогла рассмотреть их детально. С обратной стороны зрачка находился длинный «хвост», с которым они бы настигли нас с точностью до миллисекунды, и поэтому бежать нам теперь не представлялось возможным.

Я погружалась на дно, не в силах грести. Моя веревка вокруг торса ослабла и больше не натягивалась, что говорило о том, что Кир тонет тоже, сдавшись и не захотев бороться за свою жизнь дальше. А ведь сколько я помнила Брауна – даже, не обращая внимания на его скептицизм, он всегда боролся и стоял до последнего вздоха. С уходом Соньки из него словно изъяли часть души; он стал таким раздражительным и жалким, прямо как увядающий цветок, у которого сгнил его корень... Я пыталась выплыть, но руки были ватными. Очевидно, потому, что все мое тело парализовало судорогой. Поэтому я просто продолжила смотреть на огромные жуткие глаза, гадая, что я сделаю быстрее: захлебнусь или окажусь в чем-то желудке.

Но они не нападали.

Им просто нравилось смотреть на эту жуткую сцену.

И волны бросают нас об острые камни, отливом утаскивая в море и наслаждаясь, как вода окрашивается в насыщенно-красный цвет. И на скалах стоит Сонька, которая плачет,

умоляет раскопать ее, ведь она живая. И мы с Киrom хотим сказать ей, что ее сердце уже давно остановилось, но только мы открываем свои рты, чтобы издать хоть какой-то звук, волны снова набрасывают нас на скалы, и мы испытываем чудовищную боль.

Они целятся нам прямо в сердце.

Рано или поздно они все-таки туда попадут.

Ритмичные постукивания. Что-то твердое, сыпучее подо мной, такое теплое. Чьи-то вздохи, шум прибоя, волн, разбивающихся о сушу. Прежде чем я уперлась в вполне себе неподвижную поверхность, я чувствовала что-то огромное и склизкое под собой. Потом оно медленно наклонилось и я, обессиленная, еле-еле съехала вниз.

А еще я дышала.

Возможно, я была в раю. В нем такой теплый и такой приятный шум небольших волнушек, и я, зарываясь пальцами в сыпучее нечто, выдохнула. Глаза щипали от морской воды. Да и сил, чтобы открыть их, к сожалению, не оставалось.

Сзади послышались всплески, как будто что-то огромное покидало берег.

Я стала засыпать.

Мозг еще не окончательно пробудился, но я чувствовала, как что-то теплое лижет мои ноги. Глаза больше не щипали, и я смогла позволить себе немного приоткрыть их...

Не может быть.

Нет.

Такого действительно не может быть.

Мы живы?

Я лежала на кристально чистом белесом песке, почти полностью зарывшаяся в него. Ноги мои «лизал» край океана, который еще доставал до обмякшего тела. В волосах, в носу, в глазах был песок.

Я попыталась встать, но все, что мне удалось – хорошенько напрячься и выкашлять немного воды. Да, я была потрепана и ужасно обессилена, но я была жива!

Неожиданно кто-то сзади меня застонал, и я, оборачиваясь, с трудом подавила желание вскрикнуть.

– Черт... – Кир схватился за голову. – Черт... – повторил он. Приподнялся. И снова в бессилии улегся на спасительную землю.

Я нашла в себе силы отползти от края берега, перебирая ватными ногами и руками. Теперь, когда мой мозг соображал более-менее ясно, я смогла увидеть, что доски, оставшиеся после кораблекрушения, прибились к берегу и теперь покачивались на волнах как маятники.

– Мы живы! – я сгребла в руку пригоршню песка и подкинула ее над собой. – О господи, Кир, мы живы! Черт возьми, живы!

Кир подполз ко мне.

– Да, но мы опять прибились незнамо куда! – вдруг вос-

кликнул он, вынув из волос полудохлую медузу и швырнув ее в лижущие берег лазурные волны. – Аза! Мы пытаемся уйти из Слипстоуна, а в итоге мы просто нарезаем круги! О боже, только этого не хватало еще. О боже.

С этими словами мы поднялись и на ватных подкашивающихся ногах побрели вдоль берега. Кир скинул ботинки и шел босиком, как бы убеждаясь, что это все – явь, и что мы до сих пор живы.

Полоса белесого песка обрывалась чересчур резко, и сразу же за ней возвышалась стена из зеленых дебрей, сплошь покрытых густой листвой и растущими на земле кустарниками. И тут до меня дошло: *мы попали на другой остров!* Этот остров не являлся Слипстоуном! Но *как* мы добрались до него, не имея при себе даже лодки?!

Я окинула Кира, который шел впереди, изучая высохшую карту, хмурым взглядом. У него было обыкновение чувствовать каким-то шестым видением (ну, или своей задницей) предстоящую взбучку, и он охотно этим видением пользовался, но сейчас, видно, он решил его проигнорировать.

Я навязчиво закашлялась.

– Тебе не интересно, как мы сюда попали?

– А? – Кир обернулся. – А... Не, не интересно. Мне интересно, как я буду выживать.

К счастью, у меня как раз имелась догадка того, благодаря чему, а, вернее, *кому*, мы сейчас топаем по теплому песку.

– Но, – тотчас поправился юноша, – то, что мы сейчас на-

ходимся неизвестно где, все еще не дает нам полагать, что выживание сейчас уже неактуально.

Мы влезли в жутко колючие зеленые дебри, раздирая в кровь испачканную одежду и потрескавшуюся кожу. Порезы щипали. Ноги гудели от усталости. Да и вообще всё, не считая того, что мы находились в ясном уме, просто ужасно стояло и болело. Мы шли еще минут с пятнадцать, выжимая из себя последние силы, а потом, переглянувшись и поняв, что идти дальше наши ноги отказываются, дружно повалились на землю.

– О Боже правый, – застонал Кир, закидывая челку назад. – Если тогда нам попался проводник, который буквально вытащил нас из дыры, то теперь, похоже, наши шансы равны.

При мысли о Дэвиде мое сердце засадило триста пятый нож в себя.

– Это точно, – со вздохом согласилась я.

Я подняла взгляд на ослепительно голубое небо, испосованное зелеными листьями, свисавшими с деревьев с обеих сторон. Где-то чирикали птицы. Да и вообще, экология этого острова сильно отличалась от голой выжженной земли Слипстоуна.

Кир достал карту и стал внимательно изучать ее, напевая мотив «Драконов». Я закрыла глаза, наслаждаясь теплом, исходящим буквально из земли. Но неожиданно в глазах всплыла милая улыбающаяся мордашка Соньки, которая

снова заставила перекрутить все события в моей голове заново за доли секунд.

– Она тебе тоже видится? – спросил Кир. Я дернулась. Открыла глаза, и, щипая себя за переносицу, поднялась с земли и села.

– Да, – тихо шепнула я. – Ты как?

Он пожал плечами:

– Нормально. Во всяком случае, лучше, чем когда наблюдал, как Сонька мучается в приступах. – Он снова понурым взглядом уткнулся в карту, и я знала, что его «нормально» совсем не обозначает «нормально», скорее, совсем противоположное слово.

– Ты любил ее?

Он повел себя так, словно через его тело мгновенно протащили двести двадцать вольт. Юноша аккуратно сложил подмоченную соленой водой карту в небольшой прямоугольник и, запихивая ее в карман брюк, болезненно скривился.

– Конечно любил.

Это было все, что он смог сказать.

Мы внимательно изучили карту, и пришли к выводу, что, в общем-то, острова с такой буйной растительностью, как здесь, нету вообще. У края карты рисовался край пирса Слипстоуна, далее шел рифовый залив и Чудовищный омут,

но после, кроме моря, на карте не было изображено абсолютно ничего, что указывало бы на возможные следы нового острова. Согрешить на то, что какой-то край пожухлой бумаги оторвался во время шторма, тоже было нельзя. Новые вопросы буквально затопили нас, и один из таких, самый назойливый, во все горло кричал: *«О БОЖЕ МОЙ МЫ ВСЕ УМРЕМ АЗА КИР НАС ОПЯТЬ ЗАНЕСЛО НЕИЗВЕСТНО КУДА БОЖЕ БОЖЕ БОЖЕ БОЖЕ»*.

Мы топтались у края берега, наверное, часа с два. Ходили по отмели, всматривались в спокойные лазурные волнушки, подбирали с песка всякие ракушки и прочую фигню. Кир ухватился за несколько дощечек от шлюпки, которых, вероятно, прибило штормом вместе с нами, крича на весь остров, что нужно валить отсюда как можно быстрее (по его словам, неважно было, как мы собрались бы это сделать, хоть на этой вот гребаной доске – заявил он). В конечном итоге он немного поумерил свой пыл, но перекладину, заточенную на другом конце, как копье, все-таки оставлять не стал.

Мы двинулись в дорогу. Кислотно-зеленые листья шуршали над нашими головами, как тысячу насекомых, ноги постоянно застревали в лианах и заставляли бахаться на землю, раздирая в кровь колени и кисти рук. Мимо нас пролетали странные небольшие животные, похожие на колибри и китоглазов вместе взятых.

Чем больше мы заходили вглубь, тем непроходимее становились вековые джунгли, и уже вскоре мы буквально ползли

на четвереньках, чтобы не впечататься головой в какой-нибудь сук. Кир тихо матерился – то ли оттого, что не одолжил у Дэвида мачете, то оттого, что эта вся его ругань придавала ему сил идти дальше.

Мы шли как слепые котята, даже не зная, куда мы идем, и от этого становилось еще более страшнее и страшнее. Сердце судорожно билось, пока мы выглядывали из-за какой-нибудь ветки, пристально рассматривая все впереди на наличие хищника или аборигена. Не находя ни того, ни другого, мы выдыхали на короткий промежуток и продолжали ползти дальше, собирая на себя всю паутину и грязь.

Из плотной стены джунглей на полуоткрытое поле мы вылезли абсолютно злыми, разбитыми, с кучей листвы в волосах и царапин на всем теле.

– В начале пути, – Кир демонстративно сделал паузу, вытряхивая из светлых вихров листья и веточки, – я еще порадовался, что, в отличие от Слипстоуна, тут хоть что-то растет. Но теперь...

Только сейчас я уловила его зеленоватый оттенок лица. Похоже, мы все вдвоем выглядели так, словно только что пережили качку.

– Куда теперь? – я огляделась.

– Уж явно не назад, – Кир передернулся. – Иначе я умру по дороге.

Мы размеренными шагами двинулись вперед.

Поле не особо было похоже на обычное среднестатисти-

ческое поле где-нибудь на Земле. Трава здесь была гораздо блеклого оттенка, словно ее травили химикатами. Кое-где просачивались небольшие цветы с щупальцеподобными отростками. Под нашими ногами то и дело мелькали склянки и осколки от металлических брусков.

Воздух в момент наполнился каким-то несвежим запахом, словно у нас под носом только что выбросили помои. Мы с Киrom синхронно поморщились и переглянулись. Он кивком указал на копьe.

– Как думаешь, нам встретится целая куча зарытых трупов? – пнув одну из склянок, спросила я.

– Ох, Аза, вечно ты любишь драматизировать, – с видимым презрением сообщил тот.

Впереди поле резко зарастало кустарниками и обрывалось сразу после полосы зеленой изгороди, так что рассмотреть, что скрывалось впереди, не представлялось возможным. Мы снова встали как вкопанные и переглянулись затравленным взглядом.

– Давай свернем, пока не поздно? – взмолился Кир.

Я проигнорировала его, делая шаг вперед.

Очевидно, я понимала, что теперь вся ответственность за две души полностью лежит на мне, потому что, случись нам наткнуться на монстра, – и мне придется спасти наши задницы от голодного разъяренного хищника. Вскоре ко мне подключилась Вторая Я.

Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? – твердила она

мне.

Конечно, понимаю – иду, чтобы посмотреть, что там внутри, – оптимистично отвечала ей я, хотя от страха у меня подгибались колени.

Некими усилиями мне все же посчастливилось дойти до края зеленой изгороди, ни разу не упав. Но дальше ноги идти отказались. Я умоляющим взглядом окинула юношу, ведь у него было хоть какое-то оружие, а он в ответ только покачал головой, говоря этим, что никуда идти не собирается. Трус.

Я дрожащими руками раздвинула ветки...

БАХ.

Что-то с огромной скоростью выскочило из веток, скользнуло между моих ног и припустило в сторону Кира. Я успела обернуться и увидела, как он шарахнулся в сторону от невиданного зверя, занося копьё над светлыми вихрами. Я хотела крикнуть что-то типа «бей его!», но это странное нечто пронеслось в сторону леса настолько быстро, что я успела только открыть рот и уставиться на это все круглыми от удивления и страха глазами.

Животного и нас уже давно разделяло впечатляющее расстояние, и только теперь мы с Киrom смогли отклеить свои физиономии от стены густых дебрей.

– Что это было? – Кир сильнее сжал копьё. – Мне показалось, или оно целилось прямо в нас?

– Скорее, это мы целились в него, – нервно отшутилась я. Кир в три прыжка очутился рядом со мной, и, боязливо

разворашивая остальные кусты, наконец-то расчистил нам путь...

То, что предстало пред нашим взором дальше, не поддавалось никаким объяснениям.

Мы встали как вкопанные, наши челюсти, наверное, опустились до самого пола, сердце ухнуло куда-то в пятки и распласталось там вонючей жижей. Дыхание сперло. Мы просто стояли, открыв рты, не подозревая, что у медали есть и обратная сторона.

Мы словно снова очутились в Слипстоуне. Выжженное и пропитанное химикатами поле образовывало огромный лоскут, укутанный зеленым лесом со всех сторон. Остатки деревьев покачивались на ветру и буквально превращались в труху. Растительности там почти не было, и все, что представляло из себя хоть какую-то природу, были пару искореженных кустиков возле возвышающихся дымящих труб.

Они были огромны. Серо-коричневые, изрыгающие в атмосферу смертельный темный яд, выходящий прямо из их жерл. Вокруг них, как в муравейнике, расположились кольцевые заводы, опоясывающие всю эту жуткую красоту. У одного из концов текла черная смоляная река, уходящая куда-то под землю.

Я ахнула.

– Какой ужас, – Кир от удивления выпустил копье из рук, и оно с глухим стуком повалилось на ярко-зеленую траву, явно контрастирующую с черным выжженным полем.

– Да уж, – я еще раз ахнула, – не позавидуешь этому. Но что здесь случилось?

Мы поочередно перевели свои взгляды сначала на густые дебри позади нас, а потом – на огромный серый завод.

– Возможно, здесь сместилась вся экономика мира, – Кир почесал затылок, – но завод *еще* работает! Из труб идет дым! Аза, посмотри! Здесь явно нечисто. Ну не могут в такой глуши на неизвестном острове существовать цивилизованные люди, ну не могут! Нужно срочно делать ноги. – Он подхватил меня за руку и силой потащил обратно к джунглям, из которых вылез не больше двадцати минут назад, клявшись и божившись, что его нога никогда туда больше не ступит.

Я уперлась ногами в землю. Мои ботинки оставляли вспаханные полосы в пропитанной недавним дождем земле, я извивалась, как змея, пытаюсь вырвать свою руку из объятий Кира. Но юноша был непреклонен. Похоже, смерть Соньки и встреча с туземцами нанесла огромную рану его психике и сердцу, и теперь он не хотел ввязываться в приключения снова.

К сожалению, я была не такой. Мне срочно нужно было узнать, откуда здесь взялся завод, какие тайны он таит в себе, и есть ли тут еще кто-нибудь на острове. Мой мозг совершенно не волновал тот факт, что там запросто могут оказаться какие-нибудь хищники, жаждущие теплых мозгов и глазных яблок на закуску. И поэтому я сделала последний, решающий рывок, наконец высвободив свою руку, и, выры-

вая у Кира палку, бросилась вперед.

– СТОЙ! – Кир сорвался с места и погнался за мной.

Я перепрыгнула через кусты, о чем сразу же пожалела. Я стала быстро скатываться на заднице по крутому склону, собирая на себя все колючки, которые тут только могли произрастать. Вскоре я услышала, как Кир тоже повторил мою ошибку с отборными криками и матами. Мы катились секунд двадцать, а после, забуксовав, повалились на выжженную траву и пролетели еще пару ярдов, спотыкаясь и вспахивая лицом землю.

– Ты умалишенная! – Кир на пошатывающихся ногах поднялся с земли и упер руки в бока, нависая надо мной. – Теперь я понял, почему тебя все боялись в «Саут Ридж»! Потому что ты *бешенная*!

– Как хорошо, что ты наконец-то это понял, – я нелепо поднялась на ноги, взяла палку и зашагала от Кира, чем еще сильнее взбесила его.

В какую-то минуту я даже подумала, что он отстал со своими нотациями. Опровержение пришло спустя пару секунд: тот уже быстрым шагом шел ко мне, изрыгая проклятия.

– Послушай, Аза, – он одним движением развернул меня за плечо. – Наши шансы здесь равны, а это значит, что надеяться на что-то здесь ровно бессмысленно!

Я развернулась снова:

– Хотя бы стоит попытаться.

С этими словами я со скоростью поезда побежала к заво-

ду, пока Кир не успел меня догнать и не учинить очередной допрос. Но он, судя по всему, даже не попытался – в шоке стоял позади, теребя завязку от своей майки.

Вблизи завод выглядел еще страшнее. Его огромные серые стены покрылись внушительными трещинами, как уродливые шрамы на лице какого-нибудь бедолаги, тянущиеся от низа до верха, воздух отдавал гнильцой и сыростью. Внутри механических конструкций что-то грохотало и со страшными звуками перемешивалось – примерно так в центрифуге перемешивается полужатвердевший цемент с кучей камней и палок.

Вход представлял из себя месиво заколоченных досок, обхватывающих периметр небольшой узенькой арки, ведущей внутрь. Я остановилась в нерешительности.

Не смей. Мне нужно узнать, откуда он здесь. *Ради Бога, если у тебя еще есть сердце, пощади меня.* Конечно, только после того, как я узнаю, какого черта здесь делает завод. *Спорить, похоже, с тобой – бесполезно. Я тебе говорила, что я ненавижу тебя?* Ты говоришь это постоянно. *Я ненавижу тебя.* И я тоже. *Всем сердцем, Аза Джонсон, ненавижу тебя.*

Я вдохнула и сделала шаг вперед.

Прогнившие от вечной сырости доски прогнулись под моим весом, но выдержали. Внутри царил темнота. Эхом доносился звук капающей с потолка воды. В глубине пищали мыши. Я сделала еще пару нерешительных шагов вперед и услышала, как Кир плетется следом, что-то бормоча себе под

нос – очевидно, явно не хвалебную речь в мою пользу.

– Если ты и вправду уверена, что здесь мы не наткнемся на Лох-Несское чудище, то мы можем двигаться дальше, – тихо предостерег меня юноша, подошедший ко мне сзади и схвативший всей своей хваткой за плечо.

– В таком случае у меня есть запасные подгузники специально для тебя. – Так же тихо огрызнулась я, отворачиваясь от него.

Мы перелезли через перекладину, поставленную прямо в проходе и будто бы предупреждающую, что сюда нельзя, протиснулись в еще один проход и повернули направо. Там, в самом конце отсыревшего коридора, была довольно внушающих размеров арка, все так же заколоченная невероятным количеством досок. Все бы ничего, но сквозь щели из нее пробивался свет. И этот свет *не могло* излучать солнце.

– Что дальше? – Киру-таки удалось выхватить из моих рук копье и выставить его вперед.

– Вперед? – рискнула предположить я.

– Переубеждать тебя бесполезно. Так что держись рядом.

Мы в ногу стали красться вперед, как дикие хищники. Когда до арки оставалось около ярда, мы резко отпрыгнули за поворот, чтобы перевести дух. Я вздохнула. И Кир выскочил вперед.

Ему потребовалось меньше секунды, чтобы поломать трухлявые доски пополам, узреть всю красоту, таящуюся там, и перевести на меня глаза, полные ужаса и страха.

Огромная комната содержала в себе, кажется, все механизмы мира. Тут была и мельница, и куча телефонных будок девяностых годов со всякими шлангами и проводами, присоединенными к ним, и огромная сортировочная машина, перекатывающая мешочки с неизвестным содержимым по запачканной ленте. Бетонный пол почти что ходил ходунком от таких нагрузок. В воздухе пахло – что неудивительно, – гнилью и свежим мясом. Я почувствовала, как мои колени подгибаются и уносят обратно, к выходу.

– Ну уж нет, – Кир остановил меня, положив свою руку мне на плечо, – если ты притащила меня сюда, то теперь мы *обязаны* узнать, какого черта здесь происходит. Ты ведь это хотела узнать?

– Впрочем, мы уже довольно узнали...

Он нервно усмехнулся, подталкивая меня вперед:

– *Ну уж нет*. Потому что теперь мне интересно узнать, какого черта здесь происходит. Пару минут – и уносим ноги, так что подгузники тебе, Аза, не пригодятся.

Я толкнула его в бок, чем еще сильнее раззадорила юношу, который с видимым энтузиазмом стал размахивать палкой во все стороны. Для него, возможно, это и выглядело смешно, но на самом деле это выглядело так, словно кто-то невидимый пытается отнять у него единственное средство защиты, оставив на произвол судьбы.

Мы подошли к медленно едущей ленте. Я сняла пропитанный насквозь слизью мешок, сделанный из прочного бре-

зента, и скинула с него веревку...

– Черт побери! – я отскочила от чьего-то сердца и глаза, вывалившихся из мешка. Те с глухим стуком упали на бетонный пол и отскочили в разные стороны от наших ног. – Черт побери!

Так вот это была не слизь.

Это была *бальзамирующая жидкость*.

– Господи, меня сейчас вывернет наружу, – Кир тоже снял с ленты мешок, и, развязывая его, вывалил хорошо сохранившиеся почки. – Что здесь происходит?!

Я схватила его за руку:

– Уже неважно.

Мы припустили отсюда настолько быстро, насколько позволяли наши ноги.

Мы постоянно цеплялись за какие-нибудь гвозди, падали и разбивали себе колени, царапали руки и зарабатывали огромные синяки. Мы бежали, не жалея сил, подальше от этого каннибалистического ада. Мы бежали, а у нас в мозгу крутилась всего одна мысль: *как?*

Откуда?

Кто придумал все это?

Очевидно, чтобы додуматься до такого, нужно явно иметь мало мозгов – или вообще не иметь их. Они не нужны патологоанатомам.

Или, например, серийным убийцам.

Мы выскочили в проем. Я больно вlepилась плечом в стену, отчего всю мою руку прожгла тупая ноющая боль. Кир остановился впереди, переводя дух.

– Бежать можешь? – он окинул меня холодным взглядом.

– У тебя есть копьe, – выдохнула я, сгибаясь в приступе кашля.

– Да уж, больно оно нам поможет, когда на нас решит напасть стая диких животных.

Кир тихо прислонился к треснувшей бетонной стене и откинул челку назад. Снял очки, рассеяно озираясь по сторонам, и, очевидно, думая, что ему это все снится. Мы многое видали с ним и Сонькой в Каролине (например, как один старый шаман-йог ходил по иголкам для шитья и ни разу не пикнул), но бальзамированные внутренности в брезентовом мешочке, как бананы на распродаже, были для нас диковиной новинкой.

Неожиданно Кир выпрямился во весь свой рост.

– Слышишь?

Я прищурилась:

– Что?

Топ.

Топ. Топ.

Топ. Топ. Топ.

– Что за...

– Тихо, – Кир закрыл мне рот рукой.

Мы стали прислушиваться к звуку. Я почувствовала, как

мои ладони разом похолодели и вспотели. Здесь становилось еще страшнее.

Топ.

Топ. Топ.

Топ. Топ. Топ.

– За мной.

Мы, насколько это возможно, стали быстро и тихо переставлять ноги в противоположную сторону от доносящегося звука. Я вся вспотела, майка безобразно прилипла к спине, вся пропитанная потом. Ноги подкашивались. Я крепко ухватилась за Кирину руку, семена за ним вслед.

Мы пролезли через однотипный заколоченный досками проем в небольшую комнатку с четырьмя двухъярусными прогнувшимися койками и деревянным столом, и остановились посередине. Выход был один, и, к сожалению, единственный, так что мы остались буквально в заточении.

Я бросила мимолетный взгляд на стол, и увидела, что он до краев полон колюще-режущими предметами.

– Кир, – я дернула его за рукав, и, поковырявшись в столе, передала ему один из ножей. – На всякий случай.

Топ. Топ.

Топ. Топ. Топ. Топ.

Топ. Топ. Топ. Топ. Топ. Топ.

– Куда дальше? – я стала судорожно оглядываться.

– Туда, – Кир указал вверх.

Я подняла голову и увидела устрашающе нависшую над

нами железную полку, соединяющуюся со стеной и одной из кроватей всего парой хлипких перекладин. На противоположной стене «висела» еще одна такая же. В целом, теперь у меня окончательно сформировалось ощущение, что этот завод совмещает в себе не только функции морга, но и концлагеря.

Кир помог мне забраться наверх, а потом, в один присест вскочив на противоположную полку, пригнулся. Я сильнее сжала трясущимися руками рукоять копья, которое он мне передал.

Топ.

Топ. Топ.

Топ. Топ. Топ.

Шаги были все ближе. И чем они были приближеннее, тем сильнее создавалось впечатление, что эти звуки издает кто-то невесомый. Словно ноги сами отделились от тела и идут по бетону, забыв, что они должны нести вес в виде чьего-то пуза (чьего-то объевшегося внутренностями пуза). От этих предположений мурашки на моем теле в удвоенном темпе начинали отплясывать маорийские танцы, а руки то и дело старались выпустить единственное средство защиты.

Только бы это был не двухметровый гигант, только бы мы выжили, – твердила я себе как молитву, вспоминая слипстоунских туземцев. – *Только бы все обошлось.*

Неожиданно доски под нами скрипнули.

Я не могла увидеть, что там такое ходит, потому что я пол-

ностью вжалась в угол и вжала голову в плечи, трясясь, как человек во время лихорадки. Кир был напуган не меньше. Когда раздался скрип, мы одновременно переглянулись, и он приложил палец к губам, говоря этим, что нам просто нужно сидеть тихо.

Что-то обошло всю комнату по периметру, шаркая и волоча за собой ноги, а потом внезапно остановилось. Тишина накрыла все пространство, напряженно повиснув в воздухе. Я не решалась пошевелиться. Сердце судорожно билось о ребра и надеялось, что это все сон, как это было тогда – когда Дэвид прислушивался к дыханию Соньки, чтобы понять, что она еще жива. И тогда, когда мы стояли под кислотным дождем, пропитывая своими слезами землю, надеясь, что сейчас Сонька выскочит откуда-нибудь из-за угла и напугает нас до чертиков. Мы надеялись на это всем сердцем, потому что Сонька была частью нас, частью моего сердца. И я даже подумать не могла, что к настоящему моменту от него не останется ничего, потому что, как известно, Дэвид тоже стал частью меня. А потом...

Он рискнул собой ради нас, ради двух неказистых подростков, которых он и месяца не знал. У нас не было ничего, что мы могли бы дать ему взамен в благодарность. Но он решил, что так будет правильнее – и отдал все, что у него было.

Одна слезинка вырвалась у меня из глаза и со звоном упала на железную полку.

ЧЕРТ.

Существо, что прежде стояло неподвижно, резко развернулось. Я почувствовала, как что-то яростно пытается забраться ко мне наверх.

– План «Б»! – заорал Кир.

– Что ты имеешь ввиду? – запищала я.

– Под планом «Б» может быть только одно! – он указал на палку. – Бей в голову!

От мысли, что это что-то – не животное, а человекоподобное существо, у меня сперло дыхание. Тем не менее, когда край полки обхватили чьи-то бледные синюшные пальцы, я со всей дури размахнулась и, не глядя, зарядила копьем по пришельцу. Оно заверещало, как десять одновременно кастрируемых кабанов, и с чудовищным грохотом повалилось на бетонный пол, затихнув там.

Я медленно поднесла наконечник копья к глазам. Он весь был перемазан в черной жидкости.

– Оно страшное?

Кир боязливо выглянул вниз.

– Просто представь, что это человек, который долгое время провел в воде, спарился с зомби и вывел свое потомство к нам, – немного погодя, шепотом ответил он.

Топ.

Топ. Топ.

Топ. Топ. Топ.

– О боже мой, да их тут целая толпа, – с ужасом добавил Кир. – Тогда готовься.

– К чему? – удивилась я.

– Будет много крови, – лаконично ответил он.

Мы стали медленно сползать с полок. И, как бы мне этого ни хотелось, мне все же пришлось взглянуть на пришельца, которого я убила, поближе...

Эта форма жизни представляла из себя месиво из утопленника и зомби вместе взятых. Мокрая синюшная кожа пузырилась и безобразно лопалась, раны кровоточили и гноились. Глаза отсутствовали. На суставах были своеобразные выросты, являющиеся, судя по всему, грубым выпуклым хрящом, словно безобразной опухолью. Там, куда я попала палкой, был раскол, из которого сочилась темная жидкость.

Мы выбежали в темный проем, собирая на себя всю паутину. Кир выхватил у меня палку и теперь бежал впереди с вытянутыми вперед руками. Я семенила сзади. Мы не говорили ни слова друг другу, потому что, очевидно, каждый был впечатлен мыслью, что мы должны кого-то убивать для того, чтобы выжить или протянуть хотя бы немножко. Мы двигались по возможности тихо, но каждый вздох, казалось, разбивался о стены и грохотал так, словно где-то неподалеку разбился самолет.

Мы пробежали еще пару коридоров, пока окончательно не поняли, что заблудились.

Тон. Тон.

Тон. Тон. Тон.

Тон. Тон. Тон. Тон. Тон. Тон.

– Ох, Аза, не следовало нам сюда соваться... – пробурчал Кир, боязливо оглядываясь. – Теперь это все превратилось в какой-то сумасшедший квест по выживанию. Давай за мной!

Мы резко повернули направо и стали карабкаться по ржавой лестнице. Я и Кир рассчитывали на то, что на «втором этаже» будут окна или хотя бы что-нибудь, из чего можно вылезти и покинуть этот ужаснейший завод. Лестница кончалась у вентиляционного люка. Мы выглянули из проема. Второй этаж не отличался от первого ровно ничем, за исключением того, что тут он выглядел еще более пыльным и запущенным.

Шаги раздались снова, гораздо ближе. Оставался один выход, который мы незамедлительно использовали.

Кир выбил трухлявую крышку вентиляционного люка одним мощным ударом палки, и она разлетелась на много железных частей, громко падая на пол. Мы встали на четвереньки и быстро поползли по проходу.

Топ. Топ. Топ.

АЗА, СПАСИ НАС. Я пытаюсь! Как-то не видно. Закрой пасть. Может быть, ты напомнишь мне, чья это была идея вообще сюда сунуться? За исключением утопленников, тут вполне комфортно. Скажи еще, что тут жить можно. Тут жить можно. Я ненавижу тебя, Аза. Взаимно.

Мы повернули направо по трубе, раздирая колени и руки в кровь. Оказалось, что ползти с трехъярдовой палкой было куда неудобнее, чем думал Кир.

Люк заканчивался так же неожиданно, как и начинался. Юноша снова копьём выбил ветхую решетчатую крышку, выпуская нас на волю.

Мы оказались на втором этаже. *Нем. Нем. Нем.* Точнее – мы оказались в той же комнате, в которой впервые увидели бальзамированные внутренности, аккуратно сложенные в брезентовые мешочки, как будто это было какими-то подарками, но теперь мы стояли на мосту, проходящему по всему периметру комнаты. Внизу грохотали машины. Мы стали беспомощно мотать головами в разные стороны, как вывалившиеся из гнезда совы, пока Кир не потряс меня за плечо и не указал куда-то наверх, где плясал одинокий лучик света. Он был единственным, но для нас он был спасительным, поэтому в порыве радости мы и не сразу задумались, *как* мы туда попадем. К сожалению, когда эта мысль посетила нас, было уже слишком поздно.

– ЦЕЛЬСЯ В ГОРЛО! – крикнул Кир, отрешенным взглядом рассматривая идущих на нас мертвецов.

Он шли с двух сторон. Мы развернулись спинами к друг другу, тесно прижавшись всем, чем можно было, выставив вперед единственные средства защиты. Они шли неуклюже, медленно, мыча, как коровы, и это наводило на нас двойной страх. Двое подростков, не знающих базовых условий, против целой армии уопленников? В кино бы это было бы одной из захватывающих сцен.

Я услышала, как Кир отдаляется на меня, а потом до меня

донесся чавкающий звук и чей-то нечеловеческий крик. Кир насадил на копье одну голову, и теперь размахивал ею перед остальными, надеясь, что это как-то их остановит.

Внезапно мою руку обхватили с чудовищной силой.

– КИР! – я со всей силы всадила нож в синюшную шею одному из мертвецов.

Еще никогда мне не приходилось убивать. Мало того, я предпочитала петлять улицами до дома, а не распылять в глаза собакам отпугивающим спреем, лишь потому, что мне было жалко их. Мне было жалко абсолютно любого, пусть это и будет даже синюшный *непонятно-кто*, но сейчас во мне проснулся непонятный азарт, который буквально кричал мне: *Ага, давай! Сильнее! Бей их!*

Я выдернула нож из шеи с такой силой, что голова его покачнулась и отлетела на почтительное расстояние, обдав меня черной жидкостью.

– Черт! – Кир успел палкой долбануть еще одного зомби, который попытался накинуться и вцепиться мне в кожу сзади. – Их становится все больше! Откуда они вообще здесь берутся?!

– Похоже, – я выдохнула, – нужно валить отсюда как можно быстрее.

Мы уложили еще по паре мертвецов.

– И как? – любопытствовал Кир.

– Буквально несколько минут ты сам показал, как.

– Нет-нет, – он замахал руками. – Я имею ввиду – как мы

туда заберемся?

Я подняла голову вверх, туда, откуда на нас одиноко смотрел яркий луч света.

– Ну придумай!

– Отлично, – он размахнулся еще раз, отбросив от нас штук пять мертвецов. – Сначала ты спрашиваешь, как мы отсюда выберемся, а потом – как мы туда заберемся!

Я пожала плечами:

– Во всяком случае, пока что я еще хоть что-то спрашиваю.

Кир махнул рукой и взобрался на хлипенькую оградку, опасно балансируя над «пропастью». У меня замутило в глазах. Видеть, как твой друг стоит на тоненьких шпорах с палкой в руке, было поистине и тошнотворно, и гордо одновременно.

Кир подал мне руку, и мне пришлось повторить его маршрут, отмахиваясь ножом от зомби.

– Ты что-нибудь придумал? – качаясь, как осина на ветру, полюбопытствовала я.

– А то, – он подмигнул. – Видишь *воooooон* ту ржавую лестницу? Я бы не стал предполагать сразу, что она не рассыплется от нашего веса, но попробовать все же стоит. Мы пододвинем ее к окну и вытащим свои задницы отсюда. Идет?

Все еще не имея ни малейшего представления о том, как мы это сделаем, я кивнула:

– Идет.

– Тогда придется поторопиться.

Мы стали часто-часто перебирать ногами, семена к противоположной стене, поддерживая друг друга, как немощные старички. Я старалась не смотреть вниз, потому что во всей этой операции меня смущало только одно: под нами находилась машина, которая мелко шинковала бальзамированные внутренности на кусочки. Меня не смущали даже мычащие утопленники, а вот мысль, что вскоре мы можем оказаться порубленными на много маленьких клочков, вызывала у меня дикий панический страх. Обычно при таких панических атаках мой мозг сохранял ясность, но теперь он стал дико глючить, то ли оттого, что понимал, что нас либо сожрут живьем, то ли оттого, что осознавал, что мы вскоре можем смешаться с основной массой органов.

Мы спрыгнули на железные плиты в свободный клочок, не заполненный зомби, и припустили к лестнице. Вскарабкались на нависшие над нами полки, режа руки и ноги в кровь. А потом, по моей команде, уперлись руками в ржавые перекладины лестницы и рванули ее от себя.

БАМ.

Полка под нами покачнулась.

– Вот черт! – я с опаской глянула вниз. – Боюсь, если мы продолжим двигать лестницу дальше, этот чертов завод рухнет, как карточный домик!

Кир потоптался на месте, оценивая ущерб. Но это его, по-

хоже, не смутило, и он с каким-то утроенным энтузиазмом снова стал отодвигать лестницу от полок.

– Да послушай же! – я схватила его за руки, –если мы не прекратим двигать ее, мы упадем к мертвецам горяченькими и готовенькими!

– А если мы останемся на месте, то вероятный исход нам станет известен очень скоро! – огрызнулся Кир.

Ну давай, Аза.

Ты справишься.

Я отбежала на пару шагов назад. Кир бросил на меня полный непонимания взгляд, потому что со стороны это выглядело, наверное, как будто я хочу добровольно упасть в синюшные лапы утопленников. Но я бы этого не сделала, даже если бы выхода не было. Поэтому, когда мои ноги понесли меня к лестнице и согнулись в прыжке, когда руки подхватили руки Кира, когда мы пролетели над толпой обезумевших мертвецов и уцепились за хлипкие перекладыны, я поняла, что *выход есть*.

Мы подобно мешкам с песком безвольно повисли, держась за скользкую лестницу. Я поползла вперед. Кир пополз сзади, выполняя функцию сторожа, который не дал бы кому-нибудь отгрызть мне полкроссовка.

Я крепко схватилась за одну из нависающих над нами железяк, напоминающих лопат без черенков.

– Помоги! – я подергала Кира за плечо.

Он схватил меня за ноги и подкинул высоко в воздух. Это-

го хватило, чтобы мои руки сумели зацепиться за выступ в стене и продолжить ползти к окну.

Наше спасение представляло из себя квадратное углубление в стене, выходящее на улицу в виде железной трубы, «слепленной» из кучи медных листов. Вокруг нее висели обрывки некогда бывшей здесь решетки. Я передернулась.

Я уже схватилась за края и приготовилась вылезать, как вдруг поняла одну маленькую, но важную деталь.

Где Кир?

Мой мозг уже решил начать лепить всякие нелепые отмазки насчет того, что юноша задержался, моча какого-нибудь зомби, или до сих пор забираясь вверх, как вдруг одновременно с моими мыслями послышался отчаянный визг, а следом – глухой звук.

– КИР?! – я подбежала к краю ограждения. Там, держась за уступ в стене, над пропастью висел сам парень, изрыгая проклятия в сторону мертвецов.

– Я! – он наигранно засмеялся. – Если ты будешь медлить, то из меня сделают мясное оливье!

Я упала на живот и протянула ему руку. Расстояние, разделяющее нас, было гораздо больше, поэтому дотянуться друг для друга не представлялось возможным.

Вторая рука, которая держалась за край металлического листа, стала жутко ныть.

– Кир! – я пододвинулась еще ближе. – Сделай что-нибудь!

– Что?! – он истерически рассмеялся. – Если я уберу хоть одну руку, я сорвусь вниз!

Время замедлилось.

Я тянулась к Киру, он тянулся ко мне. Под нами с дикими воплями машина, точно шредер, мелко шинковала бальзамированные внутренности на склизкие кусочки. По обе стороны к нам, неуклюже переваливаясь на своих обрубках, семенили утопленники. Картина была уж точно не романтическая.

Неожиданно Кир покачнулся. Я успела его схватить, прежде чем он стал бы падать вниз. Я просунула кроссовок между двух прутьев, и мы стали напоминать полудохлых гусениц, висящих буквально в шаге от своей смерти.

– Мне больно! – я зажмурилась. – Пожалуйста, *сделай* что-нибудь!

Кир ничего мне не ответил.

В последний момент, перед тем, как моя нога неожиданно слетела с оградки, я увидела на его глазах прозрачные слезинки.

Мы сорвались вниз.

2

Этот сон никогда не закончится.

Я буду видеть мою Соньку каждую гребаную секунду, каждую гребаную минуту, каждую гребаную ночь. И она будет кричать мне: о боже, Аза, зачем ты закопала меня жи-

вьем, Аза, мне так больно, когда земля забивает мои легкие, Аза, о боже, Аза.... А я буду выть от бессилия, потому что уже ничего не могу сделать.

Оставь меня в покое...

Мои легкие прожгло огнем, когда я сделала первый вздох. Из глаз брызнули слезы, все мышцы до единой свело ужасной судорогой. Я кое-как повернула свою голову на бок, чуть слышно стоная. Очевидно, ясность ума ко мне пришла процентов на десять, потому что в ушах у меня звенело, а части тела не хотели подчиняться ни под каким предлогом.

Мы живы? Мы живы? Мы живы. МЫ ЖИВЫ!!! О ГОСПОДИ, АЗА, МЫ ЖИВЫ!!! В таком случае я бы предпочла остаться мертвой. *Пессимистка.* Мое тело болит так, словно по нему прошло стадо слонов! *Но мы живы!* Ты – жива. Я – наполовину. *Опять ты забываешь, что мы – одно целое.*

Я сделала попытку открыть глаза. Не сработало. Я попробовала снова...

Серо-черное пятно стало потихонечку принимать видимые очертания. Стали различаться всякие тумбочки, столы с лежащими на них медицинскими инструментами, куски тряпья... Рядом со мной возвышалось серое нечто. Я прищурилась сильнее, пытаюсь рассмотреть, что же это все-таки есть.

Спустя пару минут до меня наконец-то стало доходить, что это что-то *живое*.

И оно шевелится.

Мои внутренности разом завязались в тугой узел, пытаюсь не выронить все то небольшое содержимое, которое осталось после моего последнего перекуса. То ли от страха, то ли от того, что за эти пару дней в моем рту не было даже и маковой росинки.

А потом случилось то, что заставило заработать мои мысли в другом направлении. Серое тряпье, которое прежде чуть видно покачивалось, резко развернулось и откинуло капюшон назад...

На меня уставились два серьезных глаза с разными по цвету радужками. Один представлял из себя коричневую, вполне человеческую, радужку, а вот вторая была какой-то неестественно бледно-голубой, без зрачка, сильно косящей в сторону, и, казалось, совсем не смотрящей на меня. Карие волосы прядками свисали вниз, ложась на широкую переносицу юноше. На щеке был чуть заметный шрам. Он рассматривал меня с минуту, пока я не закашлялась.

Юноша поднялся на ноги и слегка пнул меня ботинком.

– Пошел вон! – я попыталась встать, но все, что мне удалось – опереться на локти и снова зайтись в приступе сильного кашля.

И только тут я заметила еще одного человека.

Нет, она не была мне знакома. Все, что выдавали в этом женскую особь – аккуратные тонкие пальцы в жестких брезентовых перчатках, покоящихся на талии. Накидка представляла их себя темно-серое месиво «чумного доктора», с

кучей побрякушек на поясе, всякими зельями в колбах и с классическим «черепом» вороны, сверху которого была нахлобучена черная шляпа с широкими полями. Ботинки были твердыми, грубыми. Оголенная рука сжимала длинный жезл с шипом на конце. Девушка стояла неподвижно, изредка покачивая головой, смотря то на меня, то на юношу, не решаясь начать диалог первой.

Парень откашлялся.

– Проснулась... – протянул «Чумной доктор». – Мы думали, что ты копыта откинешь.

– С чего бы? – я ухмыльнулась. – Для вас будет новостью, что я довольно живучая тварь.

– В отличие от твой друг, – подал голос парень, акцент которого порезал мне уши хуже любой мясорубки.

Я встрепенулась.

О нет.

Кир.

– Что с ним?! – я быстро села, отодвинувшись от парня.

– Да ничего, – махнул рукой Доктор. – Оклемается. Не баба.

Так, мозг, работай давай. Что они хотят с нами сделать? Пытать? Заставить отдать самое ценное (несомненно, карту, которая хоть как-то связывает нас с Шарлотт)? Держать в заточении, пока мы корни не пустим? При мысли о том, что это уже более разумные существа, чем дикари из Слипстоуна, и что сбежать нам от них ну точно не получится, мои

внутренности сжались в плотный клубок.

– Где Кир? – повторила я, и мой голос сорвался. – Где я? Мальчишка с одним невидящим глазом рассмеялся:

– Не будем есть тебя, глупый. Мы спасти тебя от неупокоенных.

– Кого-кого?

– Правильно тебя он глупой назвал, – бросил Доктор, – ты же знаешь сама. *Ты видела.*

Мы «общались» друг с другом уже минут пять, но все, что было мне понятно, так это то, *что мне ни черта не понятно.*

Ты видела. Возможно, она имела ввиду всех тех неупокоенных в Слипстоуне, которых нам посчастливилось увидеть в первую ночь выживания? Неужели они могут менять форму на жутких вздутых от влаги утопленников? Я тотчас поделилась своими догадками с Доктором, на что получила положительный ответ. То есть, нормальный человек принял бы ее реплику за угрозу, но я была ненормальным человеком, который за несколько недель повидал столько, сколько человек не повидал бы за двести лет.

Тогда я попросила снять с Доктора «череп».

И она сняла.

Это была девушка лет девятнадцати, с большими серьезными и печальными светло-голубыми (на этот раз – не слепыми!) глазами и коротко остриженными белыми, как снег, волосами. Белесые брови в напряженной гримасе съехались на переносице. На левой щеке виднелась родинка в виде по-

лумесяца.

Альбинос.

– Теперь ты удостоверилась, что мы безвредны? – протянула она с видимым британским акцентом.

Я истерически усмехнулась:

– Как сказать.

С одной стороны, мне было и страшно, и радостно одновременно, потому что я нашла живых людей, пусть и выглядевших так, словно они только что вернулись с хеллоуина. Но вопрос напрашивался сам собой: *откуда* они? Неужели тоже потерпели авиакатастрофу, летя рейсом номер восемьсот восемьдесят восемь, как мы все?

Я перевела взгляд на пространство. Мы находились в небольшой железной комнате, старой, как сам мир, и совсем не внушающей доверия. С дальнего угла помещение освещала воткнутая в подсвечник лучина. В углу были навалены металлические листы и осколки. Рядом было положено сено, служащее, по-видимому, кроватью. И это было всем, что можно было найти тут, не считая ужасного сора и отсутствия элементарной мебели.

– Ищешь ответ на свой вопрос, – незнакомка вплотную приблизилась ко мне, встав за спиной. – Будешь сопротивляться – твои внутренности очутятся развешенными на стене. Поняла?

Что-то острое, но тупое для того, чтобы разрезать кожу, уперлось мне в шею. Я часто закивала как китайский бол-

ванчик.

– Отлично, – она без особого энтузиазма похлопала меня по плечу. – Теперь к делу. Нам нужно сбежать с Алукейла.

– Кого-кого? – я прищурилась.

– Остров, на котором мы все сейчас находимся. Теперь у нас есть карта. И вы вдвоем.

О НЕТ. Она все-таки нашла карту!!!

Все-таки, я была права насчет того, что нас во второй раз взяли в заложники.

– И, если мы не подчинимся, вы нас убьете? – скептически поинтересовалась я.

– Именно.

– Тогда мне нужен Кир.

Девушка-альбинос бросила на меня такой взгляд, словно я в момент покрылась струпьями и завоняла, как покойник. Я прямо слышала, как в ее мозгу крутятся шестеренки, а красноватые глаза метают искры, целясь прямо мне в душу. Мы обе понимали, что, если не уступить друг другу, то нас ожидают большие неприятности. И мы так же обе понимали, что, если разойтись по разным сторонам, то выживание может закончиться в любой момент.

Я уже уступила ей, пообещав хранить молчание.

Теперь пришла ее очередь.

– Что ж, – она круто развернулась и зашагала к массивной двери.

Девушка аккуратно протиснулась в щелку, и спустя пару

секунд оттуда послышалась возня и чьи-то вздохи и ругань. Спустя минуту она уже возвышалась передо мной, как коршун над добычей, держа за руку связанного Кира.

– Ты цела, – он выдохнул, зло посмотрев на мальчишку с одним невидящим глазом. – Если бы ты знала, что они тут вытворяли со мной!

– Молчать! – альбиноска замахнулась на него рукой в перчатке.

Я встала, на покачивающихся ногах шагнув в ее сторону. Оказалось, что эта храбрая девушка была гораздо ниже меня, словно сошедшая со страниц сказки эльфийка. Вот только тут за ангельским личиком скрывалась довольно воинственная и скверная натура, которая – что неудивительно, – могла нас прикончить в один присест за неверное движение.

– Не обращать внимания, – во всей этой суматохе только один юноша оставался предельно спокойным. – Гарсиа страдать манией преследования.

– Заткнись! – альбиноска вскинула брови.

– Я Флоренс Фахиди, – продолжал он как ни в чем не бывало, – а ее имя – Гарсиа Фитцджеральд. Она жестока внешне, но она оставаться доброй. Гарсиа – ведьма.

Его специфический акцент выдавал в нем еврея. В итоге некоторые слова он коверкал, так что «жестока» прозвучала как «шестока», а оставаться – как «озаваться». В любом случае, я могла понимать его ломаный английский, и это было лучше, чем начать обмениваться друг с другом знаками

и жестами.

Теперь черед начать метать искры в Флоренса настал не для Кира, а для Гарсии.

В конце концов ей все же пришлось смириться с тем, что ее имя уже выдали. Гарсия опустила на пол и пристально посмотрела нам в глаза.

– Я спасла вас не для того, чтобы пытаться. Все, что объединяет нас всех вчетвером – уйти из Алукейла на Большую землю. У нас есть вы, у вас есть карта. Мы ждали ее... так долго...

– Погоди-погоди, – Кир замахал руками, – ты хочешь сказать, что вы специально ждали нас, чтобы смахнуть обратно в цивилизованный мир?

– Идиот.

– Я просто сделал предположение! Откуда вам знать, что скоро за вами кто-нибудь придет и спасет вас ака Ной?

Гарсия попыталась ущипнуть его, но Кир ловко перехватил ее руку.

– Какой сейчас век?

– Что?

Она снова попыталась ущипнуть Кира.

– Какой сейчас век?

– Двадцать первый, – пожал плечами он.

– Двадцать первый, – в задумчивости повторила Фитцджеральд. – Семнадцатый... – Закрыла глаза, зажмурившись. – Она же обещала, что я проснусь сразу же после...

– О чем ты?

Гарсиа сделала третью попытку впиться пальцами в бок парню, и он снова ловко перехватил ее руку. Я, конечно, не была спецом по девушкам, несмотря на тот факт, что я *тоже* была девушкой, но в этом случае заигрывания Гарсиа были просто налицо.

– Ладно, – альбиноска вздохнула. – Нужно отправляться в дорогу. Сегодня же. Сейчас же! Собирайте все, что осталось, мы возвращаемся домой!

– Нет, – как можно осторожнее начала я, чтобы не сказать ничего лишнего этой гомицидоманке, за что она захочет нас убить, – Гарсиа, послушай, мы не можем вот просто так сорваться с места и пуститься в плавание. Ты не представляешь, что там ждет нас! Э-э... К тому же, мы голодные и уставшие, мы потерпели кораблекрушение, лишившись всех запасов воды и еды! Это ужасно! Нам просто не выжить, если мы тотчас пойдем собирать плот и пойдем в океан.

Лицо Гарсиа исказилось в гримасе гнева. Она нахмурилась, крепко сжав кулаки. На ее белом лбу выступила испарина, губы растянулись в тонкую ниточку. Она резко встала и вылетела из помещения, громко хлопнув дверью.

Спустя пару минут мы с Киrom осмелились медленно повернуться.

– Не бояться, – Флоренс горько усмехнулся. – Она очень ждатель свобода. Она очень огорчиться, когда вы сказать – это нескоро.

– Но почему? – удивился Кир, – такое ощущение, что ее тут взаперти триста лет продержали!

Юноша скосил взгляд.

– В том-то и дело, что она жить с семнадцатый век. Она перенести чума. Ее мать быть ведьма, и она заботиться о том, чтобы Гарсиа заснуть и проснуться тут, перенеся эпидемия чумы. И стать жестокой. Это грустно, потому что моя мама тоже быть ведьмой и помочь сбежать мне из Освенцим. И я знать, каково это.

Кир истерически рассмеялся:

– Что? Ты хоть сам понимаешь, что несешь?

На это Флоренс ничего не ответил.

Если бы Флоренс и Гарсиа попались бы какому-нибудь современному американцу, которого ни разу не пытались сожрать туманы и дикари не жаждали выколоть ему глаза из глазниц, то их рассказ он бы принял как очень явну, с намеками на шизофрению, сказку. Девочка, уснувшая в семнадцатом веке и проснувшаяся в двадцать первом, и мальчик-выходец из Освенцима в сорок втором году, в учете того, что сейчас ему лишь восемнадцать – что может быть бредовее? Но если бы этот американец уселся и стал внимательно слушать, что они ему рассказывают, то он бы убедился, что это все – *правда*.

С каждым словом Флоренса, с каждым его предложением, мы с Киrom чувствовали, как волосы на наших головах на-

чинают подниматься и тянуться к потолку, моля о том, чтобы это все закончилось. Юноша потерял зрение на один глаз – и не случайно, – путем инъекций, вводимых ему для того, чтобы превратить в истинного арийца. Попал он туда тогда, когда ему перевалило чуть за семнадцать, и весь год он служил немцам подопытным кроликом. Но потом его мать, еврейка и ведунья, как-то смогла вытащить его из Освенцима и усыпить в подпольном лагере, где собирались такие же, как он. Флоренс рассказывал, и у нас создавалось впечатление, что мы попали на какой-то жуткий сеанс фильмов ужасов.

Про Гарсию он знал сравнительно немного, но то, что она единственная на земле встретила семнадцатый век и осталась до сих пор жива, было известно всем нам троим. Это была вся информация, которую нам удалось узнать от него. Это было все, что почему-то уверенно подсказало начать питать к нему доверие. Конечно, либо эта была ложь, которую он преподнес нам так удивительно, что мы сидели и слушали его с открытыми ртами, либо это было суровой, жестокой правдой – и мы верили ему.

Гарсиа вернулась поздно ночью, когда мы все улеглись на сено и стали засыпать. Она, словно тень, тихонько проползла к металлическим листам и выудила оттуда какую-то вещь. Освещение не позволяло детально рассмотреть, что это было.

Я думала, она ляжет тоже, но буквально через пару минут она снова покинула нас через дверцу.

Я стала засыпать.

Я очутилась на ярко-зеленом поле, цветущем и благоухающем, как самые дорогие духи в мире. Везде царило спокойствие и умиротворение. А впереди, ярдах в пяти, стояла Сонька, которая мягко улыбалась и махала мне рукой.

– Сонька! – я сорвалась с места и побежала к ней.

Мы сцепились, как фурии, крепко обнимая друг друга и воя от счастья.

– Сонька! – я уткнулась в ее шоколадные волосы. – Сонька! Не верю!

– И я не верю, господи, Аза! – она всхлипнула, – мне это кажется!

Я отстранилась от нее.

Я не верила.

Она стояла передо мною. Такая смешливая, со вздернутым носиком, с челкой, закрывающей брови, в своей любимой ядовито-желтой худе, без намеков на то, что когда-то она изгадила ее своими рвотными массами и зараженной кровью. От нее пахло *ее* духами, и это была *она*. Моя Сонька. Моя любимая Сонька.

– Я люблю тебя, – я снова крепко обняла ее. – Прости, прости, прости, тысячу прости, о, Сонька, если бы ты знала, как я люблю тебя. Я не верю, что ты здесь.

– Я же живая, – она грустно улыбнулась. Положила свою руку мне на грудь. – Вот тут. Живая. Слышишь, Аза Джон-

сон, самая нудная на всем континенте Америки? – она засмеялась. – Я живая. Просто запомни это, и все будет о'кей.

– Черт возьми, это легко сказать, – я почувствовала, как по моему лицу снова начинают течь горячие слезы. – Черт, я знаю, что это невозможно, но вернись к нам... Сонька... Если бы ты знала, как нам с Киром тебя не хватает.

Знойный ветер дул нам в лицо, развевая Сонькины волосы. Те искрились в лучах солнца, хаотично падая ей на лицо. Высокая трава чуть покачивалась от ветра. Впереди сияло заходящее солнце, и мне приходилось жмуриться. Летали бабочки, насекомые...

Я знала, что Сонька мертва. Я знала, что она не сможет воскреснуть, как Иисус, только ради нас двоих. Да и вообще, при всем своем желании вернуться на землю, пусть и несуществующую, она бы не смогла восстать из мертвых. Поэтому я просто прижималась к ней, вдыхая запах ее духов, наслаждаясь этими минутами, пропитывая ткань ее одежды своими слезами. Мне *так* не хотелось ее отпускать, и я делилась своими переживаниями с ней, на что получала легкие вздохи. Я не винила ее, нет. Я просто понимала, что она ничего не может сделать.

– Прости нас, – я зажмурилась. – Я бы очень хотела, чтобы ты еще как минимум сорок лет надоедала Киру и его тете Мэвис. И мне.

– Что поделать, – она пожала плечами, – жизнь несправедлива. Но я, Аза, жива, до сих пор жива, пусть не на земле,

но в ваших сердцах, а это так важно. Я даже наблюдать за вами могу – какая умора была, когда вы перепугались обычную косулю, выскочившую из-за кустов! Ха-ха! Вы бы видели свои рожи! – она рассмеялась, – Я не могу ничего поделаться, и смириться мне тоже не получается, ведь судьба иногда бывает полным дерьмом, – она хихикнула, – но тем не менее, наша встреча автоматически подписала тебе цель и приговор одновременно.

Мы отстранились друг от друга, и я уловила ее лукавый взгляд.

– Ты пообещала мне, что вы с Киром и Дэвидом доберетесь до Шарлотт целыми и невредимыми.

– Что?!

Она рассмеялась снова:

– Даже тут я тебя буду доставать, Аза. Ты. Пообещала. Мне. Да?

– Да как я тебе могу пообещать, если Дэвида, может быть, давно нету в живых.

Сонька подмигнула.

– В любом случае, будь аккуратна, – она сделала вид, что смотрит на несуществующие часы на руке, – а мне пора. Передавай привет Киру, ладно?

С этими словами Сонька еще раз улыбнулась мне и, развернувшись, медленно зашагала по тропинке к солнцу. Я видела, как она буквально растворяется в нем. Я стояла, не говоря ни слова, боясь даже вздохнуть, наблюдая за этим за-

вораживающим зрелищем. Сердце просто отказывалось верить, что я вижу ее в последний раз, пусть даже в своем сне. Оно кричало, рвало ребра, пытаясь вырваться наружу и обжигая их огнем, но оно все никак не могло смириться с тем, что о Соньке мне теперь будут напоминать лишь старые фотографии.

Я не выдержала и окликнула Соньку. Она обернулась.

– Что ты... – начала она, но не успела договорить, потому что я подбежала к ней и крепко ее обняла.

– Я люблю тебя, Сонька, – прошептала я, глотая слезы.

Она закрыла глаза:

– И я тебя тоже.

Мы с Киром вышли из землянки рано утром, тогда, когда туман, окутавший сосновый лес, еще не полностью успел раствориться в воздухе. Накрапывал мелкий дождик. Воздух был влажный и прохладный. Мы уселись на траву, протянув ноги и скинув с себя кроссовки.

– Она не говорила тебе... – Начал Кир, но, уловив мой отрешенный взгляд, уверенно продолжил дальше, – что... Она хочет, чтобы ее дух остался в Шарлотт? Она хочет, чтобы мы вернулись к ней на могилу и взяли ее кулон. Я, правда, даже не представляю, как он выглядит, но, думаю, мы все пойдем.

– Опалит в виде капельки на подвеске, – грустно напом-

нила я. – Я положила его рядом с крестом, успев сорвать, когда ее клали... Ну... Еще она сказала, что любит тебя.

Кир зажмурился и поднял голову на небо. Из его глаз потекли слезы. Он снял очки, и, кладя их на траву, уткнулся мне в плечо, повторяя одну-единственную фразу: *как мне дальше жить без нее.*

Мне было ее так жаль. Эти изматывающие приступы, эти последние дни, наполненные болью и страданиями. Она же так хотела покончить с этим. А мы, как два кретина, теперь виним ее в собственном бессилии.

– Нужно смириться, – я утерла слезы тыльной стороной ладони. – К тому же, я пообещала ей, что мы вернемся за Дэвидом.

– Это точно. Нужно смириться.

Дальше мы просто ходили и нарезали круги вокруг землянки в угрюмом молчании. С одной стороны, нам было и радостно оттого, что нас навестила Сонька, а с другой стороны, нам было ужасно дерьмово и горько, ведь мы видели ее, возможно, в последний раз. Но если она пришла, это что-то значило. Покойники с того мира просто так не возвращаются лишь для того, чтобы пару минут потрепаться с теми, кто души в них не чаял.

После ее посещения я буквально везде видела знаки. Упала ветка – Сонькины проделки. Кто-то чирикнул в ответ на мой немой вопрос – Сонькины проделки. Что-нибудь хрустнуло – опять же – Сонькины проделки.

Решив, что я больше не могу выносить одиночества, я зашла в землянку и застала Флоренса за приготовлением какого-то странного блюда.

– Что это? – я внимательно осмотрела котелок с бурлящей в нем водой, в которой плавали странные коричневатые ку-сочки.

– Ты не испугаться, если я сказать? – он внимательно посмотрел на меня, и, увидев мой кивок, пояснил: – это то, что производить завод.

Мне показалось, что меня голой выставили на тридцати-градусный мороз.

– Что, черт возьми?!

– Спокойность, – он поднял руки вверх и растопырил пальцы. – Иначе нам не выжить. Таков закон.

НУ ВСЕ.

Это был уже край предела, если, конечно, у предела вообще был этот край. Я стояла с раскрытым ртом до пола и пыталась понять: взаправду ли он, или это просто шутка. *Только бы это была шутка, только бы это была шутка.* Передо мной находился каннибал!

Конечно, задней частью я все-таки понимала, что, если бы не завод, то никто бы них не спасся и умер от голода, но, тем не менее, мысль, что я нахожусь рядом с каннибалом, вызывала у меня дикое желание скорее делать ноги.

Флоренс вывалил получившуюся массу в тарелки и полил разваренную гадость коричнево-красноватым бульоном.

Мой живот содрогнулся в приступе тошноты во второй раз.

– Я, пожалуй, поголодаю, – я сглотнула. – Не то чтобы я слишком привередливая, или мне не нравится... это... э-э, блюдо, кстати, оно пахнет довольно *аппетитно*, я просто... не голодная.

Флоренс понимающе кивнул, а потом, достав что-то с полки, сунул мне в руки.

Это оказался сморщенный от долгого пребывания на воздухе корень какого-то растения, по запаху напоминающий нестиранной недельной давности носки профессионального футболиста.

– Спасибо, – я снова подавила в себе желание сплевать ему прямо под ноги. – Что это?

– Еда, – он показал себе в рот. – Девушка есть это?

Ну ладно, попробуй. Ты издеваешься? *А что тут такого?* Да действительно – я держу в руках предмет (еду?), который воняет так, словно его нафаршировали разложившимися котятками. *Еда – бензин, ты – механизм, не будешь жрать бензин – твой мотор сдохнет. А я позитив еще хочу.* Ешь это сама. *Извини, но я не умею принимать еду телепатически. Засунь ее в рот. НЕТ. Засунь. Еду. В. Рот.* Ты меня через строчку слушаешь что ли? Я не буду это есть! *Подыхай тогда на здоровье. А я очень жалею, что ты мне такая досталась. А теперь помолимся за упокоенную рабу Азу Джонсон, которая умерла от анорексии...*

– Это корень один из растения, которые расти тут, – по-

яснил Флоренс. – Их собирать Гарсиа.

Мда уж, плохой у этой альбиноски вкус.

Короче, мне ничего не оставалось сделать, как медленно поднести эту гадость ко рту и откусить маленький кусочек...

На мое удивление, корень оказался вполне съедобным – сладким и чуточку горьковатым, больше напоминающим манго. Поэтому я с утроенным энтузиазмом принялась трескать еду, радуясь, что момент пробы чьего-то сердца я успешно оттянула.

Неожиданно дверь сзади меня заскрипела. Я обернулась и увидела Гарсию.

– Аза... Донцанн?

– Джонсон, – поправила я и передразнила: – Гарсиа Фитцджеральд?

– Просто Гарсиа.

Альбиноска подошла к нам и, запустив руку в тарелку, схватила самый большой кусок, положив его в рот. Меня замутило.

– Итак, – она пристально посмотрела мне в глаза, накинув на себя капюшон, – *мы* выдвигаемся завтра. И только попробуй мне возразить – я украшу эти стены твоими кишками, а потом, когда они хорошенько подвялятся, пожарю их и съем.

– Удачи, – усмехнулся Фахиди, – я же говорить – она имеет мания убийца. Она просто пугать тебя.

Гарсиа хотела что-то возразить ему и, судя по ее лицу, начать возражать она хотела очень интенсивно и яростно, как

вдруг дверь хлопнула во второй раз, и на пороге появился Кир. Майка на нем отсутствовала; поверх сильных плеч была накинута лишь одна кофта. Глаза были красные от слез.

– Привет, народ, – он измученно улыбнулся и с опаской покосился на альбиноску. – Привет, Гарсиа.

Гарсиа ничего не ответила, опустив взгляд.

– Привет, Кир, – мы с Флоренсом синхронно поздоровались с ним, словно не видели его триста лет.

– Я тут так подумал... – он прошел в комнату и уселся в угол, сложив руки на коленях. – Раз уж Гарсиа *решила*, что мы просто обязаны делать отсюда ноги как можно быстрее, я бы хотел уточнить – *почему*? В чем такая необходимость: подрываться, как гончие шавки, и бежать отсюда на всех парах? Неужели за нами гонится какой-то черт?

– Нет, – резко бросила альбиноска, – я хочу так.

– Мало ли как ты хочешь.

Неожиданно девушка подорвалась с места, и подлетая к юноше, схватила его за глотку, приставив к шее нож:

– Я. Хочу. Так.

– Ладно-ладно! – Кир как можно спокойнее поднял руки вверх. – Раз так, то будет так. Только, пожалуйста, убери этот чертов нож от моей шеи.

Альбиноска не шелохнулась.

– Убери нож, – Кир попытался отстраниться, но, похоже, девушка еще сильнее сжала ему шею, отчего он был вынужден вернуться в прежнее положение.

– Гарсиа? – Флоренс обернулся. – Убрать нож. Ты слышать?

Для нас настал переломный момент.

За эти два дня я узнала, что у Гарсии не все дома, но я не думала, что она сможет дойти до *такого*. Мозг, как обычно, стал во всех красках расписывать Кира с перерезанной глоткой и лежащего в своей собственной крови. *Как будто мне еще одной смерти не хватало.*

Я уже хотела было броситься к альбиноске, прекрасно осознавая, что жертвой на этот раз могу стать я, как вдруг она сама отстранилась от него, убрав нож.

– Спасибо, – выплюнул Кир, потирая красную от хватки шею.

– Не стоило благодарностей, – огрызнулась Гарсиа. – Это будет с каждым из вас, кто посмеет возразить мне. А теперь собирайтесь, путь будет долгим!

Гарсиа еще раз окинула взглядом всех присутствующих и, взмахнув плащом, выбежала из дома, громко захлопнув за собой дверь.

Мы с минуту стояли, не смея даже пошевелиться, охваченные животным страхом, а потом Кир тихо прошептал:

– Нужно забрать у нее нож. Иначе она реально им кого-нибудь зарежет. Например, двух изголодавшихся американцев.

– А еще лучше – по-тихому сбежать, – промямлила я, косясь на Кира. Он еле заметно кивнул мне.

– Нет! – Флоренс обернулся к нам, – то есть... Нет... Она

есть добрая. Гарсиа ненавидит убивать.

– Это заметно.

– Понять ее, она очень волноваться, потому что скоро она попасть на Большая земля благодаря вам, – сконфуженно оповестил юноша. – Она бояться потерять шанс.

Кир, протирая очки, прыснул:

– И ты серьезно думаешь, что сможешь остановить нас своими молящими речами?

– Пожалуйста, простить ее.

– С какой стати?

– Пожалуйста.

Юноша повел плечом:

– А если она нас прикончит во время пути? Ты еще не в курсе, но мне будет дерьмово умирать, зная, что я проделал такой огромный путь.

– Знаешь, что, – я запнулась, – мы посмотрим. Да, Кир, мы посмотрим, что будет дальше. И подумаем над тем, чтобы остаться.

Кир открыл рот, чтобы возразить.

Я незаметно подмигнула.

3

Чей-то грубый толчок в плечо заставил меня распрощаться со сладостным сном, нехотя вынырнув из объятий Морфея и сухого сена.

– Кир? – я потерла глаза. Он махнул рукой:

– Давай за мной.

С этими словами он аккуратно переступил через спящих Гарсию и Флоренса, и подобно ниндзе, прокрался к массивной железной двери.

Просыпаться мне не особо-то и хотелось, но, когда я вспомнила, *зачем* мне нужно просыпаться, сон отпустил меня так резко, что я даже удивиться не успела. Я оглянулась на спящих ребят. Гарсия спала, крепко сжимая в руке острый нож, как плюшевую игрушку, Флоренс свернулся в три погибели и сладко посапывал. *Пока, каннибалы*, – съязвил писклявый голос в моей голове, когда я на всей прыти подлетела к Киру.

– Карта у тебя? – спросила я. Кир кивнул. – Куда дальше?

– Сваливаем отсюда, вот куда дальше. Я стащил из их хлама что-то наподобие примитивного компаса, к утру, надеюсь, мы будем грести по направлению к Каролине.

– Это ты хорошо придумал. Имей виду, что острова, где мы сейчас находимся, даже на карте *нету*.

Кир пожал плечами:

– Тогда просто валим отсюда в неизвестном направлении.

Мы аккуратно приоткрыли железную дверь, на цыпочках переступая к выходу. Я выскочила из лачуги первой, дожидаясь, пока юноша сделает то же самое, а потом мы, хватая друг друга за руки, побежали в лес.

Мы бежали настолько быстро, насколько у нас хватало сил. Сердце судорожно билось. Казалось, что сейчас из-за

угла выскочит разъяренная Гарсиа с ножом, которая потребует подчиниться ей, и, как рабов, закует в цепи, как тогда нас лианами связывали дикари. А потом что? Прикончит, пару раз проведя нам по глоткам? Или заставит выполнять абсолютно все приказы?

Да еще и этот Флоренс... С виду он достаточно милый и безобидный, если брать тот факт, что его кости буквально обтянуты кожей, но внешность-то обманчива. Возможно, то, что он плел нам, желая растопить наши сердца, было обычной собачьей чушью обыкновенного подростка, который по несчастливому стечению обстоятельств оказался здесь.

Я спотыкнулась об корягу и, подлетая на пару секунд в воздух, пластом растянулась на земле...

– Аза! – Кир по-детски всплеснул руками. – Как ты умудрилась?

– Не знаю... – прокряхтела я, потирая больной бок. Нога, на которую пришелся самый большой удар, стала жутко ныть. – Больно...

– Надолго застряла?

Я поджала губы:

– Угу.

Парень по-хозяйски закатил до небес глаза, подхватывая меня на руки. Я пластом повисла у него на груди, чувствуя, как обжигающая боль отдает в бедро и идет по левой ноге. Картина создавалась явно не романтическая.

– Вообще-то, я хотел приберечь это для твоего Дэвида...

– Он не мой, – я вздохнула. – Ненавижу его.

Кир ускорил шаг, выходя на мелкую рысцу. Мрачные вековые сосны стали густеть, закрывая нам проход.

– С чего это? Вы же... Ну, это, перед тем, как мы пустились в океан...

– И что?

– Как – что? – Кир аж спотыкнулся.

– Он бросил меня, хотя мы все смогли бы скрыться от тумана. А он это просто подстроил, корча из себя героя.

Мы замолчали, слушая звук ломающихся у юноши под ногами сучьев.

А действительно... До меня только сейчас начало доходить то, что Дэвид бы не остался, любил он меня по-настоящему. В последнее время (а вернее – с самого начала наших «отношений») у нас постоянно царил хаос, который открывал голову то Эвансу, то мне.

Гип-гип ура! Че? Гип-гип ура, говорю. Ты только сейчас поняла, что он тебя недостоин! Ненавижу тебя. А меня-то за что? Хотя бы за то, что ты существуешь в моем мозгу и постоянно генерируешь дурацкие идеи. Чья была идея подложить кнопку завучу? Ну –у –у –у –у.... Ну? Ну... Ты тоже частично в этом участвовала. Да что ты? По крайней мере, моя хата всегда с краю. Возможно, потому, что, если я скажу, что в моей голове обитает еще одна личность, меня вместе с тобой упекут? Слышишь дьявольский смех? Это я, надоедающая тебе вс твою оставшуюся жизнь лишь пото-

му, что ты не сможешь рассказать никому обо мне. Му-ха-ха-ха-ха!

Деревья резко кончились, и мы выбежали на открытый бугристый луг. Под ногами мелькали светящиеся мягким желтым светом светлячки, которые, в результате соприкосновения с ногами Кира, плавно и медленно затухали. Кир, похоже, раззадорился, и стал пинать абсолютно всех светлячков, которые были в зоне его досягаемости.

Неожиданно он остановился, отрешенно глядя себе под ноги.

И тут мы догадались.

Это были цветы.

– Какая прелесть! – я рукой дотянулась до травы и сорвала один теплый бутон. Я хотела показать его Киру вблизи, но неожиданно он резко мигнул и затух.

– Похоже, даже цветы нас боятся, – съязвил юноша, тоже нагибаясь, срывая пару цветков и смотря, как они медленно затухают.

Меня отпустили с рук, и я, хромая, как пьяный жираф на шпильках, кое-как уселась на колени вокруг светящихся желтых бутонов. От них буквально повеяло теплом. Я улеглась на них, чувствуя, как по всему моему телу проходит мощная волна жара.

– Нужно запастись таким экзотическим букетом, на случай, если нам потребуются доказательства, – Кир стал распихивать траву по карманам.

Я нехотя приподняла голову:

– Доказательства для чего?

– Для всего. Во-первых, для того, чтобы хоть в какой-то мере утверждать, что мы не шлялись по клубам и дурь не принимали, а застряли на вполне реальном острове. Во-вторых, чтобы Уна поверила, что мы...

– Постой-постой, ты думаешь, что мы ее найдем?

Кир подмигнул:

– Не забывай, что у меня есть связи. Джоанна, Майки. Тогда они спасли меня перед входным экзаменом.

От цветов исходил приятный сладковатый аромат, который щекотал мне ноздри. Я провела руками по траве, наслаждаясь, как по ним проходит волна жара.

Тут было так красиво и одновременно опасно. Утопленники, завод, производящий чьи-то бальзамированные внутренности, два подростка, проснувшихся после анабиоза и сразу же попытавшихся нас прикончить, и наперекор этому – живые светящиеся желтенькие бутоны, рассыпанные по полю, как золото. Благодаря этому создавалось довольно противоречашее чувство: скорее делать ноги, или не торопиться покинуть этот остров?

Кир снова подхватил меня, отрывая от теплой земли, и мы, переваливаясь, как пьяные молодожены, пошли вперед.

– Кир, – я оглянулась на него. – Расскажи, как это было.

– Что было? – он изогнул левую бровь.

Напряжение между нами повисло в воздухе, как обыч-

но висит палач с мачете, склонившись над своей жертвой и жаждущий «этого» момента.

– Я хочу знать, как умерла Сонька.

Юноша покачнулся. Остановился. Посмотрел мне в глаза, а потом перевел взгляд на звездное небо, наблюдая, как черное покрывало ночи разрезает белесая полоска кометы. Мне почему-то захотелось прикусить свой язык до крови, потому что, к сожалению, иногда, – как сейчас, – он работает гораздо быстрее мозга. Но неожиданно Кир, глубоко вздохнув и наконец собравшись с мыслями, тихо обратился ко мне:

– Когда ты ушла к Дэвиду, я взял ее за руку, и понял, что она умирает. Я спросил, не больно ли ей. И она ответила, что совсем скоро ей будет *хорошо*. Она еще сказала, что любит меня. И это было последним, прежде чем моя Сонька, закрыв глаза, тихо ушла... То ли это было каким-то предсмертным шоком, когда я стал ее трясти и она открыла глаза, уставившись на меня, как на идиота, который портки надел на голову, то ли еще чем-нибудь. И так было несколько раз. В конце концов я не смог ее добудиться. Я проверил пульс, сердцебиение, и пришел к выводу, что теперь Сонька не с нами... Вот и вся история. Теперь это будет сниться мне до самой смерти, этот поистине ужасный ужас.

Я хотела что-то ответить, но не стала.

Мы пошли дальше.

Мы шли вперед, не считая шагов и не меряя расстояния.

Мы просто шли и не загадывали свое будущее. Мы прекрасно понимали, что наша жизнь может оборваться как через двадцать лет, так и через двадцать минут. Но мы просто шли.

Ландшафты менялись с поразительной быстротой. Исчезли густые рощи и деревья, вместо них появились поля с минимальной растительностью по меркам острова, на котором мы сейчас находились. Кир нес меня сзади на свое спине, потому что моя нога, где тянулся внушительный шрам от тумана, неистово ныла так, что я просто не могла на нее опереться.

Сонька уходила тихо.

Ей было не больно.

Нет, очевидно, физически ей было очень больно, потому что, почитай, в ее животе была огромная гноящаяся необработанная рана, и как следствие – сепсис, который и убил мою подругу. Но не больно ей было опускать нас... Кира, меня... Всех.

Она не думала о том, как нам будет дерьмово после того, как мы посмотрим на крест с криво нацарапанной надписью «Сонька Родригез: 2002–2018», она не думала о том, как мы будем существовать с этой болью. Было бы справедливо, если бы она хоть немного задумалась об этом, но такого не произошло. И поэтому еще тогдашняя Сонька сказала: *Кир, мне хорошо*, и покинула нас всех.

Где-то в траве стрекотали ночные обитатели, изредка кричали какие-нибудь птицы. Парень шел размеренными шага-

ми, тяжело дыша и спотыкаясь через каждые пять-десять ярдов. Впереди, за немногочисленными деревьями, стало лениво выкатываться солнце, представляя нашему взору бледную светлую полосу утренней дымки.

Я пыталась уснуть, чтобы спросить Соньку, почему она вот так вот бесцеремонно нас покинула, но ежеминутные спотыкания Кира не давали мне это сделать. Поэтому я просто клала свою голову ему на плечо и, очевидно, думала о том же, что и он.

Сонька, почему ты так нас оставила?

Сон отступил.

Вот черт.

Сонька, за что?

Я открыла глаза, фокусируя взгляд на влажных комках земли и проростках изумрудной травы. В лицо дул прохладный ветер, конечности занемели. От злости мне хотелось плевать. Почему ты не пришла ко мне снова? Я же так тебя просила... Просила всего ничего: только ответить на вопрос, почему ты так легко оставила нас одних...

Я приподнялась с земли, закидывая вечно лезущие волосы назад. Мы с Киrom лежали рядом, а над нами возвышались могучие деревья, образуя лес. Вокруг росли какие-то бурые кустарники. Я встала на ноги, борясь с усталостью и покачиваясь на своих собственных ногах.

Черт, Сонька, ну почему?

Я стала нарезать круги вокруг спящего юноши, прихрамывая на больную ногу. И все же – я никогда не могла даже представить, что моя любимая подруга так поступит. От этого открытия кровь пульсировала в венах с утроенной скоростью, а сердце болезненно сжималось, доставляя невероятную боль в груди. Интересно, все это время Кир думал так же? Его посещали мысли на тему того, что сказала Сонька перед тем, как уснуть навсегда? Или он уже закрыл эту тему для себя? Вопросов было много, но ответов не было вообще. Вернее, они могли бы быть, если бы *кто-то* навести меня сегодня во сне, но этого не произошло – *ему*, а точнее, *ей* нравилось смотреть, как мы страдаем и ломаем себе головы.

Кир проснулся спустя несколько минут, тогда, когда я, очевидно, хорошенько поднадоела ему своим топтанием.

– Добрый вечер, – я уселась рядом, отряхивая землю с худи.

– Добрый, – он инстинктивно посмотрел на давно остановившиеся часы на своем запястье. Те показывали время, когда наш самолет разбился и оставил на произвол судьбы – три часа и тридцать одна минута утра. Похлопал себя по щекам, потом посмотрел на небо, прикидывая сколько время. – Как нога?

– Все хорошо.

Для пущей правоты я аккуратно подпрыгнула пару раз над землей.

– Хорошо... – он медленно встал и потянулся. – По край-

ней мере, сегодня мне не придется тягать тебя. Я смертельно устал.

С этими словами юноша, беря меня за руку, хаотично направился вперед, ногами поддевая камни и подкидывая их.

Воздух еще не прогрелся окончательно, и почти каждую секунду по моему телу проходила волна мурашек. *Теплый плед, еда и камин за королевство*, – мелькнула мысль.

Чаща стала потихоньку редеть, отчего небольшие саженцы и проростки казались единственным, что напоминало бы о том, что кроме травы тут еще что-то может расти. Мы шли молча, изредка поглядывая друг на друга и шумно вздыхая.

В конце концов мои ноги, не выдержив ужасной нагрузки, сами подкосились и увлекли свою хозяйку за собой.

– Я больше не могу, – я уперлась лицом в колени. – Кир, я больше не могу. Я так устала.

– Мало ли что ты не можешь, – он толкнул меня в плечо, которое сразу же заныло так, словно мне в него выстрелили. – Поднимайся!

– Я не могу-у-у-у...

– Я тебя не понесу.

Мы уставились друг на друга.

Левой частью своей головы я понимала, что любое промедление может стоить нам жизни. Мы не замели следы, а, следовательно, Флоренс и Гарсиа уже летят за нами как стадо разъяренных питбулей. Но я также понимала, что, если я встану и пройду десять ничтожных ярдов, мои ноги от уста-

лости откажут снова.

Мною овладело такое бессилие, что я просто улеглась на земле, беззвучно рыдая, как маленькая девчонка.

– Аза, – Кир ущипнул себя за переносицу, – я тоже устал, черт возьми! Но нам *нужно* идти! Нам нужно идти, Аза, если ты не хочешь оказаться со вспоротым брюхом!

Тогда я стала реветь в голос.

– АЗА, – юноша зарычал, – я тебя ненавижу. Вот честно.

– Ты прямо как Вторая Я, – сообщила ему я.

– Вторая... кто? Аза, это не смешно! Либо ты поднимаешься, – он топнул ногой, – либо я иду без тебя!

Почему-то мне захотелось хорошенько наподдать ему, но все, что мне удалось сделать сейчас – разреветься еще сильнее.

Кир потоптался на месте малость, борясь с желанием запинать меня ногами. Плюнул рядом с моей правой рукой, чтобы сказать этим, что я его еще никогда так не доставала, а потом, кряхтя и изрыгая проклятия, взгромоздил меня на себя.

– Спасибо, – я утерла слезы.

– Это не «спасибо», Аз, – он покачал головой. – Это ради того, чтобы не попасться Флоренсу и Гарсии, которая нас точно разорвет на мелкие клочки. Я тоже чертовски устал, но, блин, мы прошли больше половины, и ты предлагаешь лечь и сдохнуть?

Здесь угадывался весь мой характер – *лечь и сдохнуть* по-

что что под носом у самой цели.

– Нууууууу, – я сделала вид, что рассматриваю траву, которая враз стала интереснее, чем гранатовое лицо Кира, – по крайней мере, в Шарлотт мы уже наверняка числимся пропавшими, как и все остальные пассажиры, так что, думаю, переживать за нас никто не будет...

– АЗА, – рывкнул Кир, – я не говорю именно про нас, я говорю про то, что нужно хотя бы *попытаться*. В хорошем случае мы погибнем где-нибудь в океане, наткнувшись на риф или скалы, в плохом – с воткнутым лезвием Фитцджеральд.

– Все равно же погибнем.

– Да действительно, зачем вообще рождались?

Зачем.

У Высших, очевидно, были свои планы на нас, и они наверняка предвкушали нашу веселенькую поездку, из-за которой мы здесь и застряли. Но мне стоило жить хотя бы ради того, чтобы после смерти Соньки вспоминать наши совместные моменты. Стоило жить ради того, чтобы наблюдать, как Кир и Родригез были счастливы. Стоило жить, черт возьми, ради того, чтобы *просто жить!*

Чувствовать, осязать, встретить Дэвида и применить все умения ярости и ненависти по отношению к нему, видеть, любить и быть любимой. Да нет, это я сейчас не про Эванса – про маму, которой теперь больше нет.

Но если мы как-то перехитрим мир, куда нам идти?

Моей мамы больше нету. Тети Соньки тоже. Тети Кира, – Мэвис – *тоже*. Единственные, кто попытаются не выкинуть нас из своего дома в первую неделю, будут Майки и Джоанна, наши общие друзья в компьютерном клубе и в школе «Саут Ридж». Эй, но они точно не впустят никому не известного дикаря, который будет нести «чушь» про то, что он потерялся восемь лет назад, и что никогда не видел обыкновенный ноутбук! Да они нас тогда просто в психушку прямой дорогой отправят, даже не пытаясь выяснить, что же здесь все-таки происходит.

А мои документы? Все, что вместил мой рюкзак, который я умудрилась упустить сразу после стычки с дикарями, безвозмездно исчезло. А это дает еще один повод для того, чтобы, не сговариваясь, отправить нас лечиться в психиатрическую клинику.

Мы пробирались сквозь джунгли, в кровь царапая ладони и лицо. Каждое новое столкновение с длинными шипами приносило невероятную боль, но Кир упорно шел вперед, руками отталкивая от себя и меня лианы с острыми, как лезвие, кроваво-красными шипами. Почему-то он не думал о том, что нам нужно будет делать потом, когда мы попадем в Шарлотт. Или думал? Очевидно, что да, ведь у него была цель, пусть Сонька, ради которой он горы сворачивал, умерла. Но у него была *цель*. И у меня была... К сожалению, эта самая цель кинула меня сразу же после нашего последнего недопоцелуя.

рез дебри и путаясь в лианах, — ты побыла с ним какое-то время. Теперь вспоминай моменты, что поделать.

Я снова разревелась.

Чаща стала еще гуще и непроходимее, что значительно ухудшало наши шансы выйти отсюда с минимальным количеством царапин. Как назло сверху закапал дождь, и уже через пятнадцать минут мы все были мокрые, словно нас только что окунули в бассейн. Одежда безобразно липла к телу, волосы свалились и превратились в ершик для унитаза. Кир шел и что-то бормотал насчет того, что когда-нибудь обязательно дебри закончатся, а я редела в полный голос, чувствуя, как капельки дождя стекают с моего подбородка вперемешку со слезами.

И все-таки, почему?

Почему Дэвид повел себя как крыса, почему Сонька покинула нас, даже не задумываясь о том, *что* нас ждет без нее? Почему я задумалась об этом сейчас, а не лежа у себя в кровати с теплым пледом и какао дома?

В конце концов слезы иссякли, и я просто уткнулась Киру в шею, тяжело дыша. Он выдохнул (очевидно, потому, что я наконец-то прекратила реветь ему в самое ухо). Мне хотелось спрашивать его снова и снова... Но разве он мог ответить на все мои вопросы?

Дебри закончились, и мы вышли на небольшой холм, сплошь заросший невысокой травой. Кир опустился на ко-

лени, попутно сбрасывая меня и отряхивая ладони от крови. Когда он повернулся, я взвизгнула от ужаса: все его лицо было в крови.

– Ты как? – я кончиками пальцев дотронулась до его бледной щеки.

Юноша дернулся:

– Прорвемся.

Потом он вытащил из кармана карту и расстелил ее на траве, аккуратно разглаживая помявшиеся уголки. Она приятно шелестела у него в окровавленных руках, наполняя воздух запахом сырости и старины.

– Возможно, мы находимся где-то *здесь*, – палец Кира очертил небольшой кружок рядом с Чудовищным омутом. – Или здесь, – тот же самый круг палец проделал снова, но уже на другом конце карты.

– Какая польза в твоей карте, если мы даже не знаем, где мы находимся?

– Как раз я пытаюсь выяснить, где мы находимся.

– Методом тыка?

Я видела, как Кир, тогда, когда он доставал карту, прямо светился от гордости, но теперь он резко поник и ссутулился, став похож на брошенного на мороз щенка.

– Возможно, я угадаю...

– А если нет?

Мы посмотрели друг на друга.

Кир крепко сжал кулаки, так, что костяшки его пальцев

побелели и захрустели. Челюсть решительно чуть выдвинулась вперед.

– Если нет – тогда в лучшем варианте мы будем петлять тут кругами, в худшем... – Он замолчал, поворачиваясь к карте. – В худшем – мы вряд ли когда-нибудь увидим своих друзей и родственников.

Мы медленно встали, отряхивая свою одежду от пыли и земли, и зашагали вперед. Странно было идти, даже не зная, куда мы идем. Так уж вышло, что теперь наша жизнь зависела не от карты, которая однажды спасла нас, а от нас самих. Мы шли и не смели сказать и слова. Казалось, что еще немного – и мы сольемся в единое целое с этой диковинной природой.

Сучья по разные стороны от нас слегка потрескивали и качались от ветра, как бы предупреждая этим, что нам дальше вход заказан.

Если бы мы не пошли в этот чертов завод, если бы мы не пошли... Если бы не обнаружили с тысячу уродливых утопленников, если бы не попались в руки Флоренса и Гарсии...

Впереди нас плотным кольцом обступал густой влажный лес. Мы стали плавно углубляться в него, руками защищая и без того расцарапанное лицо, тихо матерясь и все еще сохраняя надежду, что мы доберемся до дома. Мы прошли с сотню ярдов, как вдруг Кир резко остановился, отстраняя руки от лица.

– Что? – я потрясла его за плечо.

Он обернулся:

– Мне показалось, или там... что-то...

Я нахмурилась:

– В каком смысле – что-то?

А дальше произошло сразу несколько событий, которые заставили застыть нас на месте и открыть рты до самой земли, сковав все конечности буквально намертво. Впереди, где толстые ветки причудливо переплетались с лианами, показалась какая-то *фигура*. И она, увы, не принадлежала животному.

– Такая теплая встреча, – съязвила вышедшая к нам Гарсия, которая за руку буквально силком тащила Фахиди. – Думали сбежать? Ха. Кретины.

– Представь – думали сбежать, – я вплотную подошла к ней, чуть присев, чтобы поравняться с ней ростом. Сзади Кир с напряженной физиономией наблюдал за этой сценой.

– Ну и куда вы собрались? – она по-звериному оскалилась. Если можно было брать еще тот факт, что мутация альбиноса придавала ее розово-белесым бесцветным глазам сходство со зверем, то тогда это было бы очень легкомысленной догадкой.

– Не твое *собачье* дело.

Кир прыснул, очевидно, наконец-то поняв мой острый юмор. А вот альбиноска после его смешка как-то... поникла, что ли...

– Взять их! – она толкнула Флоренса.

Мы поняли, что нужно удирать, если хотим остаться живыми. Поэтому мы, крича на всю округу «спасайся, кто может», бросились врассыпную, преодолевая всевозможные барханы из хитросплетений вековых корней и лоз лиан.

Я перепрыгнула через лежащее дерево. Сзади слышался ужасный треск, говорящий, что Фахиди наступает нам на пятки. Мои ноги завязали в грязи, легкие потихоньку начинали неистово ныть. Казалось, что вся моя грудь сейчас находится в огне, языки которого не спеша лижут ребра.

Мы с Киrom расстались у насыпи и встретились через двадцать ярдов, преодолев эту стену. Он махнул рукой и остановился, чтобы перевести дух. Я встала рядом, облакачиваясь о дерево и вслушиваясь в немую тишину.

Спустя пару секунд Кир срывающимся голосом произнес:
– Он отстал?

Я выглянула из-за дерева. Кроме зеленоватого света, пробивающегося из-за огромных листьев откуда-то сверху, и кучи вековых деревьев, я не увидела ровно ничего.

– Да.

Я сползла вниз по дереву, глубоко дыша.

Они нашли нас. ЧЕРТ. Я без тебя догадалась, что мы поймались с поличным. *И что теперь?* Снова уносить ноги, только теперь в сорок раз быстрее. *Ты кое-как пробежала всего лишь каких-то сотню ярдов и корчишь из себя умирающую, как ты собираешься бежать дальше?* Как-нибудь прорвемся.

Но неожиданно что-то острое, но довольно тупое, чтобы сразу прорезать кожу, прижалось к моей шее. Я почувствовала, как ладони у меня вспотели, а зрачки расширились от ужаса, как у неисправного наркомана.

– НЕТ! – Кир схватил ветку с земли и размахнулся ею, но Флоренс обскакал его:

– Дернуться – не видать своя подруга.

И потом, потупив взгляд, грустно выдал:

– Простить меня. Гарсиа меня заставить.

Кир вынужден был остановиться и в бессилии сжать кулаки.

Тем временем высокий юноша крепко зажал мне рот рукой, все так же прижимая нож к горлу. Он стал меня подталкивать, чтобы я пошла назад. Я бросила умоляющий взгляд на Кира. Он ничего не сделал.

И тогда мне пришлось действовать.

Я размахнулась и со всей дури впечатала ему в пах кроссовком, отчего Флоренс, выпустив лезвие, свернулся в три погибели и завизжал. В Кире проснулся энтузиазм. Он подскочил к нему с каким-то обрубок древесины, одним ударом по голове вырубил Фахиди, подхватывая меня за руку и пускаясь вперед.

Мы пробежали несколько ярдов и вырвались на просторный серый холм, лежащий прямо в густом тумане. Последний упомянутый сразу же стал забиваться нам в глаза, вызывая несдерживаемое чихание и слезотечение. Мы согнулись

в три погибели, кашляя и чувствуя, как наши легкие постепенно загораются огнем.

Я схватила Кирину руку и до боли сжала ее так, что на коже остались красные отпечатки. Юноша негромко ойкнул.

Мы выпрямились, осматриваясь. Туман со всех сторон окутал нас так, что мы не видели в нем даже свои ноги, не говоря уж про местность и небо. Из белесой пелены в зоне нашей видимости кое-где пробивались засохшие корявые сучья с минимальным количеством листьев и цветов. Под ногами ощущалась влажная земля. Мы переглянулись и стали потихоньку шагать вперед, готовясь к любому нападению.

Я шла сзади, крепко держась за майку Кира. Солнце над нами окончательно расплылось и превратилось в светлое пятно, освещающее нас сверху. Нам постоянно чудился звук шагов, и единственная мысль, которая глодала нас, была: *«а что, если они поджидают нас в двух ярдах отсюда, а мы этого даже не знаем?»*. Сейчас, когда наши шансы на спасение резко поубавились, это было бы наихудшим исходом событий. Ведь, по сути, если бы нас настигли, то мы бы не смогли выбежать из этого треклятого тумана целыми и невредимыми.

– Что-то мне это не нравится, – прошептал Кир, озираясь по сторонам. Вдалеке раздались приглушенные крики каких-то птиц и тяжелое хлопанье их крыльев, и мы окончательно струсили. – Сдается мне, что мы бултыхнулись, когда зашли *сюда*.

Я пробурчала:

– Самое интересное, что, если мы всеми силами сейчас попытаемся выйти отсюда назад, то у нас ни черта не получится.

Так мы продолжили двигаться вперед в полном угрюмом молчании, огибая те немногочисленные растения, которые тут росли.

А потом произошло одно событие.

Сначала мне показалось, что это мой воспаленный мозг сошел с ума. Но потом, внимательно присмотревшись, я ужаснулась: майка Кира была *серой*. И вся она была в чуть видных, но ощутимых *хлопьях*.

– Пепел! – я провела по грязно-желтой ткани, и на моих пальцах остались серые отпечатки. – Это не туман, Кир... Это пепел!

– Что? – он обернулся с такой миной, словно меня только что расчленили на его глазах. – Не может быть! Хочешь сказать, что это все...

Я выжидающе уставилась на него.

Кир притянул мою руку к глазам, и, рассматривая серые от витающих в воздухе мелких хлопьев подушечки пальцев, стал еще более напуганным.

Мы стояли посередине огромной кучи пепла как слепые котята, совершенно беспомощные перед силой здешней природы. Мы не могли рассмотреть даже, что находится дальше фута, не говоря уже про то, что мы могли бы использовать

какое-нибудь примитивное оружие, чтобы хоть как-то себя защитить. У нас не было ни телефонов, ни фонариков, ни даже туалетной бумаги, поэтому мы просто пошли вперед, трясась, как осиновые листья на ветру, и что самое главное – с небольшой надеждой на то, что вскоре этот своеобразный туман закончится.

Мы просто шли. Мы просто верили.

Мы шли еще около часа, пока, как нам показалось, пепельный туман стал немного сбавлять обороты и открывать нам более дальнюю видимость. Мы радовались и ликовали, пока нас не настигла ужасная мысль: *черт, мы находимся прямо посередине поля, а Флоренс и Гарсиа не настолько слепые, насколько нам кажется.* Туман был нашей единственной защитой и отсрочкой времени. Но мы, наоборот, ненавидели его всем сердцем, а когда пришло время молить об обратном, мы поняли всю его львиную долю, которую он нам дал.

Мы побежали вперед с утроенной силой, высунув языки и повесив их себе на плечи. Я бежала впереди, погоняемая диким страхом, Кир плелся сзади, еле поспевая за мной. Наверное, мне стоило сказать, что все это дополнялось красочными представлениями о том, где и как будут развешаны наши кишки после того, как мы наткнемся на Флоренса и Гар-

сию, но я, пожалуй, промолчу, потому что все это было и так ясно и понятно.

Мы стали петлять и подолгу бегать кругами на одном месте, вырисовывая причудливые завитки, чтобы хоть как-то запутать наших преследователей. Но вдруг, мои ноги неожиданно соскользнули, и я стала *падать*.

– АЗА! – Кир успел схватить меня за руку, прежде чем я бы упала вниз. Я больно ударилась об стену обрыва, тем самым выбив из легких последний дух. Руки машинально обхватили локоть Кира, повиснув на нем.

– Что за... – Я медленно оглянулась вниз.

И не поверила.

Нет.

Такого *определенно* не может быть.

Разве только в фильмах ужасов, и то – в самых причудливых и наворочанных.

Я настолько обалдела, что чуть не разжала руки. Кир, похоже, понял это, и стал медленно затаскивать меня назад.

Внизу, там, в сотне ярдов от нас, изрыгая из себя огненную, как раскаленное железо, магму, и в ней же самой утопая, стояли огромные жерла. Они были настолько огромны, что мы на их фоне казались какими-то мелкими противными букашками, одна из которых чуть не сорвалась вниз и не зажарила себя до основания скелета.

Лава безобразно пузырилась, булькала, от нее исходил пар. Вокруг каждого из жерл выглядывали пару небольших

гейзеров, выплескивающих кипяток. Это происходило на десяти тысяч ярдов внизу от нас, и все равно, мы могли ощущать жар, обрушивающийся нам в лицо.

Сзади слышались крики.

– Черт бы их побрал... – Кир на французском сказал пару грубых слов, очевидно, вспомнив школу и то, чему в ней учили. – Давай за мной.

Он схватился за растущий рядом сухой саженец какого-то дерева и, проверив его на прочность, спрыгнул вниз, на выступ в скале. Я спрыгнула следом за парнем, вцепляясь в него всеми конечностями.

В скале было что-то наподобие небольшой выдолбленной пещерки, маленькой даже для лошади, но достаточной для того, чтобы туда поместились два до ужаса перепуганных подростка. Я снова высунулась и посмотрела вниз. В лицо пыхнуло жаром.

Неужели это и есть край света?

– Скорее, – шикнул Кир, подтягивая меня за собой.

Мы набились в пещеру плотным кольцом, прижимаясь к горячим стенам так, чтобы нас не смогли выследить сзади. И как раз вовремя: уже через пару минут над своей головой мы ощутили чьи-то шаги.

–*Que faire*¹? – Кир часто задышал.

–Если ты думаешь, что они нас не слышат, когда ты говоришь на французском, то ты глубокий кретин, – я возвела глаза к потолку... то есть, к каменным породам.

Если нас найдут, то у нас появится еще один повод для размышления.

Какой?

Что они сделают в первую очередь – хорошенько поджарят нас или съедят живьем?

– Прости, – Кир прислушался. Я видела, как его грудь часто-часто вздымается и опускается, говоря этим, что сам юноша ужасно нервничает. – Но если честно, то я...

Мне пришлось ткнуть его локтем в грудь, чтобы он заткнулся.

– Еще раз прости, – он выдохнул. И аккуратно, мертвой хваткой цепляясь за стены пещеры, выглянул наружу...

Прямо перед нами взорвался небольшой гейзер. Капельки кипятка полетели нам на одежду и кожу, тем самым доставив невероятную боль. Я стиснула зубы, чтобы не закричать. Все-таки понимание того, что над нами находятся наши заклятые враги, немного, но глушило эту адскую боль, не давая нам

¹*Что делать? (фр).*

разразиться диким воплем.

Спустя пару секунд Кир снова забился в самый дальний угол, поджимая под себя ноги.

– Что там? – я быстро окинула его взглядом, и мои глаза почему-то задержались на внушительной дырке на его правой штанине, словно она была единственным, на что я могла

бы обратить внимание.

– Они до сих пор там. Я видел их, видел нож у Гарсии. Поэтому нужно выбираться отсюда как можно быстрее.

– Но куда? – я оглянулась на огромный лавовый кратер. – Если ты не забыл, под нами – пропасть, а в пропасти – лава. Просто шикарно!

Неожиданно Кир улыбнулся и, вытаскивая из своих штанов ремень, подмигнул мне. Интересно, мне стоит ему сказать, что они не продержатся без ремня долго?

Мы стали потихоньку продвигаться вперед. Кир нащупал острый камень, торчащий вверх как копьё наконечника и немного загнутый вправо, и привязал к нему часть ремня. Пока я продвигалась вперед, он несколько раз успел перепроверить, прочно ли он закреплен.

Я выглянула из-за угла. *Точно.* Как и говорил Кир – они ходили у края утеса, вынюхивая абсолютно каждый квадратный дюйм земли, словно гончие. Меня затошнило, внутренности как по команде стали сворачиваться в плотный узел.

Ну вот.

Еще их тут не хватало.

– Давай за мной, – Кир схватил меня за одну руку и стал собираться перепрыгнуть на другой утес. А я настолько испугалась, что почувствовала, что еще немного – и я грохнусь в обморок.

Все бы ничего, но очнулась я только тогда, когда Кир стал буквально трясти меня за руку.

– Давай, – он снова потянул меня на себя. – Чего стоишь?!

– Я боюсь, – я отползла подальше. – Я не могу!

– Ты издеваешься!

Парень несколько раз сильно потянул ремень на себя, желая показать этим, что он очень прочно закреплен к выступу. К сожалению, ни это, ни тот факт, что времени у нас в обрез, не толкнуло меня вперед. Вместо этого я кое-как вырвала свою руку из его объятий, и, облакачиваясь к стене, часто задышала.

– Аза! Если ты не пойдешь со мной, я спрыгну без тебя! – он в сердцах топнул ногой. Посмотрел вверх. – Аза, они идут!

Да какая разница, идут ли они или нет?! Я боюсь!

Как назло недалеко взорвалось еще пару небольших гейзеров, которые напугали меня до чертиков. Я еще сильнее вжалась в стену пещеры.

– Аза, пожалуйста, – сквозь зубы проскрипел юноша, – хотя бы ради меня! Иначе нам придет полная задница, как ты не понимаешь!? Хватайся за меня и прыгай!

Неожиданно сверху послышался топот, и два до боли знакомых голоса прокричали «стоять!».

– Хорошо, – я крепко схватилась за него. Закрыла глаза, чтобы не видеть, как мы будем заживо плавиться в лаве, если наш план обернется крахом.

Кир вздохнул, подтверждая этим, что я окончательно сошла с ума.

А потом мы прыгнули.

Наши ноги оторвались от земли, пещера осталась сзади. Всего лишь момент мы продержали в воздухе, держась на одном только хлипком ремне, прежде чем с чудовищным грохотом приземлились на край другого выступа, отбив себе все внутренности. Я перекувыркнулась через себя несколько раз и неловко распласталась на другом, не менее ужасном утесе, отчего напонила сама себе мячик для гольфа.

– Ну, стоило бояться? – Кир изогнуть одну бровь.

Я хотела ответить, что бояться, в общем-то, стоит всегда, как вдруг утес покачнулся, и... Мы уставились на ползущую к нам трещину, которая постепенно стала разъединять выступ от его основания.

– Черт возьми! – я широко открыла глаза. И заметила вверху две тени...

Флоренс и Гарсиа стояли с такими минами, словно только что заняли золотую медаль в чемпионе мира.

– Девчонки доиграться? – хмыкнул Фахиди.

– Это ты меня девчонкой обозвал?! – завизжал Кир.

Гарсиа расхохоталась:

– Мы могли бы решить все мирно, но, как говорят у нас – чума не выбирает хозяина, ха! Поэтому я желаю вам испытать все муки, которые испытывали все те, кто умер от Великой напасти. Прощайте!

– Мы помочь вам, – юноша подпрыгнул и всем своим весом приземлился на землю. Трещина стала еще больше. Он

приготовился прыгнуть снова, но неожиданно произошло еще одно событие.

Место, где стояли Фахиди и Фитцджеральд, вдруг с ужасным грохотом стало обрушиваться прямо на нас.

Мы с Киrom отскочили назад. Гарсиа закричала, цепляясь за край утеса, но это не дало им абсолютно ничего: они все так же неуклонно продолжили падать, хватаясь за уже летящие вниз камни и тут же бросая их, понимая, что они их уже не спасут.

А потом наш выступ откололся окончательно.

Мы полетели вниз, крича и ругаясь всеми словами, которые только смогли вспомнить. Гарсиа что-то быстро лепетала на чистопородном британском английском, Флоренс мешком с песком падал в бездну, очевидно, смирившись со своей участью.

К сожалению, мы все вчетвером смирились со своей участью. Я летела вниз как в замедленном кино, чувствуя, как порывы ветра разбиваются о мое лицо, и понимала, что подвела Соньку.

Я обещала ей.

Пусть даже во сне, но обещала.

А теперь – что?

Мы буквально проживаем свою последнюю секунду, прежде чем мы сваримся в кипятке и подведем абсолютно всех, кого знали. Даже Гарсию и Флоренса, которые рвались на Большую землю, пусть это по их вине мы сейчас неуклон-

но приближаемся к лаве.

Жар становился все невыносимее. Я почувствовала, как на моих глазах выступают мелкие слезинки.

Я приготовилась к боли, которая должна была начать пожирать мое тело, как вдруг ощутила довольно болезненный удар, который разом выбил весь дух из моего тела. Бок ужасно заныл, когда я попыталась пошевелиться... Я открыла глаза...

Мы лежали на утесе.

А Гарсиа и Флоренс лежали на таком же утесе чуть снизу.

– Теперь ты довольна? – Кир скрестил руки на груди. Я подошла к краю и заметила, что утес, на котором лежали наши преследователи, мог в любую секунду отколоться и окунуться в лаву: настолько он был испещрен трещинами.

– Вы... – девушка буквально задыхалась от гнева. Похоже, не одна она понимала, что утеса в любую секунду может не стать. – Вы... Я вас ненавижу!!! Всех!!! Ненавижу!!!

Мы с Киrom переглянулись.

– Тогда не сочти за грубость, но мы пошли. Pardonne moi. Пока-пока.

Мы стали потихоньку отползать от края. Гарсиа затихла.

Ага. Поняла, что сейчас ей ее выкрутасы не помогут. Почувствуй себя униженной.

А потом она разрыдалась.

Мы с Киrom замерли, прислушиваясь. Вдалеке бурлили гейзеры, изрыгая из себя огненный кипяток, под нами буль-

кала лава. Мы смотрели друг на друга с немим вопросом в глазах, но таким кричащим, что никто не решался его озвучить.

В конце концов мы снова подползли к краю, и Кир невозмутимым тоном начал:

– Итак, мы решили вам помочь.

– Не нуждаемся, – огрызнулась Гарсиа, но, когда утес качнулся, крепко сжала губы.

– Мы вас вытаскиваем отсюда, а взамен вы не делаете никаких попыток закопать нас живьем. Идет?

Альбиноска обреченно зарычала и сжала кулаки. Утес затрещал.

– Идет? – Кир поднял левую бровь. – Если не идет – ты так и скажи, мы пойдем своей дорогой, а вы – своей.

– Ненавижу вас! – она завывала.

– Идет?

Гарсиа схватилась за голову.

Тем временем утес продолжал медленно, но верно крепиться вниз, отчего два «гостя» стали потихоньку съезжать прямо в лаву. Для нас четверых настал переломный момент. Теперь уже я смотрела на Кира умоляющими глазами, потому что я никогда не допустила бы смерть (пусть даже незнакомых маньяков) кого-то специально. Стоит ли сказать ему, что это *нам* потом придется смотреть на их обугленные остатки и слышать их предсмертные крики и вопли, полные боли и ужаса?

Но юноша был непреклонен. Он ждал всего лишь одно слово.

– Идет! – и утес стал срываться.

Мы протянули вперед руки. Гарсиа и Флоренс успели схватиться и повиснуть на нас прежде, чем упали бы в лаву.

Мы затащили их на поверхность и, глубоко дыша, отпустили.

– Имей ввиду, – Кир выставил вперед указательный палец, измазанный в крови и серый от пыли. – Ты поклялась, что не причинишь нам никакого вреда.

Гарсиа отвернулась.

В каменном обрыве, прямо позади нас, распростиралась длинная и узкая вертикальная пещера, через которую с трудом смог бы пролезть некрупный осел, не говоря уже о четырех исхудавших подростках. Края ее были испещрены редкими горными породами, сверкающими на солнце, как тысяча сапфиров. Изнутри пробивался голубоватый свет. В целом, это зрелище выглядело так, словно огромный, ничем непримечательный камень раскололи на две части и обнажили всю его внутреннюю красоту.

Мы с Киrom пошли впереди. Кир протиснулся в пещеру первым, обдирая руки до крови, а потом настала моя очередь.

Я кое-как перекинула часть тела между стенами. Сверху капала ключевая вода, которая собиралась в небольшие

струйки и стекала нам на головы. Я пробралась вовнутрь, семеня за Киrom, а следом за нами стали с чудовищным кряхтением подтягиваться остальные.

– Лучше бы я предалась лаве, – оскалилась Гарсиа.

– Пожалуйста, рад был помочь, – хмыкнул Кир.

– Я вас ненавижу.

– Взаимно.

Я обернулась. Гарсиа скрестила руки на груди, а Флоренс только наполовину залез внутрь и, похоже, даже не собирался прикладывать усилий, чтобы пролезть еще дальше.

– Зачем тогда спас?

– Зачем? – юноша улыбнулся однобокой улыбкой. – Потому что ты мне нравишься.

У меня отвисла челюсть.

ЧТО.

О нет, любовная история номер два? Кир не перестает меня удивлять. О НЕТ. О НЕТ. Только не это!!! Я не вынесу!! Вскоре тебе предстоит встреча с Дэвидом. Это еще хуже. Пусть он уж лучше встречается с этой Гарсией, чем мне снова придется терпеть твои любовные похождения. Ты называешь любовными похождениями парочку поцелуев? В любом случае, я не удивлюсь, если она околдовала Кира какими-то чарами.

– Ты забавная, глупая и странная, – тут же поспешил дополнить Кир, и я почувствовала облегчение, растекающееся по моему телу. – Говоришь какими-то замысловатыми фра-

зочками, манией убийств страдаешь. Сгодишься разве только в цирк. Понравишься там какому-нибудь примату.

– Я понравлюсь, а ты так и сгниешь в полном одиночестве! – оскалилась альбиноска. – Мне тебя будет не жаль.

Сзади нас с победными возгласами Флоренс наконец-то сумел преодолеть главное препятствие в виде узкого прохода.

– Спас я тебя лишь для того, чтобы еще понаблюдать за тобой, белое и странное создание.

Конечно, я не была спецом в парнях, но у Кира это уже было настолько налицо, что только слепой не смог бы заметить его подкаты к Фитцджеральд. Впрочем, мы продолжили плестись вперед в угрюмом молчании, забыв о жестком юморе юноши и бордовом от злости лице альбиноски.

Теперь пещера стала приобретать еще более странные оттенки. Слышался звук капающей воды, на стенах отражались голубые пятна, переливающиеся всеми цветами радуги. Светящихся в темноте драгоценных камней стало больше, они буквально не давали нам прохода, царапая нам конечности своими острыми верхами каждый раз, когда мы наталкивались на стены. Звенящая тишина резала уши; казалось, что еще немного – и из-за угла выскочит какой-нибудь трехголовый монстр, который заглотит всех нас четверых в один присест.

Я подняла голову, чтобы рассмотреть в кромешной тьме какие-нибудь признаки жизни. Ничего. Только мерцающая

вода, капающая на нас откуда-то сверху.

– Как думаете, мы наткнемся на какого-нибудь монстра? – съязвил Кир, больше обращаясь ко мне.

Гарсиа отломил кусочек кристалла и стала внимательно его рассматривать:

– Несомненно. Мы наблюдаем его впереди. Он страшный и выглядит так, словно никогда не видел средств ухода за собой, а еще от него несет как от разложившегося трупа.

Я обернулась.

Сейчас альбиноска выглядела еще красивее, чем тогда, когда мы встретились с ней в первый раз.

Ее белые, как снег, короткие волосы переливались всеми оттенками голубого, кожа была словно прозрачной. Большие красноватые глаза нетерпеливо бегали взад-вперед, как у только что пойманного хищника. Рука сжимала нож. Наряд Чумного доктора, как мантия, хвостом плелся сзади.

Увидев, что я обернулась, Кир слегка сжал мою руку:

– Просто делай вид, что ее тут не существует. Она психически больна, и похоже, больна серьезно. Конечно, она пообещала, что к нам больше не притронется, но кто ее знает...

Гарсиа как бы невзначай закашлялась.

– Ну, ты поняла, о чем я. – Юноша нагнулся ко мне вплотную и понизил свой голос до еле слышного шепота. – Нам нужно как можно быстрее отделаться от них. Конечно, я спас ее, но мне все равно как-то неуютно в их присутствии.

Кристаллы, растущие на обеих стенах, давали причудли-

вый синюшный цвет лицу Кира. От этого он казался еще более жалким и смешным, поэтому я часто закивала в ответ, чтобы не рассмеяться.

– Хорошо, тогда за мной, – он махнул рукой, обращаясь уже к остальным.

Мы перепрыгнули небольшую ложбину, в самом центре которой росли причудливого вида странноватые биолюминесцентные грибы, бросающие на камни мягкий оранжеватый свет, хорошенько промочили ноги в пещерном источнике, вода которого все так же сияла ярким голубым цветом. У нас стало создаваться ощущение, что мы попали в сказку. Но неожиданно в самой вышине расщелины послышался глухой звук...

Мы остановились в растерянности, натыкаясь друг на друга и наступая на всевозможные неровности.

– Что это быть? – Флоренс широко раскрыл единственный видящий глаз. – Что это есть?

– Самой бы узнать хотелось, что это было, – прошептала я.

– Тогда всем оставаться на своих местах и лечь на землю, – скомандовала Гарсиа. – И без споров, иначе я нарушу перемирие.

Кир закатил глаза, очевидно, думая, зачем он ее спас. Но Гарсиа была права. Даже самые подготовленные из нас уже почти что бредили от усталости, и сил бежать в случае опасности у нас попросту не было. Поэтому мы аккуратно улеглись на ледяной пол и затаили дыхание, которое враз пока-

залось нам воем поезда.

Тишина.

Кап-кап.

Как-кап.

Кап-кап.

Как-кап.

И вдруг...

Там, наверху, что-то *засопело*.

Мои легкие вдруг решили, что в помещение просто недостаточно воздуха, и потребовали новую порцию кислорода. Кир затрясся. Даже Фитцджеральд, нерушимый бесстрашный воин, громко сглотнула, покрепче сжав нож.

Кап-кап.

Кап-кап.

Кап-кап.

Кап-кап.

Вздох.

Полный, громкий, словно невиданного зверя только что разбудили после вековой спячки.

И тут мы вдруг с ужасом поняли, что небольшой ножичек, принадлежащий альбиноске, нас вряд ли спасет. Гарсиа поняла это тоже, и поэтому, тихо вставая, подняла руку вверх.

– У меня только одна... просьба, – ее твердый голос сорвался. – Когда мы спасемся... Если мы спасемся... Знайте, я была неправа. Я не смогу вас защитить. Простите.

Между нами настала напряженная пауза. Мне захотелось

прибить ее на месте, потому что, собственно, до этого момента вся наша троица полагалась и опиралась только на одну нее. Но одновременно мне хотелось крепко ее обнять, за то, что она смогла признать свое «поражение» и перестать корчить из себя самовлюбленную защитницу. Я застыла на месте, пытаясь решить, какому же искушению мне все-таки стоит поддаться, как вдруг, совсем неожиданно для всех нас, в пещере раздались отчетливые шаги...

Клац. Клац.

Клац. Клац.

Бум.

Клац. Клац.

Клац. Клац.

Бум.

Мы все вчетвером подпрыгнули, как будто бы в нас только что выстрелили из оружия. Я хотела крепко вцепиться в Кира, как вдруг заметила, что Гарсиа, ссутулившись, уже заняла «мое» место рядом с парнем, и теперь крепко держала его за руку.

– Какой план? – Кир широко раскрыл глаза, вглядываясь в пустоту.

– Если бы мы знали, – пропищала я. – Возможно, бежать?

– Всем оставаться на местах, – прорычала Гарсиа. – Иначе мы сделаем только хуже.

– Действительно, бегающая еда невкусная, – пробормотал Кир.

Альбиноска быстро дернула его за рукав:

– Ты должен понимать, что все, что движется – живое, во имя Великой напасти! А значит это съедобно и питательно. Быстро всем лечь на пол!

Нам пришлось подчиниться. Мы поочередно стали раскладываться на холодном полу, прижимаясь к камням так, чтобы казаться более незаметными. Флоренс и Гарсия спрятались в свои плащи и полностью слились с непроглядной темнотой, а вот нам с Киром пришлось пожалеть о своих разукрашенных пестрящих майках. В конце концов, кто же знал, что когда-то нам придется жить бок о бок с дикой природой?!

Клацанья затихли так же резко, как и начались. Было слышно только шумное монотонное дыхание, словно тому, кто издавал их, перекрыли половину гортани и заставили быстро дышать. В пещере наступила такая тишина, что было слышно, как пролетит муха в двадцати ярдах от нас.

БАХ.

Земля затрещала и задрожала, а вместе с ней задрожали и мы. Я зажала рот рукой, чтобы не закричать. Кир тихо выругался. Гарсия, которая все это время лежала неподвижно, наконец-то осмелилась скинуть с себя капюшон.

– Лежите. Тихо. И заткнитесь. – Она выдохнула, – и ни в коем случае. Не. Оборачивайтесь.

– Почему? – Кир ткнул пальцем в ее плечо.

– Просто. Заткнитесь.

Я хотела спросить, а не пора ли нам делать ноги, как вдруг уловила прямо над собой чье-то *гнилостное дыхание*.

О боги.

Сонька, спаси нас, если ты еще не забыла свою подругу детства. Пожалуйста.

Пожалуйста.

Я приоткрыла один глаз. Буквально в ярде от моего лица находился *шип*, который, по-видимому, и издавал клацанья. Все бы ничего, но, когда я увидела, *кому* этот шип принадлежал, я еле пересилила свое желание закричать.

Огромный, разбрасывающий слизь, червь-мутант, казалось, рассматривает нас и размышляет на тему того, насколько мы съедобны. Его челюсти-клюв шевелились, небольшие атрофированные глазки, затянутые пленкой, поблескивали в темноте. Из рта, а, точнее, дыры в самом центре лица... э-э, морды, капала красная жидкость. По краям уродливого туловища произрастали острые шипы.

Существо стояло почти неподвижно, покачиваясь взад-вперед, точно сомнамбула.

О боже. Сонька, прошу, спаси нас, сделай так, чтобы это нечто убралось. Прошу тебя, если я тебе еще дорога, спаси нас. Я обещаю, что не выкину коллекцию твоих «джеографик глобус», и буду раз в месяц регулярно носить тебе цветы на могилку, только, пожалуйста, спаси нас.

Как бы не так! Существо, похоже, стало любопытно, кто же это тут такой лежит, поэтому оно решило наклониться ко

мне и пахнуть прямо в лицо трупным запахом из челюстей.
О БОЖЕ. СПАСИ НАС, СОНЬКА. СПАСИ, ПОКА НЕ ПОЗДНО.

Потом оно неуклюже повернуло голову вбок, почти вплотную приставившись к моему лицу своими челюстями.

Я СЕЙЧАС СБЛЮЮ. Вот это и есть тот самый единственный момент, когда воздержание от блева может спасти жизнь нам обоим. *Ты хоть знаешь, как несет от этого нечто?!* Нет конечно, это же не я тут уже минут десять лежу и молюсь всем, кого только знаю. *О боже, Аза, молись сильнее.* Ты издеваешься? *Я пытаюсь шутить.* Тогда, когда мы в шаге от того, кто запросто может откусить мне голову? *Нууууу... Ну?* Лучше не шути. Это меня ужасно раздражает.

Неожиданно червь, который до этого почти не подавал признаков жизни, как-то странно перекрутился, плотно сжав кольца по всему телу, а потом...

Я почувствовала легкий удар по лицу и груди, а после увидела, как по всей мне стекает вязкая слизь... Чудовище стало удаляться.

– Быстро, – Гарсиа потянула меня за ворот майки. – ЖИВО.

Мы быстро встали на ноги, стараясь по возможности слиться с окружающей средой. Я незамедлительно принялась отряхиваться от слюней животного.

– Значит так, – она подняла указательный палец вверх, – это создание тупое, лишено всякого зрения, слуха и эхоло-

кации. Единственное, что у него есть – безобразные и мощные челюсти.

– Откуда знаешь? – перебил Кир.

– Я увлекалась магией и читала о них в книгах. И так, все, по чему они ориентируются – запах. Странно, почему он не отъел голову девчонке, но ей по-крупному повезло. – Она оглянулась на Кира, который враз покраснел. – Поэтому, если мы не хотим перевариваться в желудке этой твари...

– Надо спасаться, – закончил Флоренс. – Оно прямо сзади.

Мы синхронно обернулись.

И червь пополз на нас.

Мы бросились врассыпную, как перепуганные насмерть зайцы, сметая все на своем пути, натываясь друг на друга и отборно матерясь. Гарсиа бежала впереди, ловко огибая преграды в виде кристаллов и коряг, мы втроем еле поспевали сзади. Чудовище неистово верещало, круша все на своем пути.

Но я знала только одно.

Я знала только один довод, который объяснял тот факт, что моя голова до сих пор на плечах.

Однажды мы потеряли Соньку и не смогли спасти ей жизнь, но теперь она спасла жизнь *нам*. Она дала нам еще один шанс, хотя бы для того, чтобы мы попытались сделать ноги отсюда. Гарсиа бы не поверила и списала бы все на наш воспаленный мозг.

Но мы с Киrom *знали*.

– Быстрее! Вперед!!! – Гарсиа отвязала с пояса пузырек с зеленоватым содержимым в нем и, оборачиваясь и размахиваясь, бросила его в червя. Послышались такие вопли, что у нас моментально заложило уши.

– Но *куда*?! – Кир схватил меня за руку и вытянул вперед. – Тут же сплошной туннель, ни одной трещинки или пещерки, куда бы мы могли спрятаться!

– Я сказала – вперед, во имя Великой напасти! Что не так?!

Альбиноска прищурилась, уставившись на Кира. У того на лбу уже выступила испарина. Очевидно, все мы боялись одного: того, что пещера может резко закончиться тупиком. А это бы значило только одно: для червя мы бы стали еще горяченькой добычей, с пылу-жару.

Неожиданно Гарсиа схватила нас троих за руки, и размахиваясь нами, отбросила вправо. Мы вкатились в небольшую расщелину как раз вовремя. Только альбиноска успела запрыгнуть за нами вслед, как стены пещеры заходили ходунгом от мощного удара, который последовал дальше. Мы набились к стене в плотный клубок, поджав под себя все, что только имелось.

Бледно-розовое примитивное существо попыталось проткнуть свой язык в щель. Гарсиа вытащила нож и со всей силы всадила его в пульсирующее мясо. Чудовище завизжало.

– Теперь уже можно утверждать, что мы в ловушке? – срывающимся голосом пропищал Кир.

– Теперь – нет, – бросила Гарсиа, визжа как разъяренная фурия и нанося на красное пупырчатое мясо все новые разрезы. – **ДА УБЕРИСЬ УЖЕ, ЧЕРТОВО ОТРОДЬЕ! УБЕРИСЬ ВОН, ЧЕРТ ТЕБЯ БЕРИ!!!**

Мы с Киром и Флоренсом еле помещались в тесной пещерке. Мы буквально сидели друг на друге, вжавшись в углубление и обхватив его руками. Я тяжело дышала и смотрела, как альбиноска наполняет пещеру ярко-красной кровью.

Но наконец существо, выдохнувшись, захлопнуло пасть и стало медленно отдаляться.

Гарсиа присоединилась к нам, забившись в самый дальний угол. Все-таки, она не врала о том, что запросто может нас покалечить.

– Пожалуйста... Га-га-га... Гарсиа... – Кир сглотнул, – убери свой окровавленный ножик подальше от моего лица...

Она ничего не ответила.

Постепенно в пещере стало так же тихо, как тогда, когда мы вошли в нее. Было только слышно, как с устремившихся вверх каменных глыб собирается по каплям и стекает вода, разбиваясь о пол с громким звоном. Мы боялись пошевелиться. С нас градом лил пот, одежда прилипла к спинам. Легкие решили, что в помещении стало резко недостаточно кислорода, и потребовали новую порцию. Кир яро теребил край своей майки, отчего вскоре он стал похож на рваный кусок бумаги. Не Кир – край.

Прошло около пяти мучительно долгих минут, прежде чем Флоренс, вылезая из-под нас, осмелился подойти к щели. Мы затаили дыхание. Тем временем одноглазый юноша сначала высунул руку, помахал ею в непроглядной тьме... А потом, цепляясь за выступы, вылез почти наполовину.

– Что там? – Гарсиа широко раскрыла глаза, став похожей на полярную сову. – Что там?

– Я не видеть оно. – Он помолчал. Шумно втянул в ноздри воздух. – Оно тут нет. – Залез к нам обратно. – Мы можем идти.

И, не дожидаясь нашей реакции, которая у каждого была своя, стал потихоньку покидать расщелину.

Мы смотрели, как он перекидывает сначала одну ногу, а потом – другую, и удаляется во мрак, сливаясь с пещерой полностью. Я стала лезть следом, Кир попытался выбраться из-под меня. Мы уже решили, что все миновало, как вдруг услышали жутчайшие крики, которые явно не принадлежали нам троим.

– ЧТО ЗА?! – я снова вжалась в угол.

Крики затихли.

Над нами раздался глухой стук.

И перед входом упал Флоренс.

Я завизжала.

– Скорее затаскивайте его сюда! – Гарсиа схватила его за руку, и они вместе с Киrom стали тащить его к нам.

Кажется, тогда мои нервы чуть не сдали окончательно.

Я никогда не была любителем крови и драм, и поэтому даже в кино отворачивалась от момента, когда кто-то кого-то расчленил и поедал, разбрасывая вокруг алую кровь. Очевидно, я не боялась кровавых сцен до потери сознания, потому что, собственно, я и не подозревала, что когда-то это превратится в реальный кошмар. Я даже подумать не могла, что почти что у меня на руках умрет моя подруга, я подумать не могла, что вскоре я буду визжать, как пришибленная, и смотреть, как альбиноски и Кир затаскивают полуживого, без части ноги, бывшего узника Освенцима. Мне так хотелось закрыть глаза, открыть их – и понять, что это все жуткий кошмар, а я просто задремала у себя в комнате с Сонькой во время просмотра «топ – модель по-американски».

Но нет. Тусовки, школа, друзья – все осталось в Шарлотт, а мы находимся на неизвестном острове, одичавшие и боящиеся любого шороха. Мы увидели то, что никто никогда больше не увидит. Мы оставили свой след.

Флоренс тихо стонал, лежа в своей собственной луже крови. Гарсиа кричала об бессилии. Она оторвала кусок от своей мантии и попыталась замотать им обрубок ноги Флоренса, но, поняв, что его уже не спасти и этим она только сильнее причинит ему боль, тихо опустилась на колени и завывала.

Кирины руки тряслись так, что он не сразу умудрился схватиться ими за один из выступов.

– О господи, – я поднесла руки к лицу, – о господи Иисусе. О господи!

Гарсиа завывла еще сильнее, запрокинув голову вверх и открыв рот, обнажив острые клыки.

– Черт тебя бери! – она стукнула кулаком по земле. – Черт. Тебя. БЕРИ!! Я ненавижу тебя!!! Я тебя... Я тебя так... Я... Все. Это было последней каплей.

Гарсиа просто тихо опустилась рядом, обхватив его руками.

Нельзя было подумать о том, что она любила его, нет. Она просто была его другом.

4

Она пролежала с ним так, в обнимку, крепко сжимая его, бесчисленное количество времени. Слезы на ее бледном лице уже давно застыли и превратились в соляные отложения, а она все тихо всхлипывала, не отрывая взгляд от его единственного глаза, который уже помутнел и стал стеклянным, уставившись куда-то вдаль. Его тощая грудь больше не вздымалась, удары сердца, которые прежде были звонкими и яркими, исчезли. А Гарсиа просто лежала и сжимала его бездыханное тело, пытаясь смириться с тем, что Фахиди больше нет в живых.

Мы с Киrom сидели поодаль и сжимали друг другу руки. А еще мы тихо просили Соньку. Каждый просил о чем-то своем, возможно, о том, чтобы она встретила Флоренса *там* и уже вместе с ним продолжила нас оберегать.

Мы бы сидели тут еще и еще, но, как известно, время

не ждет. Поэтому, когда альбиноска стала потихоньку шевелиться, мы с Киром решили компенсировать наше отсутствие соболезнаваний и предложили похоронить Флоренса после того, как мы покинем это место.

– Незачем похороны, – она стала медленно доставать свой кинжал, – они не для мертвых. Они для живых. Фло уже сделал свое предназначение, помогая нам. Скоро будет его последний путь.

С этими словами она сказала нам приподнять окровавленное тело над землю. Нам не особо хотелось хвататься за остывшего смертника, но мы подчинились, представляя себя на месте Гарсии.

И тут случилось странное.

Она подняла вверх руку с кинжалом, и, размахиваясь, всадила его прямо в живот юноши. Кровь хлынула фонтаном и обдала нас с ног до головы.

– О боже! – Кир отпустил тело и попятился назад. Я поползла следом. – Ты рехнулась!

Но Гарсия никак не отреагировала на это. Она просто схватила труп за подмышки и, подтаскивая его ко входу, вывалила наружу, поправляя торчащий в животе кинжал.

И тут мы догадались.

– Тебе разве не жалко его... так? – как можно аккуратнее начала я.

– Тело – хлам. А мы избавляемся от хлама. Мы же хотим накормить безобидного червячка, *да, Аза Донцанн?*

Кир шумно сглотнул.

Мы все сгрудились в одну тесную кучку, наблюдая за окровавленным телом и торчащим из его живота прочно закрепленным кинжалом. Со стороны это, наверное, показалось бы наиглупейшим поступком: оставить единственное средство защиты! Но даже я не сразу догадалась, что этим можно спастись.

Когда слышались едва уловимые шорохи, я почувствовала, как все мои внутренности закручиваются в узел.

– Эй, кудесница, – Кир толкнул Гарсию в плечо, – что, если кинжал не пробьет стенки этого создания?

– Тогда это все, – она прищурилась, – мы попали.

Мурашки на моем теле заплясали еще сильнее тогда, когда из тьмы показались два длинных хитиновых уса, прощупывающих землю, как какой-то пылесос. Они ощупывали все с точностью до дюйма, пока не дошли до бездыханного тела Фахиди.

Из тьмы показалась окровавленная морда с острым клювом.

– А теперь закройте уши, если не хотите, чтобы ваши ушные перепонки лопнули, – бросила альбиноска. – Выполнять мой приказ!

Мы крепко зажали уши ладонями.

Тем временем червь приблизился вплотную к телу. Мы не видели большей части его морды из-за слишком узкого прохода, но вскоре мы отчетливо слышали треск костей, кото-

рые явно не принадлежали мутанту. Я не выдержала и тихо вскрикнула. Слезы стали литься по моему лицу с утроенной скоростью, чем до того, как Флоренса выбросило к нам.

С минуту все было тихо, а потом по пещере раздался такой вой, что мы закричали от ужасной боли, которая тотчас атаковала наши уши и голову изнутри. Гарсиа показала рукой «вперед», и мы, как ошпаренные, сорвались с места и побежали к выходу.

Мы быстро выкарабкались из пещеры и припустили настолько быстро, что казалось, что мы просто не успеваем за своими ногами. Пещера дрожала.

О боже.

Нет.

Это сработало!

Я оглянулась.

Чудовище билось о стенки пещеры, вереща, как сорок одновременно кастрируемых кабанов. Очевидно, кинжал не пробил его основную кожу, но судя по конвульсиям, которые периодически настигали мутанта, можно было с уверенностью предположить, что оно проткнуло какой-то внутренний орган.

Огромная расщелина буквально ходила ходуном. Мы спотыкались и падали, разбивали себе колени в кровь и морщились от чудовищной боли, но бежали. Гарсиа постоянно оглядывалась назад – то ли оттого, что боялась, что монстр снова погонится за нами, то ли просто оттого, что не могла

смириться с тем, что Флоренс уже никогда не сможет быть рядом.

Кристаллы стали приобретать еще более странноватый вид. Если вначале пути их было ужасно трудно отыскать, то теперь они буквально ползли вверх по стенам причудливыми лианами, принимая самые разные формы, мешая нам двигаться дальше. Пещеру озарял мягкий голубоватый свет. Все, что у нас было в запасе мыслей, – догадка, кричащая нам, что мы попали в жестокую сказку.

Неожиданно проход впереди нас расширился, плавно переходя в совсем другое по габаритам помещение. Мы остановились в растерянности.

И Гарсиа шагнула первой, заставив нас пойти следом.

Это была огромная пещера полукруглой формы. На стенах ее изобиловали в огромных количествах соляные отложения, переливающиеся как тысячу сапфиров, везде росли остроконечные кристаллы. Посередине, прямо в камне, виднелся крутой спуск вниз, наполовину наполненный водой. У края «берега» лежала привязанная лодка.

Мы застыли с открытыми ртами, не решаясь сказать ни слова. Кир как бы невзначай потер глаза, говоря этим, что ему это, похоже, видится.

Я подошла к воде. Протянула руки и набрала ее в ладони, поднеся ко рту. Гарсиа и Кир замерли в ожидании. Тем временем я набрала всю воду в рот, и, глубоко вдыхая, глотнула...

– Вода! – и они сорвались с места.

Мы стали набирать в ладони воду и пить ее как одержимые. Гарсиа тряслась. То ли оттого, что никогда не пила чистой воды, то ли оттого, что просто обессилила и нуждалась в хорошем отдыхе. Потом она сорвала со своей мантии самую большую колбу и набрала в нее прозрачную жидкость, плотно закрывая ее крышкой. Очевидно, этого нам даже близко бы не хватило, но это было лучше, чем ничего.

Когда мы почувствовали, что наши животы отказываются принимать воду, мы разлеглись на полу и блаженно застонали.

– Это – лучшее, что мы видели за эти пару дней, – выдохнул Кир. – Я серьезно.

– Да, – поддакнула я. – Хотя лучшим всех вместе взятых блаженств все-таки будет возвращение в Каролину.

– Не забывай, – юноша схватился за живот, – нужно вернуться в Слипстоун. *Сонька*.

Мы уже хотели начать осваивать лодку, как вдруг нехарактерный для Гарсии смешок заставил сжаться наши внутренности в плотный клубок.

– Ой... – я виновато улыбнулась. – Гарсиа, вводим тебя в курс дела: у нас умерла подруга, которую мы похоронили на другом острове. Теперь она является к нам во снах и просит забрать ее кулон, где она, судя по всему, поселилась, обратно.

– Я не... – она открыла рот, чтобы возразить, но Кир сухо

ее перебил:

– Это не обсуждается. Мы должны вернуться на остров – и точка. Иначе мы никуда тебя не возьмем.

Лицо Гарсии исказилось в гримасе злости, руки сжались в кулак. Но пробовать перечить юноше она не стала: видно, поняла, что она без ножа и ростом только в половину его, и что Кир запросто может вогнать ее в землю.

Мы подошли к парусной лодке. Она была гораздо больше той, которая досталась нам с Киром от Уны, и похоже, гораздо прочнее, потому что ее каркас обрамляли листы железа, прочно скрепленные друг с другом винтами и болтами. На дне лежали пару холщовых грязных мешков. Я отшатнулась, вспоминая, какой подарок нам преподнесли небольшие брезентовые мешочки на заводе, но, когда Гарсия открыла один из них, мы все втроем блаженно выдохнули: там хранилась еда. Какие-то коренья, круглые ягоды, отражающие голубоватый свет от кристаллов, кусочки нарезанных плодов... В стеклянных банках чуть поодаль хранилась вода. *По крайней мере, мы спаслись.*

Но кто все это организовал?

Этот вопрос одновременно пронзил меня, альбиноску и юношу.

– Неужели Уна? – я постучала по железному каркасу.

– Да ну, в ее писаках ни слова не было про этот остров, – опровергнул мои слова Кир. – Если это был какой-то другой последователь – то возможно. Только тогда возникает во-

прос: кем он был?

– И жив ли он, – бросила Гарсиа. – Если нет, то у нас больше не будет конкурентов.

Я закатила глаза.

– В любом случае, мы не умрем в ближайшие пять дней, за которые мы просто обязаны добраться до Слипстоуна.

– Не зная даже, где...

НЕТ.

Я ущипнула Кира.

И тут мы догадались.

За все время, за которое мы успели намылить друг другу мозги и вроде как начать мирно сожительствовать, мы так и не поставили Гарсию в курс дела. Мы не сказали ей, что наша карта тут абсолютно бесполезна, и что нам нужно полагаться исключительно на нашу интуицию и везение, которое в последние дни почему-то обходило нас стороной. Но если бы мы сказали ей раньше – то от ее гнева мы бы перестали ощущать свою голову на плечах. Но пришел момент, когда мы должны были открыть правду.

– Гарсиа, – я потеряла переносицу, – наша карта тут абсолютно бесполезна.

Увидев, как она резко отвлеклась на нас, Кир продолжил:

– Мы должны были сказать тебе об этом раньше. Должны были – по крайней мере, о том, что выбираться отсюда нам придется вслепую. Прости. Прости нас. Это все.

Я залезла в лодку и приготовилась выслушивать ее угро-

зы. Но ничего такого не последовало. Вместо этого альбиноска, утирая рукавом слезы с лица, крепко зажмурилась и прижалась к Киру, уткнувшись к нему в грудь.

ОПА.

Аза, прелюдия, Аза. Да пошла ты... Я-то пойду, а вот сейчас перед твоими глазами наглядный пример того, как к Киру пытается подкатить незнакомка, которая без четверти пять пыталась убить вас обоих. Сейчас она обезоружена. Поверь, ей не составит труда оторвать от лодки парус и вмазать им со всей своей силой и злостью. Пошла, говорю, вон из моей головы. Эге-ге, то-то еще будет. Что тогда делать? Терпеть их слюнявые поцелуйчики. Цьмок –цьмок. Да ну тебя, я не про это. Что делать сейчас? Спускать лодку вниз? А вдруг там камни или скалы, о которые мы точно разобьемся? Тогда тебе не придется больше терпеть их слюнявые поцелуйчики. Цьмок-цьмок. О боже, как ты меня достала...

Некими усилиями мне все-таки удалось присмирить Вторую Я и сделать так, чтобы она заткнулась. Кир и Гарсиа стояли в растерянности, рассматривая закрепленные тросы в лодке настолько чуждаковато, словно они превратились в двуглавых монстров. Не ребята – тросы.

– Я никогда не ощущала себя такой слепой, – альбиноска в бессилии сжала кулаки. Разжала. Крепко зажмурила глаза, очевидно, пытаясь скрыть слезы. – Я никогда не думала, что мы можем умереть в любой момент, и...

Все.

Это стало последней каплей для нее.

Я никогда не видела ее настолько уязвимой. Она казалась мне пришельцем, злым и бессердечным, который хочет убивать и играть в роли палача. Но теперь она стоит и утирает рукавом мантии свои слезы, прижимается к Киру, такая беспомощная и покорная. Кир гладит ее по спине и, похоже, совсем не против ее присутствия, хотя несколько часов назад мы в упор друг друга ненавидели.

Вот, какой должна была быть Гарсиа.

Вот, какой мы должны были ее видеть.

Я отодвинула навес и уставилась на огромное количество припасов. *Хоть с голоду не умрем*, – промелькнуло в голове прежде, чем по пещере раздался чудовищный грохот.

– Ой-ой, – Кир широко раскрыл глаза, и Гарсиа наконец соизволила отлепиться от юноши. – Ой-ой. О нет, мозг, не думай об этом.

– Поздно не думать, – я перекинулась через борт и установилась в лагуну. Прозрачная вода плескалась и билась о небольшие выступы, как бы приглашая этим опробовать ее.

Одно дело – пить ее, уверенно сидя на твердой поверхности, другое – тонуть, пытаясь спастись.

– Ну хорошо, – Кир потер руки, – запрыгивайте в лодку, будем пробовать.

С этими словами он дождался, пока Гарсиа запрыгнет в шлюпку и, хватаясь за тросы, резко рванул их на себя. Но

лодка не сдвинулась ни на миллиметр. Я почувствовала, как смелости и решительности в юноше резко поубавилось, отчего он сжался, как выброшенный на мороз щенок.

– Поднажмем, – я вылезла из лодки и схватилась за свободный трос. – Один, два, три! – мы со всей своей силой, которая осталась у нас после всех этих походов, потянули на себя лодку. – Один, два, три! – мы снова дернули лодку с утроенной силой. – Один, два, три!

Пещера содрогалась, с потолка на нас прилетали кусочки отколовшихся кристаллов. Мы понимали, что она всего лишь в шаге от того, чтобы обвалиться нам на головы. И поэтому мы продолжали яро тянуть лодку на себя, стирая ладони в кровь до костей, и чувствуя, как по рукам алыми потоками струится кровь. Гарсиа вылезла из лодки и от страха стала толкать ее сзади настолько сильно, что дело пошло гораздо быстрее.

Наконец лодка закрипела и стала потихоньку двигаться вперед.

– Еще немного! – Кир обернулся на лагуну. Я позволила себе бросить трос и поднести окровавленные руки к глазам, обозревая свой труд.

– Скажи, у тебя нету никак зелий, которые могли бы замедлить ход пещеры?!

– Увы, – Гарсиа тяжело сглотнула. – Такое бывает только в сказках.

– А жаль, – Кир вытер испарину со лба. – Это могло бы

пригодиться нам. Или даже, например, спасти жизни.

БУМ.

Огромный кусок отвалился с потолка и упал в паре ярдов от нас, заставив стены пещеры содрогнуться еще сильнее.

Мы снова взялись за дело.

Рывок. Рывок. Рывок. И еще один. И еще. И последний. И еще один. Руки, только не сдавайтесь. Давайте. Рывок. Рывок. Рывок.

Мы вытащили ее почти наполовину над лагуной, как вдруг кристаллы, растущие по всем стенам пещеры, стали *лопаться*. И, нет, их даже никто не трогал. Они лопались *сами по себе*, разбрасывая на сотню ярдов вокруг мельчайшие и острейшие разноцветные крупинки.

– Это еще что?! – я стряхнула с себя парочку осколков и ощутила жжение в ладони. – Ай!

– Самоуничтожение? – рискнул предположить Кир.

– Или добивание тех, кто почти что сам самоуничтожился, – огрызнулась альбиноска, закрывая руками лицо.

По пещере раздался еще один мощный удар. Мы запрыгнули в лодку и закрепили тросы на талии, прочно связав друг друга между собой в прямом смысле этого слова. Я удостоверилась, что все запасы лежат под навесом. Кир, вдавливая в землю весло, оттолкнулся вперед.

И лодка упала.

Мы с грохотом погрузились в ледяную воду. Раздался звонкий шлепок, говорящий, что приземление было не та-

ким уж и мягким, как мы ожидали. Брызги обрушились на нас плотной волной, и наша одежда промокла буквально до нитки. Мы понеслись вниз по бурному течению, огибая всевозможные выступы и камни, которые покоились на дне. Из всего того, что я попробовала в своей жизни, задача не напороться на небольшую скалу, которая могла бы расколоть нашу шлюпку надвое, была в перечне самых новых и рискованных на данный момент.

Я с трудом смогла вскочить на ноги и впиваться всеми конечностями в высоко стоящий и развевающийся парус. Я дернула его на себя. Шестеренки внизу закрипели и заскрежетали, а само сооружение стало плавно опускаться.

– БЕРЕГИСЬ! – услышала я крик сзади. Шлюпка взлетела вверх, на момент зависнув в воздухе, отчего нас всех приплющило к земле, а потом с чудовищным грохотом осела на воду. Брызги посыпались в разные стороны, образуя непроглядный туман.

Когда я снова вернулась к своему месту, я увидела то, чего мы все так боялись.

Пещера стала рушиться.

Огромные каменные глыбы падали в воду прямо следом за нами, буквально в каких-то паре ярдов. Все дрожало и ходило ходуном. Там, откуда они срывались, стараясь расплющить всех нас троих в небольшие лепешки, оставались видимые проплешины. Вода бурлила, как тысячу гейзеров, изрыгала кучи брызг и всячески пыталась напороть нашу лодку

на какие-нибудь подводные камни. Но мы не сдавались. Кир еле удерживался на корме, регулируя ход шлюпки, а Гарсиа стояла чуть поодаль, высматривая препятствия. И только я одна держалась за парус, как будто эта несчастная дощечка с прилепленной на ней тряпкой могла нас спасти, и просила Соньку.

Дура. Она не услышит тебя, потому что она уже давно мертва. В прошлый раз услышала. Это было случайным совпадением. Но, допустим, если она и «услышит» свою настырную подругу, то что она сделает? Остановит это все? Или заставит расколоться воду надвое, ака перед Моисеем и евреями? Нужно надеяться. Аза!!! Это выживание!!! На нас в любую секунду может обрушиться какая-нибудь глыба и прищучить нас!!! Сонька здесь твоя не поможет!!!

Неожиданно наша лодка резко крутанулась вокруг своей оси. Когда Кир выпрямил ее, я увидела, что Гарсиа сидит на полу и держится за руку.

– Черт побери... – Она приподняла край рукава. На руке, от кисти до локтя, виднелся рваный порез. – Эти чертовы камни никогда не закончатся!

– Ох, – Кир обернулся к нам. Я кое-как отлепилась от паруса и поспешила на помощь к альбиноске.

Я упала перед ней на колени лишь потому, что нас шатало так, словно мы были пьяными. Но Фитцджеральд не обратила на это никакого внимания. Кажется, ее больше всего занимал тот факт, что она довольно серьезно ранена и теряет

много крови, нежели чем странная рыжеволосая девчонка.

Мне удалось подползти поближе, оторвать кусок от своей майки и замотать им руку альбиноски, как вдруг лодка остановилась так резко, что ее слегка подбросило вверх. Послышались чудовищные скрипы и лязги.

– Что происходит?! – Я подняла голову.

– То, чего мы так боялись, – Кир поджал губу.

– Что...

– *Лодка уперлась в камни.*

Все.

Мне показалось, что меня окатили ледяной водой и выставили на мороз абсолютно голый.

Вода пенилась, бурлила, течением неслась вперед с бешеной скоростью, ударяясь о каркас шлюпки. Сзади нас с грохотом падали громадные глыбы, пещера тряслась, а мы стояли на месте. Попробовать вытолкнуть лодку не было никаких шансов, потому что надо было лезть в воду и толкать ее, а значит – снова рисковать. Кто знает, вдруг в этой воде обитают ядовитые примитивные растения, а то, что скрывается за словом «вода», на самом деле – самая настоящая едкая кислота?

Мы снова оказались один на один с суровой природой этого острова. И мы снова ничего не могли с ней сделать – даже хотя бы попытаться. Каждый из нас уже догадался, какую участь мы встретим. Кир осел на пол и, обхватив руками колени, стал как заведенный повторять одну фразу: *я так хо-*

чу домой, о Боже, черт тебя возьми, я так хочу домой, Гарсиа крутила головой, как напуганная сова. И лишь я просила Соньку.

Очевидно, крыша на моей голове стала медленно покидать меня с тех пор, как мы попали в Слипстоун. Но тогда это не было заметно. Это стало заметно сейчас, когда я, обхватив парус всеми четырьмя конечностями, просила не Бога, не сатану, а Соньку. Мою любимую *Соньку*, которая при жизни ни разу не предала меня. И лишь поэтому сейчас я доверяла именно ей, а не Всевышнему, который постоянно посылал на нас испытания и проклятия. Бог являлся для людей ключевой деталью на всем их жизненном пути – они же должны были хоть кому-то верить в самые отчаянные минуты. И я тоже так делала бесчисленное количество раз. Но теперь моей ключевой деталью не являлся Бог.

Моей ключевой деталью являлась Сонька, хотя я понимала, что сейчас она нас, возможно, не слышит и не спасет.

Вода с чудовищным грохотом разбивалась о каркас лодки, стремясь как можно быстрее покинуть пещеру. Что-то над нами покачнулось.

Вот и все, – пронеслось у меня в мозгу, прежде чем я плотно зажмурила глаза и зарыдала, погрузившись в непроглядную тьму.

Возможно, вы знаете, что, когда ты понимаешь, что сейчас наступит какой-то суперэпичный эпик-фейл, твое сердце начинает пытаться покинуть тебя через задний ход в буквальном смысле, перед смертью избавив желудок от миссии переваривать ту немногую еду, которая у тебя еще оставалась до этого момента. И в такие моменты ты понимаешь, что вот, до чего мы докатились, неприметные американские подростки, которые постоянно рвут цветы с клумб и солят своим неприятелям.

Но потом, когда это *что-то* случается, твое сердце решает остаться на месте, дабы не попасть в суровую реальную жизнь.

Да.

Мы думали, что хуже быть не может.

Пещера рушилась, наша лодка застряла, чуда почему-то не случилось. А еще к громыханиям глыб и плеску кристально чистой воды добавились чьи-то довольно ощутимые *визги и рычания*.

А это могло значить только одно.

– Я хочу, чтобы это все закончилось, черт возьми! – Кир схватился за волосы и завыл. – *Хваааааааатишиит, Бог, говнюк, хваааааатишиит!!!*

– Бог уже нас не спасет, – альбиноска широко раскрыла глаза и решительно посмотрела на воду. – Поэтому мы будем спасаться сами!

Мы с Киrom тут же прекратили реветь и уставились на нее

так, словно у Гарсии выросло по три дополнительных головы на каждом плече.

– Что?! – она оскалилась, – Быстро отрывайте свои задницы и помогите продвинуть мне эту чертову посудину!

С этими словами она легким движением скинула с себя мантию, оставшись в одних старых флисовых штанах, подвязанных не менее старым армейским ремнем, и легкой накидке, прикрывающей грудь.

Я впервые увидела ее почти полностью. Она была словно прозрачной, как стекло, и хрупкой, как пушинка. Ее белесая кожа переливалась в свете кристаллов, которые росли тут. Но что-то здесь было не так. Мы присмотрелись повнимательнее, и только спустя пару секунд до нас дошел весь этот ужас.

Все, абсолютно все – от шеи до конца талии (а возможно, даже и дальше – под штанами) было покрыто ужасными рубцовыми изменениями, словно она перенесла не один пожар. Кожа была уродливо стянута грубыми шрамами, кое-где виднелись свежие кровоподтеки. Пальцы были синими, как море. Гарсия уставилась на нас, как бы говоря этим, что нам стоит перестать пялиться на нее так явно.

Кир открыл рот.

– Что с тобой случилось? – я попыталась подойти к ней, но она резко подняла указательный палец вверх:

– Это не твоя забота, Аза Донцанн. И не твоя, странный двухглазый человек, прибывший вместе с тобой! А теперь

за мной, пока эта чертова тварь не высосала наши мозги на десерт!

Мы подбежали к краю борта и посмотрели вниз. Вода набирала скорость. Прыгнуть туда без страховки означало рискнуть быть смытыми мощным ледяным потоком, а стоять на месте и раздумывать у нас просто не было времени. Кир схватил весло, лежащее рядом, и что есть силы вонзил его вниз. С секунду оно падало, постепенно исчезая в бурлящем потоке воды, а потом до наших ушей донесся удивительно гадкий лязг.

– Тут отмель, – он схватил весло в одну руку и стал перелезать через борт, цепляясь за нас, как за опору. – Но течение сильное.

– Ты уверен? – Гарсиа сжала его руку так, что кожа в месте соприкосновения видимо побелела.

– На сто и один процент, – он криво улыбнулся. – Эй, инопланетянка, стоит же рискнуть?

Я обернулась на Гарсию и заметила, что она сильно напряглась. *Вот и еще одно доказательство того, что на твоих глазах разворачивается драма* – пошутила Вторая Я. Или не пошутила.

Мы широко раскрыли глаза, наблюдая за Киrom. Тот уже по колено стоял в воде, щупая дно руками. Потом он попытался сдвинуть лодку с помощью весла, но она не продвинулась ни на миллиметр. Я поняла, что настала наша очередь.

Я перелезла через борт и со всего маху погрузилась в во-

ду, которая тотчас обволокла меня до пояса, заставив ноги скрючиться от минусовой температуры и судорог. Я повисла на каркасе, морщась от боли.

Давай же! Мне больно! Я не могу! Соберись, дохлая тряпка, иначе вон та глыба сейчас прищучит нас обеих! Хоть бы поскорее. *Ты издеваешься?! А что? Я жить хочу!!! Живи. Нет, ну ты реально издеваешься надо мной!!! СПАСИТЕ КТО-НИБУДЬ! Я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ В ГОЛОВЕ У ЭТОЙ ЛЕНИВОЙ ЗАДНИЦЫ!!!*

Некими усилиями мне все-таки удалось заткнуть Вторую Азу и, проклиная всех, кого я только смогла вспомнить, начать потихоньку карабкаться вдоль каркаса лодки, переставляя ватные ноги, чтобы обойти ее и начать толкать сзади. Похоже, я одна все еще не могла освоиться в ледяной воде. Гарсиа и Кир, например, уже во всю старались и проталкивали шлюпку вперед, и только я одна стояла и по очереди поджимала под себя занемевшие конечности, борясь с *очень сильным* желанием залезть обратно.

Пещера стонала, трескалась по швам и метала в нас небольшие осколки от глыб, стараясь показать этим свою незаинтересованность вести диалог дальше. Очевидно, сейчас она терпела нас. Но то, что находилось вверху, и то, что ползло по нашим следам с чудовищной силой, практически не оставляли нам шансов на спасение.

– Скорее! – Кир с диким лицом оглянулся вверх. Мы стали толкать шлюпку с утроенной силой, чувствуя, как дно

конструкции с противным лязгом трется об камни. – Пожа-луйста, девочки, поднажмите, иначе эта чертова хрень приплюснет нас как тараканов!

Гарсиа разбежалась и с криками и рычанием вцепилась в шлюпку, отчего она немного продвинулась вперед. И все. Не более того.

Мы работали как рабы на галерах, не жалея сил, срывая ладони в мясо и раня ноги острыми камнями. Если бы не адреналин, который взял над нами верх и не давал чувствовать боль от ран, оставленных кораллами, то мы бы уже давно выдохлись. Но только благодаря ему и малюсенькой надежде, что мы все-таки выберемся, мы не опускали руки и продолжали упорно продвигать лодку вперед. Каждый думал о чем-то своем. Но все мы хотели одного.

– Осталось совсем немного! – Кир крепко сжал челюсти, отчего они почти побелели.

– Видим, – я с удесятенной яростью набросилась на лодку, наскочив на нее плечом. – Она почти прошла через камни!

Лодка продвинулась еще на пару сантиметров, и вместе с этим пещера дала нам еще пару сольных концертов на тему размышлений о том, скоро ли она обвалится. *Толкай, толкай, ну же, толкай* – проносилось у меня в голове.

Нам пришлось изрядно потрудиться, чтобы приподнять шлюпку над водой и – наконец – полностью перекинуть ее через выступы. Но как только она коснулась воды, мы поня-

ли, что больше не можем ее сдерживать.

– Прыгайте! – Кир запрыгнул в лодку и подал нам руку. Гарсия схватилась за него первой, мне пришлось обхватить ее за талию, ощутив всю «прелесть» зарубцевавшейся кожи.

Лодка понеслась вперед по течению. Я и Гарсия мотались сзади, как хвост, Кир еле держал нас, забыв, что этой посудиной кто-то должен управлять. В конце концов нам удалось забраться обратно. Кир вернулся к штурвалу, и все, как казалось, наладилось: мы смогли выкарабкаться из опасной ситуации, рискуя быть раздавленными в лепешку, но мы *сделали это*, и теперь мчим по течению вперед, туда, откуда блещет яркий свет.

Очевидно, хорошая концовка бывает только в сказках...

Как только я потихоньку стала забывать о тревожных мыслях, пещера, которая до этого времени оставалась относительно спокойной, стала *рушиться*.

И рушиться она стала с чудовищной скоростью.

– БЕРЕГИСЬ! – Кир резко повернул штурвал влево от глыбы, которая упала бы на нас, если бы он этого не сделал, и мы потеряли равновесие и попадали на задницы. – Вы живы?

– Относительно, – мы снова вернулись к своим прежним местам. Я закусила губу:

– Если мы выберемся, мне не хватит и дня, чтобы проблематься.

– В таком случае я откажусь от затеи скитаться еще, может быть, полжизни.

Мы кинули друг в друга пару испепеляющий взглядом, и этих пару взглядом мне вполне хватило, чтобы узнать в них тогдашнюю альбиноску. Строптивную, неустрашимую и независимую. Но отчаянно борющуюся за свою жизнь.

Пещера пошла на сужение, свет стал бить еще сильнее. Мне пришлось зажмуриться и закрыть глаза рукой. Все вокруг тряслось, мы с бешеной скоростью неслись вперед, молясь всем существующим и нет богам о том, чтобы выжить. Мои руки тряслись, ноги превратились в вату. Казалось, еще немного – и я потеряю управление над телом, которое уже достаточно натерпелось для того, чтобы сказать что-то вроде «с меня достаточно, а теперь я хочу на отдых». Но я просто продолжала держаться за парус, крепко зажмурив глаза и пытаюсь не расклеиться окончательно.

БАХ.

Нас тряхнуло и отбросило назад, и мы со всей своей скоростью впечатались в край каркаса. Удар пришелся мне на затылок, и когда я попыталась встать, чтобы посмотреть, что такое произошло *снова*, в моих глазах все поплыло и стало заливаться черной краской. По бокам слышались стоны ребят, а потом – крики.

Этих пару секунд мне хватило для того, чтобы снова протрезветь. И, когда я поднялась и обернулась назад, чтобы посмотреть, что случилось, я буквально застыла на месте с открытым ртом.

Нашу лодку обвил чей-то длинный *язык*.

– Он под завалом! – Кир ботинком стукнул по розовой плоти. – А эта скотина крепкая, как резина! – он снова попытался отлепить язык от борта, – черт тебя бери! Тогда ты нам спокойно сбежать не дал, мешаешься и сейчас!

– Всем отойти, – Гарсиа прищурилась.

Она почти вплотную подошла к шевелящейся плоти с небольшим пузырьком в руке, который она, очевидно, успела отцепить с пояса с мантии. Мы затаили дыхание и вжали головы в плечи. Уж если бы нам и пришлось наблюдать медленно расплавляющийся язык и постепенно образующуюся в нем дыру, мы бы предпочли не отворачиваться.

Тем временем Гарсиа вытащила пробку и, переворачивая сосуд, медленно вылила зеленоватую жидкость на шершавую поверхность... Я широко раскрыла глаза, ожидая зрелищ... Но ничего не произошло. Содержимое просто растеклось по розовой плоти, опровергая все наши догадки.

– Это, конечно, нам очень помогло, – Кир поднял одну бровь вверх. Пещера содрогнулась снова. – Либо ты хочешь нас прикончить, либо ты хочешь нас прикончить. Вариантов нет.

– Заткнись, двуногое животное! – альбиноска странно выкрутила голову, описав ею почти полный круг. – И смотри, что может стать с тобой, если ты меня слушаешься.

– Опять это твоя мания...

Она зыркнула на него исподлобья:

– Я сказала заткнись, пока не поздно.

Нам пришлось подчиниться ей снова, хотя всего лишь каких-то пару часов она обещала нам обратное. Но это было не главное. Главное было действие ее эликсира, который легко мог нам не помочь, а, следовательно, прикончить.

Минуты тянулись мучительно долго. Мы уже решили, что истратили последний способ впустую, как вдруг чудовище громко завизжало, как сорок одновременно кастрируемых кабанов, и мы почувствовали, как его хватка ослабевает.

Последнее, что мы увидели перед тем, как вылететь из пещеры и начать падать в огромное жерло бьющего водопада, были осыпающиеся глыбы, закрывающие проход, и огромные, мощные челюсти червя, все еще испачканные в крови нашего бедного несчастного Флоренса.

5

Одного толчка нам вполне хватило, чтобы еще полуживой дух испарился из наших тел со скоростью света и покинул нас, кажется, навсегда. Мы летели вниз, наша шлюпка выписывала различные пируэты в воздухе, грозясь переломать нам кости, а где-то совсем близко под огромным напором бил чистый ледяной водопад. В моем мозгу за момент, который мы летели вниз, прежде чем попадать в обжигающе-холодную воду, поселилось больше триллиона вопросов, и все они были примерно одинакового содержания.

Мы разобьемся о воду?

Лодка приплющит нас?

Мы напоремся на камни?

Во время полета нас утащат коршуны?

Означает ли это, что нашему выживанию придет конец?

А если мы выживем, куда мы денемся?

Отправимся снова в дальнее и не менее неизвестное плавание, ака Колумб?

А дальше следовал последний мощный удар, по задумке который должен был решить нашу судьбу. Мою грудную клетку сдавило железным прессом со всех сторон и буквально за пару секунд все тело ощутило смысл выражения «шмякнуться о воду». Я открыла рот, чтобы закричать, но неожиданно меня перевернуло и со всей силой швырнуло сначала вниз, а потом вверх.

Эти пару секунд ужаса, казалось, длились вечно. Но вот напор стал ослабевать, а пена уже не так ела глаза. Я перестала чувствовать над собой каркас лодки. И я сделала рывок вверх.

Мне показалось, что на меня бросили стокилограммовую гирию, когда я сделала первый вдох. Глаза почти ослепли от лучей солнца...

Недалеко покачивалась перевернутая, но на удивление целая лодка, тут же, вокруг нее, словно какой-то хоровод, плавали мешочки с запасами еды. Вдалеке шумел огромный водопад. «Мы» плавали в небольшой открытой лагуне, по краям сплошь увитой и поросшей зелеными джунглями. Сзади виднелся пролив к открытому океану.

– Кто-нибудь цел?! – я стала отчаянно махать руками и плыть к шлюпке. Очевидно, одиннадцать лет физкультуры в «Саут Ридж» меня ничему не научили. – Ээээээй?! Кишишир?! Альбинооска!!!

Солоноватая вода заливалась мне в уши и глаза, пыталась утянуть на дно, заставляла невероятно щипать порезы и ссадины, но я плыла к шлюпке, неуклюже барахтаясь в воде, как собака, и надеялась, что Кир и Гарсиа все-таки живы, хотя процент этого был минимален.

Спасительный каркас показался спустя несколько минут. Я вылезла наверх, крутя головой, как сова.

– КИИИИИР!!! – ничего. Абсолютно ничего. – ГАРСИАА!!!
– и снова немая тишина. – КТО-НИБУДЬ!!!

Шлюпка чуть покачивалась от небольших волнушек. Я почувствовала, как по моим щекам начинают течь слезы.

Если выжила ты одна? Нельзя сдаваться. А если все-таки... Я уверена, они где-то рядом. Аза... Мы летели вниз с громадной высоты, а значит, нельзя исключать, что кто-то из них не мог убиться о скалы или о ту же шлюпку. Вторая Я, заткнись! Я знаю, что они где-то тут! Тогда удачи найди их мертвые тела.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Я приготовилась закричать еще раз, как вдруг вода внизу как-то неестественно вспенилась, и оттуда вынырнул...

– Аза! – Кир, кашляя и выплевывая воду, затащил Гарсию

на каркас. – Слава Богу, все хорошо.

Гарсиа не шевелилась, но дышала. Про это говорила ее обожженная и вздымающаяся кожа на груди, которая то приходила в движение, то останавливалась на долгое время.

За исключением многочисленных ран и потрепанной психики, мы могли считать, что мы успешно прошли еще один квест по выживанию. Все бы хорошо, вот только мы были ужасно уставшими, и сил на то, чтобы планировать что-то более масштабное, у нас практически не было. Помимо этого, нам надо было перевернуть лодку и собрать плавающие вокруг запасы, чтобы продолжить путь.

– Понятия не имею, как это произошло, – Кир сильно зазмурился, – но ты должна кое-что знать.

Я почувствовала, как мои глаза начинают ползти в волосы.

– Продолжай, – я кивнула.

– Когда... Когда я летел вниз, я сильно ударился о выступ. – Он приподнялся над водой, и я увидела его плечо, полностью изрезанное и ужасно кровоточащее. – Очевидно, я содрал немного кожи, но, все-таки, ты должна знать, что я попробую подержаться. И еще...

Он грустно улыбнулся:

– Помоги мне, Аз. Я ничего не могу делать.

Мы вышли из лагуны тогда, когда солнце начало опускаться, и небо приобрело багровый оттенок. Парус плавно «лежал» и чуть покачивался от встречного ветра. Океан под на-

ми искрился тысячей разноцветных отражений от закатного солнца, создавая иллюзию того, что мы плывем по выстланной багровой дорожке. Гарсиа стояла у «носа», смотря на плавно удаляющийся остров. Ей, как и нам, когда мы прощались со Слипстоуном, было одновременно и радостно, и грустно покидать свое первое пристанище, которое спасло ей жизнь. Но что мы могли сделать. Нам просто оставалось двигаться дальше.

Ночь опустилась с поразительной быстротой, включив миллион звезд над нами. Я была ужасно уставшая, и все, что мне сейчас хотелось – наконец-то уснуть под навесом, свернувшись в три погибели. Но сон не шел. Вместо этого в голову лезли дурацкие мысли и опасения насчет того, что нам снова придется столкнуться с *глазами*, и тогда мы точно будем трупами. А еще, несомненно, меня волновал Дэвид.

Что я скажу ему, если мы увидим его снова?

Прости, Дэвид, но ты мне надоел, я на тебя в обиде, я ненавижу тебя, хотя ты не дал нам сдохнуть в первые три дня?

Или: ты бы мог поплыть с нами, но не захотел, сволочь неблагодарная?

Мне надо было бы хорошенько прорепетировать эту сцену, но вместо этого я просто лежала, окруженная запасами еды и воды, и глядела в небольшую щелку на черное звездное небо.

А он же любил тебя. Я была просто прототипом Эмили.

Вероятно, он вообще врал про то, что у него была сестра. *А та девушка на фотографии – кто? Кто-нибудь. А все же... Он любил тебя. По-настоящему. А ты вот так вот просто рвешь с ним, Аза.*

Волны то затихали, то снова начинали слегка покачивать шлюпку. Мы плыли, сами не зная куда, потому что мы даже не знали, где мы находимся. Очевидно, нам оставалось ориентироваться только на звезды, как древним викингам...

Спустя какое-то время Кир и Гарсиа, которые были все это время на борту, чуть слышно стали шептаться. Я почувствовала, как все мое тело превращается в один сплошной слух.

– Как ты сюда попала? – спросил мужской голос.

Настала тишина.

Гарсиа не торопилась отвечать, и я воспользовалась этим временем, пододвинувшись к щелке.

– Очень просто, – альбиноска облокотилась о парус. – Заснула, проснулась – и сразу начала выживать.

– То есть, как это – заснула и проснулась? – прищурился юноша.

Они пристально посмотрели друг другу в глаза. Я видела, что Кир специально давил на нее, чтобы она рассказала ему всю правду. И альбиноска сломалась.

– Когда на наших улицах начала господствовать чума, мне было девятнадцать лет. – Она сглотнула. Перевела взгляд на небо. – У меня был брат, его звали Оллин О'Коннор Фитцд-

жеральд, и ему *было* семь лет. Нас просто нельзя было разлучить, мы были всегда и везде вместе, любой ребенок мог позавидовать нашей тесной дружбе. – Гарсиа вздохнула. – Когда началась Великая Чума, люди стали покидать город. Но не успевали. Трупы валялись на улицах, как осенние листья, покрытые черными кровоточащими струпьями и с ужасным, дурно пахнущим запахом. Те, кто должен был сжигать их, не справлялись, Чумные Доктора вскоре стали бесполезными. Мы перепробовали все! Но мой отец ушел спустя всего лишь несколько дней. Можешь ли себе представить?

Она замолчала.

Только сейчас я заметила, что на ней не накинута мантия. *Так вот, откуда у нее эти рубцы.* Они появились не от пожара, а от ран и струпьев.

– Моя мать сказала мне, что есть всего один способ, который поможет мне выжить и перепрыгнуть целый век в буквальном смысле. Он заключался в том, чтобы испить одно из ее зелий. Очевидно, я согласилась, но после того, как она озвучила то, что немаловажный ингредиент в нем – *плоть собственного брата*, я в гневе попыталась сбежать из дома.

Потом, после долгих размышлений, я согласилась. Моя мать была при смерти, и она еле смогла приготовить зелье. Последнее, что я помню, что было... Она сказала, что видела, что я встречу своего брата в другом облике, и мне стоит сберечь его. Но я не смогла...

Все.

Это было последнее, что она смогла выдать из себя, прежде чем до крови закусить бледную губу и уставиться на безоблачное небо. Кир стоял поодаль и молчал. Так юноша стоял минут двадцать, выжидая ответа альбиноски. Но только он дернулся, пытаясь покинуть борт, как Гарсия заговорила снова.

– Мы с Флоренсом проснулись почти одновременно на этом острове, который носит название Алукейл, и сразу поняли, кто мы. Он был моим Оллином. Я была его Гарсией. Наши души словно... Словно переместили из одного тела в другое. Да, он был узником Освенцима, и да, в подпольном лагере, куда ему помогла бежать его мать, он так же подвергся воздействию зелья... Мы были друг с другом сравнительно недолго. Это все.

Они снова замолчали. Я поймала себя на том, что я почти наполовину высунулась из-за навеса и, кроя себя всеми словами, которые я только знала, поспешила залезть обратно.

Спустя пару минут, которые потребовались юноше, чтобы переварить всю эту информацию, Кир пролепетал:

– Тяжелая у тебя судьба, альбиноска. Но как ты спасла нас?

– Тот завод, – ее глаза раскрылись сильнее, – я не знаю, что он там делает, но ровно с того момента, как мы проснулись с Флоренсом, мы выяснили, что там орудуют мутанты, которые занимаются тем, что... Хранят внутренности каких-то животных и едят их. Именно завод спас нам жизни. Не знаю,

как он там появился, возможно, выходцы из разных стран основали его, а потом их поразила болезнь и они превратились в тех мутантов – у меня нет оснований предполагать это, но все же...

Юноша передернулся.

– В один из дней, когда нам надо было пополнить запасы, мы увидели двух странных двуногих. Флоренс уговорил меня взять их с собой, говоря, что вы поможете сбежать мне на Большую землю. Не окажись нас в тот день – вы были бы трупами, четырехглазый двуногий.

– Четырехглазый? Я же был двухглазым! – Кир рассмеялся.

– У тебя после глаз еще одни глаза, – она пристально посмотрела на него.

Кир улыбнулся:

– Ты про это? – он снял квадратные очки и продемонстрировал их девушке, – так это же очки. Благодаря им я лучше вижу.

– Балбес.

Кир рассмеялся снова и хотел что-то возразить, как вдруг Гарсиа, дернувшись и приподнявшись на цыпочки, быстро поцеловала его в алые губы и направилась к навесу.

– Это не очки, умник. Ты умеешь *видеть*, – и с этими словами альбиноска помахала ему рукой и стала потихоньку залезать под тряпичный навес.

Я невольно поежилась.

Следующее пасмурное дождливое утро не предвещало ничего хорошего.

Когда мы вылезли из-под навеса и осмотрелись по сторонам, нас постигла ужасная мысль: *ох черт, в палубе куча воды после ночного шторма!* Но потом, когда нам удалось привести палубу в порядок, выбросив за бортдохлых обитателей моря, которых забросило сюда вместе с волнами, нас постигла еще одна, *гораздо более* худшая мысль.

Она была настолько ужасной, что мы ощутили себя маленькими песчинками в огромном океане, которые из оружия имеют только перочинный нож и пару колбочек с зельями. В целом, можно было с уверенностью сказать, что перед природой мы абсолютно беззащитны, если брать во внимание весь ее незаконно огромный масштаб. Но здесь масштаб нашего пути был гораздо меньше, и что хуже, он обрел угрозу обрушения.

Мы попали на мель.

Это было странно, потому что никакого острова или даже клочка суши поблизости видно не было. Мы стояли у борта, высунув свои зеленые мины и вглядываясь в отражающую облака воду, в то время, пока наша шлюпка лениво плыла вперед, цепляясь за песок. Пока она неторопливо продвигалась дальше, оставляя за собой расплывающиеся круги, мы

успели понять, что, во-первых, эта мель настолько огромная, что если мы застрянем, то застрянем уже *навсегда*, а, во-вторых, мы *ничем* не сможем помочь шлюпке, если она застрянет.

Кир выпрыгнул с борта и выбросил якорь. Мы с Гарсией остались стоять рядом.

– Боишься?

– А? – я отлепила взгляд от кристально-чистой воды. – Что?

Гарсия откинула капюшон мантии:

– Ты боишься того, что будет впереди?

Мне следовало ответить, но я сразу просекла, что в ее вопросе есть какой-то подвох. Причем, он был настолько явным, что это сбивало меня с толку, и я никак не могла понять, в чем именно он заключался.

– А я боюсь, – без какой-либо интонации после долгой паузы оповестила меня Фитцджеральд. – Боюсь, что для меня может не наступить завтра. Этот век догоняет меня со скоростью света.

– Что ты имеешь ввиду?

Мы посмотрели друг другу в глаза и Гарсия отодвинула рукав мантии, закрывающий рану, которую она заработала, когда мы пытались покинуть пещеру. У нормального человека она стала бы потихоньку затягиваться и покрываться корочкой. Но у Гарсии она выглядела так, словно ее облили кислотой и хорошенько натерли мочалкой.

– Мои раны не имеют свойств затягиваться. Но это еще не все, – она наклонилась и приподняла край армейских флисовых штанов, сняв один из высоких ботинок.

То, что я увидела далее, заставило содрогнуться мои внутренности и срочно зажать рот рукой, чтобы не запачкать палубу.

Это можно было сравнить со всем, но только не с ногой нормального человека. Сероватая кожа была покрыта ужасными свисающими морщинами, кое-где в прямом смысле этого слова висели отмершие ошметки плоти. Куча порезов, гниющие участки, гноящаяся грязь, попавшая в раны – все это смешалось в моих мыслях ужасной правдой и дало пищу для ума.

Получается, она...

– Это зелье, которое помогло уйти мне из семнадцатого века от Великой напасти... – Она закусила губу. Нормальный человек даже и не догадался бы, что она начала превращаться в старушку, смотря на ее прекрасное лицо. – Оно... Оно не смогло сохранить мои органы. То есть, это я только внешне выгляжу, как женщина. Но внутри у меня уже все превращается в труху.

Я вспомнила, как она поцеловала Кира той ночью, и мне стало плохо от факта, что он буквально целовал покойника.

– Сколько ты сможешь еще продержаться здесь? – я подавила рвотный позыв.

– Не знаю, – она снова медленно облокотилась о перила и

стала смотреть вдаль. – Но, во имя Великой напасти, мне так страшно. Вот почему я скорее рвалась с Алукейла на Большую Землю – чтобы успеть. Вы же, современные люди, умеете делать всякие штуки, я знаю. Вдруг мне там помогут?

Это было последним, что она выдавила из себя, прежде чем мы снова стали изображать из себя партизанов. Гарсиа невозмутимо смотрела вдаль огромными красноватыми глазами, ее волосы качались от ветра в каком-то неизвестном мне ритме. А мне было так плохо, что я с трудом подавила в себе желание покинуть палубу.

Кир не знал этого!

Но он уже успел снова открыть свое сердце (между прочим, первый раз после смерти Соньки).

И это, наверное, растопчет его в лепешку, когда он узнает, что Гарсиа в любой момент может умереть от самого незначительного ранения. Относиться к молодой девушке как к хрустальной вазе – вот что самое ужасное.

Когда Сонька умирала, и когда нам стало понятно, что ее уже никак нельзя спасти, я почувствовала, как я медленно меняю свою отношение к ней. Если тогда мы боролись за нее, если Кир надеялся и поддерживал теплотой своего сердца сердце девушки, то после этого события, расколовшего наши умы на «до» и «после», мы потухли. Все. Абсолютно все. Я стала бояться свою собственную подругу, с которой мы были неразлучны, Дэвид начал смотреть на нее как на прокаженного мертвеца.

Но только один Кир продолжал верить.

К сожалению, он был единственным, кто переживал эту утрату гораздо сильнее.

И я не хотела, чтобы он повторил свою ошибку снова.

– Ты должна все рассказать ему, – я одернула альбиноску за край грубого черного рукава. – Иначе он сойдет с ума.

– Кто? – она непонимающе покосилась на меня. – Я не обязана ничего ему говорить.

– Действительно, *четырёхглазый* вряд ли поймет это.

Лицо Фитцджеральд враз поменялось. Она прищурила глаза и раздула ноздри, отскочив от перил и став похожей на черную грозовую тучу:

– Так ты все *подслушала!*

– И вот поэтому я боюсь за Кира, пойми же ты наконец! – я схватила ее за холодные руки. Гарсиа сделала слабые попытки вырваться. – Один раз он уже потерял свою крепкую любовь, и если он потеряет того, кого он любит, *снова*, я уверена, он будет до конца жизни жить в психушке, если, конечно, не покончит с собой по пути домой! Ты обязана прекратить вот это все, и еще ты *обязана* рассказать ему... Обо всем! – Гарсиа наконец смогла вырваться и, взмахивая плащом и удаляясь под навес, грубо отрезала:

– Меня он совершенно не волнует!

Я понимала, что жутко смутила ее, зайдя сразу с тыла. Мне надо было начать действовать постепенно, учитывая вспыльчивый характер альбиноски, но я, как обычно, выбра-

ла свою излюбленную стратегию, чем и поплатилась. Звук шагов ее тяжелых ботинок еще до сих пор витал в воздухе, как вдруг, в нескольких ярдах от себя, я увидела по пояс в воде бегущего Кира. И его лицо не выражало абсолютно никакой радости.

О нет.

– Аза, нужно поговорить, – он схватил меня за руку и потянул с борта вниз.

– О чем ты? – я попыталась скорчить из себя невинную дуручку, хотя сама прекрасно понимала, *о чем* будет наш разговор.

– Просто. Спустись. Сюда.

Мне пришлось подчиниться.

Когда я стояла по пупок в воде, раскинув руки, ака статуя свободы, Кир соизволил проявить еще одну эмоцию, кроме гнева: неожиданно он дернулся и чихнул. Мы оба стояли рядом у лодки, взяв ее за тросы, словно это было нашим спасением.

Спустя пару минут Кир тяжело вздохнул:

– Я все слышал.

– *Да что ты?*

– Аза, ты же понимаешь, что ты поступила... Не очень хорошо, – он обернулся, чтобы посмотреть, не вышла ли Гарсия на палубу. Очевидно, она либо подслушивала нас, сидя под навесом, либо снова строила мне свои козни в отместку. – Ты же понимаешь, что подслушивать и подсматривать

было не очень хорошей идеей.

– Тогда почему ты сейчас «подслушивал»?

Кир нетерпеливо потряс меня за плечи:

– Джонсон, очнись, я говорю про вчерашний случай! Сейчас вы кричали так, что смогли бы поднять мертвого, не то что меня!

– Ах так, – моя бровь непроизвольно взметнулась вверх, – тогда знай, что она *слишком* мутный тип, чтобы доверять ей!

– Она просто девушка!

– Которой просто шестьсот с лишним лет!

Мне показалось, что голова Кира сейчас разлетится на тысячу мелких осколков от давления, которое возникло в ней.

– Почему ты фильтруешь только самое ненужное из всего, что я говорю?! Итак, – он выставил вперед указательный палец, – если ты еще раз тронешь ее, Аза...

– Что тогда? – я развела руки в стороны. – Что? Что тогда? Застрелишь меня? Убьешь? Ради этой дикарки, которую мы знаем без пяти двенадцать? Молодец! У нас самое настоящее выживание, мы застряли посередине океана, и ты хочешь убить меня ради этой сопливой девчонки!

Кир открыл рот, чтобы что-нибудь ответить мне. Я открыла рот тоже. Но мы просто молчали, смотря друг на друга, как два идиота. Очевидно, я молчала потому, что ждала, что Мистер-Его-Напыщенность соберет все свои мысли и скажет мне что-нибудь дельное. Но Мистер-Его-Напыщенность, похоже, так растерялся, что ожидал того же самого от меня.

Лодка чуть покачивалась от ветра. Я подняла голову вверх и увидела, что облака немного расступились, пустив к нам болезненно-зеленоватое солнце. Похоже, это все, что смогла сделать природа на данный момент.

– Аза, – Кир наконец выдохнул и опустил глаза. – Это все... Это все – правда? Она умирает?

Перед моими глазами проплыла ужасная картинка месива на ноге у красавицы. Очевидно, не такой уж красавицей она и оказалась.

Я покачала головой:

– Ей шестьсот с лишним лет. Она старше нас двоих вместе взятых в несколько раз. Да, она красивая, да, необычная, да, ее характер заставит любого мужчину пойти с ней в постель, будь она современной светской львицей. Но, Кир, она умирает, как ты сказал. Она просто разлагается изнутри, и не факт, что... Ну, что она сможет дотянуть до Каролины. Конечно, у всех у нас шансы невелики, но у нее... Особенно... Не стоит крутить с ней, если ты понимаешь меня. А сейчас я чертовски замерзла в этой воде. Нужно плыть.

Я подождала, пока до Кира дойдет весь смысл моих слов.
– Ты со мной? – я потянула его вверх за руку.

6

Почему-то я чувствовала себя чересчур погано.

Всего лишь за пару дней я узнала, что, во-первых, Гарсиа оставила свои попытки снять наши головы с плеч, во-вторых,

Флоренс был вовсе не Флоренсом, и, в-третьих, что кто-то выстрелил в сердца Кира и Гарсии одновременно, не оставив даже и шанса. Третье особенно смущало меня.

В любом случае мне пришлось бы поранить чувства Кира. Но теперь он хотя бы был предупрежден, что Гарсия не молодая девушка – во всех смыслах. Я свое дело сделала. Бросить альбиноску или развивать свои отношения дальше – вот какой выбор предстал перед юношей.

Но все-таки я чувствовала себя погано.

Возможно, мне не стоило вмешиваться?

Конечно, тебе не стоило вмешиваться. Серьезно? Ага. Кир сам бы понял это, когда в предвкушении снял бы с нее накидку и увидел разлагающуюся кожу. Ох, любишь ты драматизировать. Причем тут это? Ты же сама видела, что она буквально гниет! Это ты права... Но что делать? Ты уже все сделала. Кир предупрежден, а предупрежден – значит вооружен до зубов. Теперь остается надеяться только на наличие мозгов в его голове. Парня спасти надо. От кого? От Гарсии. Так она вроде не нападает. В том-то и проблема, что сейчас она делает свои попытки тихо, а потом она просто выпрыгнет из засады и утащит его. Ох. Аза-Аза. Вечно ты любишь драматизировать.

Мель наконец кончилась.

Мы поняли это по водорослям, которые наконец-то перестали отражаться в отблеске бледной луны. Наша лодкаплы-

ла тихо и спокойно, оставляя еле видные круги за собой, как дорожку. Безоблачное небо оголило свои яркие звезды. Это была идеальная погода, чтобы поразмышлять о всех своих косяках, которые мы когда-либо совершили.

Но вместо этого я просто лежала под навесом, скорчившись, как эмбрион в животе. Гарсиа и Кир опять стояли на палубе. Но они не разговаривали.

Очевидно, испугались, что я снова услышу их разговоры, и придумаю еще какую-нибудь кознь, которая впоследствии окажется не козней, а попыткой спасти юноше его и без того хрупкую жизнь.

Мне стоило наконец успокоиться и уснуть, но я каждые пару минут выглядывала в щель навеса, и каждый раз видела еще более угрюмую картину, нежели чем предыдущая: Кир и Гарсиа отдаляются друг от друга все дальше и дальше, опасаясь только одного – лодка скоро закончится, и тогда отдаляться будет некуда.

Ох, что я наделала...

Меня разбудили довольно ощутимые толчки в правое плечо.

Пока я пыталась сфокусировать взгляд на нарушителе своего спокойствия, мои занемевшие ноги кричали не менее занемевшему мозгу: *что-то случилось*. Просто так Гарсиа не стала бы будить меня по пустякам.

– Поднимайся, – для закрепления результата она еще раз

больно ударила меня в правое плечо, чуть не выбив при этом сустав.

Мое тело еще не слушалось меня так, как полагается нормальному телу, и поэтому я смогла только неразборчиво показать жестами: *собственно, какая, черт возьми, появилась причина, чтобы будить меня глубокой ночью?*

– Ты бесишь меня все больше и больше, – выплюнула альбиноска, – собирай свой никчемный разум и вали отсюда, иначе тебя сейчас что-нибудь задавит!

Я хотела спросить, что меня должно задавить, как вдруг лодка неистово закачалась во всех направлениях. Вещи, стоявшие на самых дальних полках, стали с чудовищной силой осыпаться мне на голову.

– Ты такая неповоротливая! – Гарсиа одним движением вытолкнула меня в липкую ночь. Я оглянулась по сторонам и увидела Кира, который стоял у самого края борта и вглядывался в черную поверхность океана.

– Кто-нибудь, черт возьми, может объяснить мне, что здесь происходит?! И почему океан спокоен, а наша лодка трясется так, словно ее толкают бесы?!

– Ты почти ответила на свой вопрос, – *радостно* пробормотал Кир. – Итак, Аза, судя по всему, мы где-то рядом с Чудовищным омутом.

Я почувствовала, как мои глаза начинают лезть в волосы.

– *Чего?!*

– Черт, Аза, – он улыбнулся во все свои тридцать два зу-

ба. – Мы почти у цели.

Договорить он не успел, потому что лодка колыхнулась, и...

...начала подниматься в воздух.

Всего лишь на пару секунд она отделилась от океана, но этих пару секунд мне хватило, чтобы почувствовать мощный толчок всей той немногой еды, которая хранилась у меня в животе. Шлюпка колыхнулась еще раз и стала опускаться, а вот с одной из сторон я увидела огромный, как дом, чешуйчатый плавник.

– О господи! – я схватилась за парус. – *Они*-то что здесь делают?!

Похоже, ребята сошли с ума. Они просто стояли и улыбались мне, словно это не вокруг нас плавают самые настоящие глаза. Либо Кир так обезумел от страха, что стоял сейчас и приплясывал на одной ножке, как психбольной, либо мой вчерашний разговор точно выбил его из колеи.

– Подойди сюда! – он махнул рукой, – не бойся, Аза! Они не питаются изголодавшими подростками!

– В прошлый раз они пытались сделать это, но, очевидно, сейчас сделать это им мешает наша шлюпка, – пробормотала я. Подняла глаза на горизонт и обалдела.

Да.

Он был перед нами.

Огромный, возвышающийся до самого неба рифовый залив. Я подбежала к носу шлюпки и обалдела еще больше.

Я ожидала, что глаза готовят свой дьявольский план на счет того, под каким углом лучше скушать трех подростков, чтобы они были как можно более вкусными. Но эти действия нельзя было назвать нападением. . . Напротив, маленькие существа шныряли вокруг лодки, как тысячу мерцающих в свете луны огоньков, те, кто были побольше, плыли рядом. Под нами виднелось огромное черное пятно – верный признак того, что самый огромный и, возможно, главный из этой стаи глаз плывет под нами.

Я хотела открыть рот и сказать пару искренних крепких слов, как вдруг до меня дошла очень интересная мысль: *лодка движется сама*. Весла спокойно покоились на подставках, а шлюпка рассекала поверхность водной глади, словно она была с механическим мотором! От этого мне захотелось закричать.

– *Что* они делают?! – я ухватилась за край борта. – Они, что, хотят, чтобы наша шлюпка напоролась на скалы с концами?! Ну уж нет! Сделайте так, чтобы эти черти оставили нас! **Я НЕ ХОЧУ УМИРААААААААТЬ!!**

– Заткнись, Донцанн! – альбиноска больно ударила меня по плечу, чуть не выбив сустав. – Они боятся.

– *Да вы с ума сошли!*

Как будто в подтверждение этих слов Кир смиренно обернулся и уставился на меня ледяным взглядом.

– А ты думала, что все так просто? – он усмехнулся каким-то механическим голосом и пошел ко мне, – сейчас ты

ответишь за Соньку, Аза. Сейчас ты ответишь за все...

Глаза Кира налились кровью. Он шел ко мне мертвой походкой, покачиваясь при каждом движении шлюпки. Руки его сжались в кулак, на шее выступили вены, но на его лице была улыбка. Механическая, стеклянная, она не выражала абсолютно никаких эмоций.

– Чья это была идея? – он засмеялся, – Сонька умерла из-за тебя! Ты виновата в этом! *Ты чудовище!!!*

Его слова разлетаются в пространстве и, ударяясь об скалы, возвращаются обратно. Гарсиа хохочет и снимает свою мантию, обнажая разлагающееся тело. И я кричу и умоляю их остановиться.

Я не виновата в смерти Соньки! Она умерла от яда! Я здесь ни при чем, – пытаюсь сказать я, но мое горло наливается сталью, и я просто стою на палубе, не в силах выплюнуть и звука.

А Кир и Гарсиа все хохочут, тянут свои руки ко мне.

И я бегу от них прочь, перелезаю через борт и бросаюсь в черную пучину навстречу налившимся кровью огромным глазам.

Сказке скоро придет конец.

– Поднимайся! – кто-то больно толкнул меня в плечо, чуть не выбив при этом сустав.

Гарсиа.

– Гарсиа? – я часто заморгала глазами. – Ты собираешься

меня убить?!

Но вместо того, чтобы начать раздеваться, показывая то, что осталось от тела, она посмотрела на меня так, словно у меня на плече выросли сразу две головы.

– Я завязала с этим, – она прикрыла пару пузырьков, висящих у нее на поясе, грубой черной мантией. – Тебе просто приснился плохой сон.

– Ничего подобного...

– Мы заметили, – где-то неподалеку прокряхтел мужской голос. – Ты кричала так, словно тебя режут на части, Аза! Что произошло?

Неожиданно под навесом стало катастрофически не хватать воздуха, и я поспешила высунуть голову в щель, чтобы дать легким новую порцию кислорода. Палящее солнце радостно принялось поджаривать мне макушку. Впереди простирался бесконечный океан.

– Все в порядке? – Кир положил свою руку мне на плечо.

– Да... Все хорошо. Просто подышать захотелось.

Я заставила себя собраться с мыслями и заползти обратно под навес.

– Где мы?

– Один Бог ведает, где мы, – Гарсиа вздохнула, плотнее закутываясь в свой костюм. – И один Бог ведает, сколько мы еще будем «здесь». Рассказывай, двуногая, что тебе снилось.

Надо же – Гарсиа проявила хоть какое-то внимание.

Нужно удостовериться, что это не сон.

Я оглянулась по сторонам и ущипнула себя до крови.

– АЗА, – Кир потер переносицу, – это уже не сон! Мы тут, очнись! Слышишь? Все хорошо. Это просто был сон. Расскажи, что тебе снилось.

– Хочется, чтобы это все было сном, – пробормотала я. – Потому что ты обвинял меня в смерти Соньки, потому что Гарсиа... Неважно, в любом случае, вы пытались закопать меня заживо!

Я заметила, что при слове «Сонька» глаза Кира как-то подозрительно заметались в разные стороны. Очевидно, он был мастером скрывать свои эмоции, и это часто играло ему на пользу, но сейчас произошло что-то, что не позволило ему запечатать эмоции в себе.

Как можно было догадаться, остальные слова он благополучно пропустил мимо ушей. И я точно знала, что сейчас его волновало что-то *одно*.

То, что он мне еще не рассказывал.

– Кир, – я смирила его взглядом. – Нужно поговорить.

Мы собрались вылезать, и я краем глаза увидела, что альбиноска тоже делает попытки выбраться.

– С глазу на глаз, – я опустила край навеса прямо перед ней.

Мы вылезли на палубу, разминая свои затекшие конечности.

Кир подошел к носу, разглядывая бескрайний океан. И хотя я стояла поодаль, я буквально каждой клеточкой своего

тела чувствовала то напряжение, которое исходило от него.

Что он скрывает?

Случилось что-то серьезное?

Он поспорил с Гарсией?

Я попыталась вспомнить особенности его поведения за сегодня, но ровно до того момента, прежде чем я сказала слово «Сонька», он вел себя как всегда: сверлил меня усталым взглядом, надеясь, что прямо сейчас произойдет какое-то чудо.

Я уже собиралась поторопить его, но неожиданно Кир резко повернулся ко мне. На его глазах стояли еле заметные слезинки.

– Не знаю, говорить ли тебе это или нет, – он запрокинул голову. – Ты же знаешь, что после того, как Сонька пришла к тебе во сне, она больше не появлялась...

Я почувствовала, как ноги мои теряют равновесие и подкашиваются.

– Что?!

– Она пришла ко мне, – тихо прошептал он. – Только пришла она ко мне еще пару дней назад, и я не думал, стоит ли тебе рассказывать об этом...

– *ЧТО?!* – моя нижняя челюсть сделала попытку свалиться на плотно сбитые доски. – Но почему ты не сказал раньше?!

– Боялся.

– Чего?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Сонька сказала, что мы должны присматривать за Гарсией в четыре глаза. Она еще сказала: «Кир, если вы не успеете, она не выживет», и потом, после короткой паузы, коротко добавила: «вы должны найти Дэвида».

– Что ты успел спросить у нее?

– Мало чего, – Кир сглотнул, – в этот раз она была не особо разговорчивой. Я спросил, как идиот, выживем ли мы, и она ответила, что возможно, но только если между нами не случится раскол.

– Ты спросил ее об...

Я поджала губы и уставилась на Кира. Кир тоже поджал губы и уставился на меня. И хотя это вопрос, то есть, *какого черта ты, Сонька, вот так легко нас оставила*, читался у меня в глазах, он все же решил сделать вид, что ничего не знает.

– Ты спросил ее, почему она ушла от нас?

– Да, – Кир стал нервно отколупывать краску со ствола, на который крепился парус.

– И что?

– Она не ответила.

Меня пронзила стрела обиды и непонимания.

– Но почему?!

– Я собирался спросить ее об этом, потому что ты не единственная, кто хочет это знать, но она просто отвернулась и этот сон... это видение... оно кончилось. Это все, что я пом-

ню. Она не говорила ничего важного, что мы могли бы взять на заметку. Но какую цель она пытается достичь, посещая нас во снах?

– Может, она хочет предостеречь нас?

Кир почесал подбородок:

– При жизни Родригез никогда не была скрытной, поэтому говорить намеками – совсем не про нее, Джонсон.

– Не забывай, что она уже давно не человек.

– Тоже верно...

Я перевела взгляд на небо.

Только сейчас до нас дошло, что откуда-то сверху моросил мелкий противный дождь, и мы все промокли до нитки. Он был настолько мелкий, как слезы невидимого собеседника, что почти не виднелся в воздухе, оседая на нас полупрозрачной дымкой и скрывая от наших взоров бесконечный, уже покрытый мелкой рябью от дождинок, океан.

Возможно, это Сонька так подает признаки присутствия?

Мы плыли несколько дней и ночей.

Иногда нас обволакивало отчаяние, что мы плывем вот уже столько времени, и мы до сих пор не видели ни одной вещи, которая указала бы на то, что мы рядом со Слипстоуном. Оно настолько сильно затаскивало нас в воронку неверия и принятия того, что мы больше никогда не увидим сво-

их близких и умрем посередине неизвестного океана, что мы останавливали шлюпку и просто вставали рядом и смотрели на небольшие полупрозрачные волнушки. А иногда я плакала. Когда Гарсиа и Кир засыпали в обнимку под старым навесом, я облакачивалась о перила лодки и, смотря в черную пучину океана, тихо плакала.

От безысходности, от боли, от страха, от всего.

Я не верила, что мы единственные, кто выжили после авиакатастрофы, я не верила, что потеряла свою лучшую подругу, я не верила, черт возьми, что мы застряли неизвестно где, и что наши шансы быстротечно стремятся к нулю. Мой мозг также отказывался признавать тот факт, что Дэвид может быть жив после стычки с туманом. Он один против огромной тучи ядовитых испарений – исход очевиден.

Но все-таки мы все не теряли надежду...

Поэтому, когда мы с Киrom одним дождливым утром увидели знакомые остроконечные скалы, мы не поверили своим глазам. И даже тогда, когда аккуратно протаскивали свою лодку между огромными черными глыбами, мы все так же не верили тому, что видели.

И даже тогда, когда мы на подкашивающихся ногах вылезли из шлюпки и улеглись на прохладный песок...

Нам потребовалось немало времени, чтобы собраться и начать двигаться вперед.

Мы взяли запасы воды и еды, завернули их в примитивный «пакет» из навеса, и продолжили свое путешествие.

Мои ноги не слушались, подгибались и пытались уронить свою хозяйку, потому что они знали, какой ужас каждую ночь терроризирует Слипстоун. Но я продолжала упорно идти вперед, хотя мои силы стремительно иссякали.

Мы вошли в небольшую лесополосу. Там, на мокрой после дождя земли, до сих пор остались следы копыт странных и загадочных лошадей. Их не было поблизости; очевидно, табун перекочевал в другую местность, но тут нас с Киром настигла такая ностальгия, что мы не удержались и тихо вздохнули.

Все это время мы шли вперед и ни разу не сказали ни слова, но тут Гарсиа, увидев наши затравленные мины, тихо прошептала:

– Вы тут были?

Я вспомнила, как Дэвид чуть не убил Кира из-за меня прямо где-то здесь.

– Были, да всплыли, – Кир остановился поднял веревку с земли. Именно ей мы пытались укротить дикое животное. – Как видишь, тут произошло много событий.

– Например?

– Один человек чуть не убил меня.

Почему мне захотелось дать ему шлепка по лицу?

– О, – Гарсиа безразлично вскинула вверх молочные брови. – Надеюсь, ты убил его?

– В тебе точно сидит дух бойца, – прошептала я. – Очевидно, нет.

– И он еще живой? Кто он?

– *Если* он еще живой.

Мы с Киrom переглянулись.

По его лицу я видела, что он хочет ответить весьма саркастичной фразой, но он почему-то сдержался. Все-таки, наш визит сюда был не с целью отыскать Эванса, ведь Кир к нему не питал даже дружеских чувств, а я поняла, что он меня предал. Мы должны были выполнить последнюю просьбу нашей Соньки.

Хей, но Сонька же сама попросила вас отыскать Дэвида! Чтобы он еще раз поджал свой хвост, как трусливая шавка, и остановился на середине пути? *Может быть, мы все сошли с ума, лежим где-нибудь в психиатрической клинике, в нас закачивают тонны наркотиков, а это все – глупое видение?* Возможно. Аза, пойми, что я не просто так сказала это! Действительно, ты сказала это только потому, что тебе просто нечего сказать сейчас. Аза... Я знаю, что ты упертая, как баран, но пойми, что Эванс – тоже человек, черт его дерь, в отличие от тебя, он торчит на этом острове восемь гребаных лет, и ты так просто его оставишь?! Ага. Ты жестокая. Ага. Я ненавижу тебя. Ага. Взаимно. Сильно ненавижу. Спасибо, Вторая Я, а я тебя – еще сильнее.

Мы прошли редкую лесополосу, состоящую из высоких елей и сосен, и вышли на открытое поле.

Да. Где-то тут должен был стоять тот роковой дом и та роковая могила, где до сих пор покоится наша Сонька.

Я запомнила ее такой, какой она была при жизни, а не испачканной в собственных рвотных массах. Такой милой, такой задорной и озорной, словно это не шестнадцатилетний подросток, а восьмилетняя девчужка. В последнее время я все чаще думала о Соньке, и это очень сильно ранило меня, но, если бы я не думала о ней вообще – это вызвало бы у меня болевой шок, а следом – душевную смерть. Помните Кира в первые дни после ухода Родригез? Вот такой бы я и осталась на всю жизнь.

Трава тихо шуршала под нашими ногами. Кир нес на плечах те немногие запасы еды и воды, которые мы успели прихватить с собой из лодки, Гарсиа каждые пять минут доставала карту и вглядывалась в непонятные никому символы, пытаясь их разобрать. Все-таки, Уна была непростой женщиной со своими тараканами в голове.

Солнце нещадно палило наши головы, сияя в безоблачном голубом небе. Учитывая ту сырую погоду, которую я видела в Слипстоуне прежде, чем мы его покинули, это был просто ад для нас сейчас. Кто захочет идти бодрым шагом вперед, зная, что над ним «висит» то, что буквально плавит его мозги?

Мы все конкретно притомились, ища то, что однажды спасло нам жизнь, но, когда на горизонте показалась знакомая соломенная крыша, мы с Киrom открыли рты до пола и стремглав бросились к дому. Кир бросил навес с припасами, отчего они все разлетелись на много метров вперед. Мы хо-

тели есть и отдохнуть, но сейчас мы были одержимыми, нас волновало только одно. И мы хотели завершить начатое.

Мы медленно подошли к покосившемуся кресту.

Выглядел он так, словно кто-то облил его кислотой бесчисленное количество раз, и в конце концов сдался, видя, что этот крест не возьмет ни одна кислота. Меня уколол приступ ностальгии.

А Сонька все еще тут, она смеется, она прижимает меня к себе. Но потом ею овладевает неопиcуемая грусть, она резко отстраняется и, вытирая блестящие на солнце слезы, кричит: «О боже, Аза, зачем ты закопала меня? Я же еще живая».

Кир сидел рядом и рассматривал кулон, который он успел сорвать с одной из деревяшек.

И я иду к ней, я пытаюсь сказать ей, что Сонька уже давно мертва, что ее сердце не бьется, но волны подхватывают меня и бьют об острые камни с чудовищной силой. И где-то там, в пучине морской воды, нас поджидают сотни глаз.

А волны все утаскивают меня вглубь, не давая сказать ни слова...

Я не выдержала и прикоснулась к холодным деревяшкам.

Ох Сонька, если ты слышишь меня, скажи, что нам делать дальше...

– Ну что, – Кир крепко сжал голубенькую капельку, обрамленную в золотую рамку, в руке. – Вот и она, наша люби-

мая Родригез. – Замолчал, переводя взгляд на ясное и голубое безоблачное небо. – Заночуем здесь, а дальше – по прямой в Слипстоун. Хватаем Дэвида и плывем в Каролину. Все ясно?

Мне захотелось сказать: *«часть с Дэвидом – совсем необязательна»*, но я промолчала, смотря на полусырую землю.

– Может быть, нам стоит идти прямо сейчас?

– Мы все чертовски устали, – он пожал плечами, – Все, на что меня сейчас хватит – дойти до того подобия кровати и забыться сном как минимум на полдня. Кто знает, может быть, Сонька снова приготовила для нас очередной квест с загадками?

С этими словами юноша, покачиваясь из стороны в сторону, медленно поднялся с колен и зашагал к дому.

Я осталась у могилы.

7

Нам стоило догадаться, что Гарсиа не будет расставаться с зародышами, запечатанными в банках, ни на минуту. К ее образу – большим красноватым глазам, обрамленным белесыми ресницами, сдвинутым на переносице молочным бровям и растрепанным, как снег, волосам, – эти банки будут подходить как никак кстати. И хотя мы договорились, что она перестанет строить из себя защитницу, она все еще не хотела покидать этот образ себя любимой ради двух запуганных насмерть подростков.

В примитивном сарае нашли пару хозяйственных принадлежностей, которые мы могли бы использовать в качестве оружия. Лопаты, чересчур примитивные топоры, небольшие ножи, мотыги – все было там. Мы с Киром взяли по ножу, а вот Гарсиа ухватилась за самый большой топор, который был почти в половину ее роста. Со стороны это смотрелось так забавно, что нам хотелось смеяться, но после того, как мы вспоминали, что, во-первых, Гарсиа уже не маленькая девочка, а во-вторых, она неплохо справляется с ним, наше желание смеяться в два голоса и показывать пальцем на нее резко куда-то пропало. Все-таки, мы даже не были обучены базовым урокам выживания. А она спасала нас все это время.

В доме царила пустота и тишина.

Тот матрац, на котором Сонька истекала кровью, все еще лежал на деревянном каркасе, напоминая мне о тех событиях.

Именно тут мы поняли, что Соньку уже нельзя будет больше спасти.

Именно тут у нее случился один из приступов, который дал понять нам это...

Казалось, что Сонька сейчас выпрыгнет откуда-нибудь из-за угла, засмеется и улыбнется во все свои тридцать два зуба, крича: *хааа, попались! Здорово я вас напугала?!* Но это были всего лишь мои наивные мечты. Ведь Соньке уже никогда не будет суждено обнять меня, Соньке уже никогда не будет суждено сказать Киру, что она его любит. И мы с Киром уже

не сможем посадить ее в лодку и вернуться с ней в Каролину. Теперь ее уже не будет с нами. Никогда.

Мы вышли из дома на рассвете.

Все мы довольно здорово отдохнули и набрались сил, поэтому теперь мы бодро шагали в город по редкой тропинке из щебня. Гарсиа бежала впереди всех, как маленький ребенок с немаленьким топором, я и Кир еле поспевали за ней.

Вокруг нас распростиралось поле с редкой пожухлой травой, по цвету сливающейся с землей. Небо было пасмурным, и солнце только иногда выглядывало из-за пепельных облаков, закрывающих его.

Скоро тропинка, по которой мы шли все это время, кончилась, и ее место заняли пышно цветущие странными небольшими фиолетовыми цветками колючки.

– Что это? – Кир нагнулся и сорвал одну ветку, – Ай! Как больно!

Я увидела, что из его указательного пальца струйкой побежала алая кровь.

– Этих цветков здесь не было, когда мы шли здесь в прошлый раз, – заметила я. – Возможно, мы сбились с пути?

Кир нахмурился. Достал смятую в небольшой клубок карту, и, расправляя ее, огляделся по сторонам.

– Если верить карте, мы находимся здесь, – он указал на точку, находящуюся чуть подальше от лаконичной надписи «пристанище». – Клянусь Богом, их действительно не было в прошлый раз!

– Что вы там копаетесь? – Гарсиа окинула нас презрительным взглядом. – Шевелитесь, двуногие! Иначе я засажу этот никчемный топор кому-нибудь из вас в голову!

Кажется, прежняя сумасшедшая Гарсиа вернулась.

Мы двинулись дальше.

– Как думаешь, возможно, эти странные цветочки цветут здесь каждый сезон?

– Возможно, – я пожала плечами.

– Что-то они напрягают меня. Черт...

Неожиданно Кир остановился. Я оглянулась на него, ожидая, что из его плечей лезут новые головы, потому что я так устала от всех чудес, что мне уже было все равно, но, к моему удивлению, я не увидела ни новых дополнительных голов, ни стаю странных хищников, бегущих за нами. Вместо этого я увидела кое-что другое. Кир вел себя *очень и очень странно*.

Он стоял, пошатываясь на месте, как сомнамбула, и крепко сжимал уколотый палец.

– Что со мной происходит? – он схватился за голову и крепко зажмурился. – О боже, почему я... Какого черта мое тело ведет себя так, словно не спало несколько дней?!

С этими словами он медленно сполз на землю и уселся на небольшую проплешинку среди колючих зарослей.

– Кир? – я потрясла его за плечи, но юноша вяло отмахнулся:

– Я посплю... Идите без меня.

– Как мы можем идти без тебя?!

– Очень просто, – съязвила альбиноска, подошедшая сзади. – Во имя Великой напасти, почему ты ведешь себя как умирающий от чумы?!

Я видела, что Кир не притворяется. Он выглядел так, словно он действительно не спал пару дней. Глаза его запали, губы враз высохли и потрескались; юношу била дрожь. Я пододвинулась поближе и увидела, что зрачки его глаз сильно расширились, а это был дурной знак.

Кир еще раз криво улыбнулся и улегся на землю, закрывая глаза и блаженно улыбаясь.

– Нет! – моя глаза враз наполнились слезами, – не умирай!

– Да не умирает он, глупая двуногая! – Гарсиа со всей силы пихнула его в бок, и Кир вздрогнул и приподнялся над землей, рассеяно озираясь по сторонам. – Что случилось?

– Абсолютно ничего. Мы шли, и вдруг он стал... вести себя так...

– Не может быть, чтобы он просто так стал вести себя как умирающий! Вспоминай лучше, Аза Донцанн!

Пока я усиленно шевелила своими извилинами, Гарсиа успела усадить Кира и отряхнуть его от пыли. Юноша смотрел на нас так, как будто видел впервые в жизни, но его взгляд не был взглядом Кира. Его зрачки все так же оставались расширенными, губы шевелились и что-то невнятно бормотали. В целом, это выглядело так, словно в него только что закачали большую дозу наркотиков.

– А это что? – она дернула его за руку и поднесла к своим

глазам окровавленный палец. – Что это было?!

– Ничего необычного... Он просто укололся.

Взгляд Гарсии метнулся на меня.

– Вот! – она оставила Кира, и, срывая фиолетовый цветок, стала пристально разглядывать его. – Зацепка, Аза Донцанн. Это только тебе кажется, что чума не убьет тебя, но на самом деле она уже где-то здесь.

Надо ли сказать ей, что ей стоит поменьше использовать такие фразеологизмы?

– Переведи все это на английский, пожалуйста, – как можно аккуратнее заметила я.

– Это никак нельзя перевести на ваш *новый* английский, потому что я предпочитаю хранить память. А теперь дай мне пару минут разобраться с этим, двуногая!

С этими словами она окинула меня презрительным взглядом, и мне пришлось удалиться от них подальше.

Какой шанс на то, что она не задушит его прямо сейчас? Около пятидесяти процентов. Скорее всего, около пяти. Если Кир успел грубо порвать с ней – думаю, эту будет около трех. Какая разница, Аза, какова вероятность того, прикончит она его или нет, если у тебя примерно столько же вероятности умереть от топора альбиноски? Меня не волнует моя смерть. Чтoooooooooo. Меня больше волнует то, что происходит сейчас с Киrom. Возможно, все это время он носил с собой наркотики? Какие наркотики в заброшенном городе? Ты издеваешься?

Колючки так и норовили впиявиться мне в оголенные икры. Солнце уже близилось к самой «высшей» точке неба, отбрасывая на землю причудливые тени. Вокруг нас распростиралось поле со странными цветущими фиолетовыми цветками.

Где выход?

Что случилось с Киrom?

Неужели он умирает?

Я не смогу пережить еще одну смерть. Почти что на моих глазах умерла моя единственная подруга, на моих глазах умер Флоренс. И хотя мы с Киrom ненавидели его всеми фибрами души, он оказался не маньяком или убийцей, а всего лишь юношей, который хотел жить ничуть не меньше нас. Это заставило меня пересмотреть свои взгляды на мою будущую жизнь, если, конечно, она вообще у меня будет. И поэтому, если Кир будет вынужден покинуть нас, я больше не смогу идти вперед, и мне придется сдаться.

– Ты что-нибудь нашла? – я нагнулась над Гарсией. Та окинула меня своим фирменным ненавидящим взглядом:

– Полагаю, это растение имеет снотворный эффект... Возможно, его яд проник в кровь двуногого через рану и вызвал у него непреодолимое желание сна.

– То есть, это же не опасно?

Альбиноска нахмурилась:

– А вот этого мне не дано знать.

Она нагнулась к Киру и потрясла его за плечи, но юноша

на это только что-то неразборчиво промычал.

– Времени мало, – она шумно вздохнула. – Мы не сможем нести его. Эй, двуногая... Твой дружок что-то рассказывал мне о каком-то Вевиде...

– Дэвиде.

– Дейвиде, точно. Он говорил, что он живет здесь. Ты должна найти его, пока не поздно, двуногая.

Мне стало так страшно, что я истерически рассмеялась. Я думала, что Гарсиа сейчас отпустит очередную шутку про то, что я такая несамостоятельная, и что бросаю всех нас на произвол судьбы, или вовсе попытается меня прикончить, но ничего этого не последовало. Вместо этого Фитцджеральд мягко взяла мою руку в свои белесые ледяные пальцы и слегка ее сжала:

– Аза Донцанн, вся надежда на тебя. Ищи его! Я умоляю... Ищи его, пока не поздно! Одень мои ботинки, иначе ты изранишь себе все ноги о шипы. Возьми карту и ищи его! Потеряйся, но ищи! Ты нужна нам, Аза Донцанн.

И с этими словами она стала потихоньку снимать с себя грубые кожаные ботинки, под которыми стало постепенно оголяться гниющее мясо.

Отлично.

Пойти одной разыскивать Дэвида одной – что может быть рискованнее?!

Я ожидала дойти до города хотя бы на закате, но размы-

тые очертания разрушенных домов появились только тогда, когда на небе стали вырисовываться первые яркие звезды, которые сразу же становились блеклыми из-за зеленоватого смрадного облака, медленно восходящего на город откуда-то свысока. Ну вот, еще этого не хватало.

Грубые кожаные ботинки ужасно жали ноги. Мне пришлось снять их и пойти в город пешком, пытаясь не наступить на обломок какого-нибудь кирпича.

Больше всего я боялась, что туман сменит свою траекторию, как это было в тот раз. Я боялась, что он пойдет не на город, а на беззащитных Гарсию и Кира, оставшихся где-то посередине поля. Эй, все, что у них есть – перочинный ножик и топор, которым они даже не смогут отбиться от ядовитого газа!

А еще я боялась, что я не найду Дэвида, и мы все станем обречены. Получается, весь тот путь, который я прошла, будет напрасен? Получается, я оставила своих друзей, только ради того, чтобы дойти до Слипстоуна и обратно?

Я окинула взглядом покосившиеся ворота с надписью «Welkme ta Sleepstown», сильно контрастирующей с почти черной выжженной травой.

Страшно было подумать, что однажды мы стояли здесь вместе с Сонькой и Киром в нерешительности, гадая, войти во взрослый мир или нет, а теперь этот город стал в каком-то плане родным мне... Я миновала ржавые ворота и заспешила по разбитой грязно-желтой плитке.

Где может быть Дэвид? У себя «дома»? Да нет, этот дом целиком и полностью разнесли дикари, поэтому жить там уж точно было нельзя. В магазине с оставшимися припасами? Возможно. В саду? Что он будет делать в саду посередине ночи?

Смрадный трупный запах начинал заползать мне в ноздри, вызывая почти непреодолимое желание сплевать под ноги. Я заспешила еще сильнее.

– Дэвид?!! – никакого ответа. Я приложила руки ко рту: – Это я, Аза Джонсон! Я вернулась, чтобы спасти тебя и...

Договорить мне не дало что-то холодное и твердое, прочно ухватившееся за мою ногу. Я закричала и замахнулась ножом, целясь, чтобы всадить его в невидимого гостя, как вдруг...

Существо, скрывающее под маской свое лицо, отползло от меня на пару ярдов, а потом встало, вытягиваясь в свой полный рост...

Я выставила вперед нож, отскочив от него еще на пару ярдов.

Нечто не шелохнулось.

И хотя моя рука дрожала так, что это было видно за милю, оно не спешило нападать. Оно просто стояло и возвышалось надо мной, как немая скала. Из-за темноты, которую впитал в себя город после наступления ночи, я не могла разглядеть его в деталях, но я увидела, что это создание имеет тощие руки с худыми длинными пальцами, широкие плечи и грудь,

из которой выпирают ребра...

Оно еще раз дернулось, делая попытки подойти ко мне, и я закричала. И желеобразное нечто, сидящее у существа на плече, наконец-то осветило его мягким голубоватым светом...

– Сюрприз, – мальчишка снял с себя маску и взъерошил свои черные, как смоль, волосы. – А это я, Дэвид Эванс. Мне послышалось, или ты пришла меня спасти?

Он улыбнулся своей грустной милой улыбкой, широко расставляя руки.

Но я не бросилась к нему в объятия...

Мне было так больно, что я с трудом подавила в себе желание расплакаться прямо перед ним. Теперь, когда Дэвид стоял передо мной, живой и невредимый, меня волновало только одно.

– Эй, Аз, – он улыбнулся еще шире и попытался меня обнять, но я резко увернулась:

– За что? Почему?!

Бу потускнел, предчувствуя взбучку.

– Что – «почему»? – он непонимающе поднял одну бровь вверх.

– Почему ты нас оставил?

Мне показалось, что Дэвиду кто-то всадил в живот кулаком прямо сейчас.

Он опустил руки и уставился на меня. И я тоже уставилась на него, как полная дура. Все-таки, очевидно, не этого

он ждал, когда думал, приду ли я за ним или нет. Конечно я приду за ним, я пришла за ним – я не такая крыса, как он, чтобы оставлять людей умирать на необитаемом острове. Ох, если бы он только знал, сколько я размышляла на тему того, почему он солгал мне!

Наконец Дэвид тяжело вздохнул, и Бу стал еще тусклее.

– Когда я пошел на туман с одним только выдувателем, у меня у самого в голове был туман, – он усмехнулся. – Я знал, что, возможно, вижу вас в последний раз, и что туман может растворить меня в считанные секунды, не оставив и костей.

Я почувствовала, что расклеиваюсь окончательно. Он попытался обнять меня снова.

– Мне удалось привлечь его внимание на себя и позволить вам уйти целыми и невредимыми. Мне тогда было неважно, растворит ли он меня или нет, я хотел спасти вас. Это уже потом я понял, что повел себя как сумасшедший, так сильно рискуя. Ведь туман мог пойти в обратном направлении. Что я могу сказать... – он наконец оставил попытки телесного контакта. – Прости. Я вижу твой немой вопрос. И хочу сказать – просто прости меня, если можешь. Я идиот. Я полный идиот. Прости.

Бу перестал светиться совсем.

На нас опустилась немая темнота. Слышно только было, как в ночи пищат какие-то невидимые зверьки, выжившие после ужасной трагедии, произошедшей здесь. Я бы могла многое ему сказать – и я хотела сказать ему это, но мой язык

предательски отказывался это делать. Я спросила его: *почему, черт возьми, ты оставил нас*, и я получила ответ. Но все-таки что-то в душе меня терзало еще сильнее, нежели чем желание, которое исполнилось пару минут назад.

– Тут чертовски холодно, ты вся дрожишь, – заметил Дэвид. – К тому же где-то неподалеку здесь снова рыщет туман. Уверен, перед началом холодов он еще более ужасней, чем тогда. Давай, у нас мало времени!

Не спрашивая моего разрешения, он схватил меня за руку и затащил в один из домов, стоящий неподалеку. Пока я осматривалась, он успел плотно забить досками единственный вход внутрь.

Это была небольшая лачужка с минимальным количеством мебели. В углу стояла кровать, рядом с ней над нами возвышался резной старинный шкаф. Посередине комнаты лежал пыльный ковер и стол с лампадой. Не считая пару полок и примитивного склада с лекарствами и какими-то инструментами, это было все, что находилось здесь.

– Нравится?

– Жить предлагаешь, что ли? – я фыркнула и провела рукой по полке. Пыль, словно полупрозрачные кусочки облака, легко осыпалась мне на голову.

Теперь, когда тусклая керосиновая лампа осветила юношу, я смогла разглядеть его гораздо лучше.

Он не изменился. Такие же черные волосы, обрезанные впопыхах, словно за ним гнались во время наведения мара-

фета, очки с одной треснутой оправой. Тощая грудь, обнажающая выпирающие почти наружу ребра, сильные мускулистые руки, широкие плечи.

Я до сих пор не верила, что Дэвид стоит передо мной. Да и сам Дэвид, похоже, не верил, что я пришла за ним, переплыв океан два раза.

Я ожидала увидеть в его глазах радость, но, хорошенько присмотревшись, я впервые за все время увидела в них укор и гнев. Пока я собиралась с мыслями, чтобы спросить его, что случилось, Дэвид уже успел поставить на стол пару вонючих консервов в жестяных банках, дополнив их не менее вонючим мясом аликвид.

Мы подошли к столу и сели за старинные резные стулья. Я думала, что Дэвид накинется на еду, как голодный волк, но даже не взглянул на нее. Вместо этого его взгляд прочно впиваясь мне в лицо, как будто там у меня выросло сразу три огромных ярко-красных прыща.

– Итак, Аза Джонсон, – он скрестил руки «домиком». – Прежде всего, можешь взять мою порцию, если ты голодна.

Неожиданно я поймала себя за тем, что долизываю остатки своей консервы языком, как какая-то свинья.

– Да нет, спасибо, – я через силу улыбнулась и отодвинула пустую банку, – я наетая. То есть, нормальная. То есть, я не хочу есть. Спасибо.

– Хорошо, – он оставался невозмутимым и спокойным, прямо как в тот день, когда мы встретили его в первый раз. –

Итак, Аза Джонсон, – он хрустнул костяшками чересчур тонких пальцев, – можно ли мне задать тебе один вопрос?

С этими словами он встал со стула, обогнул стол и сел на колени передо мной.

О боже!!! О БОЖЕ!!! Он, что, собирается делать предложение руки и сердца?!!! Кажется, да, но... Аза, он сейчас скажет: «хочешь ли ты быть моей девушкой?»!!! И что ты ответишь?! Да! ДА!?? Отвечай ДА крысе, которая бросила вас, а сама свалила обратно в свой крысятник!! Мы же выяснили, что он не хотел делать этого специально...

– Аза Джонсон, – Дэвид прищурился, – сейчас мне интересно знать только одну вещь...

МОМЕНТ ИСТИНЫ.

Я неожиданно поняла, что кровь в моих венах застыла, как у покойника, а руки и подмышки вспотели, нарушив весь романтический *момент истины*.

– *Какого хрена ты делаешь прямо тут?!!!* – он хлопнул ладонью по гладкому столу. Консервные банки подпрыгнули в воздух, как мячики. – *Какого черта, Аза?!!! Ответь мне!! Ответь, какого черта ты не в Каролине, а в этом гнилом месте?!*

Я почувствовала, как моя нижняя челюсть отделилась от черепа и упала куда-то на землю.

– *Что?!* – я отодвинулась от него.

Дэвида прямо затрясло от гнева:

– *Ничего! Мне просто интересно узнать, что ты делала все*

это время, начиная от момента, когда я посадил тебя в лодку и проводил вас взглядом, пока вы не скрылись за горизонтом, и заканчивая моментом, когда увидел тебя, разгуливающую на улицах Слипстоуна почти в ногу с туманом?! Ты в своем уме?! АЗА!! *ОТВЕЧАЙ ЖЕ!!*

Он стал трясти меня за плечи. И хотя он двигался настолько быстро, что черты его лица стали смазываться у меня в глазах, я все равно смогла рассмотреть его слезы.

Я понимала, почему он так реагировал. Дэвид Эванс пожертвовал собой, чтобы спасти меня, увести от опасности, а потом я снова приперлась прямо в эту самую опасность. Ну, это он так думал. Он еще не знал, что со мной пришли Кир и Гарсия.

– Потому что я... – **ЯЗЫК. НЕЕЕЕЕЕТ.** – Я... Я... – У меня в горле пересохло. – Я хотела тебя спасти. Тоже. Та-да-дам. Но теперь нас нужно спасти снова.

– *Нас?* – удивился юноша. – Как это понимать??

– Кир и еще одна... девушка, они пришли со мной.

– *ЧТО?!*

Теперь черед уронить свою челюсть до пола настал и для Дэвида.

– Но я думал... Я думал, – он резко вскочил с пола и забежал по комнате, собирая какие-то вещи, – что ты выжила одна! Вот почему я так присел со страху. Где они?! Они здесь? Кто это за девушка?!

– Им нужна помощь, возможно, Кир умирает.

Все.

Удивляться у парня больше не было сил.

Он остановился в растерянности и облокотился о массивный шкаф, громко выдохнув.

– То есть, хочешь сказать, ты пришла сюда, оставив их одних и подвергнув их опасности, и решила попросить помощи у меня? Так? Или я сошел с ума?

– В таком случае, мы все сошли с ума, – я сглотнула. – Они рядом с городом, может, в тысяче ярдов отсюда. Абсолютно беззащитные и не имеющие при себе даже элементарного выдувателя в случае нападения тумана. А еще Кир укололся каким-то растением и теперь ведет себя так, словно он напился – причем, очень сильно. Это все, что я знаю.

– Хорошо, мы сейчас же отправимся в путь, хотя это очень рискованно, Аз. Но мне нужно знать только одно...

Неожиданно Дэвид снова уселся передо мной на колени. Но теперь его глаза не выражали ни капли укора или гнева.

Он смотрел на меня с нежностью, так, как смотрит мать на свое дитя. Мой страх отступил. Впервые за это время, которое мы странствовали по неизвестным землям, которые видели только немногие Выжившие, мой страх, который постоянно маленьким червячком грыз мою душу, отступил. Мне стало так легко и захотелось плакать, поэтому я, не говоря ни слова, тихо сползла к нему на колени и обняла.

Дэвид часто задышал.

– Все будет хорошо, – он стал поглаживать мои волосы. –

Слышишь, Аз. Все будет хорошо.

Я отстранилась.

– Нужно взять немного запасов, лекарства и отправляться за Киrom и Гарсией.

– Гарсией?

– Та девушка. Я расскажу тебе о ней по дороге.

– А что будет дальше?

Мы одновременно улыбнулись. Каждый из нас предчувствовал, что будет дальше, когда мы найдем Кира и Фитцджеральд.

– Что будет дальше? – я решила его поддразнить.

– А дальше, Аза Джонсон, самая красивая на свете девушка, – он хихикнул, – наш путь лежит в Каролину!

Дэвид поцеловал меня в лоб и поднялся с пола.

Когда покореженные и покосившиеся ворота остались позади, мы наконец-то выдохнули, что туман не настиг нас на пути из города. Но расслабляться было еще рано.

Дэвид нес массивную брезентовую сумку за своими плечами, в которую он собрал все лекарства, которые он только имел. Очевидно, «лекарствами» эти странные зеленоватые и синеватые снадобья можно было назвать с огромной натяжкой, но однажды они спасли жизнь меня и Кира и облегчили страдания Соньки, так что сейчас я полностью доверяла

им и надеялась, что они совершат чудо в четвертый раз. Так же Дэвид уместил туда пару дырявых одеял, «макаров», двустволку, пачку патронов, и, конечно, фотографию с Эмили. Как он пояснил, он таскает с собой этот *хлам* повсюду, и верит, что дух Эмили живет именно в этой фотографии. Очевидно, я хотела возразить, что это глупые придумки, не более, но потом я вспомнила, как Сонька мучила нас, заставляя взять кулон, и примолкла.

Мы наконец-то покинули город в последний раз и зашагали по редкой тропинке из щебня, которая вскоре кончилась и превратилась в вязкую грязь. Я шла сзади, оглядываясь назад каждые пятнадцать секунд и направляя юношу на верный путь, а Дэвид шлепал впереди, освещая керосиновой лампой дорогу.

– Ты точно уверена, что мы идем в правильном направлении? – недоверчиво шепнул он.

Я вгляделась себе под ноги и уловила едва заметные следы сапог Гарсии, которые я надевала.

Ох черт.

Они остались в городе.

Кажется, альбиноска не простит меня.

– Наверное, да, – я снова устремила взгляд в немую ночь.

– Так «наверное» или «точно»? Последнее, что я хочу – это плутать по этому треклятому полю еще невесть сколько.

– Я проходила здесь еще днем, тут до сих пор остались мои следы.

Но только я успела сказать это, как вдруг откуда-то сверху на меня упало пару капель, мгновенно обжегших кожу.

– Ох черт! – Дэвид охнул, – если он размоет следы, мы трупы.

Мы зашагали быстрее.

Но как мы ни старались верить, дождь начал хлестать всю, размывая нам видимость, и вскоре мы уже бежали, погоняемые ветром. Крупные капли пролетали в свете керосинового фонаря, как падающие звезды с неба, и оседали где-то на земле. Наша кожа щипала. Наконец, Дэвид не выдержал, и вытаскивая одеяло, укрыл им меня.

– Нужно найти пристанище, – юноша поморщился. Я видела боль в его глазах и предложила разделить одеяло, но он только покачал головой. – Но проблема в том, что вокруг нас только поле и ни единого деревца, дождь размыл следы, а мы даже не знаем, где находимся.

– Давай попробуем покричать, – предложила я. – Если Кир и Гарсиа рядом, они услышат.

– Исключено, – Дэвид покачал головой, – туман может быть рядом, и, если он услышит нас, мы точно трупы.

БАБАХ.

Небо пронзила яркая ломаная полоса, которая тут же исчезла.

– Гроза начинается, – заметил Дэвид. – Тут они бывают редко, но они достаточно мощные, чтобы, например, расколоть надвое какое-нибудь тысячелетнее деревце. Черт. За

мною!

Мы снова пустились вперед, как слепые котята.

Эта смена погоды напомнила мне шторм в Чудовищном омуте. Тогда спокойный и тихий океан превратился в безжалостного убийцу всего за каких-то пять минут, пытаюсь перевернуть нашу лодку и убить. Если бы не *глаза*, которые вынесли нас на берег, мы бы уже давно лежали где-то на дне несуществующего океана.

К сожалению, поблизости теперь не было ни глаз, ни даже какой-то пещерки, в которой можно было укрыться и переждать грозу.

Мы плутали еще пару десятков минут, пока наконец не выбились из сил и осели на землю.

– Я больше не могу, – я вцепилась ему в руку.

Он выдохнул:

– Я... Тоже...

Я уткнулась к нему в грудь и тихо зарыдала.

Всегда, *всегда* нам везло. Тогда, когда огромный пещерный червь чуть не проглотил нас живьем, мы как-то сумели спастись. Тогда, когда мы чуть не разбились о волны, мы тоже сумели спастись. Даже тогда, когда мы были в шаге от смерти от дикарей, мы спаслись.

Но теперь у нас не было ни единого средства защиты, не считая выдувателя и пару ружей, ни единого представления, где мы находимся, и ни единой идеи, сколько мы еще будем здесь находиться. У нас не было ничего, что дало бы нам хоть

какую-то надежду на то, что в нас не попадет молния или мы не расплавимся из-за кислотного дождя.

Я закрыла глаза и заплакала уже в голос.

Мы были такими беспомощными перед стихией Слипстоуна.

И мы не могли сделать абсолютно ничего.

Все, что мы ощущали сейчас, было ужасное жжение по всему телу, собственные соленые слезы на лице и пустоту в душе. Я решила испробовать последний вариант и, собирая остатки своих сил, громко закричала.

– Не выйдет, – Дэвид слабо сжал мою руку, – плотная стена дождя не пропустит ни единого звука дальше, чем на сто ярдов.

В ответ я снова закричала.

– Не трать силы, – он сжал мою руку сильнее, – Аза, попытайся не тратить силы.

– А что, я должна сидеть тут, пока не пушу корни, и ждать, что спасение снизойдет к нам с неба?! – взъерилась на него я.

Как бы в подтверждение моих слов небо рассекли еще пару ярких полос, которые тут же затерялись где-то за облаками.

Юноша укрылся одеялом и прижал меня к себе, так что теперь мы оба были в безопасности от кислотного дождя.

– Аз, – он весь сжался. – Мне жаль, что мы опять попали в такую задницу. Я действительно не знаю, что нам делать.

Я посмотрела в небольшую щелку на пасмурное небо.

– Именно тогда, когда казалось, что спасения нет, и что мы сейчас умрем, неважно – измельченные в специальной машине или проглоченные гигантским животным, спасение приходило просто так. Почему бы не попытаться еще раз, вместе?

– Это рискованно...

– Но что, если они услышат нас?

– Тогда нам придется уносить ноги от тумана уже вчетвером.

Дэвид что-то возразил, но оглушающий гром не дал мне расслышать его слова.

В конце концов, он сдался.

– Хорошо, – мы вылезли из-под одеяла и встали на ноги. – По счету три. Один, два....

А в следующую секунду произошло то, что заставило упасть наши челюсти на землю и завязнуть в вязкой грязи уже, наверное, навсегда.

Буквально в пяти-семи ярдах от нас появилось странное блеклое голубое пятно, которое стало расползаться в воздухе, и вскоре образовало непроглядную голубоватую дымку, тянущуюся по земле, как неторопливое стадо. Мы попятнулись назад. Дождь начал потихоньку сбавлять обороты, а небо уже не крошилось от бесконечных молний, прорезающих его.

Между тем странное облако обволокло нас со всех сторон и вскоре затянуло в себя, заслонив от глаз то, что мы еще

могли видеть в непроглядной темноте.

Я крепко схватила руку Дэвида.

– Тихо, – он широко раскрыл глаза, – это не туман, успокойся. Кажется, я знаю, что это...

– Ты всегда говоришь «я знаю, что это», хотя ты ничего не знаешь, и из-за тебя мы всегда попадаем в полную задницу, – огрызнулась я.

– Из-за меня?! Вот уж спасибо!

– А если это все-таки туман?!

Он крепко сжал мои плечи так, что костяшки его пальцев захрустели.

– Я клянусь тебе, это не туман. Смотри!

Парень пальцем указал куда-то вперед.

Сначала я ничего не увидела. Но потом, всмотревшись в голубую пелену, открыла рот от удивления...

Там, в сотне футов от нас, стояли полупрозрачные... люди. Они было полностью голубые: их одежда была голубой, волосы были голубыми, даже зрачки и радужка глаз были голубыми. Было ощущение, что художник, сотворивший их, работал только в стиле гризайль, как будто это способствовало его настроению.

Размытые очертания придавали призракам еще более загадочный вид. Они словно парили в воздухе, не касаясь ногами вязкой грязи. Дождь пролетал сквозь них. Их лица не выражали ни единой эмоции, как будто все их мышцы были пластифицированы.

И тут я догадалась.

Призраки.

Новолуние.

– Не могу поверить, что они подошли к нам так близко! – Дэвид охнул. – Что они здесь забыли?!

Между тем неупокоенные стали медленно уходить в туман, как будто их и не было.

– Стой, у меня есть еще один план, – пробормотала я.

– Говори.

– Зови Эмили.

– *Что?!*

Он отпрянул от меня.

– Аза, ты в своем уме?!

– Это наш единственный шанс найти Кира и Гарсию! Что, если она согласится показать нам путь?!

– Что, если она *не* согласится показать нам путь?! Аза, неупокоенные чертовски непредсказуемы, ты же знаешь!

– Но это же наш единственный....

– Слушать не желаю!

– Знаешь, что? – я забежала назад и вытащила фотографию из его рюкзака, – ты ведешь себя как Кир, такой же пессимистичный и грубый. Я сама сделаю все.

Но прежде чем он успел отнять у меня фотографию, обрамленную в золотую рамку, я уже успела крикнуть «*Эмили!*», хотя сама понимала, что это очень рискованно. Нам было неизвестно, как она поведет себя при виде живых душ. Но

одновременно с этим это был наш последний шанс, который мог сработать, и я не желала упускать его навсегда.

Мы замерли и превратились в сплошной слух. Голубоватый туман окружал нас повсюду, скрыв из виду все, что находилось дальше пары ярдов. Неупокоенных видно не было.

– Если она захочет убить нас, знай, что виновата в этом будешь ты, – отрезал Дэвид.

– Хорошо, если она убьет нас, виновата в этом буду я, Второй-Кир-Браун, – подытожила я.

– Пойми, это же опасно, опаснее, чем стоять посередине поля и размахивать руками, громко вереща, и ждать, пока в твой затылок треснет гроза!

Я хотела сказать что-то еще.

Но вдалеке показалась фигура.

Девушка в голубом платье по колени, с короткими голубоватыми волосами и большими глазами-топазами смотрела на нас и улыбалась.

– Эмили... – прошептал Дэвид.

А в следующую секунду произошло нечто необычное.

Юноша сорвался с места и побежал навстречу девушке. Несмотря на то, что она была призраком, Дэвид как-то ухитрился подхватить ее на руки и закружить, повторяя одну-единственную фразу.

Спустя пару минут он опустил ее на землю и обнял, уткнувшись в ее полупрозрачную шею.

– Аза, она почти как живая, – он крепко зажмурил глаза. –

О боже, Аза, моя Эмили, она здесь, здесь, здесь. Она здесь, о боже, Аза, я не могу поверить.

Полупрозрачная голубая девушка обернулась ко мне и помахала рукой, задорно улыбаясь.

– Мне так не хочется отпускать тебя, – он еще раз крепко зажмурился. – Прости, что не смог спасти тебя.

Она махнула рукой в мою сторону с видимым вопросом.

– Это Аза Джонсон, она моя... Гм, спутница, которая тоже попала сюда рейсом восемьсот восемьдесят восемь. – Дэвид смущенно улыбнулся. Эмили изогнула левую бровь и покачала головой, давая этим понять, что, в общем-то, она знает, что мы уже всеми фибрами души прикипели друг к другу, а не просто какие-то знакомые.

– Эмили, – я осмелилась подойти к ней. Взгляд девушки сразу же упал на фотографию, какую я держала в руках. – Прости, что потревожили тебя. Нам нужна помощь. Если ты хочешь, чтобы твой брат покинул эту чертову обитель, помоги нам. О'кей? Я очень прошу тебя.

Эмили приподняла голову. Закрыла глаза. Напряглась и нахмурилась. Казалось, что она готовится закричать. Но вдруг ее рот слегка приоткрылся, и мы услышали тихое: *время*.

– Так ты еще и разговариваешь, – удивился Дэвид.

Ответом на его слова стал хмурый укоряющий взгляд.

– Прости-прости! Так ты поможешь нам?

Эмили стала беспокойно оглядываться по сторонам.

– Если tuuo увидит нас, – она говорила с видимым усилием, вытягивая английские слова вперемешку со слипстоунскими. – То eka ty, я никогда не смогу быть senno. Tuuo беспощаден.

– Что она говорит? – я потрясла Дэвида за плечо.

– Если она отделится от этой «основной» голубой массы и попадется туману, то она станет частицей тумана, – быстро проговорил Дэвид. – То есть, она станет никем, ее просто не будет существовать. Те души, которые умирают, неважно как – после продолжительной борьбы с раком или в неизвестном городе, которых поглотил туман, больше не существуют *нигде*. А неупокоенные этого очень боятся.

Эмили сделала странный жест рукой и тихо продолжала:

– Я больше не увижу Дэвида. Это yritapu siro ka. Девушка, я nattsh.

– Она боится, что больше не увидит меня, если это произойдет, – пояснил юноша и обратился к призраку: – Но это лучше, чем наблюдать, как в вашу стаю присоединяются еще четыре неупокоенных! Эмили... Прошу тебя.

Но девушка покачала головой.

– Что ж, хорошо, – он закусил бледную губу, поняв, что спорить с призраком, в общем-то, бесполезно. – Спасибо. Возвращайся обратно. Я люблю тебя, сестра. Я люблю тебя, Эмили.

С этими словами он выхватил из моих рук фотографию и помахал ею. Эмили кивнула и стала растворяться в воздухе.

Ну вот и все. Наш план потерпел неудачу.

Я могла бы уговаривать ее бесчисленное количество времени, пока у нее уши бы в трубочку не закрутились, но она была неупокоенной, она была призраком, а иметь дело с призраками было довольно опасно, даже несмотря на то, что они не состояли из плоти и крови. Ведь именно призрак ранил Кира тогда. И с таким же успехом Эмили сейчас могла сделать это с нами.

Дэвид закрыл глаза и завесил лицо черными, как смоль, волосами, но я все равно знала, что он плачет. То ли от осознания того, что он больше никогда не увидит ее, то ли от понимания, что он увидел ее первый раз за восемь лет так близко. А возможно ему просто было горько за душу своей сестры, которая нашла пристанище где-то в несуществующем заплесневелом городе, как и все те, которые когда-либо жили тут и погибли во Второй мировой.

Голубоватая дымка стала потихоньку рассеиваться, являя нашему взору картину бушующей природы Слипстоуна.

– Что ж, спасибо, что попыталась, – Дэвид горько усмехнулся. – Я олень, который не сделал абсолютно ничего. Прости.

– Из «прости» лапшу не сваришь, – припомнила я знаменитую фразу Кира. – Остается двигаться дальше. Это все, что я могу предложить сейчас.

Мы подхватили наши вещи, до нитки промокшие под плотным ливнем, выставили вперед керосиновый ночник, и

медленно, сквозь чудовищные порывы ветра, двинулись вперед.

Но не успели мы пройти и пары ярдов, как вдруг что-то голубое, почти сливающееся с землей, проскользнуло под нашими ногами и исчезло, затерявшись в беспроглядном мраке.

– Ты видела?! – Дэвид остановился.

– Видела, – подтвердила я.

Но только Дэвид открыл рот, чтобы что-то сказать, как откуда ни возьмись появились еще с сотню таких голубеньких огоньков. Они словно выскочили из-под земли, окружив нас плотным кольцом. От них исходил жар, они искрились, как бенгальские огни, хотя по размеру не догнали бы и обычного воробья. Огоньки отбрасывали на траву мягкие голубые полосы, освещая вокруг все пространство. Мы заметили, что они как бы вели нас в каком-то определенном направлении.

Дэвид и я переглянулись.

И мы сделали свои первые уверенные шаги, ведь мы знали, что Эмили вернулась снова.

Огоньки растворились так же быстро, как и появились. А мы снова вынырнули из сказки и очутились посередине мрачного поля.

Вот только тут я узнала, что это было за место.

– Гарсиа!!! – мы подбежали к небольшому темному холмику, который тут же зашевелился и высунул бледное лицо

из-под капюшона.

– Аза Донцанн? – Фитцджеральд дрожала. – Кто это рядом?

– Не бойся, это свои. Кир жив?

Она зашевелилась сильнее и отползла на пару ярдов, являя нам бредящего юношу.

– Он точно не пьян? – пробормотал Дэвид, – выглядит так, словно он перебрал с крепким виски.

Мягкий свет керосинового ночника освещал лицо альбиноски, ее огромные красноватые глаза, слезы, застывшие там. Ее лицо не выражало абсолютно никакой эмоции, но я знала, что она плакала. Я знала, что ей было больно за Кира. И я знала, что теперь их нельзя разлучать ни под каким предлогом, даже если Гарсиа выглядит так, словно с нее только что сняли скальп.

– Каков наш план? Мы не можем оставаться здесь всю ночь, – Дэвид указал на несуществующие часы на своем запястье. – Давайте мне своего пьяного, я немного поколдую.

С этими словами он опустился на колени перед Киrom и, раскладывая на влажную от дождя траву баночки с лекарством, внимательно осмотрел юношу.

– Что произошло?

– Полагаю, он укололся о шипы растений, – озвучила свою теорию альбиноска.

– Когда это произошло?

– Еще днем.

Он открыл рот Киру и внимательно посмотрел внутрь, как будто это могло что-нибудь дать.

– М-да, – цокнул Дэвид. – Он укололся о шипы растений, и... Стал таким? Эти растения, что, обладают снотворным эффектом?

Я вздохнула:

– Похоже.

В следующие полчаса Дэвид плясал над Киром, как шаман с бубном. Он успел дать ему пару лекарств, но юноша все так же не подавал признаков нормального функционирования разума, и лишь изредка невнятно бормотал какие-то обрывки фраз и слов.

Мы с Гарсией ждали чуда. На всем моем пути чудеса случались в момент, когда казалось, что отчаяние поглотит меня полностью, не оставив и следа. Но чудо *случалось*, и только благодаря ему мы сейчас находились все вместе, пытаюсь спасти бедного Кира.

Давай же, чудо.

Случись снова.

Ты сейчас так нужно нам.

Спустя еще полчаса Дэвид сдался.

– Станный у вас Кир, – только и смог сказать он, садясь на землю и укутывая меня одеялом на пару, – я сделал все что мог. К сожалению, я не волшебник. Что бы я еще мог попробовать...

– Сделай что-нибудь! – в глазах Гарсии было полное непо-

нимание. – Я сказала – *сделай!!!*

Она стрелой метнулась к бедному юноше, который был выше ее раза в четыре, вцепилась ему в плечо и стала трясти в разные стороны.

– СДЕЛАЙ ЖЕ ЧТО-НИБУДЬ, – она тяжело дышала, – СДЕЛАЙ!!!

– Кто-нибудь, уберите эту психованную! – Дэвид рывком встал на ноги, и миниатюрная альбиноска сползла по его руке на землю. – Эй ты, аборигенша, я сделал все что мог, я не волшебник, чтобы сворачивать горы! Пойми ты это!

Он снова хотел было усесться на траву, но тут его глаза загорелись, как всегда бывало тогда, когда его мозг пронзала какая-то бешенная идея, и он, вскидывая брови, тихо произнес:

– Собственно, я знаю еще один выход.

– И какой? – спросили мы с Гарсией в один голос, хотя я уже догадывалась, какой.

– Идти дальше.

Восходящие лучи солнца наконец осветили наши измученные зеленоватые физиономии и все то, что окружало нас.

Ливень давно кончился. За ночь здорово похолодало, и теперь мы шли, что называется, пританцовывая. Дэвид нес измученного Кира на руках, а мы с Гарсией, ругая весь белый свет, делили бедное одеяло на двоих.

Я всегда поражалась мужеству Эванса, ведь даже в таких

непростых ситуациях, как сейчас, он не подавал ни малейших признаков того, что ему холодно, хотя ему, несомненно, было холодно.

Спустя несколько часов непрерывной ходьбы мы наконец-то выбились из сил и сделали привал.

Солнце уже вошло в зенит и отбрасывало на нас причудливые тени. В густой траве роились насекомые. Дэвид нахмурился и дернул рукой, проведя внутренней стороной ладони по густой желтоватой траве и, поднося руку к глазам, разжал кулак.

Прямо в середине сидело странное насекомое, похожее на скорпиона и паука вместе взятых. В его черных глазах на всем теле скакали лучики света, жало, поднятое высоко вверх, подергивалось то ли от ветра, то ли от напряжения.

– Мы таких с Эмили ловили, сколько раз – не пересчитаешь, – он ухватился за жало тонким пальцем, поднес губы к самому концу, и... дунул. Насекомое раздулось, точно воздушный шарик, и запищало.

Гарсиа, которая доедала остатки из холщового мешочка с запасами, усмехнулась.

– Мы их и в пищу использовали, и так – для забавы. Я помню, наловишь таких с сотню, принесешь домой, надуешь, выпотрошишь внутренности, сунешь лучину, завяжешь и повесишь на стену. Такие вот живые светильники получались.

– Дааааа уж... – Протянула я. – Жестоко.

– Ничего жестокого. Либо ты, либо тебя – выбирай, но

осторожней. Мы имеем превосходство над этими обитателями, – он аккуратно взял за жало черный шарик и потряс им в воздухе, – но другие обитатели имеют превосходство над нами. Они с легкостью могут сделать так, – с этими словами он поднес насекомое к лицу и положил в рот, шумно захрустев. Я поежилась. – Поэтому все, что нужно знать неженкам: в выживании шутки про только что сделанный маникюр плохи. А теперь давайте пополним силы, нам предстоит долгий путь.

С этими словами он взял свой рюкзак, в который мы успели сложить все то, что унесли из шлюпки, и вытащил пару мешочков с ягодами.

– М-да, – он цокнул, – наешься тут, этими ягодами. У меня если идея поинтереснее. Эй, аборигенка, как там Кир поживает?

Гарсиа недоверчиво пододвинулась к Киру и внимательно взгляделась в его лицо.

– Живой.

– Вот и отлично, – Дэвид потер руки. – Кто из вас тут умеет охотиться?

Мне пришлось признать величие альбиноски и тихо заползти куда-то в недра колючей травы, чтобы стать менее заметной. Потому что, во-первых, я не умела охотиться, а во-вторых, я не особо-то и хотела это делать сейчас, когда мои силы были на исходе. Но Дэвид был непреклонен. Он схватил топор, который Гарсиа утащила из домика, и бодрой по-

ходкой направился к одиноко растущему деревцу, как бы давая намек на то, что мы обязаны в этом участвовать.

– План такой, – он расхаживал между нами двоими, как какой-нибудь генерал. – Тут обитают некие ночные зверушки, довольно полезные как в плане пищи, так и в плане лекарств. Да, я говорю про Друга! Эти крысы всегда выходят ночью на охоту. И их кровь – важное составляющее для того, чтобы приготовить энергетик.

– Почему бы не тратить свои силы?! – глаза Гарсии опасно сверкнули. Друг, который все это время сидел на плече у Дэвида, шумно сглотнул.

– Нет-нет-нет, – нервно усмехнулся юноша. – *Это* животное не предназначается для еды. На чем я остановился? Ах, точно. Если мы сможем поймать парочку этих юрких беглецов, мы убьем сразу двух зайцев: мы утолим свой голод и, самое главное, сможем поднять Кира на ноги! Как вам идея?

С минуту мы таращились на него так, словно Дэвид только что натянул свои трусы на голову. Если они, конечно, вообще у него были.

– По рукам, – Гарсия отцепила от пояса птичью маску и одела себе на голову. – Скажите мне, во имя Великой напасти, почему современные люди усложняют свои задачи?!

– Потому что у них существует такое понятие, как «домашние питомцы», – ответила я. – Это то же самое, что и люди, только животные.

– Мы *домашних людей* сжигали на кострах. Бабушку мо-

ей матери сожгли у меня на глазах и потом угостили ее же мясом.

Мы с Дэвидом одновременно почувствовали, как к нашему горлу подступают рвотные массы. Все-таки, Гарсиа была не из неженков.

– В любом случае, – юноша потер руки, – начнем?

Полыхающие поленья отбрасывали яркие искры на приотптанную нами землю, создавая впечатление, что здесь летают сотни светлячков. Мы выжидали. Точнее, Дэвид и Гарсиа сидели на дереве, почти полностью слившись с ночным мраком, который обрушился на нас в считанные часы, а я от холода отплясывала тумбу, стоя рядом с деревом.

За эти пару часов заметно похолодало, и вся моя кожа покрылась гусиными пупырышками. Я пожалела, что не обладаю достаточными навыками, чтобы заменить Гарсию и присоединиться к Дэвиду. Тогда, возможно, вдали ото всех, мы смогли бы наконец сказать все те вещи, которые не давали нам покоя. Например, что мое сердце полностью привязалось к сердцу Дэвида. И что тогда я накричала на него не потому, что хотела, а потому что боялась, что было бы, если бы мы уже никогда не увиделись с ним.

Но такой возможности мне не представилось, и теперь я просто униженно наматывала круги вокруг дерева, изредка поднимая голову на еле различимых в темноте ребят.

– Ты точно уверен, что твой план работает? – спустя неко-

торое время крикнула я и стукнула кулаком по шершавой коре.

– Как дважды два, – гордо оповестил меня Дэвид.

Я услышала, что Гарсиа что-то спросила у юноши, но тот ограничился коротким и лаконичным «нет».

Я снова принялась резать круги вокруг хлипенького, но высокого дерева.

И ровно в тот момент, когда я почти насчитала шестьдесят семь битых кругов, в траве кто-то *завозился*.

Мой взгляд невольно упал на приманку, лежащую рядом с костром – с сотню расчлененных трупиков тех странных насекомых, который ловил Дэвид. *Да уж, мало кто захочет есть это* – пронеслось у меня в голове.

Я аккуратно надломила одну из веток и запрокинула голову вверх. Дэвид помахал рукой, говоря этим, что мой знак он принял.

Я услышала, как Гарсиа спускается с дерева. Она двигалась грациозно, уверенно и почти бесшумно, словно ей не впервые лазать по деревьям. А возможно, не впервые. Она наверняка питалась какими-нибудь фруктами, растущими на верхушках деревьев на острове Алукейл.

Спустя пару секунд она спрыгнула с дерева. Через ее плечо был перекинута двустволка, явно контрастирующая со средневековой цивилизацией. Сама же она одела маску, так что теперь костер отбрасывал на ее «лицо» причудливые тени, делающие ее похожей на привидение.

– А ты точно уверена, что ты умеешь пользоваться ружьем? – недоверчиво протянула я.

– Как дважды два, – переозвучила альбиноска.

Мне с трудом представлялось, как средневековая девушка, которая не видела даже обыкновенных смартфонов, посылает грады пуль невидимым обитателям. В любом случае, нам надо было пробовать. У каждого была своя цель, которую он старательно выполнял для того, чтобы спасти Кира.

Трава в округе зашевелилась. Повсюду стали слышен шум и пiski, свидетельствовавшие о том, что здесь этих странных существ ходит как минимум целая стая.

Неожиданно прямо передо мной шарахнулась серенькая тень. Она преодолела расстояние примерно в десять ярдов и почти скрылась в высокой траве, как вдруг за моей спиной послышался оглушающий удар. Гарсиа выстрелила из двустволки, распугав всех, кто находился в радиусе сто пятидесяти ярдов.

В воздухе раздалось эхо, а потом повисла немая тишина. Я не знала, попала ли она в бедную зверушку, потому что ее пуля с легкостью могла отрекошетить от земли и угодить в совсем другое место. Оглушающий выстрел прошелся по полю, и теперь вряд ли кто осмелился бы подойти сюда как минимум в следующие пару часов. Поэтому, к сожалению, это был наш единственный шанс, и Гарсиа, похоже, его упустила.

Спустя мгновение Дэвид спустился с дерева с испуганным

выражением лица.

– Ты попала? – он стал оглядываться по сторонам.

Гарсиа бросила оценивающий взгляд на ружье:

– Луки и стрелы для меня более удобны, чем *это*.

– Так взяла бы свои луки и стрелы, – буркнула я.

Мы стали продвигаться в том направлении, куда она выстрелила. В сырой земле была видна четко очерченная полоса, проделанная пулей. Тот факт, что на земле не было видно ни капли крови, подтверждал догадку, что, все-таки, Гарсиа промазала. *И зачем мы доверили ей ружье?!* – мысленно спрашивала я себя все снова и снова. Но теперь уже нам ничего нельзя было исправить.

Наш план провалился.

– Вот черт, – Дэвид схватился за голову и запустил пальцы в свои волосы. – Аборигенка! Ты же...

– Во имя Великой напасти, я понятия не имею, как пользоваться этой штукой! – взъерилась она.

– Зачем ты тогда попросила ружье?!

– Зачем ты, двуногий, отдал мне его?!

– Ты издеваешься! Ты понимала, что это единственный доступный шанс привести Кира в порядок! И ты его упустила!

– Тогда ты мог не отдавать мне ружье, понимая это!!

Мне было так больно и обидно. Слезы сами лились по моему лицу, ведь я осознавала, что Киру может стать хуже, и тогда мы ничего не сможем сделать – даже облегчить его му-

ки. Дэвид и Фитцджеральд ссорились и кричали громче, чем с дюжину выпускаемых одновременно пуль, а я просто шла и пыталась проглотить огромный ком в горле, появившийся из ниоткуда.

Я видела Кира, лежащего у костра, я видела, как его глаза беспокойно мечутся туда-сюда, словно он принял большую дозу наркотиков, а изо рта стекает слюна.

Желтоватая в свете костра трава расступалась передо мной, точно перед королевой. Мне хотелось выть и кричать, но я смогла взять себя в руки и просто идти куда глядят глаза, ощущая тупую боль в груди.

Я прошла больше полсотни ярдов, так что теперь весь наш лагерь под открытым небом казался мне светлой точкой посреди бескрайнего мрака, как вдруг моя голая ступня ощутила под собой что-то мягкое и теплое...

Я отскочила и широко раскрыла глаза.

А в следующую секунду мой радостный вопль услышала, кажется, вся планета.

– Не может быть! – Дэвид, подбежавший ко мне, схватил окровавленную крысу и поднял ее высоко в воздух. – Аборигенка все-таки попала!

– Она ушла так далеко от места, где альбиноска выстрелила в зверушку, – задумчиво пролепетала я.

– Ну да, эти создания довольно выносливые.

Бордовая вязкая кровь струилась по рукам Дэвида, как корни, хаотично прорывающиеся в землю и оплетающие все

на своем пути.

Мы подошли к костру. Гарсиа поджидала нас, сидя рядом с Киром. При виде умирающего создания на руках Дэвида она самодовольно усмехнулась.

Теперь, когда костер осветил это загадочное животное, я смогла рассмотреть его поближе. Оно полностью помещалось у Дэвида в руках, свернувшись калачиком. Ясные огромные черные глаза отражали языки пламени и как бы говорили нам: *жизнь за жизнь, а вам – не стыдно ни капельки*. Хвост, лысый, как у настоящей крысы, едва шевелился. Сквозь покрытую серым мехом кожу проступали очертания ребер. В животе, рядом с задней правой лапой, зияла внушительных размеров кровавая дыра. Я поморщилась и поспешила отвернуться.

– Кто-нибудь, откройте рот Киру, – скомандовал Дэвид.

Мы подчинились. Уже спустя пару минут юноша стоял над Киром и держал над его ртом истекающее кровью создание.

– Всех нервных прошу отвернуться, – добавил он и резко перекрутил руки.

Крыса издала едва слышный писк. Послышался хруст костей. Я почувствовала, как внутри меня все сжимается от боли и отвращения. Спустя пару секунд из еще теплой плоти фонтаном брызнула вязкая бордовая кровь, которая стала литься в рот Киру.

– Усадите его, – снова скомандовал Дэвид. Мы с Гарсией

подстелили под его спину рюкзак и кое-как усадили парня в вертикальное положение.

Неожиданно Кир резко дернулся. Его руки затряслись, рот открылся в безмолвном «о», а по всему телу пронеслась такая дрожь, что буквально свалила его с места. Мы поспешили придерживать его.

Со стороны это, наверное, напоминало приступы Соньки. Вот поэтому я и испугалась, начав думать, что Дэвид намудрил что-то не то. Перед глазами всплыли последние дни Соньки... Ее полные боли глаза... Одежда, испачканная в крови и рвотных массах... Трясущиеся руки... И рана... Такая огромная, с осколком копья, пропитанного ядом...

– Еще больше! – Дэвид снова схватил издохшую крысу и, перекручивая ее еще сильнее, вылил новую порцию крови и кишок Киру в рот.

Кир содрогнулся. На его лбу выступил пот, а глаза закатились, как у эпилептика, так что теперь в его глазницах отражались одни белки глаз.

– Ты точно уверен, что это сработает? – я пристально посмотрела на Дэвида. Он кивнул:

– Должно.

В это время Кир сделал свой последний рывок и осел в наших руках, крепко зажмурившись.

Открыл глаза он только тогда, когда к нему вернулось ясное и полное сознание.

– Поверить не могу, что я вел себя как умалишенный, – содрогнулся Кир.

Мы преодолели небольшой кряж и сосновый лес и теперь двигались прямо к океану. В воздухе чувствовались запахи воды и морского прибоя, а мы с нетерпением предвкушали снова выйти в открытую искрящуюся гладь. Только теперь уже – все вместе.

– Ну, ничего такого особо не случилось, – галантный Дэвид решил умолчать про то приключение, которое устроил нам Кир. – Мы... э-э, зверушку одну убили и поужинали. Только и всего.

– Да, поужинали, – протянула я, вспоминая Кира в припадке.

Мы наконец-то вскарабкались на высокий холм. Вдалеке виднелась озаренная солнцем гладь бескрайнего океана. Солнце освещало высокие проростки пшеницы, хотя я точно не могла утверждать, была ли это пшеница, и вообще, был ли сейчас сезон для пшеницы. Наверху слышались крики птиц.

Деревья плотным кольцом обступали кромку берега со всех сторон, оплетая все, что только попадалось им на пути, огромными полуиссохшимися манграми. Где-то вдалеке паслось стадо странных мутировавших лошадей. В наши лица дул свежий горячий воздух, заставляя морщиться.

– Мы идем, Дом! – Дэвид раскинул руки вперед и глубоко вдохнул. Потом повернулся спиной к океану и произнес: –

спасибо за все, Слипстоун. Спасибо за то, что научил меня жить и радоваться каждому мгновению.

Дэвид все еще стоял на холме, прощаясь с жестоким островом, а мы с Киrom и Гарсией уже успели спуститься к подножию, отыскать нашу лодку и начать погружать в нее вещи.

– Надеюсь, нас не застукнет туман, как в прошлый раз, – нервно пошутила я. Гарсия непонимающе покосилась на меня, очевидно, недоумевая, как простой туман может испортить всю поездку, но ей не следовало знать об этом.

– Эй там, наверху, – Кир похлопал в ладоши.

Дэвид в ответ махнул рукой, как бы говоря, что он скоро придет.

Я подошла к океану.

Именно он изменил меня до неузнаваемости. Именно он чуть не утопил и потом спас меня. Именно с помощью него я познакомилась с Гарсией и Флоренсом. Вода была теплая у берега, но чем дальше я заходила вглубь, тем холоднее она становилась.

Мимо моих ног проплыли две светящиеся в свете лучей рыбки, которые тут же растворились в голубой глади.

– А вот и я, – чьи-то руки обвили мою талию и притянули к себе.

– Боишься? – я обернулась к Дэвиду. Он улыбнулся однобокой улыбкой:

– Как мне можно бояться, когда рядом со мной такая красота?

Вдалеке послышался хохот Кира. Интересно, стоит напомнить ему про то, что каких-то пару дней назад они едва не поцеловались с Гарсией?

– В любом случае, теперь туман не помешает нам, – Дэвид улыбнулся.

Я развернулась к нему. Между нашими лицами едва можно было уместить пару дюймов. Его холодные руки обвили мою талию, я взяла его за плечи. Именно так это должно было быть тогда, в первый раз. Но в первый раз все это было в спешке, ведь туман наступал нам на пятки, а мы целовались буквально у него «на глазах». Но сейчас...

Дэвид медленно положил свою руку мне на лицо, неотрывно смотря мне в глаза.

А потом поцеловал.

Все, что я осязала, ощущала, видела и слышала, превратилось в одну сплошную кучу. Где-то вдалеке раздавались радостные крики Кира, готовившего лодку. Лазурные волны разбивались о песок, над нами кричали чайки, в лицо дул теплый ветер. Все это перестало существовать на то мгновение, когда наши губы соприкоснулись и сделались единым целым.

Спустя пару секунд мы отстранились друг от друга и пристально посмотрели друг другу в глаза.

– Это было потрясающе, – Дэвид усмехнулся, поправляя очки.

Я кивнула и улыбнулась.

И Дэвид поцеловал меня снова.

Наша лодка медленно миновала пролив.

Океан был спокойным, небо было чистым. Над нами рассекали чайки, ныряя в воду за рыбой и оставляя на абсолютно ровной глади сильно контрастирующие разводы. Мы с Дэвидом просто стояли у перил и не верили своему счастью. Очевидно, это была только середина нашего пути, но то, что мы ушли из Слипстоуна все вчетвером с головами на плечах, заслуживало внимание как само по себе разумеющееся. Мы бы могли петь и кричать, наверное, целую вечность, но мы так устали и выбились из сил, к тому же, мы до сих пор не верили своему счастью, поэтому мы просто стояли у борта и смотрели на бесконечный океан.

Скоро одинокая полоска берега окончательно скрылась за горизонтом, и мы очутились абсолютно одни, в полной тишине.

А Сонька смеется, и я пытаюсь подойти к ней, но неожиданно ее лицо сменяется гримасой боли и отчаяния. Я хочу сказать ей: «Сонька, я здесь, иди ко мне», но она кричит: «о боже, Аза, зачем ты меня закопала, о Аза, за что, я же живая».

Теперь, когда мы прошли большую часть пути, мне уже стоило начать волноваться по поводу нашей дальнейшей жизни в цивилизованном мире. Эй, у нас не было даже документов! В Шарлотт мы наверняка считались пропавшими,

как и все остальные пассажиры рейса. Когда нас спросят, какого, собственно, черта мы из себя представляем, что мы ответим? *Привет, я девушка из семнадцатого века, мне шестьсот с лишним лет, я мальчик, который пропал восемь лет назад и потерял часть ноги из-за тумана, терроризирующего несуществующий город, а мы – двое подростков, которые были в плену у дикарей?* Тогда диагноз нам будет обеспечен налицо. Власти просто решат, что мы самые настоящие наркоманы, и умоют руки, отправив нас в психушку, хотя у нас будет стоять более важная цель, чем прятать таблетки под язык и сочинять бурду про то, что нам уже лучше, и что мы врал и просто кололись в подворотне, а не путешествовали по неизвестному миру.

Нам нужно будет доказать, что этот город, и все, что там есть – реально существует, и что это не просто воспаленное воображение четырех подростков. А чтобы доказать это скептически настроенным следователям, нужно предоставить им доказательства, которые у нас, несомненно, были в виде Гарсии и ее зельев, Дэвида и его странного зверинца, и нас, пропавших без вести.

А Сонька? Придет ли она к нам еще раз, только уже после того, как мы забрали ее кулон? Если придет, что скажет? Что рада, что у нас все еще есть наши головы на плечах, и что теперь она может спокойно покоиться на родной земле? Интересно, а она знает Флоренса?

Конечно знает. Откуда? А еще она знает собаку миссис

Мэггис, которая сдохла семнадцать лет назад. Вторая я... И попугайчика Пити. Заткнись... Что «заткнись»? Сонька же теперь, черт возьми, знает всех, кто когда-то сдох! Она же теперь всемогущая!

Так я и проводила в размышлениях часами, стоя и смотря на океан, который то начинал волноваться, то снова превращался в бескрайнюю ровную гладь.

Чей-то осязаемый удар в плечо, который чуть не выбил мне сустав, заставил мое сознание наконец-то вынырнуть из долгого сна.

– Поднимайся.

Я приоткрыла глаза.

Керосиновый ночник чуть колыхался, освещая все то, что находилось под грязным запачканном навесом. Рядом со мной сидела Гарсиа.

– Что произошло? Мы уже приплыли? – я приподнялась на локти и потерла глаза. Гарсиа, которая все это время представлялась мне в виде размытого пятна, наконец-то начала принимать очертания.

– Приплыли, – она поморщилась, – вот только не на Большую землю.

Ох черт.

Мой сон сняло как рукой. Я начала догадываться, куда мы приплыли, но я все еще надеялась, что мы находимся не в этом адовом месте, хотя понимала, что обойти его никак не

получится.

Я собрала всю волю в кулак и вылезла из-под навеса, взглядом упершись в возвышающиеся к мраку черные и острые, как мечи, скалы.

– Все в порядке, Аз? – чья-то рука легла мне на плечо. Я дернулась.

– В прошлый раз мы еле выжили, – я обернулась к Дэвиду.

Кир, который все это время стоял у борта, повернул к нам зеленую от страха мину:

– Не то слово.

Наша шлюпка плавно вошла в текущий между скалами канал и стала медленно пересекать риф.

Мы смотрели во все глаза. Фитцджеральд стояла у «носа» с картой в руках, а мы втроем распределились по бокам и теперь аккуратно гребли в сторону Чудовищного омута. И хотя Дэвид был здесь только первый раз, я видела, как трясутся его сильные руки, держащие весло.

Наконец мы миновали рифовый круг и вышли в океан.

– Так, говоришь, *тут* ваши чудовища водятся? – протянул Дэвид и выглянул через борт, пытаясь рассмотреть хоть что-то в темной воде.

– Тут, – подтвердила альбиноска.

– Не то слово, – снова повторил Кир, оторвав от бесконечного океана свою зеленую мину.

Мы продвинулись еще на двадцать-тридцать ярдов вперед.

За это время океан не изменился ни на капельку, в отличие от того, *первого* раза. Мало того, на нас не спешили выпрыгивать демоны с шестью лапами и хвостами, как у русалок, поэтому мы просто продолжали плыть дальше, надеясь, что все обойдется.

Но, к сожалению, хороший конец бывает только в сказках, а не в пропитанной болью реальности...

Уже спустя пару минут Кир, который все это время не сводил глаз с океана, с воплями отскочил на середину шлюпки. Мы все встрепенулись. Я обернулась и увидела, что юноша тяжело и быстро дышал, а его глаза можно было сравнить с двумя небольшими блюдцами.

– Там, – он дрожащим от страха пальцем показал за борт, когда мы спросили его, что происходит.

– Знаешь ли, у слова *там* есть множество других значений, – справедливо заметил Дэвид.

– Там.

Мы переглянулись.

У меня внутри все оборвалось.

– Ты увидел *глаза*?! – я побила Брауна по щекам. К этому времени он еще не успел прийти в полное сознание, и просто таранился на меня, как будто я была двуглавым монстром.

– Ради Великой напасти, скажи же уже хоть что-нибудь! – взъярилась Фитцджеральд. – У нас нет времени, чтобы успокаивать тебя!

БА-БАХ!

Нашу лодку развернуло с такой силой, что мы попадали на задницы и уехали аж в противоположной угол от навеса. Дэвид придавил меня сверху, чуть не выдавив внутренности своим весом. Лодка описала почти полный круг вокруг себя, а потом начала потихоньку успокаиваться и возвращаться в прежнее положение.

Но прежде чем все, как казалось, наладилось, я успела заметить огромный острый треугольник рядом с каркасом, постепенно уходящий в воду...

– Акулы, – громко сообщила я.

– Кто? – Гарсия прищурилась. – Каолы? Аолуки? Это демоны? Кто это?!

Я только хотела ответить, что представляют из себя эти акулы, как вдруг совсем рядом, в паре ярдов от нас, из воды показался *еще* один плавник, который тотчас скрылся. И он, увы, был гораздо больше первого.

Нашу шлюпку окружала стая акул.

– Вот, кто это, – спокойно ответил Дэвид, словно ему было не впервой заявлять об этом, схватил двустволку и направил ее в сторону постепенно расходящихся разводов.

Мы втроем уставились на парня с таким видом, как будто он только что спас беззащитного ребенка из пожара.

– Предупреждаю сразу, «макаров» здесь малополезен, вряд ли пробьет толстую кожу.

– Получается, вся надежда на тебя? – срывающимся голосом спросил Кир.

– Получается, что так, – лаконично ответил Дэвид.

Мы затихли. Мне страшно было даже вздохнуть, поэтому я зажала рукой рот, чтобы заглушить звук собственного дыхания. В немой тишине ночи было только слышно, как мелкие волнушки ударяются о каркас шлюпки, да Дэвид нетерпеливо потирает пальцами дуло ружья, ожидая момента.

Ох черт, почему, ну почему неприятности застают нас тогда, когда мы даже не готовы?! Ты – моя главная неприятность. Даже хуже акул? Даже хуже акул. Тогда, когда я нуждалась в поддержке, ты поливала меня грязью. Аза, ты хотела поддержки от самой себя! Чертова эгоистка! Кто бы говорил. Я! Иди учи английский, чертова эгоистка. Да знаешь ли...

Неожиданно из воды показалась пика плавника. Но юноша даже не дернулся. Он сидел так, с ружьем в руке, пока плавник окончательно не скрылся вновь.

– Что ты делаешь?! – зашипела Гарсиа, – ты упустил аолуку!

– Во-первых, – спокойно заметил Дэвид, – *акулу*, а не аолуку, а во-вторых, – он пристально посмотрел куда-то вдаль, – я не упустил ее.

Как только его слова сорвались с губ, мы все вчетвером услышали громкий выстрел.

Пуля отрекошетила от водной глади совсем малость и исчезла в пучине, как будто и не было. А следом, в паре ярдов от нас, на поверхность поднялось огромное белое брюхо, ко-

торое безжизненно повисло между горизонтом.

– Точно в яблочко, точнее, в глазное яблочко, – юноша положил двустволку. – Это должно отвлечь их на немного, за это время мы все должны смотаться отсюда как можно дальше. Вперед!

Мы подлетели к веслам и стали грести с такой силой, словно за нами гонится сам черт. Хотя, наверное, так оно и было... С дюжину чертей, плавающих в Чудовищном омуте и жаждущих свежей плоти.

Та акула, которую убил Дэвид, была просто огромной. Если ее можно было сравнивать с нашей шлюпкой, то она была бы раз в шесть длиннее ее, и примерно в половину – шире. Ее нижняя челюсть с острыми, как лезвия, зубами была безжизненно открыта, а глаз, в который пришлась пуля, кровоточил. Наверное, мне не следовало думать об этом, но все мои мысли приходили к одному: интересно, прострелил ли ей юноша мозг?

Мы стали отдаляться от места, где плавало тело. Мы все понимали, что тягаться с дюжиной акул нам бесполезно. И ты также понимали, что у Дэвида, очевидно, был небезграничный запас пуль, так что сейчас они служили нам больше отсрочкой времени, чем защитой.

– Смотрите! – выкрикнул Кир, и в этот самый момент чья-то голова вгрызлась в борт и стала потихоньку переворачивать нашу шлюпку вверх дном.

Последнее, что я увидела перед тем, как Дэвид залил кро-

вью всю палубу, были ее маленькие и жестокие глаза, отражающие свет керосинового светильника.

– Ох черт, *что* ты наделал! – я в ужасе уставилась на огромное пятно бордовой крови, которое стало плавно растекаться по шляпке. – Мы же теперь – живая приманка!

– Как будто до этого мы не были приманкой, – отрезала Гарсиа и отстегнула последний, самый большой пузырек со своего пояса.

Открыв пробку и размахнувшись посильнее, она кинула пузырек с зеленым содержимым за борт.

– Что это? – Кир взял ее за руку.

– Яд. Чистый яд, который тоже должен задержать их.

Я обернулась и увидела, как акулу, которую подстрелил Дэвид, уже поедают еще около четырех таких же здоровенных акул.

– Какой наш дальнейший план?

– Выжить, – съязвил Дэвид. – И, по крайней мере, унести голову на плечах.

Мы заработали еще энергичнее, и теперь наша шляпка чем-то стала напоминать моторную лодку.

– Если план «А» провалится? – не унималась я.

Вместо того, чтобы ответить, Эванс ограничился риторическим вопросом:

– Если план «А» провалится, что мы будем делать?

– Умирать? – пискнул Кир.

Он усмехнулся:

– Не-е-ет, дружище, *умирать* в наши планы не входит. Все, что угодно, но только не это.

– Я бы на твоём месте не была настолько самоуверенной, – бросила Гарсиа.

Мы отплыли уже на почтительное расстояние от места, где мы впервые столкнулись с теми, кто обитает в Чудовищном омуте, но мы все также ощущали страх, который становился все острее и сильнее. И причины для этого у нас, к сожалению, были.

Первая из них заявила о себе пару минут назад, и это были цветочки.

То, что началось дальше, заставило породить нас в себе *нашужаснейший ужас*.

Еще пару подводных гигантов сомкнулись в плотное кольцо и окружили нашу лодку.

– Вот черт, – альбиноска схватила топор и выставила вперед себя, как будто это могло ее спасти. Да и не только ее.

– Дэвид, наш план «А» проваливается! – Кир судорожно стал трясти юношу за руку. – Нам нужен план «Б». И КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ!!!

– Хорошо, сделаем вид, что план «Б» написан на вон том клочке бумаги, возьми его, сними свои штаны, помочись и выбрось за борт к чертовой матери, – смущенно протараторил Дэвид. – А теперь пускайте в ход все, что есть, ребята!

Было видно, что он нервничает. Мне еще никогда не приходилось наблюдать нервного и паникующего Дэвида, лишь

только тогда, когда мы попали в плен к дикарям. Но это было единичным случаем, потому что сразу же после того, как он спас нас, он снова приобрел былую спокойность. Но сейчас... Дэвид был реально испуган. Он уже не мог полагаться на себя, как он всегда это делал, чтобы спасти нас.

Поэтому нам пришлось отклеить свои задницы со своих мест и схватить первое, что попадется нам под руку. Я дотянулась до «макарова» и выставила его вперед, словно он мог меня спасти. Кир схватил ножи, которые мы успели утащить из домика Уны. А Гарсиа осталась с топором, хотя я даже не представляла, как она будет им отбиваться от трех сотен острых зубов. Все, что представляло хоть какую-то ценность – мой пистолет и двустволка Дэвида, не больше. Все-таки, промахнулся он сильно, когда ограничился только этими орудиями защиты...

Мы выстроились в плотный круг, прижавшись к друг другу спинами. Акулы могли начать атаковать с любой стороны. И хотя я старалась держаться храбро, мои колени дрожали так, словно по ним кто-то бил с обратной стороны.

Я вспомнила все научные фильмы с акулами, которые смотрела, надеясь выискать в этом хоть капельку полезного. К сожалению, ничего путного, что мог бы применить человек, попавший в плен к трем десяткам голодных монстров, там не было.

Дэвид стрельнул из ружья. Пуля пробежала по воде, как камень, брошенный умелым рыбаком, и исчез в пучине.

– Промазал, – он перезарядил двустволку. – Патронов остается мало. Около десяти.

– Что будет потом? – спросил Кир, как будто он не знал, *что будет тогда, когда патроны кончатся.*

Дэвид предпочел молчать.

Между тем стая образовала примитивную траекторию «овала», ровно по которой сновали серые, почти черные во мраке ночи плавники. Мы не знали, когда они будут атаковать и старались быть готовыми к каждой секунде. Очевидно, беда всегда приходит тогда, когда ее ждешь меньше всего...

Чья-то огромная тень промелькнула прямо над нашей шлюпкой, обдав всех нас ледяной водой. Ее хвост зацепился за парус, и он накренился с противным скрипом, следуя за врагом.

А дальше произошло сразу два события, заставивших изменить наш ход мыслей...

Во-первых, мы поняли, что эти твари умеют *выпрыгивать из воды*, в отличие от других акул.

А во-вторых, мы увидели огромную шарообразную тень прямо в пучине, несущуюся на нас, и она была *гораздо* больше всех нас вместе взятых. Начиналось самое худшее.

Кто-то выкрикнул «глаза!» (очевидно, это был Кир, потому что только мы двое знали о том, что они из себя представляют).

Дэвид резко рассек воздух рукой, и мы попадали на пол и

крепко прижали руки к затылку, чтобы какая-нибудь деревяшка случайно не убила нас.

А в следующую секунду мы ощутили *такой* удар снизу, что нас всех прижало к палубе, как тараканов, придавленных тапком. Наша шляпка взлетела в воздух. Мне пришлось ухватиться за парус, чтобы не взлететь выше, чем она. Так это суденышко зависло в воздухе на пару секунд, а потом с чудовищным грохотом плюхнулось обратно в воду, выбив из нас весь дух.

– Во имя Великой напасти, – Гарсиа откашлялась, – какого черта это было?!

– Глаза, – лаконично отрезал Кир. – Приятно познакомиться.

Ну вот, – подумала я. – *Нам еще только глаз не хватало. Отлично.*

Нам потребовалось еще пару секунд, чтобы осмотреть себя на наличие травм и привести свое величество в порядок перед новым нападением. За исключением небольших порезов от щепок и ушибов, мы *все еще* были целы, и это было главным. К сожалению, новость от Дэвида заставила опуститься наше настроение куда-то ниже плинтуса.

– Итак, если это – те самые глаза, то нам крупно не повезло, – поспешил сообщить он. – Тут хоть бей, хоть не бей, двустволкой вряд ли пробьешь. Они заглотят нашу шляпку и даже не поперхнутся. Поэтому...

Неожиданно он замолчал. Вытаращил глаза и уставился

на наши спины с таким ужасом в глазах, что мы были вынуждены обернуться и посмотреть, на какое привидение он наткнулся.

Он и правда наткнулся на что-то выходящее за пределы нашего понимания. Но это не было приведение или русалка, внезапно выплывшая к нам со дна несуществующего моря.

Это была голова акулы, плавающая на поверхности.

И она была *перекушена* кем-то гораздо сильнее ее.

– Отлично, – сквозь зубы выплюнул Кир. – Наши шансы медленно свелись к нулю. Даже, я бы сказал, к минусу одному.

– Заткнись, двуногий, – нетерпеливо бросила альбиноска.

Неожиданно со всех сторон на поверхность стали всплывать откушенные и кровоточащие головы наших преследователей. Это напоминало какую-то жестокую сцену убийства, и она была поистине жестокой. Вода окрасилась в красный цвет. Кровь, подобно мазутному пятну, обволокла нашу беспомощную шлюпку по периметру, как чьи-то острые пасти. Мы стояли в растерянности и от страха не могли даже пошевелиться, смотря, как на поверхность всплывают все новые и новые головы со вспученными остекленевшими глазами. Это выглядело так, словно кто-то *на дне* ловит акулу и откусывает им тела, а остальное просто выплевывает, как ненужную составляющую.

В итоге мне удалось сориентироваться и наконец-то совершить нечеловеческое усилие – отклеить ступни от места,

где я стояла последние пару минут, и вскарабкаться на парус. Солнце уже начало показываться из-за горизонта и освещать поверхность воды. Поэтому мне не составило труда рассмотреть огромную черную тень под нашей лодкой, которой бы не составило труда погрызть пару десятков акул.

Я спрыгнула обратно и сбивчивым тоном сообщила, что под нами притаился самый настоящий дьявол.

– Шансы выжить – минус два процента, – вздохнул Кир.

– Подождите, не все еще потеряно... Давайте найдем здесь логичную связь, – опроверг его слова Дэвид. – Почему он напал на акул, а нашу лодку не трогает?!

– Возможно, потому, что он еще не понял, что мы – его потенциальный обед, – пробормотала я.

Гарсиа выглянула за борт и тут же отшатнулась. Я подошла к ней и, устремив взгляд в мутную зеленоватую воду, в толще воды увидела пару небольших – буквально с футбольный мяч – глаз, внимательно изучающих нас.

– Во имя Великой напасти, – она брезгливо рассматривала пару налившихся кровью зрачков, – *что* это за уродливые создания?!

– Примерно такое же создание сейчас караулит нас снизу, – просветил альбиноску Кир.

– Эй, а что, если это – их мать? – предположил Дэвид.

Теперь Эванс стоял рядом со мной и рассматривал этих созданий. В итоге он не удержался и протянул руку, чтобы потрогать их. Его пальцы коснулись водной глади. Глаза вни-

мательно рассматривали «пришельца», который вторгся в их пространство, а потом один из них аккуратно подплыл поближе и укусил Дэвида за палец.

– Ай, – усмехнулся Дэвид и поспешил отдернуть руку. – Эти создания такие наглые и забавные.

– И ужасные, – поспешил дополнить Кир, косясь на тень внизу. – Но почему он... Или она... неважно... Почему это животное не спешит опрокинуть нашу шлюпку и наконец съесть нас?!

– Похоже на то, что оно защитило нас от акул, – заметила я.

– Ох, Аза, только не говори, что оно совсем безвредное, до того, как посмотришь на хаос, творящийся вокруг нашей лодки.

– Да, но...

– Никаких но! Оно – опасность, мы – обед!

Тут в наш спор вмешался Эванс:

– Послушайте, вы, – он встал между нами, как будто боялся, что мы можем подраться, – это животное наподобие тумана, а тот, прошу заметить, не только дал жизнь мутировавшим животным! Вместе с войной, которая когда-то нагрязнула сюда, он уничтожил здесь все, что тут когда-либо было. По этому же принципу работают глаза, они не безвредные, но я не думаю, что они собираются приносить нам вред!

– Поспорим? – отрезал Кир.

Я хотела спросить, что он задумал, но неожиданно он дер-

нулся и подбежал к борту, а через секунду мы услышали громкий плеск.

– Кир! – я схватилась за ограду. – Ты рехнулся!

Юноша уже успел отплыть от нас на небезопасное расстояние, и останавливаться он, похоже, не собирался.

– Давайте проверим, насколько они безобидны, – он развел руками.

Дэвид спокойно подошел ко мне. Он пару секунд вглядывался в точку, которая гребла от нас все дальше и дальше, а потом в своей спокойной манере сообщим всем находившимся на борту, что Кир – кретин, и что мы, возможно, потеряли еще одного пассажира лайнера.

– Давно известный факт, – вздохнула я.

Вдруг мы увидели, как силуэт Кира стал постепенно возвышаться над водой. Он возвышался и приближался к нам, но больше всего нас удивил тот факт, что Кир не прилагает к этому никаких усилий. И тут мы *догадались*. Он сидел на одном из глаз, побольше, чем те мелкие существа, «атаковавшие» Дэвида, но гораздо меньше того, который находился под нами.

Мы увидели, как терпение у существа истекает. Кир нетерпеливо ерзал ногами, сидя на голой болотно-зеленой коже с такой миной, словно он только что столкнулся с приведением.

«Они» не доплыли чуть-чуть до нашей шлюпки. Создание просто скинуло его с себя мощным толчком, и Кир упал

в воду, размахивая руками. Это зрелище произвело на меня неизгладимое впечатление, потому что я не знала, что какие-то глаза окажутся гораздо умнее и нормальнее нашего напарника.

– Ну что, ты убедился? – Дэвид тоже пребывал в шоке, но виду не подавал так явно, как это делала я.

Кир начала карабкаться на палубу. В момент, когда он почти оказался на борту, одно из мелких глаз, до сих пор плавающих тут, разогнался и вонзился ему в задницу.

– АААААААААААЙ!!! – Кир перевалился за ограду и попытался отцепить от себя небольшое существо. – Ты мелкий засранец, надеюсь, ты понимаешь значение этих английских слов!

Как будто в подтверждение глаз еще сильнее стиснул пасть, чем несказанно не обрадовал юношу.

– Вот видишь, даже несуществующее животное умнее тебя в десять раз, – я скрестила руки на груди.

К несчастью, без воды глаз стал ослабевать, и уже вскоре сам отцепился от Кира, безвольно упав на палубу и продолжая тяжело двигать жабрами.

– Бедняжка, – Дэвид поднял и выбросил беспомощное создание за борт прежде, чем Кир успел бы разорвать его на части. Его лицо переливалось всеми оттенками зеленого, а гнев так и лился через край.

– Знаешь, что, – он выставил вперед указательный палец, – спасибо... Иначе бы я нанизал этого засранца на са-

мый конец паруса!

– Ой, я бы все отдал, чтобы посмотреть на твою рожу еще раз, – хихикнул Дэвид.

Мы взяли весла и стали удаляться из Чудовищного ому-та раз и навсегда. Вот, кстати, и одна из загадок, преследую-щих нас все это время: Уна написала, что он «чудовищный», имея ввиду одноглазых хищников с целым арсеналом ост-рых зубов, но в ее писаках не было ни слова про то, что они *опасны*. Мы смотрели на это только с поверхности, но то, что оказалось на глубине, повергло нам в шок и дало понять, что внешность обманчива.

– Отныне и навеки, – провозгласила я на манер стро-гой властительницы, – объявляю, что несуществующий Чу-довищный омут навеки закреплен на несуществующей карте как Омут!

Кир странновато покосился на меня, потирая место, где его укусил глаз.

Но мне было все равно.

Когда мы отплыли на дальнейе расстояние от рифа, я огля-нулась. Он уже почти скрылся за горизонтом. Водную гла-з освещало солнце. И там, в самой пучине Омута, на нас смот-рело тысячи и тысячи глаз.

9

Я до сих пор не верила нашему счастью, что мы *все еще* живы.

Мы разговаривали, ели запасы, ложились спать и просыпались, выходя из-под навеса на палубу и смотря на ослепляюще-желтое, почти белое солнце, мы пели песни и грустили – и все это мы делали вместе. Я и Кир рассказали Дэвиду все, что приключилось с нами на острове Алукейл, который, как мы поняли, не существует тоже, и после всей этой здоровенной тирады мы неплохо так возвысились в его глазах. Что касается Гарсии, то она просто сидела в углу шлюпки и либо шепотом пела какие-то старинные заклинания, либо молчала и сверлила взглядом бедного юношу.

У них, кстати, «отношения» заметно перешли на более холодный уровень. Кир не спешил подтрунивать над ней, а она не спешила вешаться ему на шею. Все-таки, это была не влюбленность... А я, придумав, что они друг за друга замуж выходят, оттолкнула их с таким презрением, словно все так и было, хотя на самом деле Гарсия просто искала в Кире поддержку.

Кир любил Соньку... И продолжал любить ее все это время... Он до сих пор не верил, что ее нету, так же, как и я.

Мы скучали по ней. Придет ли Сонька еще? Если придет, что скажет? Что, ребята, вы молодцы, а теперь дайте мне уже наконец-то умереть спокойно? Или, как Эмили, загадочно улыбнется и произнесет одними губами: *время?* Или вообще сочтет ненужным явиться к нам во сне в последний раз?

А она смеется, и я иду к ней и кричу: «Сонька, иди сюда!», но неожиданно ее лицо сменяется гримасой боли. Она

роняет блестящие в свете солнца слезы и тихо спрашивает: «Аза, зачем ты закопала меня, я же живая, о Аза, зачем ты так со мной поступила». И я пытаюсь сказать ей, что она умерла из-за яда, но мои слова вылетают изо рта и превращаются в немое эхо.

И меня подхватывают волны и бьют об острые камни, бьют, бьют, бьют, целясь прямо в сердце...

Скучает ли она по нам сейчас?

Хочет ли что-нибудь сказать?

Если да, то что?

Эти вопросы крутились у меня в голове постоянно, почти с того самого момента, как Дэвид провозгласил нам, что перед нами уже не шестнадцатилетняя борющаяся за жизнь девушка, а только ее мертвое остывающее тело.

Только тогда я не придавала этим вопросам особого значения, но теперь, когда мы были единым целым с океаном, я задавалась ими все больше и больше.

Возможно, у нее есть какое-то *особое* послание для нас в завершение нашей поездки?

Я знаю, что она хочет, чтобы мы сняли рейс номер восемьсот восемьдесят восемь, чтобы те люди, которые полетели бы в Аргентину, не очутились в городе, который терроризирует туман, не попали в плен к трехметровым дикарям и не задавали себе вопрос на протяжении всего этого «приключения»: *возможно, мы уже давно умерли, а это все – иллюзия?*

Вот только как мы это сделаем? Придем и объявим, что,

мол, дорогой господин Кто-Бы-Вы-Там-Ни-Были, мы – Выжившие, а теперь мы любезно просим снять этот чертов рейс, чтобы самолет не попал на необитаемый остров еще раз.

Или вломимся в офис с двустволками в руках и немедленно потребуем изменить расписание? Абсурд.

Все эти два варианта казались мне идиотскими, особенно, если учесть тот факт, что генерировал их мой мозг, который во время панических ситуаций становился похожим на мозг десятилетнего ребенка. А это было вообще не круто – когда тебе срочно нужно предпринять какие-то меры, а ты становишься похожим на овощ.

И все же эти вопросы не давали мне покоя...

Наша лодка медленно двигалась вперед, рассекая водную гладь. Заходящее солнце освещало прозрачную воду, создавая на ней иллюзию «дорожки».

Мы с Дэвидом стояли рядом, облокотившись о бортики. Я безуспешно пыталась найти тему для разговора, ведь мы стояли уже с час здесь и все никак не могли заговорить. В итоге я начала напевать куплет из песни «Драконов». Сначала юноша никак не отреагировал на это, но потом стал тихо подпевать.

– А знаешь, – он вдруг замолк. – Не знаю, как у вас там принято, но я же могу поступить в школу во второй раз?

– В каком классе ты был, когда ты остался на острове?

Он задумался.

– Не помню. Наверное, в третьем или в четвертом. Но потом я быстро понял, что знания по умножению чисел мне не пригодятся здесь, и быстро все забыл. Теперь я даже не могу вспомнить, как умножать числа.

– Ничего, наверстаем, – я подмигнула ему. – В «Саут Ридж» тебя с радостью примут.

И хотя я сказала это будничным и веселым тоном, я все еще не могла себе представить, как такой гигант сядет за парту вместе с четвероклашками.

– Документы сделаем, – продолжила перечислять я, – на имя Дэвида Эванса, гражданина Северной Каролины.

– И в паспорте Гарсии тоже укажем, что она родилась в семнадцатом веке? – скептически поинтересовался он.

– Я не это имела ввиду...

Он развернулся ко мне всем торсом. Я разглядывала его сверху вниз и казалась самой себе несчастной карлицей. Все-таки, я не привыкла находиться с очень высокими людьми – что уж говорить про понятие «высокие», если даже с Киром я чувствовала себя маленькой, хотя юноша был куда ниже Дэвида.

– А я – это, – блики в его оправе опасно сверкнули. – Эй, Аза, у меня даже нету одежды нормальной, не говоря про манеры и прочее! Меня выпроводят из первого же ресторана!

– Никто не заставляет тебя идти в ресторан.

– А если я...

– Что? – я нахмурилась.

Эванс поспешно махнул рукой:

– Ничего. Забудь.

Мы снова облокотились о перила и вперили свои взгляды в океан. Я краем глаза видела, как Дэвид нервничает и тербит завязку бежевых армейских штанов. Я также видела, как он кусает свои губы до крови, что также служило верным признаком нервов.

– Как ты думаешь, – вдруг он оживился снова, – Соньке было не больно?

– Ты сам все видел.

Я оглянулась и прошлась взглядом по палубе. Так. Кира поблизости нету. Вот и отлично.

– Когда... – Я запнулась.

Что ему сказать? Что я до сих пор пытаюсь выудить у Соньки, какого хрена она вот так вот нас легко оставила? Или что перед смертью своей она сказала Киру, что ей хорошо? То есть, как бы намек на то, что здесь, ребята, мне было с вами ужасно, несмотря на то, что вы всегда спасали мою задницу, а *там* мне будет хорошо, хотя я даже не знаю, куда я попаду.

– Все было тихо и безболезненно, – наконец выдавила я и почувствовала огромный ком в горле.

Дэвид лаконично кивнул.

– И все, – я пожала плечами, – она пару раз теряла сознание, и Кир как-то удерживал ее на плаву, а потом она закры-

ла глаза и больше их не открыла. И наступил конец.

– Мне очень жаль...

– Все хорошо.

Дэвид медленно запустил руки в свои волосы и зажмурился, как будто его только что атаковала мигрень.

– Так хочется закрыть глаза и проснуться, поняв, что это все сон.

– Эй, – я положила руку ему на плечо. – Теперь мы навечно связаны с этой тайной, Выживший.

Я бы хотела добавить еще кучу слов поддержки, зная, как тяжело он переносит утрату своей Эмили. Мне хотелось прижаться своими губами к его и поцеловать его. Мне хотелось рассказать ему о том, что это – еще не конец, а только начало, как любили говорить нам школьные психологи, и что нам предстоит чертовски много дел, *когда* мы вернемся в Каролину. Одним из таковых будет являться закрытие рейса номер восемьсот восемьдесят восемь.

Мне очень хотелось сказать ему чертовски много.

Но теперь мы навечно связаны с этим городом.

Ведь мы – *Выжившие*.

10 | Конец

Нашу шлюпку прибило знойным утром к кромке берега, полностью загаженной всякими пластиковыми бутылками и отходами. Мы бредили. Наши силы стали покидать нас с утроенной силой, как будто мы только что вернулись из

путешествия во времени, и вся усталость, которая задержалась тут, обрушилась на нас огромной волной. А возможно, мы настолько не верили своему счастью, что просто путали реальность и чудеса.

Когда шлюпка уперлась в песок и дала понять нам, что с нее достаточно, мы стали вылезать и бездвижно падать на землю как раненные. Кир загребал в руки песок и целовал его. Дэвид тяжело дышал. Друг и Бу проползли не больше десяти дюймов, прежде чем безвольно распластаться на песке рядом с их хозяином. Гарсиа, не боясь, что вскоре на нее посыплется шквал вопросов, подвернула края штанов и обнажила разлагающуюся плоть.

Я лежала и чувствовала, как соленая вода начинает затекать мне в рот и нос, как теплый ветер заставляет волосы превращаться в ершик для унитаза, как ласковое солнце печет макушку. Вдалеке кричали рыбаки, вытаскивающие сети с рыбой. Бьюсь об заклад, они ни разу не видели четырех странноватого вида подростков, приплывших откуда-то из-за горизонта.

Слипстоун выпустил нас обратно. И на это была какая-то причина. Он не хотел раскрывать свои секреты посторонним зевакам, и он выбрал *нас*, чтобы раскрыть одну из своих карт. Остальные нам предстояло открыть самим, как бы это странно ни звучало.

Дэвид лежал рядом. Между нашими лицами было меньше трех дюймов, и я отчетливо слышала его дыхание. Но вне-

запно оно прервалось. Я хотела дотянуться и потормошить его, но мы были так измучены, что это просто не представлялось возможным.

Давай, Дэвид, дыши.

Дыши.

Но он не дышал.

Я чувствовала нарастающую тревогу, мое тело было ватным, и я даже не могла позвать тех немногих людей, находящихся на пляже, на помощь. Я только могла смотреть на него в немом ужасе, и от этого было еще тревожнее.

О Господи, Дэвид, не оставляй меня. Мы в Каролине. Не сдавайся. Смотри, сколько всего мы прошли. Прошу тебя, дыши, Эванс, дыши и не сдавайся.

Я видела, как его губы постепенно начинают приобретать синеватый оттенок. А хотя, возможно, он просто замерз, и это все – иллюзия моего воспаленного мозга.

Давай же, Дэвид.

Я хотела было собрать все оставшиеся силы на то, чтобы пододвинуться к нему, как вдруг услышала над собой радостный голос.

– Эй, умирающая, ты-то куда?

Я попыталась повернуть голову, но ответ на вопрос сам обогнул меня и сел рядом, выглядывая из-под длинной, закрывающей брови, челки.

– Ну, стоило бояться? – она сжала мою руку. – Я же говорила, что вы справитесь! Смотри, где мы. Правильно, в Шар-

лотт. Вы дома!

Дэвид.

Дэвиду нужна помощь.

– А я же говорила, – продолжала вещать девушка. – И ты меня недооценила. Фи! Аза Джонсон, ты реально самая худшая Аза на планете!

Наконец-то у меня появились силы слегка открыть рот и прошептать ее имя.

– Ну Сонька, да, собственной персоной, – Родригез подмигнула. – Не удивляйся!

Я пыталась понять, взаправду ли она стоит тут, или это опять мои галлюцинации. Тут же я заметила, что ее рука все еще сжимает мое запястье. Она была *реальна*, но вместе с этим я как бы понимала, что она *не может* быть реальной, ведь она давно умерла. И это ставило меня в довольно затруднительное положение – наконец-то определиться, брежу ли я или вижу ее по –настоящему.

– Сонька, – снова повторила я. Во рту пересохло. – Сонька.

Девушка мягко улыбнулась:

– Расслабься и жди вот тех ребят, они помогут вам, – и показала пальцем куда-то вдаль.

Я обернулась и увидела компанию из четырех мужчин в специальных костюмах и с серфбордами под мышками. Они бежали к нам, что-то выкрикивая.

– Не уходи, – чересчур тихо попросила я. Наверное, этот

звук не услышал бы ни один нормальный человек, но Сонька как-то поняла меня. Она ласково переплела свои пальцы с моими и еще раз улыбнулась:

– Потерпи. Скоро вы будете дома.

Я хотела сказать ей еще кучу слов, которые хранила до долгожданного момента, когда мы встретимся вновь. Но я была настолько обессилена, что от мысли, что я *все еще* могу двигать языком, мне становилось не по себе.

Я снова перевела взгляд на Дэвида. Он все так же не дышал.

Сколько мы уже лежим здесь? Минуту? Две? Десять? Час? Я молилась всем богам, которых только могла вспомнить, чтобы он был жив.

Голоса стали доноситься все ближе. Мне хотелось отстрочить эту процессию, чтобы побыть с Сонькой как можно дольше, но одновременно с этим я понимала, что Дэвид может задохнуться в любой момент. А я не могла рисковать его жизнью.

Между этим Сонька поднялась с корточек и зашагала к неподвижно лежащему Киру. Она стала гладить его по волосам и что-то тихо шептать, но юноша не реагировал на все это, словно она была каким-то призраком. А возможно, так оно и было... В конце этого девушка наклонилась и плавно поцеловала его сначала в лоб, а потом – в потрескавшиеся губы.

На нас стали падать посторонние тени. Кто-то взял меня

за плечи и стал слегка трясти. Голоса, голоса, голоса... Я не хотела замечать ничего, кроме ярко-желтой худы, мелькающей среди нас. Мужчины, подоспевшие к нам на помощь, как будто не замечали ее, крутясь вокруг нас.

Я увидела, как к изможденному Дэвиду кто-то приставил дыхательную маску и начал делать массаж сердца.

– Сонька, – выдавила из всех сил я, и звук получился громче, чем я ожидала. Симпатичный мужчина лет сорока, который все это время потряхивал мои плечи, странно покосился на меня.

Очевидно, он, как и все остальные находящиеся здесь, не замечал стоящую рядом девушку... Он что-то проговорил, но его слова получились размытыми, как если бы меня поместили под воду.

А Сонька стояла рядом, такая смешная, со вздернутым вверх аккуратненьким носиком, с развевающимися по ветру длинными шоколадными волосами. И от нее пахло ее духами, такими, которых не было ни у кого больше. Она грустно улыбалась. А еще что-то тихо говорила.

Я взглядом уловила какое-то движение и обернулась. Теперь Дэвид лежал, открыв глаза, но он дышал, дышал, дышал! Его взгляд метался от одного мужчины к другому, пытаясь сфокусироваться хоть на ком-то. Те безудержно сыпали на него шквал вопросов. В конце концов он устался на меня и снова провалился в небытие, закрыв глаза и блаженно улыбаясь.

Нас подняли с песка и стали уносить. Полуразбитая шлюпка до сих пор покачивалась на реденьких волнушках, а вокруг нее, словно хоровод, плавали остатки наших запасов. И Сонька... Она стояла на месте, провожая нас взглядом. Нас уносили все дальше и дальше от нее, но она даже не двигалась и просто смотрела нам вслед, грустно улыбаясь.

Прошу тебя, иди со мной, – пыталась сказать я, но вместо этого по моему лицу струились слезы. – Прошу тебя, не оставляй меня одну. О, Сонька, прошу тебя.

Но она не двигалась. Просто стояла и махала нам рукой вслед, и я знала, что это означает – дух Соньки в Каролине, а, следовательно, она уже никогда больше не сможет посетить нас. Но я не сердилась на нее. Так было справедливо. Так было нужно.

А волны разбиваются о берег, лизжут желтоватый песок, прибывают ракушки и мелких обитателей океана. И Сонька стоит на сходе неба и земли и машет нам рукой. Теперь у этой истории должен появиться другой, более радостный и одновременно грустный конец. Она больше не кричит нам: «Аза, зачем ты закопала меня», а только грустно улыбается, как бы говоря: «прощайте уже навсегда».

Слипстоун закрыл для нас свои двери и открыл их снова – только уже для новых Выживших, которым придется ух как несладко. Но они смогут. Ведь это сделала Уна, это сделали мы. Я повернула голову и увидела, что Дэвид в сознании. Он

улыбался мне своей однобокой улыбкой сквозь дыхательную маску, и это было все, на что он был способен сейчас, ощущая и чувствуя, что спустя долгих восемь лет он наконец-то вернулся на родину. Он просто лежал на руках у мужчины, и тут до меня дошла ужасная мысль: оказывается, он был настолько худым и легким, что другой человек нес его, как пушинку, не прилагая к этому абсолютно никаких усилий.

Но думать об этом сейчас не было главной проблемой, так же, как и о том, куда нас несут и что с нами будут делать.

Он улыбался – это было самым главным.

И я улыбнулась в ответ.